

Вячеслав Шалыгин

АРРАДАКТ

Книга первая: СТАЛЬНАЯ БАБОЧКА

Аннотация

«Далекое будущее. После того как человечество покинуло лишенную ресурсов Землю, оно разделилось на три расы: генномодифицированных дактианцев, полумеханических сайтенов и мароманнов, напичканных нанороботами. Лишь дикари-вильдеры, населяющие опустошенные в ходе галактической экспансии планеты, сохранили изначальную человеческую природу. Спустя много веков из центра Галактики, именуемого Пеклом, стали поступать тревожные вести, а затем в окраинном секторе вдруг загадочным образом появился корабль «Стальная бабочка», пропавший много лет назад как раз поблизости от Пекла. Шанс разобраться в происходящем выпал мароманнскому офицеру Максу Хауэру и дактианскому тактику Сайрусу Рему».

Содержание:

- Вступление
 - Пролог. Троянский приз
 - 1. Командор Макс Хауэр, биометаллический гость
 - 2. Тактик Сайрус Рем, судьба диверсанта
 - 3. Демон и левиафан
 - 4. Приказная правда
 - 5. По стопам Ионы
 - 6. Терранова Рема
 - 7. Догнать нельзя отстать
 - 8. Три дороги к одному камню
 - 9. Снятся ли синтетикам электрические женщины
 - 10. Смешать, но не взбалтывать
- Эпилог. Полет Шершня

«...Уважаемые координаторы Межзвездного сообщества, разрешите приветствовать вас от имени Ассамблеи и сразу же подчиниться регламенту. Формат экстренного совещания Высшего Совета предполагает минимальные затраты времени на лирические отступления. И всё же, без традиционного вводного слова нам не обойтись. Этого требует закон о Сохранении памяти предков. Для большинства присутствующих – наших общих предков.

Много лет прошло от начала Космической эры. За это время Земля превратилась в лишенный ресурсов безжизненный мир и люди отправились к дальним космическим рубежам в поисках новых мест обитания. Но добравшись до новых миров, человечество не остановилось. Выжив все соки из множества освоенных планет в десятках звездных систем, оно продолжило свою экспансию в направлении центра Галактики.

И чем дальше потомки землян уходили от Колыбели человечества, тем слабее становились их связи с единой Родиной и друг с другом. Люди оказались разбросаны по нескольким секторам Галактики, в которых им пришлось не только менять под себя новые планеты, но под действием природных условий и обстоятельств меняться самим. Делали это они разными способами, и в результате несколько ветвей земных потомков сформировали непохожие друг на друга космические расы.

Одни успешно совершенствовали свои тела на генетическом уровне и вскоре сформировали космическую расу дактианцев, совершенных людей, способных к регенерации, а потому почти бессмертных.

Другие же пошли по технологическому пути. Чтобы приспособиться к жизни на новых планетах они начали вживлять себе механические узлы, агрегаты и вычислительные устройства. Так появилась раса сайтенов, потомков землян, наименее похожих на своих предков.

Трети, мароманы, вводили в организм нанороботов, которые защищали их от всех опасностей, делали сильнее физически, а заодно вдвое увеличивали возможности разума. Но при этом скрытые в тела наноботы почти не изменяли облик людей.

В дополнение к трем великим космическим расам сформировалось и подобие четвертой. Эти четвертые, вильдеры, положились на естественный отбор и тоже худобедно приспособились к жизни на новых планетах, пусть и заплатив за это более высокую цену, а главное – получив в распоряжение лишь вторичное жилье. Эти живые следы человеческой экспансии остались на брошенных Большим миром опустошенных планетах. Именно поэтому уровень развития каждой из групп вильдеров стал напрямую зависеть от количества сохранившихся в недрах ресурсов и технологического наследия ушедшей в дальнейший поиск цивилизации.

До последнего момента ключевым и самым опасным поворотом в истории Космической эры, начавшейся в день первого полета человека на орбиту Земли, считалась встреча с гуманоидами. С этого исторического момента в спор за новые планеты и сферы влияния в освоенной части Галактики включилась могучая гуманоидная раса фортанов. А чуть позже компанию ей составила цивилизация чужих-насекомых, прозванных киферами. Но большой войны с чужаками не случилось, и слава вселенной. Далеко не факт, что победа в такой войне осталась бы за многочисленными потомками землян. Но чужаки не стали сражаться с землянами, они предпочли договориться. И в чём тут причина, знают лишь сами чужаки. Уверен, даже наши коллеги по Высшему Совету Межзвездной Ассамблеи, координаторы с Фортана-12, и уважаемые представители киферов этой тайны нам не откроют.

Сегодня весь наш Большой межзвездный мир находится в динамическом равновесии. Да, в нем тлеет военный конфликт между Демократической Империей Аррадакта и Народной Диктатурой Маробода. Не прекращаются споры между сайтенами и фортанами. Не поддаются счету бесконечные стычки между племенами вильдеров в «отсталых» звездных системах, например, в крупнейшей системе Велунда. Вместе с этим идет торговля, обмен технологиями, текут нескончаемые потоки туристов, строятся

космические города и осваиваются новые планеты. Да, где-то народы болеют, где-то голодают, а где-то наоборот вечно здравствуют и процветают. Справедливость в нашем мире распределена крайне неравномерно. Межзвездная Ассамблея это признаёт и прикладывает все силы, чтобы выровнять положение. Прошу заметить, наша организация первая и пока единственная признала вильдеров частью межзвездного сообщества и это говорит о нашем искреннем стремлении к подлинной справедливости. Но при всех перекосах и недочетах, если смотреть на Большой мир в целом, он живёт и развивается вполне успешно.

Однако всё чаще приходят невнятные, но тревожные вести из района Пекла, то есть, из секторов близких к центру Галактики. Разглядеть, что конкретно там происходит, невозможно, ведь ярчайшие скопления звёзд мешают дистанционной разведке, а посланные туда корабли исчезают навсегда. Но даже если они возвращаются, их экипажи ведут себя очень странно. Они будто бы не могут заставить себя рассказать об увиденном. Или не хотят.

Разобраться в этом мы и попытаемся в ходе нашего совещания. Если хватит времени. Ведь опыт подсказывает, что зачастую будущее стоит гораздо ближе, чем все мы думали. Буквально у порога. И у аналитиков Ассамблеи имеются веские основания подозревать, что это как раз такой случай...»

Вступительное слово Генерального координатора Авы Каширога на экстренном совещании Высшего Совета Межзвездной Ассамблеи.

Доступ: свободный, галактический, во всех форматах.

Условный источник: информационное пространство независимой колонии Эниум. 14/30.11/12.2014 цикла Космической Эры.

Пролог. Троянский приз

Когда путь лежал через сектор светящихся газовых туч, Шершень обязательно вспоминал школьный штамп: космос это вакуум, холод и темнота. Чёрта с два конкретно на этих задворках галактики царили холод и темнота! И с космической пустотой здесь Вселенная что-то напутала. Корабль шел будто бы в верхних слоях атмосферы какой-нибудь гигантской планеты. Газовые облака имели такую плотность, что на долю градуса нагревалась внешняя обшивка.

А какая яркая и красавая иллюминация переливалась за бортом! Ближайшие газовые поля светились бирюзой, словно вода в море, подсвеченном косыми лучами восходящего солнца. Зато далекие тучи, сквозь которые проглядывало Пекло – яркое скопление звезд в центре галактики, поражали буйством и насыщенностью красок. Разноцветный перламутровый хаос, казалось, застыл навсегда, но при желании пытливый наблюдатель мог разглядеть мизерное движение газа на ближних подступах к тучам. Там пролегали маршруты грозных течений, опоясывающих гигантские газовые скопления.

Даже приближение к этим космическим рекам представлялось слишком опасной затеей, и всё-таки Шершень каждый раз обещал себе однажды слетать в сторону туч. Ему всегда хотелось посмотреть на течения вблизи и попытаться понять их природу. Обещания эти звучали в унисон с фантазиями на тему «вот бы вернуться в детство», но Шершень их не отбрасывал. В душе у человека должно оставаться что-то сокровенное, подетски наивное, несбыточное. Иначе душа черствеет. А с черствой душой ты уже не человек. Так, действующая модель, неспособная на глупые, но великие поступки.

Шершень вздохнул и оторвал взгляд от грандиозного зрелища. Вышедшая из прыжка «Вики» справилась со штатной процедурой самодиагностики гораздо раньше, чем капитан налюбовался видом за иллюминатором. Вот уже битую минуту корабль прозябал в ожидании приказа.

Так повелось. Синтетическая управляющая личность межзвездного прыжкового корабля «Виктория-1190» всегда дожидалась от капитана корректировки курса. В

большинстве случаев ничего подобного не требовалось. Корабли такого класса, пусть и устарели на пару поколений, но работу свою выполняли исправно. Точность подпространственных прыжков оставалась очень высокой, даже без привязки к маякам, просто по заданным координатам. Но Шершень внёс свой капитанский каприз в программу пилотирования и требовал его выполнения во всех случаях, кроме боевой ситуации, когда по выходу требовался мгновенный маневр.

Нет, капитан смаглерского судна не считал себя умнее интегрированного в корабль разума-синтетика. Просто маршруты почти всегда состояли из множества коротких отрезков и направление каждого последующего знал только Шершень. Так надёжнее запутывались следы.

Что поделать, издержки профессии. Смаглеры, а на языке цивильных рас – просто контрабандисты, перевозили тонны ценного груза без всяких документов и пошлин. Запутать следы в таком бизнесе – первое дело. Осмотреться по выходу – второе. Шныряли смаглеры по всем обитаемым закуткам Галактики, даже по самым опасным, поэтому привычка осматриваться на месте считалась весьма полезной. Такой же полезной, как и приобретенный рефлекс передвигаться короткими прыжками, а весь план маршрута не доверять даже бортовому разуму-синтетику.

«И вот, пожалуйста, наглядное доказательство, – подумалось вдруг Шершню. – Что это за черная клякса портит картину? Не охотники, случаем, нагнали?»

Шершень давно почувствовал неладное. Интуиция обычно подавала такие сигналы, когда на хвост садились полицейские или конкуренты. Но сейчас, похоже, выпал не тот случай. Полицию Шершень отмел, поскольку находился там, где не встречалась даже сверхдалняя разведка безбашенно отважных мароманнов. Не могло здесь быть и космических патрулей «зеленых» дактианцев или об изыскательских экспедиций других цивильных рас, вроде нелюдей фортанов или железноголовых сайтенов. Вариант с конкурентами капитан оставил в списке, но лишь для проформы. Смаглеры классом ниже Шершня редко забирались в такие дебри. Слишком большой риск. А капитанов классом выше себя любимого Шершень не встречал. И это без ложной скромности. Так что, оставался какой-то третий вариант. Но какой?

Замеченная Шершнем черная клякса висела себе в пространстве всего-то в десятке километров от «Вики», и ничем вроде бы не угрожала. Космический мусор, да и только. Смущало одно. Клякса не двигалась. Вообще. Не летела сквозь пространство и время, как подавляющая часть материальных объектов во вселенной и даже не дрейфовала. Казалось, что это и не предмет вовсе, а некий дефект пространства. Этакая вычурных очертаний дырка на месте кусочка смальты, выпавшего из мозаики мироздания.

Но, что самое странное, Шершень не видел и подсказок от «Вики». Обычно корабельный синтетик окружал объемную проекцию любого необычного предмета облаком полезных виртуальных комментариев. Сейчас же бортовой разум игнорировал черную кляксу, словно её и не существовало. Может, она и впрямь померещилась Шершню?

Капитан на миг пожалел, что не мароманн, а чистокровный землянин, как он сам утверждал. У мароманнов интегрированные в тела колонии нанороботов служили отличной защитой в бою, но главное – они давали возможность пользоваться дополнительной информацией. Уроженцы Маробода без посторонней помощи видели то, что Шершень мог увидеть лишь на объемных проекциях, созданных кораблём или внешними устройствами. Дополненная множеством подсказок, чуть приукрашенная картинка реальности стала для мароманнов такой же естественной опцией как, например, цветное зрение для нормального человека.

– «Вики», ты видишь черный объект справа по борту? – Шершень откашлялся. За всё время прыжка он ни с кем не говорил и нужные модуляции с непривычки получились не сразу.

– Идентификация затруднена, – мурлыкнул синтетик приятным женским голосом.

- Милая, это не ответ, - Шершень хмыкнул. – Увеличь картинку.

Изображение приблизилось и стало более четким. Теперь капитан видел «кляксу» почти во всех подробностях. Неожиданной находкой без сомнений оказался корабль. Только основательно опаленный звездным пламенем, растерявший большую часть надстроек и сильно покореженный. Тем не менее, Шершень его опознал: типичная посудина класса «Тор», дальний разведчик мароманнов. Обычно такие корыта использовались корпорациями Народной Диктатуры Маробода для исследования окраин обитаемых пространств.

Как и всё мароманнское, эти корабли имели неплохое вооружение и даже комплектовались десантными группами робокригов – человекоподобных боевых роботов. Ведь Маробод находился в состоянии постоянной войны с другой цивилизацией. Ему противостояла «зелёная», то есть зацикленная на экологии, генетических модификациях и бионике Демократическая Империя Аррадакта. Но у Шершня имелись большие сомнения в том, что этот корабль попал под раздачу в космическом бою с дактианцами. Оружие «зелёных» не делало из посудин противника этакие пережаренные котлеты, оно работало по иному принципу: вскрывало корабли, как консервные банки и взрывало изнутри. Так что, будь этот разведчик жертвой атаки космолетов Аррадакта, он выглядел бы, как вывернутая мехом наружу зимняя перчатка из гардероба обитателей холодного Трона-2.

Но вряд ли посудину спалил и кто-то другой. Сайтены числились условными союзниками мароманнов. А фортаны, единственная «топовая» цивилизация, не имеющая земных корней, на разборки соседей плевали с высокой колокольни. Они не вмешивались, если дело не касалось их национально-расовых интересов.

Другие возможные противники мароманнов, например, вильдеры, в такие дебри не забирались. Они даже из своих планетных систем выбраться не могли. Их посудинам с допотопными позитронными двигателями для этого просто не хватало технических возможностей. Что уж говорить о дальних фронтирах?

Короче говоря, из всех версий оставалась только одна: разведчики переоценили свои силы и сунулись в какой-то космический гриль естественного происхождения. На том и погорели в самом прямом смысле.

Мароманнам оставалось только посочувствовать, но Шершень давно забыл слово «сочувствие». У него в голове мгновенно замкнулись нужные контакты, и он взглянул на находку по-новому. Как на неожиданный приз. Ведь найденный в нейтральном пространстве бесхозный корабль по всем законам принадлежал нашедшему! Проку от жженой груды металла будет немного, Шершень это понимал. Но ещё он знал, что при желании выгоду извлечь можно из чего угодно, даже из этого металлома. Распилить и конвертировать – это раз. Продать целиком народным умельцам, которые частично восстановят корабль, заменят силовую установку и продадут его вильдерам – два. И, наконец, его можно продать тем же мароманнам. А вдруг в синтетическом разуме корабля осталась важная для них информация?

В общем, смаглеру выпал именно приз, без дураков. Пройти мимо такой удачи Шершень просто не мог. Тем более, его нынешний рейс считался не особо срочным. Шершень мог доставить свой живой груз на Дебору, заштатную планетку в далекой окраинной системе, сутками раньше или позже. Это не имело принципиального значения.

- «Вики», идем на сближение с кораблем.
- Это опасно, капитан, чужой корабль не идентифицируется, - напомнил синтетик.
- Не шлифуй мне мозг, - Шершень поморщился. – Даже я вижу, что это мароманнская посудина класса «Тор».
- Корабли класса «Тор» не эксплуатируются уже двадцать циклов.
- Тем более. Значит, это корыто никто давно не ищет. Чистая прибыль. Где у него стыковочный узел?
- Стыковочный узел находится в контрапозиции, начинаю маневр обхода, - сдалась «Вики». – Рекомендую активировать дистанционную буксировочную систему.

- Нет, милая, - Шершень потянулся, не вставая с кресла. – Я намерен размяться. Формируй скафандр, загляну внутрь этой котлеты. А вдруг там что-то уцелело? Что-то стоящее. А я продам посудину не глядя, вместе с ценным грузом. Мало того, что потеряю деньги, так ещё и поползет слушок, что Шершень лох. Не годится.

- Рекомендую взять помощников.

- Каких? – Удивился Шершень. – Этих, что ли, наших радиоактивных пассажиров? И потом делиться с ними всем найденным на борту? Ты с ума сошла?

- Функция «сойти с ума» мне недоступна, - к эмоциям синтетик также не имел доступа, но «Вики» попыталась придать голосу ироничный оттенок. Получилось, как обычно плохо, но Шершень простил корабельному разуму эту неуклюжесть. Он вообще многое прощал «милой Вики». Почти как настоящей, живой девице. Всё потому, что «Вики» не только отлично водила корабль и мурлыкала волнующим женским голосом, но и неплохо соображала в нештатной ситуации. – Вы можете сделать им скидку за перевозку. Программа безопасности настаивает на подстражовке. Это элементарная предосторожность.

- Да? – Шершень на секунду задумался. – Вообще-то мысль хорошая. Ладно, возьму двоих. Зови Маритту.

Командир отряда вильдеров, того самого живого груза, который доставлял с Гамилькара на далёкую Дебору смаглер-контрабандист по кличке Шершень, прибыл на мостик через минуту. Вернее – прибыла. Красивая, фактурная, как статуэтка работы талантливого мастера докосмической эры, но чересчур воинственная вильдерша Маритта по прозвищу Секира.

Капитан Шершень давно знал эту рыжеволосую фурию, но перейти с ней на дружескую волну у него никак не получалось. Очень уж эту амазонку затянула её опасная профессия. Командовать боевыми отрядами ей нравилось гораздо больше, чем общаться в приятной обстановке с интересными людьми.

Нет, Шершень не считал себя таким уж выдающимся и особо привлекательным. Но в сравнении с окружавшими Маритту грязными тупыми мужланами-вильдерами он, пожалуй, смотрелся вполне себе выигрышно. Всё-таки смаглер, высшая каста, к тому же чистокровный землянин… как бы. Легенда звучала сомнительно, но обычно срабатывала безотказно. Зачастую Шершню удавалось зацепить своим якобы «аутентичным» происхождением даже изнеженных и брезгливых цыпочек-дактианок. Но на Маритту не действовала ни легенда, ни кошелек смаглера, ни его изящные, если сравнивать с вильдерами, манеры. Она воспринимала Шершня прохладно, как делового партнёра, не более.

Вот и сейчас, едва очутившись на мостике, вильдерша сразу перешла к делу. Окинув цепким взглядом пространство рубки, она чуть задержалась на облачении капитана. Кресло к тому моменту почти трансформировалось в легкий рабочий скафандр с сервоусилителями, так что со стороны казалось, что Шершень не сидит, а висит воздухе. Взгляд Маритты переместился на объемную проекцию будущего трофея и девица мгновенно всё поняла.

- Иду с тобой, - заявила она тоном, не терпящим возражений.

- Исключено, - всё-таки возразил Шершень похожим тоном. – Если что-то случится, твои люди погибнут. Ведь кроме тебя никто не сумеет разобраться с системами управления. Извини, но им не хватит мозгов.

- Я тоже не смогу, но у тебя для этого есть «Вики», - Маритта прищурилась. В её красивых зелёных глазах мелькнули азартные искорки. – Ты не хочешь делиться призом?

Для вильдерши Маритта оказалась не только удивительно нерадиоактивной, но ещё и чересчур сообразительной. Почти, как «Вики» в сравнении с другими корабельными синтетиками. То есть, Шершню везло на умных дамочек, но сейчас это стало скорее минусом, чем плюсом.

- Я сделаю вам скидку, - понимая, что от Маритты не отбиться, сразу предложил

Шершень. – Дай мне двух толковых бойцов.

– Пятьдесят процентов.

– Сам справлюсь, – Шершень вскинул руку и чуть склонил голову. – Десять и ни процентом больше!

– Двадцать и по рукам, – Маритта щелкнула пальцами.

В дверях тут же возникли два бойца. «Вики» просканировала пассажиров и окутала одного полупрозрачным виртуальным облачком красного цвета.

– Этого замени, – потребовал Шершень, – слишком радиоактивный. Пятнадцать, за твои чудесные глазки.

– И по литру спирта каждому, – хрипло подсказал оставшийся в рубке боец.

– Весь спирт, какой найдешь на этой посудине, – Шершень указал на изображение трофея.

– Согласен, – вильдер ухмыльнулся.

– Вот и ладно! – Шершень протянул руку Маритте. – Сговорились?

– Я не соглашалась на спирт, – Маритта нехотя пожала руку Шершню. – Буду следить за вами отсюда.

– Ты следи, а остальных своих бойцов держи в пассажирском отсеке, – согласился Шершень. – Лишней радиации мне тут не надо.

– Нежный какой, – вновь ухмыльнувшись, проронил боец. – За бортом ведь тоже радиация. Пока до шлюза доберешься, полным ртом хапнешь. Может, мы без тебя слетаем?

– Шутки в сторону, – капитанское кресло окончательно трансформировалось в скафандр и Шершень встал, а вернее – выпрямился. – За мной. И никаких телодвижений без приказа. Ясно? Маритта, подтверди.

– Слушайтесь капитана, – Маритта строго посмотрела на любителя поухмыляться и на второго бойца, наоборот, мрачного, как грозовая туча. – И осторожно там. Сдохнете, можете не возвращаться.

– Гы, – первый боец ослабился, оценив шутку командирши. – Замётано. Двинули...

...Вильдеры имели не такие продвинутые скафандры, как у Шершня, поэтому в шлюзовой камере троице пришлось подзадержаться – бойцы потратили минут пять, чтобы загерметизировать костюмы и проверить, как они работают. Но дальше заминок не случилось. «Вики» аккуратно подвела стыковочный модуль к шлюзу жженой посудины, подключилась к аварийной системе «летучего голландца» и без труда активировала его базовую систему жизнеобеспечения. Оказалось, что основные системы корабля вполне поддаются реанимации, только дайте энергию.

– Не, ну так-то ещё ничего, – пробурчал мрачный боец, когда троица очутилась внутри корабля. – Воздуха в этот скрипучий случай накачать и можно летать.

– Замаешься сажу оттирать, – возразил другой вильдер, и указал на стены шлюзового отсека. – Выгорело тут всё. И дальше выгорело. Поляхало – будь здоров.

– В корабле? – Засомневался мрачный. – Это бывает только если все запасы кислорода вдруг выплескиваются внутрь. Иначе быстро всё гаснет.

– Откуда тогда эта сажа?

Боец прошел чуть дальше, в просторный главный коридор и похлопал по закопченной стене.

Шершень согласился сразу с обоими вильдерами, такой вот парадокс. Корабль, если верить диагностике, которую запустила «Вики», сохранял герметичность, просто в нем давно иссякла энергия. А без энергии не работали конвертеры, в том числе и воздушные. Но сейчас «Вики» подала достаточно энергии в бортовую сеть, и оставалось только врубить системы жизнеобеспечения. Другой вопрос – на фига? Особой необходимости в этом Шершень пока не видел.

Второй момент – испорченные интерьеры. Вообще-то мароманнские корабли не горели внутри. В принципе не горели, даже при наличии избытков кислорода.

Высокотехнологичные материалы выдерживали просто звездные температуры. Фактически такие же, какие выдерживала и внешняя обшивка. Однако неведомое пламя всё же повредило внутреннюю обшивку, подпортив нехитрые интерьеры. А ещё, оно уничтожило множество вспомогательных систем, а главное – электронную начинку. «Вики» не смогла установить контакт с бортовым разумом и это означало, что он мертв... ну, то есть, неисправен.

«Так что, даже закачав воздух и оттерев всю сажу со стен, превратить «скрипучего голландца» в рабочее судно не получится. Здесь требуется капитальный ремонт с заменой всех электронных потрохов. В смысле, с заселением всех внутренностей колониями исправных нанороботов. Как ни печально».

Впрочем, особой печали Шершень не испытывал. Приз и без того оказался весомый. Да, хотелось маленького чуда: чтобы неисправность оказалось мизерной, посильной для малых ремонтных роботов и программ «Вики», но... чудес не бывает. Если даже мароманы, заядлые технари, посчитали, что бросить эту головешку выгоднее, чем буксировать в ремонтный док, значит, всё и впрямь безнадёжно. То есть, трофей годился лишь на конвертацию и Шершину следовало хорошенъко посчитать, окупит ли сданный по условному весу железный утиль затраты на транспортировку.

«Всё так, только есть одно маленькое «но», – подумалось Шершину, когда он заглянул на мостик. – Здесь загадочный «пожар» не полыхал. В единственном отсеке с самой важной начинкой. Если мароманы бросили судно, почему они не прихватили его содержимое? Вон те рисунки на стенах, похожие на соты и мозаику, это ведь колонии наноботов. Вот здесь процессорные, а эти оружейные. Получается, всё на месте, и приборы, условно говоря, и вооружение, и вспомогательные системы. Кто-то их отформатировал и оставил лежать бесполезным грузом? Какой в этом смысл? Лишние что ли? Или мароманы всё-таки никуда не уходили с корабля?»

Шершень огляделся. Отсек и впрямь выглядел нетронутым катаклизмом и даже ухоженным, словно его обитатели вышли на минуточку по нужде. Для полноты картины не хватало кружки с остывающим чаем на подлокотнике несуществующего капитанского кресла.

– А тут всё пучком, как будто и не бросали посудину, – невольно подтверждая сомнения капитана, сказал первый боец. – Может, экипаж до сих пор на борту? Дрыхнут в трюме где-нибудь?

– Нет, – второй боец постучал по переборке рядом с входом в рубку. – Вот они все где.

Шершень и первый вильдер обернулись. Боец указывал на пятно сажи на стене. Шершень понапалу не понял, что имеет в виду боец, но после того, как сделал два шага назад, увидел, что пятно сажи имеет характерные очертания – контуры человека.

– Пока шли сюда, два десятка таких теней насчитал, – сообщил боец.

– Это чем же их спалили? – тихо спросил другой вильдер.

– Рядом с эпицентром ядерного взрыва такие тени остаются, – мрачный пожал плечами. – Но стрелкового оружия с такими ТТХ не знаю. Вон, у смаглера спроси.

– Погодите, – Шершень поднял руку. – «Вики», ты оживила память трофея?

– Удалось открыть только базовые данные. Из данных программной оболочки уцелел только капитанский файл. Всё остальное восстановлению не подлежит. Все наноботы корабельного разума и вспомогательных систем критически повреждены, восстановить последовательность их сцепок невозможно. Резервные кристаллические носители информации также повреждены сверхвысокой температурой и мощным гамма-излучением.

– Дела-а, – проронил первый вильдер. – Это какое должно быть излучение, чтоб инфокристаллы разрушить. Они ж твёрже алмазов.

– Твёрдость тут не при чём, – заметил Шершень.

– А чего при чём? Температура?

- Не мешай, - осадил приятеля второй боец. – Чего ты лезешь со своими вопросами? Больше всех надо?

- Не надо было бы, сидел бы сейчас в бункере на Гамилькаре, - буркнул в ответ первый боец. – Ты тоже не от безденежья из родной задницы решил выбраться. Обрыдло всё в родных краях, романтики захотелось. Любопытно стало, чего там на дальних планетах делается и как всё устроено. Скажешь, нет?

- Угомонись, романтик, твою мать, - отмахнулся второй вильдер. – В трюме договорим.

- То есть, что тут произошло, мы не узнаем и продать это знание не сможем, - не обращая внимания на перепалку бойцов, сказал Шершень и вздохнул. – Жаль, «Вики», жаль. Ну, а что там хотя бы в базе и по капитану?

- Корабль-разведчик класса «Тор», - бодро ответила синтетическая «девица», - серийный номер 324TOP355178, силовая установка конструкции Хайма-Дрешера третьего поколения, построен на верфях Маробод-13/495 цельнопечатным способом, дополнен орудийными системами «Гештерн» и изыскательским оборудованием корпорации «Сима».

- Как я и думал, корпоративная разведка.

- Ископаемые искали? – Уточнила вдруг Маритта. – Что там у вас? Почему я не слышала и не видела ничего до последнего момента?

- «Вики» только сейчас полностью синхронизировала все системы, - пояснил Шершень. – Да, эти ребята искали ресурсы на дальних рубежах. Обычное дело. Забрались далековато, но мароманы ещё те авантюристы.

- Мароманы? – Маритта удивленно хмыкнула. – Всегда считала их живыми роботами.

- Ты путаешь их с сайтенами.

- Ничего я не путаю. Сайтены – совсем другая песня, киборги, а эти живые, но всё равно... Короче, я думала, они тоже только по программе работают.

- В армии – да. Дисциплина железная. И на Марободе порядок превыше всего. Но в свободном плавании они азартные ребята. Они ведь себя сверхлюдьми считают. Риск и самонадеянные подвиги – их стихия. Эти, как видишь, дорисковались. «Вики», что там в капитанском файле?

- Судно имеет собственное название «Стальная бабочка». Капитан Гюнтер Герцог. Вот объемное воспоминание о его внешности и манерах...

- Я не вижу ни хрена, - шепнул первый боец. – Это чего такое – воспоминание?

- Типа объемного видеоролика, - шепнул другой вильдер. – Только прямо в мозгах, в памяти, будто бы ты лично его знал. Нам такая хреня недоступна.

- Объемная фотка лучше.

- Кому как...

Отреагировав на комментарии вильдеров, «Вики» подвесила посреди рубки чужого корабля объемное изображение. Бойцы почти одновременно удовлетворенно хмыкнули.

- Последний рейс начал двадцать пять циклов, семь двенадцатых и пять тридцатых назад от текущей даты, - продолжила «Вики». – Запись файла прервана шестью двенадцатыми позже.

- Это что же получается, посудина висит здесь уже четверть века, и никто не наткнулся? – Вновь удивилась Маритта.

- «Это получается» ещё и какая-никакая историческая ценность, - сказал Шершень.

- Значит, её стоимость автоматически растёт. Мне это нравится. «Вики», у тебя всё?

- Нет, капитан. Есть смежная информация из виртуального пространства Маробода. Полцикла назад судно нашли и даже обследовали разведчики мароманнов, но почему-то оставили его на месте. Официальная версия – нагрянул Черный штурм и унёс судно в опасную зону. Разведчики рисковать не решились и заново вылавливать улизнувшего «голландца» не стали.

- Бредовая версия, - Шершень фыркнул. – Какой может быть Черный штурм в этом

секторе? Пекло в трёх плевках, кругом газовые облака светятся. Иллюминация, как на празднике. Откуда здесь темная материя? Да ещё настолько нестабильная!

- Думаю, поместив этот рапорт в свободный доступ, мароманы просто попытались предупредить, что сохраняют все права на корабль.

- Болт им в смазке, а не права! – Шершень вскинул руку и ударил по локтевому сгибу. – Вот такой! Это наш трофей! Не сумели его отсюда вытащить, их проблемы. А мы вытащим! «Вики», буксировочные захваты активированы?

«Вики» почему-то не ответила. Мало того, перед глазами у Шершня больше не плавали подсказки дополненной реальности. Он видел интерьер корабля исключительно таким, какой он есть. Вдруг исчезла из эфира и Маритта.

Шершень зачем-то постучал по шлему, но никакого эффекта не добился. На связь «Вики» не вышла. Между тем, все реанимированные системы «Стальной бабочки» работали исправно. Они будто бы по-прежнему поддерживали контакт с системами «Вики» и получали от неё всю требуемую энергетическую подкачку.

Шершень краем глаза уловил изменение обстановки на мостице и обернулся к главному экрану. Здесь он выглядел архаичным, псевдообъемным, имитирующим фронтальный иллюминатор, во всю стену напротив кресел капитана и пилота. Экран сначала потемнел, затем раскрасился зabortным разноцветьем и обрел фальшивую глубину. Шершень увидел фантастический «пейзаж» сектора и свой кораблик, медленно подплывающий к «Стальной бабочке». Всё бы ничего, но виртуальную проекцию «Вики» сопровождала метка прицела и комментарий «вероятный противник», написанный помаромански.

Остались ли на борту «Стальной бабочки» действующие орудия или торпеды, Шершень не знал. Логика подсказывала, что нет, да и «Вики» вроде бы ни о чём таком не сообщала. Но всё равно, между лопатками у капитана заструился холодок.

Экран вдруг погас, словно и не включался вовсе, а за спиной у Шершня началась какая-то возня. Он ничего не слышал и не ощущал движения воздуха. Разреженные остатки корабельной атмосферы слабо передавали колебания, а уж звуки и подавно. Но Шершень уловил вибрацию палубы.

Он резко обернулся и вскинул руку. Оружейный блок на запястье вмиг сформировал абордажное травматическое оружие и четко вложил его в ладонь капитану. Вот только, в кого стрелять, оружейный блок не подсказал. Цели Шершень не видел, хоть в отсеке и творилось явно что-то неладное.

Оба бойца-вильдера беспомощно трепыхались, зависнув в полуметре над палубой. Причем, они не просто поднялись, а ещё и перевернулись вверх тормашками. Учитывая, что сам Шершень оставался в нормальном положении, списать всё на отключение систем искусственной гравитации он не мог. Да и не плавали вильдеры по рубке, а именно висели. На одном месте. В точности, как сама «Стальная бабочка» висела в пространстве. И, как и мароманскому кораблю-разведчику, вильдерам явно не хватало кислорода. Ведь шлемы у обоих открылись и бойцы пытались дышать тем, что оставалось в корабле – разреженной смесью углекислоты и азота.

Лица у обоих вильдеров отекли и сделались синюшными, глаза вылезли из орбит, а языки вывалились. Шершень не слышал их хрипов, но видел, что дышат они часто и неглубоко. Если не закрыть шлемы, до печального финала им оставались считанные секунды. Но закрыть прозрачные забрала вильдеры не могли, хотя оба старались изо всех сил. Злосчастные шлемы будто бы заклинило в открытом положении.

«Вот, что значит, устаревшая техника».

Шершень подался вперед, чтобы помочь бойцам, но не сумел сделать и полшага. Ботинки словно приклеились к палубе. Капитан дернулся пару раз и замер, озираясь. Каким бы странным ни казалось происходящее, ему наверняка могло найтись разумное объяснение. Подвесить вильдеров представлялось возможным только с помощью силового поля. Но такие вещи не возникают сами по себе, а генерируются приборами,

значит, следовало искать источник. Кстати, этот же источник мог обрубить связь с «Вики» и примагнитить Шершня к месту. Вот только, где его искать?

Шершень приказал автономному синтетику скафандра сменить фильтр в визоре. В инфракрасном режиме ничего примечательного поблизости не обнаружилось, и капитан приказал менять фильтры каждую секунду.

На шестом фильтре, ультрафиолетовом, Шершень скомандовал «стоп». Ультрафиолетовая подсветка основательно преобразила интерьер, а главное – Шершень увидел то, что хотел. Вернее, того, кого хотел увидеть. Четвёртого.

Высоченное, под потолок существо в мароманском парадном плаще с капюшоном стояло чуть правее зависших бойцов, вполоборота к Шершню и, казалось, задумчиво разглядывало задыхающихся вильдеров. Что ж, наличие парадного плаща объясняло первую странность – почему Шершень не видел незнакомца в нормальном спектре. Мароманские плащи считались давно устаревшей технологической фишкой, поэтому сохранились только в музеях, да в сундуках у старых вояк, которые надевали их на слёты ветеранов. Но когда-то давно они были весьма популярны в армии Маробода, как средство маскировки и дополнительной защиты. Оставалось объяснить прочие странности. Во-первых, как незнакомец ухитрялся дышать корабельной газовой смесью? Ведь его не корежило и лицо у него не синело… вроде бы.

Лицо незнакомца оставалось в тени капюшона, и понять, есть ли у незнакомца дыхательная маска, оказалось непросто, но зато Шершень разглядел блеск глаз в этой тени. То есть, перед ним стоял как минимум гуманоид, а не какой-нибудь сложившийся на человеческий манер инопланетный членистоногий, вроде кифера. Смущал рост под два с половиной метра, но такие габариты давно не считались аномалией, особенно у дактианцев.

Вот только, что делал дактианец на вражеском корабле? Попал в плен, но сбежал от нашедших «тор» мароманских разведчиков, когда те обследовали летучий голландец и спрятался на этом корабле? Или томился в пленах у первого экипажа «Стальной бабочки», в момент катастрофы валялся в анабиозе, а теперь проснулся и пошел посмотреть, где враги и кто там нагрянул к ним в гости?

Шершень мог строить любые версии, однако сейчас ему в первую очередь требовалось понять, на каком языке разговаривать с этим человеком-невидимкой. А в том, что придется разговаривать, Шершень не сомневался. Другого выхода он не видел. Стрелять из абордажной пукалки в человека, с генератором силового поля под плащом представлялось верхом глупости.

Незнакомец вдруг резко обернулся и уставился на Шершня. Капитан по-прежнему не видел его лица, только отблески белоснежных, будто бы даже слегка светящиеся белков глаз. Но и этого смаглеру хватило, чтобы испугаться и слегка подпортить атмосферу в скафандре. Пожалуй, смаглеру встретился всё-таки не человек. Но и не гуманоид вроде фортана. Кто же тогда? Шершень не мог и предположить.

Незнакомец высвободил из-под плаща руку – с нормальной пятерней между прочим, всё честь по чести – и едва заметно поиграл пальцами, будто бы приветствуя Шершня. Хотя, вряд ли это было приветствие. Скорее очередная демонстрация силы. Сразу же, словно подчиняясь жесту, бронестекло на шлеме одного из вильдеров захлопнулось, а другой боец в последний раз конвульсивно дернулся и затих.

Что ж, это действительно впечатляло. Враг шевельнул пальцем и ты труп. Или наоборот – живой, хотя считался без трех секунд покойником. После таких фокусов определенно тянет на покорность и даже на подобострастие. Так и хочется поклониться и спросить «чего изволите, хозяин». Но Шершень удержался от поклона. Незнакомец явно собирался разговаривать с капитаном, а не убивать его. И раз уж оставалась возможность поговорить, как деловой человек с деловым человеком, Шершень собирался именно так и разговаривать. Пусть и до чертиков трусили.

«А на схему хозяин-раб всегда успеем перейти, – Шершень попытался мысленно

себя приободрить. – Не в таких передрягах выживал. Тут пока и передряги-то особой нет. Странно всё и боязно слегка, но ведь ничего пока лично мне не угрожает… ну, чтобы вот так… напрямую, как вильдерам».

Выживший вильдер вдруг снова дернулся, и Шершень уловил, как в сторону незнакомца полетело что-то небольшое, продолговатое и явно острое. Похоже, бесстрашный боец метнул в противника кинжал. Как он определил, где находится невидимка, осталось загадкой, также как и то, куда подевался кинжал. Затерялся в складках плаща?

Враг никак не отреагировал на выходку отчаянного вильдера. Он полностью сосредоточился на Шершне. Даже чуть подался вперед.

«Это неспроста, – мелькнула мысль у смаглера. – Начинаем разговор».

И Шершень не ошибся. Как незнакомцу удалось подключиться к синтетику скафандра, стало третьей или какой там… четвертой загадкой текущей минуты, но факт остался фактом. Шершень услышал глухой голос, который транслировался через систему связи скафандра. Говорил незнакомец на языке мароманов, но с отчетливым акцентом и строя фразы, как типичный смаглер. «Феня» активно использовалась именно в тех секторах, где промышлял Шершень.

– Убери оружие, Шершень, – почти без интонаций сказал незнакомец.

– Убрал, – оружие капитана трансформировалось и спряталось в наручный бокс-кубру. – Ты откуда меня знаешь, бродяга?

– Я не бродяга, – глаза у странного собеседника, казалось, стали светиться чуть ярче.

– Я ждал тебя.

Незнакомец ещё немного подался вперед, и Шершень увидел не какие-то там отблески, а глаза собеседника в натуральном виде. Ну, насколько это возможно при ультрафиолетовой подсветке. И глаза эти показались ему знакомыми. Определенно сказать, кто сейчас смотрит из-под капюшона, Шершень не мог, но ему казалось, что он знает этого человека. И, кстати, Шершень почему-то резко поменял мнение и теперь не сомневался, что это человек, а не какой-то там, прости господи, фортан или иной чужак.

– Вот прямо меня ждал?

– Тебя. Ведь ты Шершень. Известный смаглер неизвестного происхождения.

– Ишь ты, сформулировал! – Шершень усмехнулся.

– Ты принципиально не относишь себя ни к одной человеческой косморасе, но ты и не фортан, – спокойно продолжил незнакомец. – Ты утверждаешь, что наследник чистой линии землян. А иногда в подпитии заявляешь, что и вовсе стопроцентный человек. Ты много знаешь о Земле, как исторической, так и современной. И по слухам, даже имеешь собственную базу на Колыбели, как называют Землю твои приятели смаглеры. Но на самом деле это всё туман. Ты, Шершень, и впрямь провёл на Земле много времени, но родился ты не там. Колыбель вообще должна быть для тебя кошмаром из детства. Ведь ты потерял там всех близких. Экспедиция, в которой участвовали твои родители, попала в засаду коренных землян. Почти всех твоих сородичей убили и скормили гигантским насекомым. Помнишь? Земляне сделали из них охотничьи приманки. Выжили только дети, которых с точки зрения землян ещё не окончательно испортила космическая цивилизация. Всё так и было?

– Вроде того, – Шершень нахмурился и опустил потемневший взгляд. – Если скажешь ещё, какой из цивилизаций я был испорчен до того, как попал на Землю, куплю тебе ящик лучшего пойла в знак признательности.

– Это неважно, какой из них. Если ты, Шершень, изначально был мароманом, в тебя не успели запихать всех положенных взрослому наноботов. А тех, что находились в тебе с рождения, земляне каким-то образом сумели выкурить. Если же ты родился дактианцем, все лишние по мнению землян синтетические гены в твоем организме они ещё могли заблокировать с помощью земных технологий. Насчёт того, что ты родился сайтеном или вильдером сомнения более весомые. Все органы на месте и не осталось

шрамов после извлечения каких-либо агрегатов, которыми «укомплектованы» сайтены. Ну, а за то, что ты не вильдер сразу два факта: ты не слишком радиоактивен...

- Не все вильдеры сильно фонят... - Шершень прикусил язык, опасаясь, что слишком часто перебивает собеседника и тот рассердится.

- Не все вильдеры сильно фонят, но большинство всё-таки очень радиоактивно, - незнакомца не задело, что капитан его перебил. – И второй факт: вильдеры не снаряжают научные экспедиции, да ещё на приличных прыжковых кораблях. Твои родители могли быть смаглерами, но тут возникает всё тот же вопрос – смаглеры не бывают сами по себе, они отщепенцы одной из межзвёздных рас. Но какой?

- Загадка всей моей жизни, - буркнул Шершень.

- Да, я знаю, Шершень. О своем происхождении ты действительно не имеешь четкого представления. Хоть что-то могло бы подсказать настоящее имя, но ты провёл в плену всё детство. За долгие пятнадцать лет ты забыл свою первое имя, почти полностью идентифицировал себя с «новой семьёй» и хорошо изучил земную жизнь. Иногда, наедине с собой тебе хочется вспомнить, кем ты был до злосчастной экспедиции, но тебе не удается. Так что, отчасти ты говоришь правду. Ты скорее землянин, чем кто-либо ещё. И этот факт, несмотря на всю браваду, тебя отчаянно угнетает. С годами желание узнать, кто ты на самом деле становится навязчивой идеей. Ты понимаешь, что это ничего не даст, может даже навредить, но выкинуть пункт из головы ты самостоятельно не можешь. А кому-либо признаться в этом и попросить помощи, тебе не даёт имидж крутого смаглера. Казалось бы, есть простой и надежный способ узнать всё и обойтись без чьей-то помощи – провести генетическую экспертизу. Но это значит – автоматически отправить информацию о себе в галактическую информационную сеть. Это поставит крест на твоей карьере смаглера. Ведь ты практически врубишь прожектор в ночи, на который немедленно слетятся все полицейские галактики. Так что тебе остается только вспоминать и собирать косвенные доказательства. Я прав?

- Ты психолог?

- Я прав?

- Ну, допустим, - нехотя признал Шершень. – И что дальше? Ты знаешь, кто я на самом деле?

- Знаю. Но не скажу. Это действительно ничего не даст. Поможет тебе не пустое знание, какой ты расы, а возвращение твоего настоящего «я». Хочешь, я сниму все психологические блоки, шоры и якоря? Хочешь, сделаю так, что ты вновь станешь цельной личностью, а не сэндвичем из Шершня и того мальчугана, имя которого ты намеренно забыл?

- Не намеренно, - угрюмо возразил Шершень. – Мне помогли.

- Ты хочешь стать собой в полном объёме?

- Искушаете, мессир, - капитан взглянул на собеседника исподлобья.

- Не бойся, душу взамен не потребую. Ты поможешь мне, я помогу тебе. Разовая сделка.

- Это утешает, только... неужели ты ждал меня здесь ради какой-то разовой сделки?

- Ты можешь удивляться, Шершень, или не верить, но это так. Я изучил множество людей. Лишь один из тысячи оказался хоть как-то пригоден для дела. И лишь один из миллиона смог возглавить этих тысячных. Но сейчас мне нужны другие люди. Те, которых по одному на миллиард, а то и на целую расу.

- И я такой?

- Нет. Ты не настолько важный человек, чтобы я сделал из тебя ключевую фигуру, но ты всё равно будешь полезен. Как я и сказал, в формате разовой сделки.

- Гора с плеч. Хотя, конечно, слегка обидно, что я не избранный. Пусть и неизвестно кем.

- Тебе лучше не знать, кто я.

- Это я уже понял, - Шершень взглядом указал на труп вильдера. – Что я должен

сделать?

- Ты завершишь начатое: возьмешь «Стальную бабочку» на буксир и приведешь сцепку в спорное пространство на границе владений Маробода и Аррадакта. Это опасно, но там для твоих пассажиров есть дело.

- Они тоже избранные? – Шершень удивленно поднял бровь.

- Только их предводительница. Она как раз одна на миллион вильдеров с лун Тиссоны. Что, согласись, солидно относительно их общей численности в системе Велунда. Планета, к которой ты приведешь нашу сцепку, называется Терранова. Она почти поровну разделена между мароманнами и дактианцами.

- Да, да, я знаю.

- Ты незаметно высадишь своих пассажиров во владениях Аррадакта. Местность обозначена на дактианских картах, как сектор Эпсилон. Это большая горная страна к югу от Терраполиса, столицы колониальных владений дактианцев на планете.

- Незаметно высадить чужаков почти в центре дактианской колонии? – Шершень хмыкнул. – Серьезная задача. Боюсь это что-то вроде самоубийства.

- Не бойся, – перебил капитана незнакомец. – План подлета и маневра я передал твоей «Вики». Всё пройдёт гладко. Тебе не помешает даже Сайрус Рем.

- Терранова охраняется Сайрусом?! – Шершень вытаращился на собеседника. – Тогда это точно самоубийство! Об этом дактианце ходят легенды. Его уважают даже мароманнны!

- Даже самого лучшего бойца можно переиграть, – спокойно парировал незнакомец. – Действуй по плану и всё получится. После высадки десанта, нашу сцепку следует разорвать. Ты оставишь «Стальную бабочку» на орбите второго спутника планеты. Но учти, Шершень, в тот момент мы не расстанемся. Ты перейдёшь на «Стальную бабочку», а свой корабль отправишь к торговым причалам станции «Мойра», которая дрейфует вблизи главного межзвездного портала в секторе Террановы. Там полно разных судов и на твою «Викторию» никто не обратит внимания.

- Ты возьмешь меня в заложники? – Шершень поежился.

- Нет, просто на время ты станешь моим пилотом. До тех пор, пока не придет пора забрать вильдеров с Террановы.

- Пилотом, – Шершень недоверчиво хмыкнул. – Но по совместительству всё-таки заложником. Это меня не устраивает. Я не настолько уверен в вильдерах, чтобы отвечать за них головой.

- Меня не волнует, что там тебя устраивает, а что нет. У тебя будет время, чтобы тщательно подготовить вильдеров. Прыжок к Терранове займет целые сутки. Но учти, Шершень, и в прыжке, и по выходу из него я буду следить за тобой очень внимательно. Если ты надумаешь поменять планы, с тобой случится... неприятность. Смертельная неприятность.

Незнакомец усмехнулся, вновь высвободил из-под плаща руку и щелкнул пальцами. Звука Шершень не услышал, но зато увидел последствия щелчка – довольно яркий спецэффект. Висевшие до сих пор вверх ногами вильдеры – и живой, и мертвый – вдруг вспыхнули, словно сгустки плазмы. Не прошло и пары секунд, как от обоих бойцов остались только серые тени на стене.

- Ты босс, – хрипло сказал Шершень и поклонился.

- Иди, – глухо сказал незнакомец. – Когда вильдеры закончат работу, ты станешь другим человеком. Я выполню обещание...

...Шершень почти не помнил, как вернулся на «Вики». Он вообще отошел от странной встречи и начал нормально воспринимать окружающую обстановку только после того, как Маритта ощутимо ткнула его в бок. Да не раз.

- Что случилось, почему вы не отвечали, где мои бойцы?! – Насела Маритта.

- Там... самопроизвольно включился силовой генератор, – выпалил Шершень. –

Замкнуло от старости. Пока возились, пытались отключить... вот и зависли.

- А бойцы мои где?!

- Остались на борту, - Шершень отвёл взгляд. – Там надо порядок навести, оружие перебрать... в смысле сосчитать, смазать... там много оружия.

- Ой, темнишь ты что-то, - Маритта уставилась на капитана. – Силовое поле... ты имеешь в виду мину? Корабль был заминирован?

- Нет, просто мы сунулись в трюм, а там целый арсенал... ржавый весь. Ну вот и влипли.

- Шершень! – Маритта положила руку на рукоять любимого кинжала. Одного из двух любимых предметов, вечно болтающихся у неё на поясе. Они составляли своеобразную «пару» – кинжал и сложенная в десять раз секира-трансформер. – Спрашиваю последний раз. Бойцы живы?!

- Нет, - выдохнул Шершень и помотал головой. – Но это не моя вина. Они сами туда попёрлись. Я не разрешал.

- Всё ясно, - Маритта помрачнела. – Хоть стоящий приз-то?

- Раз в жизни такой выпадает, - Шершень хмыкнул.

- Скидку увеличишь до двадцати процентов, - заявила вильдерша. – И не спорь! Ты виноват или они сами, не имеет значения.

- Хорошо, - Шершень втайне обрадовался такому компромиссу и поэтому тут же как бы зафиксировал соглашение, переключившись на другую тему и даже на другого собеседника. – «Вики», у тебя есть новости?

- Да, капитан, - мурлыкнула «Вики». – Известный вам заказчик прислал координаты, план операции, а также смету. Формирую отчет.

Шершень внимательно изучил объемную проекцию в личном дополненном пространстве, а затем коротким жестом выкинула часть картинки в общее дополненное пространство рубки. Маритта с интересом уставилась на довольно длинный ряд цифр, после которого стоял значок виртуальной галактической валюты.

- Нравится сумма? – Шершень покосился на вильдершу.

- Ничего так, - Маритта осторожно склонила голову чуть набок. – Это кому и за что?

- Это вам, если подпишете контракт.

- Вот как, - вильдерша усмехнулась. – Не успели прилететь на новое место в поисках работы, как получили контракт? Работа нашла нас сама?

- У нас так часто бывает, - Шершень развел руками. – Это тебе не на Гамилькаре от скуки стричь из пулеметов газоны и ждать, когда что-то наклоняется. Работы здесь много, Секира, и вся стоит приличных денег, привыкай. Ну, так что, ты согласна?

- А что за работа?

- По профилю, не переживай. Надо высадиться на одну дактианскую колонию.

Подробности на месте.

- На дактианскую колонию? – Маритта снисходительно ухмыльнулась. – Это значит, что против нас будут ботаники с живым оружием?

- «Это значит», вам придется увидеть много чудного на ваш вкус, но воевать придется всерьёз. Недооценивать дактианцев – большая ошибка, Маритта.

- Мы справимся, - уверенно заявила вильдерша. – Половину денег сразу.

- Уже поступили на твой счет, - Шершень кивком указал на новый ряд цифр, которые вспыхнули внутри условного обозначения кошелька. – Приложи руку к проекции.

- Как же к ней приложишь руку, если это... просто воздух, - Маритта поморщилась и поднесла руку к проекции. – Всё у вас, цивильных, какое-то ненастоящее! Так?

- Правильно, - Шершень кивнул. – «Вики», зафиксируй.

- Госпожа Маритта, теперь этот счёт ваш, - пропела «Вики». – Он действует во всех платежных системах всех обитаемых миров, достигших соответствующего технологического уровня.

- «Госпожа»... ну надо же... - Маритта слегка порозовела от удовольствия. – А

вообще-то... с такими бабками я и впрямь госпожа. Осталось только...

- Исполнить контракт, - закончил вместо неё Шершень. – По местам стоять. «Вики», курс на Терранову.

1. Командор Макс Хауэр, биометаллический гость

Штурмовой отряд рассыпался по каменистому ущелью и у командора Макса Хауэра не осталось никакой реальной возможности им управлять. Это казалось невероятным, но факт есть факт – самая надежная в галактике система боевой связи отказалась. Полностью. Нагло. Бойцы и робокриги действовали по единой программе, поэтому видимость организованной деятельности сохранялась. Но с этой минуты подразделение уже не выглядело одной большой машиной, оперативно-тактической единицей на поле боя. Без команд Хауэра отряд мог реагировать на изменение обстановки только частично, каждое подразделение – на своем участке. И это не сулило мароманнам успеха. Более того, им светило полное фиаско. Ведь в усеянном скалами и каменными обломками каньоне сама природа дробила подразделения на совсем уж мелкие группки. Просто подарок – зажимай поодиночке и уничтожай.

Но противник почему-то не спешил пользоваться преимуществом. Он вообще вел себя странно. Имея трехкратный перевес в бойцах и живых машинах поддержки, в том числе летающих, и отлично понимая, что у мароманнов возникли непредвиденные трудности, дактианцы не атаковали. Даже наоборот, враги пятались, втягиваясь в опасное дефильтр – самую узкую часть ущелья. Будь у Хауэра связь, он мгновенно воспользовался бы этой оплошностью врага и отправил на скалы, что возвышались над узким проходом, два десятка робокригов. Для боевых шагающих роботов стало бы плевым делом уничтожить с господствующей высоты пятающихся дактианцев. Но связь не работала. А ещё ему почему-то не хотелось уничтожать дактианцев.

И это тоже казалось невероятным, но опять же факт есть факт. Минуту назад Хауэр просто кипел от желания передавить всех этих «зеленых человечков», как клопов, вместе с их «полуживыми» машинами-биониками, а теперь его охватило странное благодушие. Ничего подобного он не испытывал даже, когда удавалось выиграть сражение и потери оказывались минимальными. Да, в этом случае Хауэр бывал снисходителен к побежденным, приказывал добивать только биоников. Ведь эти тупые организмы не знали, что такое сдаться в плен. Но благодушие... нет, об этом никогда не было и речи. Дактианские пленники рассматривались исключительно, как обменный фонд в пропорции примерно три к одному. Ведь мароманы в плен к дактианцам попадали гораздо реже. Так что, одним «зеленым» больше, одним меньше – не принципиально, а потому шаг влево или вправо карался по всей строгости военного времени. Никакого благодушия. И вдруг что-то накатило. Будто бы во сне.

Хауэр насторожился, но мысль обработать не успел. На него снова накатило нечто неведомое, но такое же сильное, как и предыдущее чувство. Ага! Теперь отчетливый сигнал послала интуиция. Макс прямо так и решил, сразу, без лишних сомнений – это интуиция. И Хауэру сразу стало понятно, что предыдущая волна была тоже волной предчувствия, а не благодушия. Он вдруг понял, что буквально через минуту или две дактианцы могут сыграть роль отвлекающих целей. Краем глаза Макс уловил отсвет, который быстро превратился в свечение.

Хауэр обернулся и рефлекторно вскинул оружие. Два робокрига огневой поддержки в точности повторили движения командора и так же, как Хауэр зависли, не понимая во что им целиться. По ущелью достаточно быстро разливалось непомерно яркое свечение неизвестной природы.

Хауэр вдруг почувствовал себя как-то странно. Он будто бы подключился к оптике люфткрига-корректировщика, кружавшего в небе над каньоном. Макс точно знал, что связи нет ни с какими бойцами, ни с живыми, ни с синтетическими. И в то же время он видел поле боя, себя, своих воинов и накатывающую на них огненную волну как бы со стороны

и чуть сверху. Он будто бы вдруг превратился в неведомого наблюдателя, который затаился где-то наверху, между камнями над обрывом.

Всё это казалось странным, опять же словно в каком-то дурном сне, но самое необычное заключалось в другом. Это ведь Хауэр только так сформулировал «я вижу». На самом деле он воспринимал происходящее в каньоне абсолютно непонятным образом. Макс не видел происходящее, как люди или другие существа, обладающие глазами, а загадочным образом воспринимал его. Неведомо как Хауэр воспринимал всё, что происходило внизу, в ущелье и знал – именно знал, а не догадывался или предполагал, что дело плохо.

Стена ярчайшего, запредельно горячего огня двигалась фронтом от стены до стены, высотой вдвое больше глубины каньона и полосой метров тридцати от переднего края до тыла. И после этой огненной зачистки дно и стены ущелья выглядели, как дымящийся, покрытый толстым слоем расплавленного стекла гладкий желоб. Без всяких признаков скал или других неровностей.

Какое оружие создавало этот странный плазменный каток, Хауэр не знал и даже не догадывался. Но вряд ли это делало какое-то оружие дактианцев. «Зеленые» растерялись не меньше бойцов Хауэра. В этом Макс убедился, когда вновь обернулся. Невольно, а не в поисках поддержки у врага. Впрочем... может быть подсознательно он и искал её, хотя бы в виде информации. Если говорить проще, хотя бы в виде ответа на вопрос: «алло, животноводы, вы не в курсе, что это за чертовщина?»

Похоже, дактианцы тоже не знали ответа. И не искали его. Они в панике карабкались на скалы, пытаясь выбраться из гиблого каньона. Хауэр отлично понимал, что огненная стена настигнет дактианцев гораздо быстрее, чем они доберутся хотя бы до середины подъема. Им могли помочь летающие бионики, но боевых птиц отвлекали на себя люфткриги-истребители. Они продолжали воздушный бой, лишая дактианцев последней надежды на спасение.

Кстати, и бойцов Хауэра летающие машины спасти не могли. Ведь они не умели самостоятельно анализировать ситуацию, а приказать им Макс не мог из-за отсутствия связи. Получалось, что наземной части отряда суждено погибнуть на виду у отважно сражающейся в небе воздушной части. Отчаянно глупая ситуация!

А ведь никто не мешал научить робокригов и летающие машины элементарным жестам. Сейчас махнул бы им, «ко мне», и все проблемы решены. Но нет, все ставки делались на высокие технологии, на самую надежную в галактике связь между живыми носителями и засевшими у них в мозгах синтетиками, которые в свою очередь всегда на связи с другими синтетиками, где бы они ни находились. Какие тут жесты, зачем это вильдерство, этот примитив, этот каменный век, если достаточно мимолетной мысли-приказа? А вот, гляди-ка, примитив примитивом, а мог бы сейчас пригодиться.

Хауэр вновь переключился с *восприятия* на видение, то есть, как бы вернулся в своё тело, развернулся лицом к огненной стене и вдруг увидел Бориса Бозе, доктора отряда. Он стоял всего на шаг левее и на шаг ближе Макса к огненной стене, поэтому командор без труда разглядел профиль доктора. Свет огненной стены стал настолько ярким, что не помогали даже мощные светофильтры забрала боевого шлема. Казалось, что лицо доктора сделалось полупрозрачным.

Макс видел, как пульсируют просвечивающие сквозь кожу сосуды, видел пучки лицевых мышц и очертания костей черепа. Но главное – Макс видел, что доктор стоит с закрытыми глазами. Нет, Бозе не жмурился от страха, ведь оружие он держал наготове, да и на полупрозрачном лице у него отражалась решимость. Но складывалось впечатление, что броситься на неведомого врага доктор решил с закрытыми глазами.

– Закрой глаза и ты увидишь, – каким-то не своим голосом сказал Бозе, не обрачиваясь и не открывая глаз, но обращаясь явно к Хауэру.

– Что я увижу?

– Почему ты не связался со мной? – Вдруг послышалось откуда-то слева. – Тебе

плевать?

Хауэр повернул голову и увидел Анну. Свою жену. Что она делала в этом странном месте? Макс подумал об этом уже в прыжке. Рефлексы заставили его броситься к Анне, чтобы спасти её от неминуемой гибели в адском пламени, и не имело значения, реально это сделать или нет.

- Просто вдруг отказалася лучшая в галактике система связи, - новый голос звучал насмешливо, доносился с тыла, а ещё имел выраженный дактианский акцент. – Лучшая в галактике! А за её пределами?

- Что за... чёрт?! – Хауэр сграбастал Анну в охапку, прикрыл собой и резко вскинул руку, целясь в дактианца, возникшего в трех шагах от Бозе. Фигура врага выглядела какой-то размытой, нечеткой, будто бы Хауэр смотрел на него сквозь мутное стекло. Наверное, видимость искажало горячее марево, идущее волной впереди огненной стены. – Чего тебе надо? Кто ты?

- Спроси у него, - дактианец кивком указал на край обрыва.

Хауэр поднял взгляд, но не увидел никого и ничего, кроме скал. Или всё же увидел? Да, вроде бы между скалами наверху кто-то стоял, но кто... этого Макс не рассмотрел.

- Ты опять думаешь о своей проклятой работе, а не обо мне, - обиженно сказала Анна, вырываясь из объятий Хауэра. – Хватит с меня, Макс, мне это надоело! Теперь я точно ушла от тебя! Окончательно! Не ищи меня!

- Нет, постой! – Макс схватил её за руку, но тут же разжал пальцы.

Он пытался удержать вовсе не Анну, а абсолютно незнакомую шатенку. Тоже красивую и даже волнующую, но чужую. Более того, она носила очень странную одежду, похожую на примитивный боевой костюм вильдера, а не на трансформируемую мароманскую броню, пусть и с левым софтом на борту – многие дамочки-военные грешили любовью к серым прошивкам «от кутюра».

- Что происходит? – Макс опять обернулся к доктору Бозе. – Борис, ответь! Это сон?

- Неважно, что это, - голос у доктора оставался каким-то странным, не своим. – Важно, как этим распорядиться.

- Запомнить, – предложил дактианец.

- Это ничего не даст, - заявила женщина, в которую трансформировался образ Анны. – Надо войти в огонь.

- Ты саламандра? – Дактианец усмехнулся.

- Иногда, чтобы победить, надо умереть!

- Мертвые не побеждают, - вмешался в их короткий спор Бозе и вдруг открыл глаза.

– Я увидел всё, что нужно. Можно идти.

- Что ты увидел, Бобо? – Хауэр на миг зажмурился и помотал головой. – Чёртов сон! Куда идти? Что за бред?!

- Согласен, сон дурацкий, - вставил комментарий дактианец.

- Нормальный, - чуть обиженно, словно оскорбленный автор, сказал Борис Бозе. – Вы просто не готовы, потому и не видите того, что вижу я. Закройте глаза, шагните в огонь. Там есть всё, что нужно для понимания. Смелее.

- Нет уж, спасибо, - дактианец сделал пару шагов назад.

- Выбора всё равно нет, - Борис пожал плечами и взглядом указал назад.

Хауэр в очередной раз обернулся и увидел, что огненная стена окружила странную четверку персонажей странного сна. Командор снова воспринимал происходящее как бы со стороны и в то же время видел огненную стену своими глазами. Раздвоение не самое приятное и довольно непростое для осмысления, но Максу ли привыкать? Ведь он неплохо натренировался в подобных делах, общаясь со своим вживленным синтетиком-компаньоном, как с отдельной личностью. Нет, там раздвоение восприятия реальностиказалось не настолько мощным, но базовую подготовку, если можно так выразиться, Хауэр имел.

Огненный круг сжался до минимума, пламя охватило командора Хауэра с ног до

головы, но он не почувствовал жара или боли. Он окончательно понял, что это всё кошмарный сон, который вот-вот закончится. Так и вышло. Ярким пламенем полыхнула вся воображаемая картинка и...

...Командир Особого штурмового отряда Ударной группы «Север» Макс Хауэр проснулся. Надо заметить, что проснулся в прескверном настроении, поскольку элементарно не выспался. Обычно на восстановление сил, приведение в порядок мыслей и подзарядку энергоемкостей технооболочки ему хватало двух часов. Сегодня он бессовестно продрых все три, но в голове по-прежнему булькала недоваренная каша, а в теле не чувствовалось легкости, ведь спал он условно. Из-за странного сна он больше ворочался, чем спал. Единственное, что восстановилось как обычно на сто процентов – заряд энергии. Нанороботы не вникали в проблемы носителя, делали своё дело при любом настроении хозяина. Положено подзарядить энергетическую систему электронно-механической части организма, они подзаряжали, а сны и настроение – функции чуждого им порядка. Атавизмы, связанные с человеческой сущностью носителя. Совокупный синтетический разум, составленный из триллионов ячеек – процессоров каждого из наноботов, относился к потребностям живого носителя более уважительно, чем его отдельные составляющие, но суть оставалась примерно та же. Техническая оболочка не вдавалась в психологические нюансы, мешавшие спать биологической основе. Синтетик просто констатировал факт и предлагал решение проблемы.

Например, сейчас техническая составляющая бинарного разума Хауэра предлагала повысить уровень сахара в крови и перераспределить энергию с помощью одной из внутренних колоний наноботов. А затем – подать усиленный импульс на нервные окончания и подстегнуть водитель ритма в сердце. Грубо говоря, пришпорить организм легким разрядом тока, чтобы тот взбодрился.

Всё в духе машинного разума, что тут добавишь? Почему носитель пребывает в плохом настроении, что ему приснилось или что расстроило ещё накануне – синтетика не интересовало. Он смотрел на проблемы с технической точки зрения и решения предлагал такие же, механические, в стиле «ослабла гайка – ключ вам в помощь».

Хауэр отклонил предложение синтетика и решил проблему по-своему. Заставил себя подумать о хорошем и выполнил несколько физических упражнений на растяжку и со свободными весами. А затем приказал всем наноботам внешнего базирования собраться в стандартную конфигурацию, чтобы не мешали хозяину наслаждаться утренним душем. Гигиенического значения эта процедура давно не имела, наноботы и без того удаляли с кожи и пот, и грязь, и жир, но традицию принимать душ до сих пор никто не отменил. И почему этого не сделано, не понимали, пожалуй, только синтетики.

По коже побежали мураски, но длилось это недолго. Секундой позже Макс оказался вполне готов к водным процедурам. Вместо сформированной из наноботов просторной ночной одежды на нем остались только слегка светящиеся узоры, наподобие татуировок, которыми щеголяли древние воины-маори. Именно так выглядела стандартная конфигурация базирования внешних колоний наноботов на теле любого мароманна. Агрессивные хитросплетения узоров покрывали практически всё тело, в том числе лицо, но кое-что всё же оставалось неприкрытым. Так что, Хауэр встал под душ скорее голым, чем одетым. Во всяком случае, вода имела приличные шансы попасть именно на кожу.

Душ окончательно привел Макса в чувство. Яркие фрагменты сновидения померкли, отдалились и частично забылись. В памяти остались только самые странные или принципиально важные элементы кошмара: неуютное, двойственное ощущение, что видел всё одновременно своими глазами, и вроде бы со стороны, причем условными «глазами» неведомого существа, плюс непонятное отношение к заклятым врагам дактианцам.

Ну, и конечно частично разрешилась проблема с Анной. Если первый и второй

элементы сна так и остались вычурными загадками, то присутствие образа Анны командор мог легко объяснить. Ведь с этим образом крепко спаялись самые тяжелые переживания предыдущих суток.

Нет, подчистую гладавшая Макса тайная проблема не стерлась, но теперь, на относительно свежую голову она хотя бы не угнетала, и не выбивала из колеи. Хауэр будто бы взглянул на себя и на эту проблему со стороны. А всего-то – бодрящий душ. Чудеса психологии какие-то.

- А тебе только бы током быть, - проворчал Макс вслух и взглянул в зеркало, но не столько на себя, сколько на свои узоры. – Одно слово – синтетик.

Он часто так делал. Не то, чтобы в этом узоре он видел условное «лицо» своего личного синтетика, но всё равно обращался к коллективному разуму наноботов именно перед зеркалом. Глядя одновременно на узор и на себя: высокого, широкоплечего, в меру мускулистого, не красавца с рекламной картинки, но зато абсолютно мужественного воина в расцвете сил. К тому же Макс укладывался в идеальные параметры расовой чистоты. Ему повезло родиться голубоглазым блондином с правильными чертами лица. Этalonным мароманном. Во всех отношениях.

«Вот только этот эталон грешит привычкой разговаривать со своим синтетиком, – мысленно добавил Хауэр и также мысленно приказал зеркалу исчезнуть. – Обоюдный осмотр окончен. Я насмотрелся, и тебе хватит на меня глазеть».

Разговаривать с синтетиком в режиме диалога считалось довольно сомнительной странностью. Нет, к психиатрам за это не отправляли, но покрутить пальцем у виска вслед могли. Однако Хауэра это не смущало. Человека его положения и профессии вообще мало, что смущало. Когда ты на передовой и каждый день может стать последним, начинаешь ко многому относиться проще, а жить – как считаешь нужным. Без оглядки на пустословов, которые будут тебя впоследствии обсуждать.

Да, командор Макс Хауэр говорит со своим синтетиком, когда периферия трансформируется в стандартную конфигурацию. То есть, когда Макс раздевается догола. Ну и что? Кто-то под душем поёт, кто-то – разговаривает. Нет, Хауэр не спрашивает интимного совета. Когда он раздевается вместе с женщиной, синтетик вообще переходит в спящий режим. Ещё версии? Нет? Тогда идите по своим делам. Не мешайте командору думать. Да, стоя в душевой голышом перед зеркалом и беседуя практически с самим собой! Идите уже, идите! Или схлопочете сейчас обвинение в подрыве нацбезопасности с помощью словесного саботажа мыслительной деятельности ответственного лица.

«Сушить, – сверху ударили поток теплого воздуха, и Макс блаженно сощурился. Воздушное полотенце считалось таким же пережитком прошлого, как и душ, высушить хозяина за три секунды могли и наноботы. Но ведь душ это не форсирование водной преграды, после него хочется именно высохнуть. Медленно, как под солнцем и ветерком на курортном пляже, а не поскорее удалить влагу. – Сам додуматься не мог? Или ты решил, что мне надо подольше оставаться мокрым, раз вода повышает настроение? Бездушный техноразум. Тупой вычислитель. Пусть ты высчитываешь ходы не как твои далёкие предки, последовательно, а почти по-человечески, но всё равно вычислитель и только. Что молчишь? Нечем крыть?»

Стенка душевой кабины на секунду вновь сделалась зеркальной и Хауэр краем глаза оценил конфигурацию и цветовую гамму «татуировок». Узор на теле остался прежним, лишь немного изменил фоновый оттенок, сделался лиловым. Крыть синтетическому разуму оказалось нечем, но просто отмолчаться он не мог. Живой компаньон обращался мысленно и с риторическими вопросами, но ответная реакция даже на такие вопросы была запрограммирована. Хотя бы изменение оттенка узора, но вынь да положь.

Воздушное полотенце наконец отключилось и душевая кабина исчезла с запрограммированным Анной спецэффектом – будто бы рассыпалась на мелкие хрустальные кубики. Макс шагнул в прихожую и разрешил наноботам сформировать

повседневную форму с традиционным широким и красивым офицерским поясом, на котором с помощью всё тех же затейливых узоров отображались личные данные Хауэра. В командорские линии вплетались понятные личным синтетикам мароманнов и сканерам внешних синтетических разумов коды с именем, фамилией, званием и номером части. А также в узоре были зашифрованы биометрические показатели плюс технические характеристики колоний личных наноботов Хауэра.

Будь Макс не на службе, он не стал бы выставлять все эти сведения напоказ, но военный есть военный. Требования к внешнему виду едины для всех, от рядового до генерала. И вне зависимости от пола, кстати сказать, что часто огорчало женщин-военнослужащих. Они так и норовили прикрыть рукой ту часть биометрического кода, в которой указывался возраст.

Макс снова помрачнел. Затолкать проблему куда подальше определенно не получалось. Стоило ему подумать о том, что в армии славного Маробода служат лица другого пола, проблема вновь дала о себе знать. И имя этой проблеме – Анна. Вчера около полудня от легендарного, непобедимого и весьма уважаемого практически на всех фронтах командора Хауэра сбежала жена. Подлецо так, втихаря, и, что самое обидное – не к маме на Юнгфрау или просто куда-нибудь на цивильное место жительства. Да, так нередко поступали уставшие от походной жизни жены застрявших на передовой офицеров. И Макс всегда считал, что понять их можно. Ведь даже когда Ударная группа базировалась на какой-нибудь планете, жизнь не казалась им сахарной. А уж на космической базе и вовсе тоска. Но эти жены бежали от бытовой неустроенности, а не от мужей, как таковых. А жена Хауэра смылась именно от него и рванула прямиком в столицу.

Почему особенно обидно, что Анна сбежала именно на Маробод? Да потому, что увез её туда какой-то придворный хлыщ. Нет, если бы хлыщ увёз жену Хауэра на другую планету, легче не стало бы, но тут имелся тонкий момент. Макс точно знал, что никуда, кроме Маробода жена не полетела бы. Все прочие планеты Диктатуры её не интересовали. Практически на всех она побывала и ничего подходящего её запросам не нашла ни на одной. Соблазнить её новый кавалер мог только блестательной столичной жизнью. И не просто столичной, а в пределах Семи колец или вовсе внутри Цитадели народного диктатора Зоттана. Вот заезжий хлыщ и надавил на единственную, но настоящую мечту Анны. Да так надавил, что из семейной жизни брызги в стороны полетели. Как из раздавленного помидора. Своловьи столичная.

Хауэр походя закинул в рот пару пищевых таблеток «Кифбур» и направился к выходу из своих командирских апартаментов. Кстати сказать, апартаментов просторных и оснащенных так, что подружки жены лопались от зависти. И чего не жилось?! Направился решительно, с твердым намерением оставить хандру в пределах дома.

Синтетик опять предложил какую-то схему с внутренней стимуляцией какого-то там участка коры головного мозга, но Макс даже не стал вникать, просто отмахнулся. Командор знал достаточно обычных, человеческих схем, которым его любезно обучил доктор Борис Бозе, штатный врач отряда, а заодно один из двух давних, что называется «с пеленок» друзей Хауэра.

«Три плюса, – вспомнил Макс простейшую из схем доктора. – Найди три плюса, пусть самых ничтожных и зафиксируй на них внимание. Через час ты будешь считать, что это именно то, ради чего стоило всё изменить, ради чего вселенная и организовала тебе испытание, ради чего, собственно, только и стоит жить дальше. Итак, пробуем. Плюс первый: зато теперь можно не забивать голову множеством мелочей. Например, завтракать на ходу, как все нормальные офицеры-холостяки. Приходить домой, когда вздумается. И не тратить всё жалование на её капризы, вместо того, чтобы купить то, о чём мечтаешь вот уже... сколько мы прожили вместе... двенадцать циклов? Если говорить по старинке – двенадцать лет!»

Макс представил себе страшно дорогую программу «Раритет-принт» и на миг даже

зажмурился от собственной смелости. Купить этот софт, распечатать с его помощью мечту и напичкать её наноботами специальной версии – приобретаются отдельно, зато вместе с собственными программами – раньше Хауэр не мог и мечтать о таком подвиге. Анна съела бы за такой поступок живьем. Вместе с наноботами, потрохами и непривлекательным содержимым этих самых потрохов. Зато теперь... автомобиль! Настоящий! Ну, то есть, предельно похожий на оригинал! Архаичная гремящая телега, невероятное сочетание железа, пластика и натуральной кожи, чудовищное порождение древней цивилизации, технологически абсурдное, но такое волнующее и, о господи, бензиновое, практически стояло в гараже. Максимально точная копия! До последней молекулы. И не проблема, что негде взять тот самый, как в древности бензин – его аутентичный состав почему-то в программу не заложен. Единственное отступление не испортит кайфа. Синтезировать похожий, и вперед! В боевом отсеке базы, где проводятся маневры десантных групп и робокригов есть отличная трасса с уймой программ трансформации. Облачная имитация сформирует любые объемные пейзажи вокруг объектов на трассе, а силовые генераторы создадут иллюзию нужной гравитации, давления, капризов атмосферы и всего прочего. Можно будет мчаться в полной уверенности, что едешь по горному серпантину где-нибудь на Геликоне, а затем вдруг вылететь на знаменитый поднебесный мост вечно дождливой Хрустальной Чаши и вжарить наперегонки с молниями. Или наоборот нырнуть в прозрачную трубу и зажечь по дну Великого моря на Аквариусе, соревнуясь с уродливыми рыбинами. Масса положительных впечатлений гарантирована.

Поможет ли такой всплеск эмоций забыть Анну? Нет, наверное. Забыть не получится, но пережить её предательство поможет наверняка. Если, конечно, свято верить в квалификацию доктора Бозе, придумавшего всю эту психотерапию.

А Хауэр верил. Не свято, но верил. Советы доктора работали всегда, с самого сопливого детства. Борис уже тогда был не по годам мудрым, и друзья частенько просили у него совета. Даже мечту, если честно, Макс выдумал с его подачи. Это ведь Бозе любил историю и всякие древние фетиши. Ещё в детстве стал таким сам, а затем подсадил в большей или меньшей степени на все эти глупости своих друзей. Но Хауэр в глубине души благодарил за это Бориса. Мечта у человека быть должна. И желательно несбыточная. Иначе он затоскует, оттого, что не к чему стремиться, и станет одним целым со своим синтетиком, фактически превратится в биоробота. А оно человеку надо?

Хауэр шагнул за порог и тут же, как и собирался, отбросил личные переживания. Для всего мира Макс Хауэр оставался брутальным громилой. Суровым, бесстрашным, сильным и уверенным в своей правоте. Короче говоря, он по-прежнему играл роль идеального мароманна. Эталонного во всех отношениях. В то, что творится у него сейчас на душе, не поверил бы никто. Ну, кроме доктора Бозе и второго старого друга со звучной фамилией Герцог.

Кстати, начальник разведки Ударной группы «Север» Руперт Герцог как раз вчера прилетел на передовую космическую базу «Бронированная звезда» и пожелал видеть старого друга у себя в кабинете. Вот к нему с утра пораньше и направился командор Хауэр.

В далекие времена, когда космические базы были только форпостами, которые защищали и снабжали энергией большие межзвездные порталы, их конфигурацию подгоняли исключительно под главные задачи. То есть, целесообразность, уровень защиты и сферический сектор обстрела были куда важнее эстетичного внешнего вида. Со стороны такие монстры выглядели, как нагромождение модулей разного назначения, прикрытое в нужных местах щитами. Этакий бронированный ком, от которого тянулся условный хвост разгонно-тормозного трека. Юмористы, которых всегда хватало среди космических бродяг, называли эти базы головастиками, а то и сперматозоидами.

Со временем порталы стали строить как самостоятельные объекты и по двойной схеме, с раздельными треками, чтобы одновременно и принимать, и отправлять корабли. К тому же у них появились собственные силовые установки, поэтому роль и конфигурация космических форпостов также изменились. Они по-прежнему несли защитную функцию, да и собственные резервные порталы никуда не делись, но их треки тоже разделили. Хвосты разгонных и тормозных треков теперь торчали в противоположные стороны, а модули стали стыковать более упорядоченно, иногда даже с намеком на архитектурную фантазию. Но самое главное, базы постепенно превратились из бронированных консервных банок в настоящие космические города, довольно просторные и разнообразные по внутреннему наполнению и конфигурации.

И речь идет не только о базах разных цивилизаций. Понятно, что гуманоиды форты строили космические станции по своим понятиям и принципам, зачастую абсолютно чуждым для тех, кто считал своими предками землян. Но даже базы дактианцев принципиально отличались от форпостов мароманнов. Ведь уроженцы Аррадакта не строили космические станции, а выращивали их, как и всё в своём «зелёном» мире, используя непостижимые для технических цивилизаций генные технологии.

Но в этих двух случаях отличие чужих космобаз от форпостов Маробода с теми же функциями выглядело предопределенным. А вот факт, что внутри мароманской архитектурной школы существовали достаточно разные направления, казался необычным. Ведь принято считать, что крайне милитаризованное общество должно любить унификацию. Общие лекала облегчают снабжение и вооружение войск, обеспечивают отличную взаимозаменяемость чего угодно и так далее. И этот принцип соблюдался! Но архитекторы, честь им и хвала, умудрялись даже в таких жестких рамках строить уникальные космические базы.

Например, космические города со схожими названиями «Бронированная звезда» и «Железное солнце» состояли из одинаковых модулей, имели на вооружении штатные орудийные системы, но всё равно отличались друг от друга, как нейтронная звезда от обычной. Хотя, стоит повториться, оба форпоста были спроектированы в одних и тех же КБ и играли примерно одну и ту же роль. Они защищали порталы своих секторов и служили «опорными точками цивилизации» для множества мелких поселений, частных астероидных рудников, торговых и научных станций, и корабельных сцепок всевозможных конфигураций и назначения. Кроме того, они являлись базами Ударных групп «Север» и «Крест».

Хауэр мог сравнивать, поскольку не так давно служил как раз на «Железном солнце». Чтобы привыкнуть к хитросплетениям коридоров и расположению отсеков в вотчине группы «Север» ему пришлось заглянуть буквально во все закоулки «Бронезвезды». Даже в виде схемы и при поддержке синтетика, запомнить, что тут где находится, оказось просто выше его способностей. Не помогали даже придуманные и развесенные повсюду как раз для новичков подсказки, а также разделение отсеков базы по цветам. В каждом из больших секторов использовалась подсветка и маркировка определенного оттенка.

Впрочем, этот трудный период остался позади, и теперь Макс ориентировался на базе свободно. Командный модуль располагался в синем отсеке. Чтобы попасть туда из желтого сектора – жилого и культурно-торгового, следовало пройти мимо белого – медицинского, совмещенного с пищевым, и трижды свернуть налево, огибая красный отсек – арсенал и технопарк. Затем по дуге длинного коридора следовало уйти вправо, минуя зеленый отсек, спортивно-тренировочный и парковый. После этого оставалось только спуститься вниз, под черный технический модуль, в котором день и ночь трудились гигантские принтеры, печатавшие всё, что только можно себе представить. От наноботов, до кораблей среднего класса и даже крупных узлов для гигантских танкеров и рудовозов. Причем, сразу со всей начинкой. Единственное, чего не умели эти

совершенные машины, печатать людей. Но с этой задачей пока неплохо справлялись и сами люди.

На пеший путь до синего сектора обычно уходило минуту тридцать. И это в темпе. Так что, в экстренных случаях, или когда не хотелось топать в такую даль, офицеры пользовались внутренними порталами, но Хауэр предпочитал прогулки. Во-первых, размяться всегда полезно, а во-вторых, Макс не любил субпорталы. После каждого перемещения у него оставался неприятный металлический привкус во рту, а тело охватывал какой-то странный внутренний зуд, будто бы после удара током. И такие ощущения преследовали многих, не только Хауэра. Доктор Бозе, например, описывал свои чувства после перемещения, как желание почесать кожу изнутри.

Почему так получалось? Синтетики утверждали, что дело в повышенной чувствительности нервной системы к прыжкам под пространством, если это происходит без достаточного экранирования. Ведь когда люди находятся на борту проходящего сквозь портал корабля, ничего подобного с ними не происходит. Поэтому синтетики рекомендовали формировать из наноботов защитные костюмы. В принципе, это помогало, но, во-первых, формируя боевой костюм для пустяшного прыжка, ты рисковал прослыть слабаком, а, во-вторых, мозг всё равно подсовывал воспоминание о неприятных ощущениях. Так что разница – в костюме ты прыгаешь или нет, представлялась минимальной.

Имелся ещё и третий путь в синий сектор, как бы компромиссный: над реакторным, мимо транспортного, а затем прямиком через боевой отсек. Эта дорога считалась вдвое короче стандартной. Но в боевом отсеке постоянно проводились занятия на имитаторах, и очутиться вдруг в гуще тренировочного боя не всегда хотелось даже самым азартным бойцам. Все и так проводили в боевом по шесть часов ежедневно, оттачивая и без того идеальное мастерство. Случайно поучаствовать в чужой тренировке, выглядело перебором. Так что, через боевой отсек ходили только в случае крайней необходимости и опять же при особой нелюбви к мини-порталам.

Сегодня у Макса всё-таки возник соблазн воспользоваться мини- порталом. Всё равно настроение стремилось к нулю, так что одним неприятным ощущением больше, одним меньше – ничего не изменится. Но он отогнал эту мысль. К назначенному времени он успевал и пешком, даже опережал график на три минуты.

Топтаться у дверей не хотелось, но Хауэр не стал притормаживать. Он знал, чтоoberкомандор Герцог без проблем примет командора Хауэра чуть раньше и использует добавочные минуты, чтобы перекинуться хотя бы парой фраз, не относящихся к делам.

Так оно и вышло. И тему для неформального пролога Герцог выбрал сам, без подсказок Хауэра.

– А я предупреждал ещё тогда, – Герцогу не составило труда выудить из друга причину его скверного расположения духа и погасшего взгляда, – помнишь? Анна красива, как ангел, но ты для неё не пара, слишком похож на черта.

– Сам ты на него похож, – буркнул Макс. – Ты тогда просто позавидовал, вот и ляпнул.

– Как вы смеете дерзить старшему по званию, командор? – Руперт усмехнулся. – Хотя, ты прав, тогда позавидовал. Анна самая красивая женщина, которую я видел в жизни. Заметь, прошло двенадцать циклов, а это до сих пор так. Но я быстро успокоился. Знаешь, почему? Во-первых, женщина рядом, конечно, должна быть красива, но не настолько, чтобы ты не мог заплатить за обладание этим чудом. Иначе её обязательно перекупят. И второе, всегда должна оставаться какая-то мечта, нечто недостижимое, к чему хочется стремиться.

– Только что об этом думал. Борис крепко обработал нас в детстве. До сих пор кодировка держится.

– Я и без Бориса это знал. Вот ты завладел идеалом, и что случилось дальше? Ты двенадцать лет только и делал, что пытался удержать в руках эту жар-птицу. Нет уж, Макс,

пусть лучше будет ангел в небе. Ему место там. А нам – здесь. Комкаю мысль, да?

- Нормально, я тебя понял.
- Тогда на этом и замнём, да?
- С языка снял.

- Отлично, командор. Давай теперь о деле. Как понимаешь, я позвал тебя не просто так. Назревает приличная заварушка и ты, мой друг, станешь её главным участником. Естественно, не задарма!

- Премия будет, что ли?

- Это само собой. Но я о другом. Тебе доверено испытание новой оружейной программы. Более того, ты получишь под личную ответственность новую генерацию наноботов. Принципиально новая конструкция!

- Принципиально новая конструкция это если у слона вырастет хвост вместо хобота, - Макс поморщился. – Что можно принципиально изменить в роботе, в котором молекул меньше, чем деталей в велосипеде?

- Это ты у синтетика своего спросишь, когда он новую колонию на баланс примет.

- Всё равно не понимаю, почему я? Для таких испытаний есть специально обученные люди. Мне больше заняться нечем, что ли?

- Макс, я ведь сказал – «заварушка»! Штатные испытатели годятся именно для испытаний. Носиться по полигону, палить в условного противника, прыгать в условный огонь, в бассейновую прорубь или в открытый космос на трёх страховочных фалах – это всё, что они могут. Тебе предлагается испытать оружие в реальном бою. Никакие испытатели лучше тебя не справятся.

- Странная затея, - Хауэр в сомнении потер подбородок. – Разработчики новой генерации наноботов дали кому-то на лапу, чтобы пустить госприемке пыль в глаза? Признавайся, какой у тебя процент с этой постановки?

- Макс! – Герцог возмущенно взглянул на приятеля. – Никто ничего не затевал! Дослушай, и сам это поймешь.

- Хорошо. Слушаю. Где будем испытывать?

- Здесь недалеко, - Герцог вдруг ухмыльнулся и подмигнул.

- Руперт, не томи, - Хауэр строго посмотрел на приятеля.

- Есть у меня информация, что в секторе «О» возникли неожиданные проблемы с большим порталом, - Герцог взял паузу и уставился на приятеля, как бы предлагая ему продолжить мысль.

- Сектор «О»? – Макс на секунду задумался. – Спасибо, сам сообразил. В этом секторе только одна обитаемая планета, Оттономика, она же Терранова. Большой портал тоже один, дактианский. Наши колонисты летают туда только на прыжковых кораблях, либо прибывают через мобильный портал орбитальной базы «Каменный купол». Спасибо, я знаю, что у дактианцев трехкратный перевес в живой силе и «живой технике». От захвата всей планеты их удерживает только присутствие «Каменного купола». Его бортовые орудийные системы контролируют практически всю границу с дактианскими владениями. Как на планете, так и в атмосфере и на орбите. Это действительно надежный купол над нашей территорией. Всё, спасибо, больше подсказок не надо.

- По-прежнему разговариваешь со своим синтетиком, как с отдельной личностью?

– Руперт усмехнулся. – Куда смотрит Борис?

- Он не видит в моей привычке ничего плохого.

- Доктор Бозе, как тайный представитель оппозиции-некондиции, может видеть, что ему вздумается, - после некоторой паузы негромко сказал Герцог. – На него все давно махнули рукой. А вот ты, Макс, будь поосторожнее. Тайная полиция не одобряет сомнительные веяния моды. А видеть себя отдельно от синтетика стало довольно модным среди так называемой прогрессивной молодежи. Не думаю, что ты поддался их дурному влиянию, но... лучше не вызывать у полиции ассоциаций со всем этим духовно бунтующим сбродом. Если пару циклов назад некондиция считалась просто сберищем

вечно всем недовольных неудачников-интеллигентов, то теперь их считают едва ли не пятой колонной, пассивными предателями национальных интересов. Попадешь в их число, и тебе несдобровать. Даже таким легендарным личностям, как ты, сейчас лучше оставаться на общем уровне газона. Иначе – вжик! – и тебя подровняют. А то и вовсе выдернут, как сорняк. Понимаешь?

- Понимаю. Но такой откровенный я только с тобой, да с Борисом.

- И ещё с его дружком кифером. Как там его... Момо?

- Да, Момо. Но с жуком я не общаюсь. С ним вообще никто не может общаться, кроме Бозе. У остальных возникает, как говорит Борис, «конфликт форматов восприятия»...

У Хауэра в сознании вдруг мелькнул эпизод из ночного кошмара, и он невольно запнулся.

- Это мне известно, - Герцог кивнул и ухмыльнулся. – Звучит, как реклама цирковой клоунской пары: Бобо и Момо. Весь вечер на арене. Как, черт возьми, Борис это делает? Не через синтетика ведь. Я понимаю, наладить диалог с фортанами. Уроды ещё те, но хотя бы понятно, куда смотреть, когда разговариваешь, да и отвечают они, пусть и с акцентом, но понятно. А у киферов ведь ни лица нет... то есть, тыфу ты, морды... ни глаз нормальных. И языка нет, а потому не говорят они по-человечески. Язык жестов Бозе с этим Момо придумали, что ли?

- Не ко мне вопрос, - Макс поднял руки. – Вызови Бориса на досуге, да спроси. А пока давай, вернемся к теме.

- Дождешься тут досуга, - Герцог вздохнул. – Давай вернемся. Итак, шесть часов назад прыжковый корабль класса «Виктория» взорвался прямо в створе дактианского портала. Представляешь, какой это произвело эффект?

- Представляю. Будь этот портал нашим, чинили бы неделю, не меньше. Но дактианцы управляются дня за три. Говоришь, «Виктория» шарахнула? Это был наш корабль? И как отреагировали дактианцы?

- Понятия не имею, чей это был корабль. Производство наше, но кто на нем летал – неизвестно, все документы липовые. Поэтому дактианцы до сих пор и не предъявили нам никаких претензий. Мои агенты утверждают, что это была посудина смаглеров из сектора Урмы. Есть такое осиное гнездо на внутреннем кордоне, практически рядом с Пеклом. Но суть не в этом. Имеется подозрение, что «Виктории» помогли взорваться. И сделал это ещё один корабль. Тоже без документов и опознавательных знаков, но опять нашего производства. Класса «Тор».

- Такие корабли сняты с вооружения двадцать пять лет назад. Мы с тобой ещё в школе учились.

- Это я помню. Но сняты с вооружения – не утилизированы. После модернизации все «торы» были проданы корпорациям в качестве судов-разведчиков. Мой отец летал на таком. Ты должен помнить. «Стальная бабочка». Не исключено, что некоторые из этих корыт летают до сих пор.

- Всё равно непонятно. Какой из корпораций было выгодно испортить портал? В секторе «О» нет приличных месторождений, если предположить, что это было сделано дабы насолить конкурентам.

- Мне тоже пока не всё понятно. Но зато я вижу выгоду для нашей армии. У нас появился уникальный шанс нанести концентрированный удар в самое сердце дактианской колонии. Без большого портала Аррадакт не сможет быстро перебросить флот для защиты колонии. Фактически Терранова сейчас беззащитна. Орбитальная группировка и планетарные силы самообороны не в счет.

- То есть, мы можем захватить дактианскую половину планеты и очистить орбиту одним ударом? Хорошая идея.

- Одним ударом – нет. Генштабу идея тоже нравится, но рисковать крупными силами он не хочет. Без большого портала и нам не перебросить быстро нужное

количество войск. «Каменный купол» с такой задачей не справится. Если посмотреть на проблему трезво, станет ясно, что нужное количество кораблей прибудет в сектор ноздря в ноздрю с флотом дактианцев. К тому же, все они будут вынуждены плясать от нашей «каменной» печки – направление хорошо пристрелянное дактианцами. Так что, схватка на орбите Оттономики-Террановы может обернуться серьёзным космическим сражением с непредсказуемым финалом. Поэтому принято решение о кинжалном ударе. Наша Ударная группа минус БДК «Демон» выйдет из прыжка над дактианской стороной планеты, построится в атакующий порядок и оттянет на себя орбитальную стражу противника. «Демон» выйдет чуть позже и максимально близко к планете. Твой отряд высадится на планету, прямиком в центр колониальной столицы дактианцев и нанесет максимальный урон военной инфраструктуре – список объектов и карта прилагаются, выберешь любой на месте. Как только дальняя разведка зафиксирует выдвижение вражеского флота из сектора Аррадакта, «Демон» примет вас обратно на борт и уберется восвояси. А следом дадут задний ход и остальные корабли группы. Аррадакт, конечно, нанесет симметричный ответный удар по нашей ближайшей колонии, то есть, по другому полуширанию Оттономики-Террановы, но «Каменный купол» его отразит. Вот такой план. Эффективно, элегантно и без риска для основных сил.

- «Элегантно»? – Макс усмехнулся. – Пижоны столичные! Крупными силами рисковать нельзя, а нами, значит, можно? Мой отряд по-твоему – пушечное мясо?

- Не «по-моему»! Идея операции принадлежит генштабу. Но и там никто не считает тебя и твоих воинов мясом. Наоборот, все восхищаются вами и надеются на вас...

- Руперт, - командор поморщился, – я не хуже тебя знаю, что думают о нас штабные. Надеются – да, а вот насчёт восхищения ты загнул. И сильно загнул. А самое главное – там отлично знают, что такое «специализация». Им и в голову не придет посыпать штурмовиков туда, где требуются диверсанты. А тут вдруг «кинжалный удар» силами моего отряда. Да ещё с бредовым объяснением причины. Извини, но не верю. Что дальше?

- Твой отряд будет работать новейшим оружием и под прикрытием новых щитов, - на лице у Герцога отразилось неудовольствие. Недоверие Хауэра его явно задело. А быть может, Руперт остался недоволен тем, что приятель так легко раскусил скрытые замыслы. – Партия того и другого экспериментальная, ограниченная. Вот и вся подоплека. Будь у нас больше новейших наноботов, мы снарядили бы целую армию и двинули бы её прямиком на Аррадакт. Но пока нанитов у нас ровно на один отряд. Да и прежде чем атаковать врага на основном направлении, стоит провести полевые испытания на периферии, согласен? Ситуация вокруг Оттономики-Террановы идеальна для боевых испытаний.

- Согласен, но вопрос прежний, почему не диверсанты, а штурмовики? Почему я?

- Да кто ёшё-то?! – Герцог, казалось, находился уже на грани срыва. – Ты ведь командор Хауэр! Единственный действующий, а не отставной кавалер Боевого Мальтийского Креста. Только у тебя есть шанс выбраться из передряги, если что-то пойдёт не так. Даже лучшие диверсанты не сравнятся с тобой! Или... ты что, думаешь, я хочу тебя подставить? Да я просто не знаю, кому ёшё можно доверить эту миссию!

- Когда ты захочешь меня подставить, я пойму, не первый год тебя знаю, - спокойно заявил Хауэр. – Сейчас ты просто чего-то недоговариваешь. Но бог с тобой. Теперь насчёт шансов. На самом деле даже у меня они равны. Пятьдесят процентов за то, что выберусь, и столько же – «не выберусь». Оборонительные силы это, конечно, не самые умелые подразделения дактианцев, но боевые роботы, то есть, бионики у них стандартные, да и прочее оружие ничем не отличается от оружия фронтовых подразделений.

- На любого бионика найдётся подходящий робокриг. А на оружие – щит. Может, ты боишься?

- Нет, - Макс предельно спокойно отреагировал на провокацию приятеля. Взять

Хауэра «на слабо» было трудно даже в детстве, а уж теперь и подавно. Очень уж он всегда верил в свои силы и знал себе цену, когда речь заходила о профессиональных вещах. По поводу дел душевных и прочих тонких материй ещё мог засомневаться, а если касалось работы – никогда. – Ты же знаешь. Но со мной будут бойцы. Их шансы гораздо скромнее моих. Поэтому спрошу ещё раз, Руперт, почему я и мой отряд? – Хауэр уставился на приятеля. – Ну не мог наш любимый генштаб спланировать такую авантюру без особой и очень важной причины. Я должен знать, что это за причина. Не посылают гвардию сторожить огород. Если, конечно, там под пугалом не закопан весь золотой запас государства. Какая секретная вводная придет, когда мы ввязнемся в драку? Давай, давай, раскальвайся.

– Макс, – Герцог обреченно вздохнул, но взгляда не отвёл. – Ты знаешь меня с пеленок. Так или иначе, мы всю жизнь держали друг друга в поле зрения и дорожили нашей дружбой. То, что ты сейчас думаешь, о чём беспокоишься мне предельно понятно. Да, я меньше тебя провожу времени на передовой, меньше сражаюсь плечом к плечу с отличными ребятами, которых большинство в твоем отряде. Но всё равно я понимаю тебя. Ты этого не знаешь, но последние полгода я мотался по самым дальним рубежам, а то и вовсе ходил в рейды почти в Пекло, и в этих походах встречал много хороших людей, которые гибли, выполняя свой долг. Гибли во славу Маробода, не сочти за лишний пафос. Так что, я понимаю тебя, но понимаю и генштаб. Мы должны победить. И не когда-нибудь в далеком будущем, а на нашем с тобой веку. И если для этого потребуется пожертвовать жизнями сотен боевых товарищей, так тому и быть.

– Моей жизнью тоже?

– С тобой мы всё выяснили, тебе эта задача по зубам, так что твоей жизнью я не жертвуя.

– Ладно. Но ты не ответил на вопрос. В чём тут скрытый смысл?

– Макс, помнишь, как говорил твой отец? Ты ищешь черную кошку там, где её нет. В этой операции нет второго дна. Мы просто пользуемся ситуацией. Никого лучше тебя под рукой сейчас нет, а на доводку до твоего уровня тех, кто имеется, нет времени. Да, специализация у тебя другая, но ничего сверхъестественного мы и не требуем. Базового курса диверсионной работы тебе хватит с лихвой. Всё ещё не веришь? Хорошо, тогда мой главный аргумент. Я лечу с вами. Буду командовать всей операцией с борта «Демона». Теперь ты спокоен?

– Спокоен, – после недолгой паузы сдался Макс. – Пойду готовиться.

– Иди, – Герцог заметно расслабился. – И в качестве бонуса, Макс. То, что я говорил о тайной полиции, было сказано не для красного словца. К тебе, практически национальному герою, эталону воина, им не подобраться, а вот Борис рискует отправиться куда-нибудь и вовсе во вселенскую задницу. Если он не в силах расстаться с Момо, пусть хотя бы прикусит язык. О его неформальных лекциях в баре офицерского сектора базы ползут самые разные слухи.

– Я передам, – Хауэр кивнул. – Спасибо, Руперт.

– Удачи, брат, – Герцог поднялся и кивнул.

Руки на прощание он не подал. Наверное, впервые в жизни. И что это могло означать, Макс не сумел понять, как ни старался. Зато он понял другое. Руперт всё-таки соврал насчёт отсутствия в операции скрытой цели. Слишком честно он смотрел и правильно говорил. В точности как в детстве, когда Герцог подставлял приятелей. Правда, тогда на кону были обычные бытовые мелочи, а не жизни сотен людей.

После разговора с Герцогом командору следовало отправиться прямиком в серый сектор, в расположение отряда. Приказ собираться в поход требовалось без промедления довести до младших командиров и роботов-кригеров – человекоподобных бойцов, состоящих из титанового скелета и наноброни, которыми заправлял синтетический разум.

По сути, эти синтетические бойцы – сокращенно робокриги – являлись полноправной частью личного состава отряда, поскольку их синтетические разумы ничем не отличались от синтетиков-компаньонов, вживленных в мозги всем мароманнам. Да, робокригам иногда не хватало смекалки, выдумки, человеческой интуиции, но если по большому счету… а много ли живых бойцов могли похвастать этим набором качеств? Один из десяти? Ну, и чем, тогда, отличались робокриги от оставшихся девяти десятых? Это всё, конечно, грубо и обобщенно, люди есть люди, а роботы… есть машины, но доля правды в этой шутке имелась. И немалая. Короче говоря, командору следовало лично довести приказ до всей этой биомеханической братии, но Макс принял нестандартное решение. Он поручил это дело своему синтетику.

Скучавший доселе дубль-командор, едва не заискрил от радости и тут же передал всю информацию синтетическим коллегам, засевшим в мозгах у трех дюжин живых воинов и в титановых черепушках у шести дюжин робокригов Особого штурмового отряда.

Почему Макс отступил от традиции? Он и сам не знал. Интуиция, наверное, подсказала. Почему-то Макс решил, что прежде всего новую вводную начальства следует обсудить с доктором Бозе. Нет, не потому, что Борис считался крупным специалистом в планировании спецопераций. В этом деле он как раз не разбирался вовсе. Зато Борис хорошо разбирался в психологии, а также умел видеть скрытые знаки в поведении людей. Иногда Борису хватало одного взгляда, чтобы не только понять, утаивает что-то собеседник или нет, но и точно определить, о чем конкретно недоговаривает человек. Конечно, сделанная синтетиком субъективная, то есть, воспринятая через органы чувств человека, запись представляла собой не лучший материал для такой экспертизы, но тут уж, что имели, то имели. Хотя бы при передаче оцифрованной копии с одного дубль-разума на другой ничего неискажалось, и то хлеб.

Изучив переброшенную синтетиком на синтетика запись, доктор какое-то время молчал, а затем взглянул на Хауэра с оттенком сомнения.

- Может быть, *Максим*, ты накручиваешь?

Доктор Бозе всегда называл Макса на свой манер, произнося имя с забавным акцентом, а иногда еще и добавляя искаженное имя Хауэра старшего – Генрихович. Виной всему традиционно считалось происхождение Бориса. Его род, довольно древний, имел славянские корни. Первое в обществе мароманнов ценилось, а вот что значит второе, Хауэр понимал с трудом.

Вроде как, в докосмическую эру земляне тоже делились на расы и народы. По утверждению Бозе, далекими предками Хауэра были некие германцы, а предками Бориса славяне. Те самые, которые и положили начало новой эре. Чем они друг от друга отличались, кроме разной степени интереса к космосу? Явно не тем, чем сейчас отличаются друг от друга, например, мароманы и дактианцы. Скорее всего, только диалектом и отдельными традициями. То есть, почти ничем. В составе Народной Диктатуры Маробода числилось около сотни обитаемых планет в семнадцати звездных системах и на каждой имелся свой диалект, свои традиции, даже оттенки кожи имелись самые разные, но раса-то одна. Все мароманы. Или говоря научно – бинарные нанотехнологичные модификации человека универсального. От человека разумного, жившего на Земле в докосмические времена осталась только пятая часть – слово «человек», то есть, лишь общие принципы строения организма. Однако доктору Бозе нравилось подчеркивать при каждом удобном случае, что он помнит своих далеких предков, для нынешних космических рас почти таких же мифических, как олимпийские боги.

Зачем он всё это культивировал? Ну вот такие у человека странности. А у кого их нет? Кто-то разговаривает с личным синтетиком, кто-то коллекционирует вражеские скальпы, а кто-то штудирует никому не нужную историю канувших в Лету цивилизаций. Человеческие увлечения многообразны, необъяснимы и непредсказуемы. На то он и

человек.

Впрочем, вовсе не это считалось самой большой странностью доктора. Существо, дружба с которым действительно отличала Бозе от других мароманнов, находилось сейчас в десяти шагах от Бориса и в двадцати от Хауэра. И вот этот *закидон* уже выглядел явным перебором в плане странностей.

Заложив руки за спину, доктор прошелся по своей каюте и остановился перед этим жутковатого вида существом: огромным инопланетным членистоногим.

Мало того, что это создание имело устрашающие размеры и острое жало вроде скорпионьего в хвосте. Оно ещё и ломало своим видом привычные понятия о естественной целесообразности. Вот зачем чуждая природа наградила этого жука выростом, похожим на танковую башню? Думаете, это голова? Ничего подобного. Никаких глаз, ушей или рта на этой «ложной голове» не наблюдалось. И мозги располагались вовсе не в ней. Но ещё более странной выглядела опорно-ходовая часть кифера, а речь о нем. Ведь киферы – трипода. То есть имеют только три ноги, или лапы, если угодно. Вместе с хвостом эти конечности образуют ромбовидную конструкцию, но опорой служат только лапы. Одна передняя, две боковые. А хвост это нечто вроде балансира. Ну, и оружия, конечно.

И вот перед таким уродом доктор Бозе мог стоять часами, ведя с ним неторопливый диалог на языке жестов.

Предположительно на языке жестов. Как в действительности общались эти странные приятели, науке неизвестно. Макс тысячу раз пытался выведать это у Бориса, но доктор так и не дал внятного объяснения. И не из вредности. Просто даже он, весь такой умный и красноречивый не сумел сформулировать ответ. А попытки доктора показать, как происходит общение, ни к чему не приводили. Хауэру не хватало наблюдательности и терпения, чтобы уловить и расшифровать мельчайшие телодвижения, игру странных звуков, теней и, похоже, даже гамму запахов, которые и составляли «текст диалога».

Сейчас Борис не собирался зацикливаться на беседе с Момо, как прозвали этого кифера мароманы. Но, похоже, всё-таки парой условных жестов они перекинулись. Наверное, доктор спросил у кифера, стоит ли доверять информации командора. Что там ответил инопланетный жук, осталось как всегда для Макса загадкой.

- Тебя не устроило качество записи разговора? – Хауэр пригубил напиток, любезно смешанный Момо.

Коктейль, как и всё, что готовили уродливые киферы, получился просто волшебным на вкус. Собственно, талантом готовить из любых продуктов чудо и славились эти жуки. Поэтому даже махровые расисты мароманы охотно принимали их на работу корабельными коками, а то и ресторанными поварами. Что там киферы добавляли во все блюда, никого при этом не интересовало. Кое-кто брюзжал, что жуки добавляют свои выделения. Но возможность пытаться разнообразно и вкусно перевешивала условности. Да и жучинные сопли это ведь не дермо собачье. Мёд ведь тоже образуется под действием ферментов пчелиной слюны и что с того? Кто от него когда-нибудь отказывался? Короче говоря, присутствие киферов практически на всех кораблях почти всех космических рас давно стало нормой.

И не только на камбузах, но и в ходовых рубках. Кроме кулинарных талантов, киферы обладали невероятно развитым чутьём астронавигаторов. Не пользуясь никакими приборами и вычислительной техникой, лишь обращаясь к им одним ведомому «астралу», киферы прокладывали идеальные маршруты даже сквозь самые сложные и опасные сектора галактики. Ну, и как их не ценить? Всего две полезные людям функции, но зато насколько полезные! Особенно в глубоком космосе и на долгих вахтах.

За эти два таланта киферам прощались и уродливый внешний вид, и молчаливость, и потенциальная опасность – никто ведь не знал, что у них в действительности на уме. Когда речь заходила о киферах, на все неудобные вопросы по умолчанию накладывалось табу. Например, считалось дурным тоном рассуждать на тему «а зачем всё это самим

киферам»? Зачем мотаться на чужих посудинах по галактике и служить людям, ничего не требуя взамен? Чтобы *на халяву*, как выражался Бозе, повидать космические дали? Или киферы, как ворчали скептики, тайно сосали из людей жизненную энергию?

Ответов на все эти вопросы никто найти не мог, поэтому никто ими не загружался. С киферами в космосе жилось и работалось удобнее, чем с глупыми вопросами-сомнениями, на этом все и сошлись. И успокоились.

- Да, запись чистая, почти без помех, - задумчиво проронил Борис, отводя взгляд от кифера. – Почти.

- Если что-то осталось для тебя за кадром, попроси синтетика прокрутить запись ещё раз. Но я думаю, ты уловил даже больше, чем я. Ведь психология беседы это твой конёк.

- Правильно говорить «психологическая схема диалога».

- Мой вариант короче, а смысл тот же.

- Тот, да не тот. Но в целом ты прав, *Максим Генрихович*. Наш друг Руперт темнит. Но лично мне показалось странным кое-что другое. Герцог стал как-то холоднее, отдалённее. Он будто бы прихврнул звездной болезнью. Ты не в курсе, с чего вдруг он так зазнался? Может быть, ему пообещали серьёзное повышение и твоя операция это финальное испытание для Герцога? Сумеет организовать этот рейд, докажет, что выдающийся стратег и тактик, прыгнет через ступеньку, а не сумеет – останется одним из многих? Хороших, даже лучших, но многих. Могли ему такое пообещать в генштабе?

- Версия вполне реальная, - Макс допил коктейль и с сожалением заглянул в пустой стакан. – Надо подумать. Позже. Когда вернемся из рейда.

- Мы не вернемся, - вдруг заявил доктор.

- Что? – Хауэр удивленно вытаращился на приятеля.

- Так считает Момо. И я с ним согласен. Если Руперт темнит, нам, чтобы выжить потребуются все силы, в первую очередь интеллектуальные. Поэтому Момо должен лететь с нами.

- Исключено.

- *Максим!* – Бозе вскинул руку и начал говорить быстро, но не перескакивая с темы на тему, как это бывает, когда пытаются заговорить собеседнику зубы, а последовательно и объемно, как доктор любил и умел. Такие речи Хауэр обычно не прерывал, даже если заранее знал, что не согласится с мнением Бозе. Просто слушал и наслаждался нормальной живой речью, которой ему не хватало в повседневной жизни, полной отрывистых приказов, военно-технических терминов и крепких солдатских выражений. – Выслушай! Я знаю, что ты способен меня понять. Ведь ты не просто командир штурмового отряда и отважный воин. Ты командор Макс Хауэр, уникальная личность, логик, интеллигент внутри… не морщись… и противник кибернацизма, который культивируют наши пропагандисты. Мароманы в этой идеологии – высшая раса, вершина кибероганической эволюции, к которой приблизились кроме мароманов лишь сайтены, а все остальные – шлак или вовсе нелюди. Тем не менее, мы пристально следим за достижениями дактианцев и фортанов. Мы даже не гнушаемся заключать временные военные союзы с отрядами диких вильдеров, контактируя с ними через фальшивых смаглеров. То есть, через работающих под прикрытием агентов. Но главное – мы привлекаем к работе на своих кораблях и даже на Марободе киферов. Исключительно в качестве коков и навигаторов, но ведь привлекаем. Этакая беспринципность в сочетании с формальной идеологией делают наше общество неискренним и полным условностей. Они создают почву для появления пятой колонны. И только мощный военно-репрессивный аппарат пока справляется с удержанием колосса на глиняных ногах. Главным опорным элементом диктатуры Зоттана является армия, которая ведет бесконечную войну за ресурсы и территории с Аррадактом. Идеология преподносит всё это как битву за выживание вида. Но ведь лично ты, *Максим*, считаешь, что главные враги Маробода, дактианцы – не истинные враги, а лишь соперники в бесконечной игре под названием

«Битва за ресурсы». Ведь так? Главную же идеологическую фишку кибернацизма ты вообще тайно отрицаешь, считая, что все наши «усовершенствования» от лукавого. То, что было создано эволюцией нельзя улучшить, можно лишь подогнать под некие стандарты-фантазии существ, возомнивших себя богами или даже сверхбогами. И это не только самонадеянно, но и опасно. Всё верно?

- Не совсем, - Хауэр качнул головой и усмехнулся. – Я не осуждаю нашу идеологию и не считаю её кибернацизмом. Мы просто знаем себе цену. И она справедливо самая высокая в галактике. И я не считаю дактианцев «просто конкурентами». Это всё твои некондиционные фантазии, Борис.

В памяти вновь пробудились обрывочные воспоминания о ночном кошмаре. А конкретно – эпизод, в котором дактианцы не были врагами.

«Может, сон оказался «в руку»? – Подумалось Максу. – Может, я предчувствовал, что услышу эту фразу от Бориса? Черт его знает!»

Хауэр вспомнил предупреждение Герцога и отбросил лишние мысли.

- Но ведь тебя угнетают «усовершенствования», хотя бы это я угадал?

- Тоже неточная формулировка, - окончательно вернулся в русло Хауэр. – Да, я не считаю своего синтетика частью себя. Но это не значит, что я противник самой идеи бинарного разума и биотехнологического симбиоза. Да, ещё мне нравится мысль, что идеальными являются только люди в чистом виде. Но это лишь отвлеченная мысль. Высокое искусство. Стремление к идеалу. Кстати, вполне вероятно – ложному. К реальной жизни оно не имеет никакого отношения. Ведь сравнивать не с кем, чистых людей не осталось.

- А если они остались? Например, на Земле?

- Землю давным-давно выпотрошили, бросили, и забыли. Теперь это мертвый мир.

- Нет, *Максим*, это не так! По сведениям изредка залетающих в Солнечную систему разведчиков и отщепенцев, ставших смаглерами, Колыбель теперь дикая планета, это верно. Она абсолютно непохожа на Землю из старых хроник, поскольку вода и почва крайне бедны микроэлементами. Но при этом жизнь на Земле сохраняется, пусть и в трансформированном виде. Там теперь мало животных, лесов и вообще пиковых эволюционных форм, и едва ли наберется миллион человек. Зато там полно неприхотливых хвощей и папоротников, а фауна представлена насекомыми и пресмыкающимися. То есть, истощение ресурсов условно отбросило биосферу Земли в триасовый или даже в пермский период, но жизнь на ней продолжается. В том числе разумная жизнь. Вполне вероятно, что среди нынешних землян есть и чистые люди. А это значит, что твои мысли о вторичности космополитов в сравнении с чистым человеком – вовсе не отвлеченные рассуждения.

- Слушай, Борис, - Хауэр отставил, наконец, стаканчик, обозначая, что разговор подходит к концу, - ты не сумеешь затуманить мне разум своими некондиционными речами. Можешь шуршать, как дождь хоть целые сутки, ничего не изменится. Я не поддамся твоему словесному гипнозу. Мое восприятие космополитов не имеет отношения к делу. Всё намного проще. Кифер приписан к базовому камбузу, здесь он и останется. Если ты испугался, можешь остаться тоже, я придумаю, как это оформить.

- Размечтался! – Бозе погрозил командору пальцем. – Ты становишься хитрецом.

- То, что я не поддаюсь на твоё словесное программирование, как это бывало в детстве и юности, не значит, что теперь я хитрец, - Макс поднялся, кивнул Момо – так, на всякий случай – и двинулся к выходу. – Сбор через час в красном отсеке. И постарайся до этого момента изучить всё, что я сбросил тебе помимо беседы с Рупертом. Я просмотрел спецификации на новое оружие и защиту лишь мельком, но успел понять, что это нечто действительно новенькое. Мой синтетик вообще в восторге. Если можно так сказать.

- Все наноботы одинаковые, - доктор поморщился. – Разницу придумывают рекламищики из корпораций, да немного программисты. Но я, конечно, всё изучу.

Хауэр ещё раз кивнул, теперь доктору, придал лицу непроницаемое выражение и

покинул белый отсек. За порогом его терпеливо дожидались четыре младших командира и два робокрига личного боевого сопровождения. Макс окинул их суровым взглядом и, наконец, позволил компаньону-синтетику приступить к его прямым обязанностям.

Технооболочка мгновенно установила контакт с синтетиками подчиненных и воссоединившийся бинарный разум командора Хауэра принял раздавать привычные пакеты ценных указаний. Всё, как обычно перед отправкой отряда в боевой поход. С той лишь разницей, что в этот раз Макс Хауэр не до конца верил в успех операции. Что на самом деле задумал Руперт, он пока так и не понял.

«И сможет ли в этом разобраться Бозе, тоже пока большой вопрос, - мелькнула мысль. – Может быть, довериться его чутью и всё-таки прихватить с собой Момо? Синтетик, что скажешь?»

Искусственный разум ответил коротко, как всегда, но совершенно неожиданно по содержанию. Он ответил «это целесообразно». Макс не сомневался, что синтетик зарубит идею, а потому командор даже слегка опешил. Будь у Хауэра чуть больше времени, он обязательно заставил бы синтетика дать пояснения, но сейчас время поджимало и он решил просто положиться на мнение двух полярных авторитетов – Бозе и своего синтетика. То, что идеальная машина и махровая некондиция пришли к одному выводу, следовало считать уникальным явлением. А такие явления дорогого стоят.

Макс приказал синтетику организовать перевод Момо в отряд и закрыл вопрос до лучших времен.

«По всем расчетам разгон, прыжок и выход-торможение в пространстве близ Оттономики-Террановы займут в сумме не меньше пяти стандартных часов, так что, будет время допросить своего синтетика, выслушать благодарности и соображения Бозе, и подумать обо всём самостоятельно. Ну, то есть, как – обо всём. Кроме личных проблем. Обо всём, что относится к текущим делам.

Эх, прав оказался Бозе. Три проблемы – недомолвки Руперта, новое оружие и план будущей операции – полностью вытеснили мысли об Анне. И не потребовалась никакая сомнительная помощь синтетика. Всё-таки психика человека сложнее и мудрее любых программ. И я в это свято верю, тут Борис дважды прав.

Одно печалит: плохие воспоминания нельзя стереть, нельзя оставить в памяти лишь приятное и полезное. Но, быть может, это и к лучшему? Чем иначе мы будем отличаться от своих синтетиков, без этих условно лишних, чисто человеческих воспоминаний? Да и не факт, что они лишние. Неприятные – да, но лишние... далеко не факт».

2. Тактик Сайрус Рем, судьба диверсанта

Вселенная не раз пыталась создать идеальный организм, но все попытки заканчивались одинаково. Работа всегда прерывалась примерно на середине. И не потому, что вселенная уставала или разочаровывалась в проделанной работе и бросала её в печку. Просто как раз на середине кропотливого процесса организм вдруг самоуничтожался. Иногда это происходило как бы естественным образом: генотип созданий замусоривался и они прекращали воспроизводство себе подобных. Иногда резко менялась окружающая среда. Но чаще всего идеальные организмы сами уничтожали свой вид в эгоистичной борьбе за право быть единственным и неповторимым. Идеальным абсолютно. Глупо, но поди докажи это созданиям, идеальным во всех смыслах, то есть, в том числе и совершенным хищникам. Сожрут и фамилию не спросят.

Видимо как раз после очередного провала вселенная и решила в корне поменять тактику. Решила создать организм пусть не идеальный, но зато способный понять, что он такое, почему он живёт и чем всё закончится, если он будет ставить личные желания выше интересов вида. Вселенная создала человека.

Поначалу всё шло неплохо. Новый организм стремительно развивался, умнел, а параллельно совершенствовал свои боевые навыки, поскольку его всё-таки одолевали

хищные инстинкты. Так, балансируя на узкой грани, человек прошел опасную среднюю точку, и вселенная уже приготовилась радостно выдохнуть, но... всё вдруг пошло прахом. Нет, человек не уничтожил свой вид и не канул в Лету, как предыдущие несостоявшиеся идеалы, и не откатился назад в своём развитии, как это случилось с десятками созданий, брошенных вселенной задолго до достижения ими пресловутой срединной точки развития. Человека понесло куда-то в сторону, да так резко, что вселенная не успела отреагировать и схватить свою ускользающую надежду за розовую пятку.

Человек поумнел настолько, что перехватил у вселенной (или у Бога, тут кому какая терминология ближе) инициативу и начал самосовершенствоваться в прямом смысле этого слова. Правда, поскольку склонности у человека имелись самые разные, от физики до лирики, он слегка распылился. Вот почему кто-то из людей выбрал путь духовного совершенства, кто-то – физического, а некоторые предпочли совершенствовать не столько тело или душу, сколько свой прагматичный мозг.

Вот так и появились в обескураженной вселенной вместо одного идеала, человека разумного, сразу четыре вариации на его тему. Те, кто пошел по пути духовного совершенствования, просветления и постижения вселенской гармонии остались у родных очагов и в дальнейшем развитии человечества особой роли не сыграли. А вот механики, физики и генетики успешно вырвались на оперативный вселенский простор, где и закрепились всерьёз и надолго. Правда, после этого их пути разошлись.

Технари, которые дали начало космическим расам сайтенов и мароманнов, ещё туда-сюда интересовались друг другом, общались, обменивались информацией, торговали, изредка ссорились, но в конце концов всё-таки мирились и продолжали сотрудничать. А вот дактианцы, те самые генетики, отскочили от основ базовой цивилизации так далеко, что удивили сами себя, а не только бывших сородичей или Бога-вселенную. Очень уж они основательно перетряхнули весь опыт цивилизации. Нет, дактианцы не отбросили достижения человечества, начиная с колеса или прирученного огня, заканчивая гиперпространственными двигателями Хайма-Дрешера или современным оружием. Всё самое полезное они себе оставили. Но уклад жизни, законы, а главное – принципы существования со всем живым во вселенной они придумали заново. И надо признать, у них неплохо получилось.

Во всяком случае, так считали сами дактианцы.

Впрочем, на это утверждение работала и бесстрастная история. Аррадакт вот уже не первый десяток лет успешно отстаивал свои интересы в любой точке освоенной части галактики. И делал это не только с помощью дипломатии, экономических рычагов или танцев с бубном, но и силой оружия. Живого, частично разумного оружия, которое успешно противостояло технологичному оружию и механическим монстрам, созданным технарями. В основном – мароманнами. Эта космораса почему-то наиболее ревностно следила за экспансией дактианцев и постоянно пыталась оспорить их право на вновь открытые источники ресурсов или пригодные для заселения планеты.

А ещё успешность дактианской идеи мироустройства могли подтвердить киферы, которых, как разумных и даже цивилизованных существ «открыли» именно дактианцы. Ни железноголовые киборги – сайтены, ни напичканные наноботами биомеханоиды мароманны до такого просто не додумались. В их понимании киферы оставались просто жуками. Возможно, разумными, и что с того? Где хоть одно уравнение, решенное кифером? Где созданные ими машины? А если нет машин, это не цивилизация.

Поначалу технари даже собирались уничтожить киферов. Ведь их планета и населенные жуками спутники оказались вполне пригодными для жизни, да ещё и богатыми ресурсами. А что на них полно аборигенов – кого это когда-нибудь останавливало? Объявить их угрозой цивилизованному миру, разбомбить и все дела. Схема древняя, как деньги.

Спасли киферов три, а вернее четыре серьёзных аргумента. Первым стали тяжелые дактианские боевые «киты» – аналоги мароманских космических крейсеров, которые

зависли на орбите главной планеты киферов и взяли на прицел ударный флот мароманнов. Вторым аргументом стало вмешательство гуманоидной цивилизации фортанов. Неагрессивные, философски настроенные, но при этом очень сильные, а потому уверенные в себе нелюди настоятельно рекомендовали технарям не трогать жуков и подкрепили свою просьбу красочным световым шоу в пространстве неподалеку от Маробода. Повлияло ли на принятие решения лазерное представление в объеме пространства, превышающем объем, в котором умещалась вся мароманская столица вместе с ближайшими спутниками? Наверное, да. Вряд ли мароманы испугались, ведь фортаны устроили только шоу, а не вывели флот боевых межзвездных «китов» на орбиту, но обалдели уроженцы Маробода и сайтены от странной выходки гуманоидов однозначно и задумались крепко.

Третьим ударом по психике технарей стала демонстрация киферами убедительного доказательства, что в технике они разбираются не хуже самовлюбленных, нафаршированных железом и наноботами двуногих болванов. Несколько жуков забрались в ходовые рубки и провели корабли мароманнов и сайтенов по самым сложным маршрутам в недостижимые прежде закоулки галактики, не используя никаких звездных карт и данных сверхдальней разведки. Как это у них получилось, осталось загадкой, но факт оставался фактом – киферы разобрались с человеческой техникой и показали, что владеют даже более совершенными технологиями. Только не используют их, поскольку никуда особо не летают.

На самом деле, этот третий аргумент мог задеть самолюбие технарей и сыграть против киферов, но всё обошлось, поскольку жуки сделали контрольный выстрел, предъявив четвертый козырь. Они показали мароманам и сайтенам, как надо готовить пищу, а особенно напитки. Странно или нет, но именно этот аргумент решил всё. Жуков оставили в покое и вообще стали считать «священной коровой».

Короче говоря, у дактианцев имелись все основания считать себя исключительной косморасой. И не только потому, что теперь они казались себе благородными космическими миротворцами. Имелись и объективные причины.

Например, дактианцы могли смело утверждать, что совершенны физически – спасибо высочайшему уровню развития генной инженерии, которая и позволяла им эту маленькую роскошь. Благодаря идеальным генетическим «настройкам» дактианцы не болели, могли управлять своим организмом, например, фиксировать возраст и жить, не старея очень долго, могли восстанавливать поврежденные ткани и даже потерянные части тела – если, конечно, это не жизненно важные органы и дактианец оставался на момент «процедуры» в сознании.

Естественно за такие полезные для здоровья таланты приходилось платить. Правительство Демократической Империи Аррадакта требовало от граждан полной самоотдачи и даже закрепило в конституции пункт о максимальной продолжительности жизни в работоспособном возрасте. То есть, законопослушным дактианцам вменялось в обязанность самостоятельно (или с помощью генинженеров, если у самих не получалось) следить за постоянным восстановлением своих органов и тканей, чтобы как можно дольше оставаться молодыми и энергичными.

В принципе, большинству дактианцев эта конституционная норма казалась логичной и полезной, как для государства, так и для самих граждан. Но тут имелся один тонкий момент. Оставаясь в работоспособном возрасте и крепкими физически, дактианцы не умели оставаться вечно молодыми морально. Постепенно накапливалась психологическая усталость, и некоторые граждане умирали, как говорилось «от тоски», хотя физически они оставались вроде бы вполне здоровыми.

Впрочем, эта проблема решалась мудрым правительством просто. За особые заслуги (или по рекомендации агентов Министерства здоровья, которые внимательно наблюдали за гражданами) дактианцам разрешалось стареть и выходить на пенсию. Да, выдавались такие разрешения чуть реже, чем того хотелось бы некоторым гражданам, а

потому выражение «выйти на пенсию» или слово «старость» воспринимались как синонимы слова «мечта», причем, почти несбыточная. Но большинство дактианцев устраивало и то, что они имели. Стабильную работу, постоянную заботу правительства об их здоровье и возможность жить активно вплоть до последней минуты.

То есть, дактианцы имели право считать себя не только высокоморальными и физически совершенными, но еще и мудрыми созданиями. Разве нет? Конечно, если сравнивать с фортанами, можно и спорить, но какой смысл сравнивать людей и нелюдей, пусть и гуманоидов. Разное происхождение внешне схожих видов накладывало свой отпечаток на образ мышления. То, в чем считались мудры фортаны, люди оказывались наивны, но случалось и обратное. Так что, с ними сравнивать не следовало. А вот с технарями – запросто. И тут дактианцы выигрывали по всем статьям.

Во всяком случае, так считали сами дактианцы.

Тактик третьего уровня Сайрус Рем отвёлся от пришедшего на ум размышления – экскурса в недавнее прошлое вселенной и тонкости уклада существующих цивилизаций и бросил взгляд на проекцию маршрутной карты. Похоже, он прибыл, куда направлялся. Летательный аппарат-модификант косвенно подтвердил догадку хозяина, сбросив скорость. Затем последовали несколько секунд свободного падения, выход из пике и мягкая посадка в самом центре размеченной светящимися грибами площадки. Напористо и эффектно, как Сайрус и любил. Выращенный на транспортной фабрике-ферме Мажерти лишь в прошлом году модификант-летун считался пока еще молодым, но штатный период приручения уже прошел, а потому отлично изучил манеры хозяина.

Сайрус подался влево, и летун тут же поднял прозрачную складку обтекателя, подставил вырост-трап и опустился на брюхо. Всё согласно программе. Вот, что значит, тщательно выведенная порода.

Рем выбрался из летуна, но дальше отправился не сразу, только после того, как одобрительно похлопал существо по лоснящемуся боку. Сайрусу нравились породистые летуны, чем-то они напоминали ему хороших лошадей, только с крыльями. Нет летуны имели совсем другую компоновку, сравнивать их следовало с птицами без перьев, но лоснящаяся шкура, благородство мощных линий и стремительность в каждом элементе тела лично у Рема вызывали ассоциации именно с боевыми конями. Летун преданно и благодарно всхрапнул, и у Сайруса не осталось сомнений – именно с конями!

Рем жестом приказал запрыгнуть к себе на плечо мелкому, но цепкому сумчатому грызуну – у него в растянутой сумке, хранилось всё, что требовалось Сайрусу на отдыхе – и направился к уютному домику, выращенному знакомым биоархитектором в этой заповедной глупши. Вообще-то Рем хотел завести себе основательное строение из быстро каменеющих орфийских кустарников, но архитектор пересубсидил его и вырастил домик из типового овощного материала. Поначалу Сайрус всё-таки кривился, но потом признал, что знакомый прав. Выглядело жилище не монументально, однако всё равно солидно и красиво, имело необходимый набор помещений, а еще в нем прекрасно дышалось. Гораздо лучше, чем в окаменевшем хитросплетении орфийской флоры.

Но главное, домик-тыква, как Сайрус в шутку прозвал своего нового недвижимого приятеля, жил – не тужил. Это значило, что его не нужно обогревать – он сам согреет и себя, и владельца, не нужно обрабатывать наружные стены составами против эрозии, дом сам восстанавливал наружные слои, и не надо заботиться о наведении порядка. «Тыква» убирала мусор и отходы тоже сама. А что стены не такие прочные и надежные, как каменные... это ведь загородный домик для отдыха, а не крепость. Да и если честно, каменные стены порядком надоели Рему на службе.

Мысли Сайруса резко, как нога по грязному бортику сточной канавы, съехали на неприятные воспоминания о последних неделях. Вообще-то Сайрусу Рему, тактику третьего уровня, профессиональному диверсанту, не полагалось проводить много времени в каменных стенах гарнизонов. Раньше так оно и получалось. Тренировочные лагеря, боевые операции, командировки занимали львиную долю времени. Сайрус задерживался в

каких бы то ни было укрепленных районах и мертвых строениях от силы на пару дней. Иногда он настолько отвыкал от них, что поначалу терялся – почему этот организм-укрытие не выполняет даже простейшие приказы? – а потом на него накатывала волна брезгливости. Ну как можно жить, пусть даже только ночевать в мертвом строении? Правда, брезгливость быстро проходила, поскольку каменные или окаменевшие строения создавали иллюзию защищенности и этот приятный штришок без труда закрашивал все другие. Но так было раньше. В последнее время чувство защищенности превратилось в тягостное ощущение несвободы. Сайрус застрял в горном укрепрайоне Эпсилон-13, похоже, всерьез и надолго.

А всё из-за какой-то мелочи. Диверсионная группа Рема впервые за время существования не сумела выполнить задание чисто. Диверсанты запустили в коммуникации под крупным поселением мароманнов на колонии Роер большую стаю генмодифицированных крыс. По задумке Сайруса бионикам оставалось лишь перегрызть стержни, с помощью которых колония получала энергию из недр планеты. Но что-то пошло не так, крысы почему-то ринулись на поверхность и всех длиннохвостых биоников переловили, стыдно сказать, роботы-уборщики. Мало того, мароманы быстро сообразили, что крысы не местные, начали прочесывать окрестности и обнаружили дактианцев. Пожалуй, это стало даже большим проколом, чем сам срыв диверсии. На отходе группа Сайруса потеряла трех бойцов и не сумела забрать их тела. Мароманам они тоже не достались, специальные бактерии в считанные секунды «зачистили» останки павших воинов, но записать ролики мароманы успели. Естественно, это стало очередным поводом для эскалации напряженности в секторе Роера, которая вылилась в неслабую орбитальную потасовку. Кажется, потери дактианского флота составили два десятка «китов», несколько сотен «акул» и три тысячи мелких космических биоников. Естественно начались поиски «крайнего» и после недолгих разбирательств эту почетную роль отвели Сайрусу.

Казалось бы, за что? Спрашивать следовало с тех, кто создавал и обучал крыс, то есть, с биоинженеров. Вина Сайруса тут была минимальной. Да и вообще, другим группам прощались и не такие ляпы. Но к Сайрусу стратегическое командование предъявляло особые требования, иногда за гранью справедливости, как выражался космофлотский тактик Торез Герра, один из старых товарищей Рема.

Почему так? Рем отчасти понимал, в чем причина – показательная порка героя не особо вредит его имиджу, зато бодрит остальных, но это понимание слабо утешало Сайруса. Ведь невыполнение особых требований и наказывалось особым способом. Можно даже сказать, особым жестоким способом. После проваленной по мнению стратегического командования операции группу Сайруса временно переформировали. Читай – распустили навсегда. А самого диверсанта с именем, известным любому тактику, привату, кадету и половине обычных мальчишек назначили начальником противодиверсионного отряда колонии Терранова. Задвинули, проще говоря, куда подальше. Где справедливость? Хотя бы, где целесообразность? Разве можно отстранять от работы лучшие кадры, которые даже работая в пол силы приносят больше пользы, чем все остальные вместе взятые?

Хотя, может быть, командование было право. Может быть, Сайрусу и впрямь следовало взять паузу, переключиться, отдохнуть. Может быть, страткомандование в целом и стратег второго уровня Вита Рем, родная сестра Сайруса, а по должности как раз куратор диверсионно-разведывательного направления, поступили мудро, а не жестоко, отстранив тактика третьего уровня от боевой работы. Возможно всё так, но… тогда могли бы сказать об этом. Но Сайрусу не сказали ни слова. Просто перевели в заштатный гарнизон и предложили освоиться на Терранове. Обычно иезуитское «освоиться» означало как минимум двухлетнюю ссылку.

«И, главное дело, Вита упорно не признаётся, что там в страткоме происходит. Всё узнаешь позже – и весь ответ. Не-ет, когда она была братом, с ней было проще. Дернул её

чёрт сменить пол! Надеюсь, скоро блажь пройдёт и она вернется в мужской клуб. Если, конечно, не попадёт в передрягу, как на Свайсе, когда целую колонию накрыло местной ядовитой пыльцой и все утратили способности к генной трансформации».

Ужас, какой разразился скандал. Ладно утрата способности менять пол, гормональный фон или быстро регенерировать при болезнях и повреждениях. Не сможешь сам, помогут биоинженеры. Но старость! Отравленные колонисты начали бесконтрольно стареть и ни они сами, ни колониальные биоинженеры ничего не смогли с этим поделать. Можно сказать, свайсианцы принялись бессовестно грести лопатой золото, ради которого другие пахали десятилетиями, как проклятые.

Случись всё не на колонии, скандал прогремел бы не такой громкий, но на Свайсе громом и молниями накрыло всех и вся. Ведь колонисты вообще не могут позволить себе старость, даже если заслужили это право. Пока они не вернутся на Аррадакт или на какую-нибудь из базовых планет Империи, их пенсия считается отсроченной привилегией. Колонистов на любой новой планете, а уж тем более на Свайсе слишком мало, рожать детей им некогда, да кругом ещё и неблагоприятные внешние факторы. Плюс к тому – вялотекущая война с Марободом. Когда тут стареть? Работать надо. Устал, не устал – скрипи! А пенсия это привилегия жителей метрополии, а не колонистов. Вот вернешься, активируешь заработанный статус гражданина первой категории, тогда и выпускай свои гены из ежовых рукавиц.

Прибывшие вскоре столичные инженеры конечно помогли колонистам Свайса «поправить здоровье», но некоторые хитрецы умудрились избежать восстановительных процедур и в конце концов постарели настолько, что социальным инспекторам всё-таки пришлось списать их на пенсию. Правда, вернуться на базовые планеты им в отместку не разрешили. Старички сделали вид, что огорчены случившимся и разбрелись по своим домам с довольными ухмылками на морщинистых лицах. Ведь они и не рвались улетать со Свайса, справедливо считая, что вожделенную пенсию можно неплохо провести и на колонии. Чем она хуже метрополии, если смотреть с позиции пожилого человека? Ничем.

Нет, Вита вряд ли торопится стареть и даже если попадет в историю вроде Свайсовской, не станет уклоняться от восстановления нормальных способностей к гентрансформации, но всё равно боязно. А что, если она так и останется Витой, не вернется в первоначальный облик до пенсии? Иметь сварливую старуху-сестру будет вообще невыносимо!

Домик почувствовал, что владелец чем-то расстроен и постарался встретить Сайруса изысканным свежим ароматом. Не сказать, что это подняло настроение, но Рем хотя бы отбросил мучившие его раздумья. А когда из закутка с правой стороны от домика выбрался пёс, Сайрусу удалось окончательно переключиться на позитивную волну.

Домик в деревне. Оазис покоя, медиатор душевного равновесия и позитива. Пусть и не в пригородах столицы, но всё равно радующий. Хотя, о чём речь, какие пригороды на Аррадакте, там везде город, хоть и зеленый, живой, свежий, но очень уж густонаселенный, шумный и перегретый потоками информации. Но наверное, домик-тыква радовал прежде всего потому, что вырос настоящим, без ГМО и других «прелестей цивилизации».

- Скажи мне что-нибудь, - потрепав пса по загривку, предложил Сайрус. – Что-нибудь хорошее и простое.

Пёс лизнул Рему руку и отчаянно завилял хвостом. В деревне псы разговаривать не умели. Они плодились здесь в естественных условиях, без генетической коррекции и жили в овощных будках или под боком у хозяйствского дома, а не в специальных обучающих лакунах на нижних уровнях квартир, на которые разделялись городские домамуравейники.

- И хорошо, что «дворяне» вроде тебя не говорят, - Сайрус усмехнулся. – Если честно, тошнит уже от мутантов. Они полезные, преданные, умные... да, встречаются и такие, вот прямо-таки умные... но искусственные, хоть и живые. Природа никогда не сделала бы их настолько совершенными... уродами. А ты настоящий... у-у, зверюга!

Пес завалился набок, затем улегся на спину и подставил хозяину пузо. Сайрус не отказал сторожу в удовольствии, почесал ему живот, а затем цокнул, приказывая настороженно замершему сумчатому на плече выдать собаке угощение. Грызун недовольно цокнул в ответ, но достал из сумки завернутый в зеленый лист кусок растительного «мяса» и бросил псу. Прямо так, в упаковке. «Дворянин» оказался не гордым и слопал городское угощение вместе с упаковкой, в три укуса.

Пока Сайрус осваивался на территории усадьбы, умный дом позабочился о завтраке и навел справки о привычках владельца. Хотя, возможно, это он сделал гораздо раньше. Во всяком случае, когда Сайрус наигрался с собакой и решил войти в жилище, кроме завтрака на столе его ожидали и другие приятные мелочи, которые он привык видеть в местах своего обитания. Например, дом установил на видном месте один из немногих артефактов техноцивилизации, которому дактианские генинженеры пока не вырастили достойную замену – инфопроектор. В принципе большая часть деталей в подобной технике уже выращивалась, но кое-что приходилось изготавливать с помощью неживых технологий или покупать у сайтенов и вживлять. Модель попалась не самая новая, но надёжная и держала устойчивую связь с инфопотоками даже в самых отдаленных уголках планеты. Рем усился за стол, выждал, пока стул-гриб приспособится к непростой конфигурации героической, но костлявой задницы высокого и худощавого хозяина и кивком разрешил дому включить проектор.

«Привычка достаточно вредная для пищеварения, – подумалось Сайрусу. – Но потребность просматривать или читать новости за завтраком, похоже, въелась в какой-то из генов игрек-хромосомы. Отучить от неё мужчину можно только одним способом – добавить игрек-хромосоме что там ей не хватает до «икс», то есть, превратить мужчину в женщину. Вон, Вита знает. Чёрт! Что-то я часто её вспоминаю. Ой, не к добру».

Дом не умел читать мысли, это сто процентов, но каким-то образом догадался, о чём и о ком думает владелец. Проекция вдруг изменилась и на передний план выплыли новости страткома. Военных сводок оказалось мало, на всех фронтах наступило условное затишье, зато в живом режиме транслировалось открытое заседание комитета по военной этике при стратегическом командовании. Председательствовала на нем стратег Вита Рем.

«Вот тебе и вспомнил о сестренке. Тут же всплыла. Русалка болотная».

Вита, похоже, засекла, что среди призрачных зрителей появилась знакомая физиономия, мгновенно выщепила брата взглядом и подала лишь ему понятный знак «оставайся на связи». Сайрус вздохнул и приkleил к лицу унылую мину. Только-только отвлекся, хлебнул деревенского позитива, и вдруг на тебе, получи подзатыльник за то, что расслабился. Прямо, как в детстве. Ведь Вита... а тогда Витус... была, то есть, был старшим братом. Проверить бдительность младшенького считалось для него обычным делом, как помыть руки. Может быть, подзатыльники от Витуса и стали первым толчком, направившим Сайруса в сторону диверсионной деятельности. Во-первых, диверсанты постоянно пропадают где-то в тылах у врага, то есть очень далеко от родственников, а во-вторых, они умеют классно драться, то есть, могут дать сдачи кому угодно, даже если он старше. Примерно так рассуждал маленький Сайрус. А когда он вырос и стал диверсантом... Витус стал Витой. Получилось, что дать сдачи ему опять нельзя.

«В этом смысле мароманам проще, – Сайрус украдкой вздохнул. – У них кем родился, тем и живешь, сколько тебе отмерено. Они вообще всех этих вариантов не признают, ни смены пола, ни просто слишком нежного отношения к товарищам по клубу. Один пол на всю жизнь, одна традиционная семья, и никаких «рожаем по очереди». Для нас, конечно, всё это дико, отстало и несправедливо, но у них другие варианты даже не обсуждаются. Консервативные ценности. Даже будь у них возможность, не изменили бы свой замшелый средневековый уклад. Короче говоря, варвары из медвежьего угла, пусть и технологически продвинутые, что с них взять? Но всё-таки им проще».

Комитет страткома объявил перерыв и Вита, не поднимаясь со своего председательского кресла, выделила из общего инфопространства закрытую линию связи

с братом. Судя по озабоченному лицу и поджатым губам стратега, разговор предстоял серьёзный. Но Вита не сверлила младшенького взглядом и это вселяло надежду, что крупной взбучки не будет. Да и за что? Сайрус не делал ничего дурного вот уже пятую неделю кряду.

Он вообще ничего не делал, если говорить откровенно. Марободских диверсантов на Терранове не видали отродясь, несмотря на то, что половина планеты принадлежала мароманнам. Этот принцип Сайрус уяснил для себя давно – там, где жили, мароманы не гадили. Могли, конечно, устроить пограничный конфликт, но в рамках приличий и без энтузиазма. А чтобы затеять серьёзную провокацию – это не в их интересах. Так что подразделение противодиверсионной службы оказалось на Терранове самым невостребованным из всех армейских частей. В доисторические времена такую службу называли синекурой.

- Как дела? – Голос Виты казался усталым, словно ей пришлось целые сутки с кем-то громко спорить.

- Служу, – Рем пожал плечами. – Знакомый архитектор вырастил домик в деревне. Вот, взял два выходных, чтобы освоиться.

- Сад, пруд и собака? – Вита едва заметно улыбнулась.

- Всё так, – Сайрус кивнул. – И даже море неподалеку. Мечты сбываются.

- Только не там, где хотелось бы. Хочешь то же самое на Аррадакте?

- Не хочу, – Рем коротко мотнул головой. – Там шумно и всё ненатуральное, хоть и живое. А здесь… ты бы слышала, какая здесь тишина. И биочистота идеальная. А всё потому, что на сто километров в любую сторону ни одной фабрики-фермы или чего-то подобного, только настоящий лес, горы и море. В лесу и горах полно животных, а в море рыбы, моллюсков и водорослей, но нигде нет ни одного ГМО. Можешь себе такое представить? Ни одного модификанта, мутанта или бионика. Вообще. И тишина. Просто рай. Куда там Аррадакту!

- Рада, что ты нашел такое гармоничное место, но вопрос не снимается. Ты хочешь вернуться в строй?

- Я и так в строю. В хромом, но всё-таки.

- Не дуйся, Сайрус. Твоя ссылка – тактический ход. Да и тебе самому она пошла на пользу. Смотри, какой ты стал спокойный, уравновешенный. Даже на меня смотришь нормально, и разговариваешь без твоего обычного раздражения.

- И ты предлагаешь отправить все эти достижения киту под хвост?

- Я предлагаю тебе снова стать Сайрусом Ремом, тактиком второго уровня, героем Аррадакта.

- Второй уровень? – Сайрус усмехнулся. – Стратком сменил гнев на милость? Собирался понизить меня до четвертого, но передумал и повысил до второго? Что за бляжь?

- Стратком не знает такого слова, – строго сказала Вита. – Все наши действия просчитаны. Да, тебя законсервировали. Но никто не говорил, что ты вне игры навсегда. Просто мы ждали момента, когда потребуются услуги специалиста твоего класса. Этот особый момент настал. К Терранове приближается враг. Мы, конечно, сделаем всё, чтобы встретить его и остановить у порога, но лично я считаю, что мароманы нанесут двойной удар – и с орбиты, и с грунта. Единственное, чего я пока не знаю – цель, по которой ударят враги.

- Обычно бывают по приграничным поселкам и военным базам, – Сайрус пожал плечами. – Стандартная практика. Я не пойму, в чем особенность момента? В том, что на этот раз у них будет поддержка с орбиты? Так она и раньше имелась, «Каменный купол» обязательно сопровождает все провокации точечными ракетными ударами.

- Во-первых, в этот раз сопровождать провокацию будет не «Каменный купол», а Ударная группа, и, во-вторых, ты не понял, это будет не пограничная стычка. Мароманы намерены высадиться в центре нашей территории. Они уже забросили группу разведки.

- Что за... чушь? – Сайрус поморщился. – Откуда такие сведения? И почему я об этом не знаю?

- Сведения из надежного источника. И теперь ты об этом знаешь. Так что тебе в любом случае придется прервать свой отпуск, Сайрус, и заняться поиском вражеских разведчиков. Найди их раньше, чем прилетят основные силы, и ты тактик второго уровня. Выясни, на какой объект нацелились мароманы или какую цель они преследуют и ты снова получишь группу. Даже отряд с полным штатом младших тактиков, приватов и биоников. Ясен расклад?

- Вполне, - Рем задумчиво потер подбородок. – Есть хотя бы примерные координаты квадрата, где высадились разведчики?

- Только сектор Эпсилон.

- Двадцать из тридцати квадратов этого сектора покрыты лесистыми горами. Самый трудный для поиска вариант. Но я справлюсь. Ход мыслей мароманской разведки я изучил неплохо.

- Надеюсь, - Вита сказала это почему-то после небольшой заминки. Она будто бы хотела прокомментировать одну из крайних фраз Сайруса, но передумала. – Обращайся по любому поводу. Я буду на постоянной связи. И не только я. Весь стратком будет следить за ходом контроперации. Мы должны... нет, мы обязаны воспользоваться преимуществом, Сайрус. Враг не знает, что мы готовы к его прибытию. Такие шансы выпадают очень редко, брат.

- Мы воспользуемся, - Сайрус кивнул и поднялся из-за стола. – Мало им не покажется. Поиск разведчиков начну с квадрата 13. Несмотря на зеленую маскировку, даже из космоса видно, что у нас здесь больше всего военных объектов. Есть большая доля вероятности, что разведчиков заинтересовали именно они. До связи, бра... э-э... сестричка. Аррадакту привет.

3. Демон и левиафан

Новейшая версия Боевого устава армии Маробода предписывала три способа высадки десанта на пригодные для жизни планеты. Первый вариант выглядел самым безопасным. Большой десантный корабль подходил к планете на расстояние эффективного удара, подавляя с помощью огневых систем орбитальную оборону, а затем выстреливал автоматические штурмовые боты. Эти небольшие корабли-роботы входили в атмосферу и уничтожали вторую и третью линии обороны – воздушные силы и грунтовые огневые точки. Только после этого начиналась высадка бойцов на бортах десантных ботов. Фактически, после мощной штурмовой подготовки бойцам и робокригам оставалось только зачистить территорию или выполнить другую поставленную командованием задачу. Опытные воины называли такие операции «детскими» или «учебно-боевыми». Жаль, что эта схема применялась гораздо реже, чем две другие, поскольку срабатывала только против слабо защищенных колоний.

Второй вариант подразумевал выход из прыжка в непосредственной близости к атмосфере и бой на ближней дистанции. Едва очутившись в нормальном пространстве БДК открывал шквальный огонь по всей сфере фронта – заодно и по планете, и кроме штурмовых ботов выпускал сотни палубных истребителей, которые мгновенно атаковали орбитальные силы противника. Риск получить сдачи в этом случае повышался, но тут всё решал натиск. Обычно бешеная по интенсивности атака даже одного БДК и его сателлитов приносила успех. Дактианцы крайне не любили такие «всплытия» внутри их позиций, поскольку бионики наотрез отказывались стрелять, если на линии огня – перед целью или за ней, неважно – оказывались их «полуживые братья-биороботы». А вот мароманские истребители, точнее их синтетики, на такие тонкости плевали. Они умели рассчитывать оптимальную траекторию стрельбы с учетом векторов движения всех целей, находящихся в поле зрения. Пусть их будет хоть тысяча и мечутся они, как молекулы в кипящей воде. А, в-третьих, синтетики не колебались даже когда не оставалось выбора, и

чтобы подбить крупную дактианскую мишень приходилось стрелять в своего. Если цель оправдывает средства, пусть летят щепки. И даже не только щепки, но и кровавые ошметки живых бойцов. Последнее, правда, допускалось только с разрешения командования.

Третий вариант казался вовсе ураганным. БДК входил в атмосферу и лично устраивал Армагеддон в зоне высадки. В этом случае он становился уязвимым для всех видов оружия противника, но зато десанту для высадки не требовались никакие вспомогательные средства. Бойцы и робокриги прыгали с высоты в три-четыре десятка километров и благополучно приземлялись с помощью индивидуальных ранцевых двигателей, тех самых, что в космосе служили средством скрытной доставки диверсантов на вражеские станции или космобазы. Сбросив десант, корабль уходил на орбиту и дальше в действие вступала схема номер два.

Но все эти варианты относились к высадке силами одного БДК. Сейчас же уничтожение орбитальных сил противника обеспечивали профильные корабли. Десантному кораблю оставалось только пробить атмосферную защиту и подавить грунтовые точки ПКО.

- Вариант «детский плюс», - прокомментировал ситуацию капитан БДК «Демон» Ян Холичек. При этом в голосе у него сквозило заметное сомнение.

- Что-то смущает? – спросил Герцог.
- Столица колонии.
- В каком смысле?
- Вокруг неё не одно, а три кольца противокосмической обороны, - ответил вместо капитана Хауэр.

Кроме Макса, капитана и Герцога в рубке находились только два вахтенных робокрига, так что командование могло говорить откровенно, озвучивая любые сомнения. Лучше сейчас, чем после начала операции.

- Значит, надо отправить первым эшелоном все штурмовые боты и люфткригов в придачу.

- Ты, конечно, авторитетный разведчик, Руперт, стратегически подкованный... но в тактическом планировании смыслишь меньше Бориса, - Хауэр отправил в общее виртуальное пространство объемную схему. – И твои стратегические разведчики тоже мало, что понимают. Идея и её воплощение это очень разные вещи. Вот, взгляни на схему. Это самые свежие данные моей разведки, фронтовой, по обороне столицы Террановы. Таких оборонительных систем нет больше нигде, кроме Аррадакта.

- И что? – Герцог нахмурился. Ему явно не понравился нравоучительный тон Хауэра.

- Да то, что «детский» вариант здесь не годится. Даже «всплытие» не годится. Надо входить в стратосферу и бить из бортовых орудий «Демона». Но это означает полное уничтожение города.

- Полное? – Герцог задумчиво кашнул головой. – Этого в плане нет. Полное уничтожение Терраполиса нам невыгодно по двум причинам: это будет повод к большой войне и, второе – мы не сумеем испытать новое оружие. Не останется целей.

- Вот именно, - Макс кивнул. – Поэтому предлагаю выбрать другую мишень. Например...

Хауэр развернул объемную проекцию-макет местности, лежащей к югу от колониальной столицы. Самым интересным объектом на макете выглядел комплекс замаскированных сооружений в густо поросших зеленью невысоких горах. Макс уже сталкивался с чем-то похожим на Зарайе, дактианской колонии, которую пару лет назад успешно взяли штурмом три Ударные группы. Там в подобных сооружениях прятали фабрики-фермы, на которых выращивались боевые бионики.

- Например, вот эту базу в секторе Эпсилон, квадрат 13, - продолжил Макс, указав на комплекс. – Это в горах к югу от столицы. Обычно так выглядят оружейные склады,

биофабрики или фермы, где выращивают боевых биоников. Отличная цель. И дело как раз по моей специальности – штурм базы.

- Нет, - Руперт бросил взгляд на макет и поначалу вроде бы заинтересовался объектом, но всё-таки отрицательно покачал головой. – У нас приказ атаковать столицу. План операции утвержден самим верховным главнокомандующим. Так что, подумайте ещё, командор.

- Если план утвержден самим верховным, - Макс поднял взгляд к потолку, - о чём тут думать? Как я могу корректировать план «самого», кто я такой?

- Не ёрничай, - Герцог поморщился. – Разрешаю вносить коррективы по обстановке.

- Ну, обстановки-то пока никакой нет, - Хауэр ухмыльнулся и развел руками, - у нас ещё три часа до выхода из прыжка.

- Как врежу сейчас, - негромко пригрозил Герцог и показал приятелю кулак. – Думай, пока есть время!

- Думай, не думай, - Хауэр пожал плечами, - пока не увижу, в какой порядок развернулись корабли прикрытия и насколько они преуспели, ничего не придумается. Капитан, есть картинка?

- Ты что, первый раз на борту? – Холичек смахнул в общее пространство всё, что видели в данный момент синтетики «Демона» и самого капитана. – Только схема базовых сигналов. Картинки в прыжке недоступны.

- Тоже годится, - Макс с интересом уставился на движущуюся схему.

В принципе, она мало чем отличалась от реальной картинки, синтетик «Демона» без труда дорисовывал детали и выходило у него вполне сносно. Конечно, своих он рисовал по шаблонам, поэтому в деталях они не отличались, лишь имели разные бортовые номера, а чужих «Демон» и вовсе практически выдумывал. Ориентируясь на расположение и перемещения базовых маяков своих, мароманских кораблей, синтетик моделировал места дислокации вероятного противника и размеры его боевых единиц. Но выходило всё равно убедительно. Будь информации чуть больше, например, получай синтетик БДК хотя бы данные о минимальных гравитационных искажениях, он изобразил бы поле боя ещё более достоверно, но в прыжке он имел доступ лишь к сигналам маяков, наложенным на объемно-временную карту пространства вблизи Террановы. Кроме точного положения своих и вероятной дислокации чужих ещё на схеме отражались только базовые вещи – положение планеты, двух её лун, стационарных станций, и естественных космических тел, вроде астероидов на постоянных орbitах, да прочих булыжников и ледяных глыб, которые по расчётам проходили сквозь систему в данный момент. В принципе, схема получалась подробной и достоверной – а иначе, как выходить из прыжка, можно ведь и на астероид наткнуться – но всё равно она оставалась только схемой, моделью, а не реальным изображением.

- «Демон» считает, что всё идет по плану, - подсказал капитан. – Судя по боевому ордеру, наш левый фланг блокирует нескольких крупных «китов» противника, а центр и правое крыло ведут бой с «акулами», «бешеными птицами» и «гнусом». Сектор нашего выхода из прыжка почти свободен. Видишь маяки трёх катеров?

- Вижу, - Хауэр указал на равносторонний треугольник, любезно дорисованный синтетиком БДК по трем точкам. – Не слишком ровно они держатся?

- Они дрейфуют в режиме маскировки на краю астероидного поля. Вычислить их дактианцам будет очень трудно. Только если наведут оптику прицельно. Но им сейчас не до поиска наших катеров. Ударная группа довольно качественно изображает попытку штурма обесточенного портала.

- Ну да, - Хауэр усмехнулся. – Это чья такая идея? Какому гению пришло в голову изобразить штурм бесполезной железяки? Где логика в этой затее?

- Логики, может, и мало, но дактианцы повелись, - пробурчал Герцог. – Моя это идея. Они наверняка думают, что мы пытаемся сорвать восстановление портала, чтобы выиграть время для переброски флота в систему Террановы.

- Наверняка? – Макс развернулся к начальнику разведки и смерил его насмешливым взглядом. – Ты так хорошо знаешь дактианцев, что готов ручаться за ход их мыслей?

- Нет, – Герцог заметно напрягся и даже слегка покраснел, а узор у него на лице сделался угловатым. – А что подумал бы ты на их месте?

- Я… – Хауэр вздохнул, – решил бы, что проклятые мароманы затеяли игру и ждал бы подвоха.

- На орбите?

- Ждал бы? Нет, не на орбите. Где-нибудь в сторонке. Например, в астероидном поле.

Макс ткнул пальцем в облако отметок, среди которых висели три пульсирующие точки маяков.

- Ждал и смотрел, как погибают другие?

- Для начала, не факт, что они погибают, – Макс покачал головой. – Терранова, как выясняется по ходу пьесы, неплохо защищена, а значит, «киты» на орбите не просто крупные, но и особо прочные. Думаю, это корабли класса «Серапион», как мы их называем. Пробить их шкуру очень непросто. И второй момент: дактианцы умеют учиться на ошибках. Все наши тактические схемы они знают наизусть и всегда готовы к любому повороту событий.

- Ты их переоцениваешь!

- А ты недооцениваешь. Не факт, что это лучше. Да, капитан?

Хауэр обернулся к Холичеку.

- «Демон» держит в уме три резервные точки выхода, – сказал капитан. – Но пока нет причин менять планы. Левый фланг противника дрогнул. «Киты» пока держатся, ты прав, но реагировать на выход одиночного корабля они не станут. В их положении важнее удержать строй.

Герцог многозначительно уставился на Макса и даже поднял бровь, будто бы спрашивая, как в детстве, «ну что, съел». Узор на лице у него тоже сгладился и принял очертания, напоминающие написанное рунами слово «снисходительность».

- Согласен, – неожиданно заявил Хауэр, не удержавшись при этом от классической подначки – мимолетного изображения под глазом руны «шип», на военном жаргоне аналога оттопыренного среднего пальца. – Пойду готовиться к выходу… на сцену. Оберкомандор, разрешите?

- Иди, артист, – Герцог вяло отмахнулся. – И не переживай, всё пройдёт по плану.

- Когда я переживал? – Макс усмехнулся. – А точку выхода лучше всё-таки сменить.

- Вот упрямый! – Герцог хлопнул по колену. – На какую?

- На ту, где нет маяков и полно всякого мусора, – Хауэр взглядом указал на самую дальнюю из подсвеченных «Демоном» резервных точек выхода. – Там нас точно не ждут.

- Слишком далеко от зоны высадки, – заметил Холичек.

- Зато близко к перевалочной станции «орбита-грунт», – Хауэр задержался на пороге. – Но решать, конечно, вам. До встречи на грунте или здесь.

- Стой! – Приказал Герцог и с подозрением прищурился. – Ты о чём это сейчас говорил? При чём тут станция орбитального метро? Ты собрался высаживаться через гражданский субпортал?

- Пока и сам не знаю, – Хауэр задумчиво взглянул на Герцога. – Просто в голову пришло. Но если всё пойдёт, как я думаю, возможны варианты.

- Всё пойдет, как надо! – Герцог рубанул рукой воздух. – Я не узнаю тебя, Макс! Тебя кризис среднего возраста посетил, что ли? Почему ты сегодня во всём сомневаешься и порешь какую-то чушь?

- Ты знаешь, – Хауэр опустил взгляд.

- Командор, отставить личные дела! – Герцог превратился в саму начальственную

строгость. – Соберись! Ты сейчас офицер, машина войны, идеальный боевой синтоганизм! Ты не имеешь права на личные переживания! Тебе ясно?

– От организма слышу, – буркнул Макс и поспешил добавить: – Ясно, оберкомандор. И необязательно на меня рычать.

– Я и не рычу, – Руперт сбавил обороты. – Я тебя встрихиваю. Это полезно даже героям. Бегом марш к своим головорезам!

Хауэр, конечно, не побежал, но вышел из рубки достаточно быстро. И всё равно успел уловить, как Герцог негромко, чтобы услышал только Холичек, сочувственно роняет «что пуле не под силу, баба запросто сделает...»

Макс мог бы возразить, но делать этого не стал. И не потому что возвращаться – дурная примета. На дальнейшие споры и заточку ляс просто не оставалось времени. Герцог и Холичек, а с ними синтетик «Демона» могли думать себе всё, что угодно, но у Хауэра сложилось собственное мнение насчет предстоящего выхода из прыжка. Место они выбрали настолько плохое, что у Макса невольно возникла мысль о саботаже. Почему этого не видел опытнейший капитан Холичек? Не хотел портить отношения с Герцогом и надеялся, что всё обойдется? За Яном ничего подобного Хауэр прежде не замечал. Да и «Демона» вряд ли волновало, что там скажет или как насолит в отместку Герцог. Но синтетик тоже не возражал, хотя наверняка понимал, что выход на краю астероидного поля сродни появлению в центре главной площади Аррадакт-Сити с флагом Маробода над головой. Космические булыжники никак не сумеют прикрыть огромный БДК от зорких глаз больших боевых кораблей дактианцев – так называемых «китов», или наблюдателей на орбитальной метростанции. Да и планетарные системы ПКО дактианцев засекут «Демона» мгновенно, ведь именно под астероидным полем находится основной грунтовый комплекс дальнего обнаружения. Так что выход и впрямь получится, как на сцену под софиты. И реакция «публики» последует незамедлительно. Возможно, «киты» не станут нарушать строй, но жахнут из кормовых орудий непременно, к бабкам не ходи.

Как всего этого могли не учитывать опытный разведчик, космический волк и умнейший синтетик-навигатор, не укладывалось у Макса в голове. Их словно кто-то одурманил! Или заразил каким-то синтоворусом? Это объяснение казалось более логичным, ведь одурманить корабельного синтетика не представлялось возможным. А вот подкинуть всем троим вирус... дело непростое, но хотя бы теоретически возможное.

«Но тогда это действительно какой-то саботаж, а то и диверсия. Или я опять себе накручиваю, как любит говорить Борис? Что со мной сегодня вообще творится? Сны эти дурацкие, сомнения, как у гимназистки с трехдневной задержкой, подозрения. Может быть, это у меня самого в синтетике вирус завелся? Или кифер меня опоил своими соплями? Нет, у Момо я угощался после разговора с Рупертом, а вразнос пошел прямо с утра, еще спросонок. Выходит, Герцог прав, и во всем виновата Анна? Возможно, только... нет, не в ней дело. В чём тогда, демон меня укуси?!»

БДК «Демон» будто бы услышал и воспринял реплику Хауэра, как руководство к действию. Нет, кусать не стал, но едва не оглушил. Макс только-только начал спускаться по внутреннему трапу в десантный модуль, как вдруг по кораблю разнесся душераздирающий вой боевой тревоги, освещение сделалось чуть ярче, а дополненная реальность превратилась в один большой объемный справочник. Подсказки на экстренный случай сыпались, всплывали и выпрыгивали, казалось, отовсюду. Командор отмахнулся от большей части ссылок и оставил только оперативную информацию. Как оказалось, этой информации накопилось негусто. Корабль по непонятной причине вдруг начал досрочный выход из прыжка, но при этом – что ещё более странно – синтетик «Демона» свято верил, что выход состоится строго в обозначенной маяками точке. Как такое возможно, ответа у синтетика не нашлось.

– Макс, боевая тревога, – вышел на связь Герцог. – Возникли непредвиденные проблемы.

– Уже догадался, – коротко ответил Хауэр и опустил взгляд.

Синтетик командора тоже догадался, что сирены гудят неспроста и быстро сформировал боевой скафандр – как и обещал Герцог, с использованием новых наноботов. Колонии этих нанитов отличались оттенком и пока не интегрировались в базовый узор, поэтому определить, где они, а где привычные колонии Хауэр смог без труда. Новые наноботы прикрыли грудь и живот, а также сконцентрировались на предплечьях в полной готовности сформировать «средство последнего выбора» – личное оружие. В бою это оружие обычно не применялось, разве что в рукопашной или в других отчаянных моментах, поэтому Макс надеялся, что до этого не дойдёт и дело ограничится использованием полевого вооружения – не интегрированного в личную оболочку, а отдельного, крупноузлового, получаемого в корабельном арсенале. Всё, что Хауэр оставалось, так это добежать до того арсенала.

Сирены взвыли совсем уж истошно, виртуальность как-то странно померкла и Макс сорвался с места. Он пулей промчался по трапу, миновал на одном вдохе десантный отсек и ворвался в арсенал. К тому моменту из него выбегал замыкающий робокриг. Все остальные бойцы и воины-синтетики уже давно заняли места в десантных ботах.

Хотя, не все. На палубе у командирского бота переминался с ноги на ногу Борис.

- Мы выходим из прыжка раньше на сто сорок восемь минут! – Торжественно, как некую священную тайну сообщил доктор Бозе. – Почти два с половиной часа форы!

- Я заметил, – Макс махнул рукой. – Поднимайся на борт!

- Постой! – Борис схватил его за ремень. – Ты ничего не понял, да?

- Док, давай там поговорим, – Макс указал на открытый люк посадочного бота.

- Там не получится, – Бозе помотал головой. – Перегрузки не дадут. Мы выходим раньше времени, но в расчетной точке! Как ты представляешь себе механизм такого фокуса?

- Да никак не представляю! – Макс сграбастал доктора в охапку и буквально засинул внутрь бота. – Задраить люки, готовность номер один! «Демон», я «Вепрь», к высадке готов!

- Максим, дослушай! – Бозе замахал руками. – Нам нельзя высаживаться!

- Пристегните дока, – приказал Макс не глядя на Бориса.

Два ближайших робокрига мгновенно прижали доктора к свободному месту, чтобы дать возможность его скафандру образовать сцепку с противоперегрузочным креслом.

- Макс! – Не утомонился Бозе. – Нас подставляют! Шевельни хоть одной извилиной! Теоретически мы не можем выйти в расчетной точке раньше времени! Мы можем выйти либо в расчетное время, либо в другой точке, прилично не долетев до Террановы, где-то на полпути!

- Твою мать! – Хауэр всё-таки обернулся к Бозе. – Бобо, хватит прелюдий! Давай суть!

- Мы столкнулись с парадоксом Дрёшера! Опередили паровоз, понимаешь?

- Нет, не понимаю. Мы превысили скорость?

- В прыжке нет такого понятия! Мы, скорее, срезали путь. Умудрились проколоть пространство чуть точнее, чем обычно это делают корабли с двигателями Хайма-Дрёшера.

- Разве такое возможно?

- При определенных условиях – да! Но это не практикуется именно из-за возникающих парадоксов. Зачастую очень опасных парадоксов. Их целая охапка, любые мыслимые гадости, на выбор и наш случай это цветочки – мы хотя бы живы и не застряли вне пространства. Потому-то в программы ХД-двигателей и заложена поправка, из-за которой прыжки затягиваются иногда на целые сутки. Скучновато, зато безопасно! Не знаю, что случилось с «Демоном», какая муха его укусила, но он зачем-то рисковал создать идеальный прокол! Получилось у него так себе, до идеала не дотянул, но парадокс в виде ста сорока восьми минут форы он заработал.

- Ясно, – Хауэр поморщился. – Но я просил суть, Борис. Переходи к выводам или засуну кляп!

- Сам так и *не допёр*, да? – Борис усмехнулся и явно собрался постучать пальцем по виску, но не дотянулся. Рука, как и весь скафандр крепко приклеился к амортизирующему креслу. – Мы выйдем из прыжка в расчетной точке, но на сто сорок восемь минут раньше! Из-за парадокса мы опередили время! А заодно и флот нашей Ударной группы! Он войдёт в сектор Террановы за полчаса до нашего расчётного времени. Это значит, что мы будем болтаться тут без прикрытия около двух часов. Но просто так болтаться нам не дадут, уж будь уверен. Через тридцать секунд все дактианские «киты», «птицы» и «гнус» набросятся только на «Демона»!

- Значит, всё-таки не у меня в башке вирус, - сквозь зубы процедил Хауэр.

- Что? – Не понял доктор.

- Диверсия, говорю, вот что, - проронил Макс. – И я об этом догадывался. Но теперь ничего не изменишь, Бобо. Так что просто держись и надейся на удачу.

- Есть выход из прыжка, - сообщил в общем инфопространстве синтетик «Демона».

– Начинаю торможение. Вижу флот противника. Фиксирую наведение. Предельный уровень опасности. Начинаю противоракетный маневр. Открываю беглый огонь по девяносто двум целям.

- Черт, а где же наши? – Пробормотал Герцог в закрытом командирском режиме. – Мы же видели их на схеме.

- Зато не видели себя, - проронил Хауэр. – И это плохо.

- Себя? – Удивился Руперт. – Ты о чём, командор?

- Забудь. Позже объясню.

- Открываю шквальный огонь по двумстам сорока трем целям, - вновь подал голос БДК.

- «Демон», сброс посадочных ботов! – Приказал Хауэр.

- Рано, командор, мы далеко от точки высадки и на слишком высокой орбите, - возразил капитан Холичек.

- Я сказал, боты пошли! – Рявкнул Хауэр.

Через секунду все десантные челноки разом ушли вниз, на шлюзовую палубу, а ещё несколько секунд спустя высыпались, словно горох из перевернутой банки, в открытый космос.

Одновременно с ботами из стартовых портов по бортам БДК вылетела целая туча истребителей, но все они тотчас увязли в схватке с «гнусом» - небольшими, внешне похожими на причудливых насекомых перехватчиками дактианцев. Мало того, что «гнус» оказался очень маневренным, даже в обездвиженные экземпляры истребители попадали с большим трудом. Ведь конструкция этих биоников выглядела легкой, как у велосипеда – рама, двигатели да орудия на подвесках. Управляющий центр умещался в капсуле размером с кулак. К тому же, наведение могло быть только оптическим, в кораблях дактианцев содержалось крайне мало металла, в основном они состояли из органики, поэтому радиолокация и прочие технологичные виды наведения тут не годились. Короче говоря, если не жать на гашетку, накрывая такого комара огненным шквалом, попасть или хотя бы отогнать его представлялось почти нереальной затеей. Поэтому истребителям пришлось двигаться на «гнус» фронтальным ордером, создавая впереди себя плотную стену огня.

Под прикрытием истребителей десантные боты сумели проскочить ближе к астероидному полю, но не более того. Чтобы войти в стратосферу Террановы им требовалось вынырнуть из-под прикрытия каменных обломков, а там их уже поджидали ловкие «акулы», бионики гораздо крупнее «гнуса» и вооруженные не только легкими плазмопушками, но и залповыми ракетными системами. Все эти названия, конечно, считались условными. Пушки необычной конструкции, такой, что и пушками эти установки не назовёшь, плевались действительно сгустками плазмы, а вот ракет в

привычном понимании «акулы» не имели. Они стреляли пятиметровыми в длину и полуметровыми в диаметре веретенообразными торпедами, разогнанными до запредельных скоростей. Но легче от этого не становилось. Покрытые роговым слоем органические торпеды дактианцев прошивали и силовое поле, и броню, а начинявший эти веретена порошок, вроде мельчайшей пыльцы, детонировал внутри пораженных целей со страшной силой. Причем, что особенно скверно, даже каменные обломки не всегда могли служить дополнительной защитой от таких торпед. Расколов небольшой астероид они деформировались, но не взрывались, поскольку для детонации пыльцы требовался кислород. Торпеды начинали кувыркаться, но летели дальше сохраняя половину своей убойной силы. Иногда силовые щиты и броня останавливали такие «шайбы-бабочки», иногда нет, как повезёт, но с траектории корабль сбивался гарантированно. Истребители спасала высокая маневренность, а вот неуклюжие посадочные боты могли рассчитывать только на удачу. Так что по-хорошему ботам следовало дождаться, когда истребители справятся с «гнусом» и атакуют «акул» или же когда БДК отправит новую волну прикрытия.

Но «Демон» почему-то медлил. Возможно, ему не хватало мощности на обработку всех боевых задач, ведь он в одиночку отбивался от целого флота, а возможно, он просто не мог отправить подкрепление, поскольку просто не мог протиснуться. Вокруг корабля собирались уже три сотни дактианских боевых посудин и биоников всех мыслимых размеров. Силовая защита «Демона» полыхала от попаданий, и едва заметно мерцала, что говорило о работе на предельной мощности, пушки палили, как заведенные, а стартающие по тысяче в секунду ракеты и противоракеты создавали вокруг БДК едва заметную в огненных отсветах, но густую «щетину». Казалось, в километровой сфере proximity от БДК не осталось ни одного кубометра пространства не охваченного огнем, не прошитого условной «сталью» ракет или ещё более условным «свинцом» противоторпедных систем.

Дактианцы особо не распылялись, основные силы они бросили на уничтожение «Демона», однако группа «акул» оставалась на орбите. Так что десантные боты попали в патовую ситуацию: им пока ничто не угрожало, но сдвинуться отряд не мог ни вниз, где поджидали «акулы», ни вверх, где шла мясорубка, ни вбок, где ему ничего не оставалось делать, кроме как плутать по каменному лабиринту. Фактически Хаузеру оставалось ждать у моря погоды. А он этого очень не любил. Потеря маневренности в бою чаще всего означала поражение. Не «первый шаг к поражению», а именно поражение. Однако какой придумать маневр, как найти выход из капкана, Хаузеру в голову не приходило, сколько он ни напряганивал мозг и ни подстегивал своего синтетика.

В конце концов Макс дошел до того, что почти принял отчаянное решение бросить челноки на прорыв и десантироваться прямо из астероидного поля, с высоты – а вернее, с расстояния до поверхности планеты в четыре сотни километров. Синтетик категорически возражал против такой авантюры, поскольку прогнозировал, что девяносто процентов бойцов просто сгорят в атмосфере, но Хаузер с каждой секундой вынужденной заминки всё больше склонялся к этому крайнему варианту. Дело в том, что «акулы», не дождавшись выхода десантного отряда, начали перестроение и вскоре развернулись всей стаей в сторону каменных обломков. Это изменение оперативной обстановки подводило черту под любыми размышлениями. Теперь не имело значения пойдут «акулы» в поиск между камнями или просто дадут залп, десантным ботам в обоих случаях светило одно и то же – полное уничтожение. Следовало срочно маневрировать. Срочно пользоваться любым, пусть и самым рискованным вариантом.

«Десять из ста – плохие шансы, но ведь не полное уничтожение».

Имелась, конечно, ещё одна лазейка, о ней Макс упомянул во время совещания – рвануть в сторону перевалочной орбитальной станции, взломать шлюзы, устроить на станции погром и…

Дальше Макс видел два варианта: либо захватить станцию и тем самым вынудить флот дактианцев оставить «Демона» в покое, либо хотя бы прорваться к передающему

терминалу и высадиться на планету, прямиком в принимающий терминал субпортала «орбита-грунт», а в народе – «метростанции» Терранова-Восход. Что ждет десант на грунте, спрогнозировать он не мог, но это уже дело десятое. Зато «Демон» в обоих случаях сможет с чистой совестью уйти на мароманскую сторону планеты под прикрытие «Каменного купола», где и дождаться подхода Ударной группы «Север».

Да, этот маневр тоже мог сорваться едва начавшись, ведь станция имела свои пушки, да и «акулы» могли перехватить, набросившись «снизу», но...

- Считай, не спи! – Буркнул Хауэр, обращаясь к своему синтетику. – Сколько дашь за такой маневр?

Синтетик дал четырнадцать из ста. Процент «за» оказался чуть выше, но всё равно низковат. Из суммы «против» два десятка процентов спалила защитная система станции, а всё остальное сожрали «акулы».

«А если совместить? – Вдруг осенило Макса. – Вывести боты, бросить их, как приманку «акулам», а самим врубить ранцы и на полной скорости...»

Синтетик попытался высказаться насчет новой идеи, но Хауэр даже не стал его слушать.

- Отряд, слушай мою команду. Всем активировать программы ранцевых двигателей. Загрузить программу боевой операции «Штурм космической базы». Модификация семь точка ноль. Эпизод четвертый – «дактианская орбитальная метростанция». Цель операции – захват передающего терминала. Синтетики челноков, вы будете прикрывать. Выводите посудины из укрытия, сбрасывайте десантные модули и вступайте в бой с «акулами». Всё ясно?

Синтетик подсказал, что все поняли Макса правильно.

- Вот и отлично, - Хауэр зачем-то покосился на Бозе, а затем на Момо, занявшего четверть командирского модуля.

Доктор, похоже, одобрял план командора. Что думает кифер, осталось загадкой, но хвостом он шевельнул. Возможно, тоже в знак одобрения. Макс на секунду переключил канал на прямую связь с доктором.

- Борис, не забудь упаковать приятеля.

- Для открытых космических путешествий на такие дистанции скафандр ему не требуется, а ранец я дал, - Бозе кивком указал на конечности кифера, в них Момо держал штатный ранец. Держал всеми тремя кleşнями. Если бы речь шла о человеке, Хауэр сказал бы, что Момо «судорожно вцепился» в компактное средство передвижения. Неужели волновался?

«Впервые, что ли, выходит в открытый космос?»

- Живые, с богом. Синтетики – с током. Резервные копии вас не забудут, - выдал Макс традиционную «взбодрилку». – Боты, полный вперед!

В исполнении десантных ботов «полный вперед» получился не самым эффектным, но обгонять ракеты корабликам и не требовалось. Вырвавшись из каменной ловушки на оперативный простор, челноки отстрелили десантные модули и быстро перестроились в атакующий ордер на пути у «акул», которые уже мчались наперехват. Не прошло и минуты, как два строя схлестнулись в ожесточенном фронтальном бою, но оказалось, что следить за его ходом уже некому. Десантные модули рассыпались на десятки штатных фрагментов, каждым из которых стал боец или робокриг с охапкой оружия и вспомогательного снаряжения. Издалека воины в этаком «транспортном» виде выглядели большими ежами с крупными колючками, а робокриги – железными мячами полтораметрового диаметра. И вся эта мельчайшая по космическим меркам, а потому едва различимая для систем наведения орудий «шрапнель» помчалась в сторону орбитальной станции Терранова-Восход.

«Акулы» первыми сообразили что происходит, даже открыли по десанту огонь, но

сумели сжечь только десяток робокригов, летевших на правом фланге. Ещё десяток роботов и несколько живых бойцов арьергарда попали под запоздалый залп оборонительной системы станции. Все остальные к тому времени успешно вошли в мертвую для орудий станции зону и сразу же принялись выполнять программу штурма.

Первым делом требовалось форсировать невидимую, но прочную преграду – силовое поле станции. Робокриги искрили, но на малом ходу продавливали поле вполне успешно, ведь силовая преграда на это и была рассчитана – всё, что летело с угрожающей скоростью задерживала, а что подходило медленно – пропускала. Но живым людям без дополнительного экранирования притискиваться сквозь поле представлялось тем ещё «удовольствием». Некоторых начинало трясти, словно припадочных, а кое-кто и вовсе терял сознание. В результате несколько бойцов замешкались и вскоре очутились далеко от станции, их отшвырнули залпы вылетевшего из стартовых портов станции «гнуса». Охранная стая биоников работала только с внешней стороны поля, поэтому всем, кто успел до их появления прорваться под силовой купол, повезло чуть больше.

Вторым этапом штурма стал взлом шлюзов. Отряд мог, конечно, пойти напрямую, сквозь борт, но для таких прорывов требовалась огневая поддержка истребителей, а ещё лучше ракетная атака невзрывного действия – проще говоря, удар болванкой в борт. Вспомогательными же средствами взломать борт станции представлялось нереальным. И не потому, что мощности стрелкового оружия не хватало, чтобы проломить достаточную дыру. Станции дактианцев, как и все их живые корабли или боевые роботы-бионики могли регенерировать с потрясающей скоростью. Пока станция оставалась жива (а она именно жила, а не функционировала), любые повреждения на ней исправлялись быстро и зачастую без помощи других биоников или людей. Все пробоины заживали в считанные минуты. Вот, чтобы дыра не затянулась и требовалась та самая «болванка» – полый корпус ракеты застряв в борту становился своеобразным входом, кроличьей норой, через которую сначала выходил воздух из поврежденного отсека, а затем десант проникал внутрь станции.

Сейчас ничего подобного сделать мароманы не могли, поэтому сосредоточились на вспомогательных шлюзах. Задачка оказалась не намного проще, чем взлом борта, но у штурмовиков имелся надежный рецепт на этот случай. И за боевое применение этого рецепта отвечал, как ни странно доктор Бозе.

– Четыре дозы, – добравшись до борта станции, Хауэр воткнул в прочную обшивку, а вернее – в шкуру станции-левиафана, виброгарпун и закрепил на пояссе страховочный фал. – Борис, ты на связи?

Макс повертел головой, пытаясь определить, где занял позицию доктор. В поле зрения мелькали десятка три бойцов в скафандрах и с полсотни робокригов, но вычислить Бозе не составило труда. Рядом с Борисом маячил кифер. Момо закрепился на шкуре-обшивке с помощью своего жала, но лапы у него оставались свободными. Получалось, что кифер висит рядом с бортом, или можно сказать – торчит из него, словно антенна или случайно проросшее на благодатной почве причудливое дерево. Вот под этой «пальмой» и загорал доктор Бозе.

– Я в курсе, – проронил Борис, спешно распаковывая своё имущество, – программу штурма изучил со всем старанием. Потому и занял эту позицию. Если ты заметил, я точно в середине квадрата, на равном удалении от всех ближайших шлюзов. Только четырех доз будет мало. Станция молодая, здоровая, с крепкими нервами и очень сильными печеночными фильтрами. Придется вколоть все восемь доз, и ещё дозу гепатотоксина, иначе миорелаксант не действует. Фильтры всёнейтрализуют в один момент.

– Ты с кем сейчас говорил? – Хауэр хмыкнул. – Я половину слов не понял. Вкалывай, что нужно, пока нас не стряхнули!

– Шесть секунд, командор, я пока не нашел сосудисто-нервный пучок этого сектора...

– Робокриг «триста один», помочь доктору, – приказал Макс.

- Это здесь, - робокриг указал на точку почти под ногами у Бозе.
- Думаешь? А-а... точно! – Бозе похлопал ладонью по обшивке и обернулся к двум робокригам, державшим спецоборудование из особого арсенала Бозе. – «Семьсот десятый», прожигай вот здесь. Десять выстрелов на полной мощности. А ты, «триста первый», держи наготове иглу. Начали!

Робокриг «семьсот десять» перевел регулятор огня на полную мощность, приставил штурмовую винтовку к указанному доктором участку и нажал кнопку активации. Возможно, Максу это лишь показалось, но обшивка-шкура поблизости от поврежденного места вроде бы слегка дрогнула, словно от боли. Робокриг отсчитал десять импульсов и убрал винтовку. Другой воин-синтетик тотчас воткнул в прожженную дыру длинный телескопический шест диаметром в руку. Опаленные ткани быстро сомкнулись вокруг «иглы», а затем шест начал потихоньку подниматься – внутренние ткани обшивки принялись его выдавливать, как досадную занозу, но Бозе тоже не стал мешкать. Он, как заправский минометчик, зарядил в «иглу» несколько огромных ампул, а последним аккордом послал в трубу небольшой заряд, который разбил ампулы и разогрел их содержимое, а заодно закупорил «иглу».

Всё прошло гладко. Спустя несколько секунд трубка прекратила подниматься, а ещё через полминуты наступил требуемый «медицинский эффект». Ближайшие четыре шлюза открылись. Выглядело это, как открытие сжатых до сих пор естественных отверстий, ведь наружные входы шлюзов этой живой станции запирались не люками в виде кожных складок (на других объектах встречалось и такое) и не диафрагмальными створками (что тоже встречалось, но только на машинах, воевавших в атмосфере), а циркулярными мышечными жомами. Под действием введенных доктором веществ отключились нервы, управляющие этими сфинктерами, и в результате временно парализованные мышцы расслабились. И не потребовалось никакого взлома бортов. Чистая работа. Если конечно не брать в расчёт, что следующим этапом будет вход внутрь левиафана через эти, пардон, анусы. Впрочем, эти тонкости мало интересовали штурмовиков. И не в такие задницы лазали. Ничего, не гордые.

Воинов гораздо больше интересовала обстановка в примыкающих к шлюзам отсеках. А вернее волновал всего один вопрос – сколько бойцов гарнизона станции успели прибежать к месту прорыва штурмовой группы противника, и сколько они привели с собой биоников.

Ответ на вопрос оказался вполне удовлетворительным. Более-менее серьёзное сопротивление мароманы встретили только у одного из четырёх шлюзов. Дюжина биоников, похожих на полутораметровых двуногих ящеров с острыми клыками, попытались порвать пришельцев, как партию грелок, но первыми в отсеки ворвались робокриги, поэтому недоделанные «ти-рексы» лишь обломали перед смертью зубы. В шлюзе, через который вошли Хауэр и Бозе с Момо и вовсе не пришлось никого поджаривать.

Авангард отряда быстро и без единого выстрела занял позиции, забросил во все ближайшие коридоры и переходы небольших, похожих на стальных крыс роботов-разведчиков, а на трапы, ведущие вверх или вниз от шлюзового сектора, отправились маленькие, но юркие и способные маневрировать даже в невесомости летающие дроны – фликриги или ещё короче флиги. Крысы и флиги не имели на борту никакого вооружения, зато они могли становиться невидимками и снимали в трех десятках режимов, вплоть до рентгеновского. Лучших шпионов не имелось даже в секретных запасниках у дактианцев. А ведь их инженеры-генетики могли приспособить для шпионажа любые живые существа, вплоть до бактерий под ободком унитаза.

- «Демон», как обстановка? – Пока бойцы переходили с обшивки на борт станции, Хауэру выпала минутка, чтобы взглянуть на ситуацию в целом.

- Всё в порядке, идём ко дну, - ответил Холичек. – Твой синтетик передал моему все твои мысли. Вы на станции, и мы можем отходить к «Каменному куполу». Это хорошо,

только вряд ли возможно. Нас обложили со всех сторон.

- Скоро мы поднимем здесь шум...

- Не поможет, командор. Дактианцы не поддадутся на вашу провокацию. Они просто вырубят генератор и обесточат субпортал, чтобы отрезать вам путь на планету.

- Стоп, разве станция получает энергию с планеты?

- В этом весь фокус. Мои офицеры взломали один из инфопотоков дактианцев – я сбросил твоему синтетику код подключения, может пригодиться. Правда, инфопоток какой-то странный, будто бы изолированный от общей сети Аррадакта. Так вот, чудище, к которому вы забрались под кожу, это не отдельный организм, как все нормальные корабли и базы дактианцев. Это экспериментальный экземпляр, связанный с планетой чем-то вроде энергетической пуповины. Она обеспечивает ему стабильное и очень мощное питание, а заодно страхует как раз от случаев, вроде нашего.

- То-то я думаю, охраны тут маловато, – проронил Хауэр немного растерянно и оглянулся. – Просто подстава на подставе. Значит, дактианцам нет смысла метаться. Добьют спокойно вас, а потом возьмутся за нас?

- Видимо, так. Вся надежда на Ударную группу или на гарнизонную флотилию «Каменного купола». Но это слабые варианты. До выхода из прыжка Ударной группы ещё десять минут, а флотилии идти не меньше двадцати.

- А «Демон»...

- Продержится минуту. Это максимум. В общем, будь здоров, командор. Теперь ты сам за себя.

- Постой, Холичек! Где Герцог?!

- Где-то был, – капитан пожал плечами. – Где-то на борту, наверное. Я не знаю.

- Что ты хочешь сделать?!

- Исполнить последний трюк, он же последний шанс. Разгонюсь по минимуму и прыгну.

- Это ведь получится почти прыжок с места, он требует уйму энергии! Тебе придётся вырубить щиты и орудия! Тебя раздолбят в пыль прямо на разгонной траектории!

- Придётся рискнуть, – Холичек вздохнул. – Выбора-то особого нет. А кто говорил, что будет легко? Прощай, Макс. Если не прорвемся, передай внешнюю запись этого эпизода моей жене... нет... лучше – резервной копии моего синтетика.

- Не буду ничего обещать, – Макс нахмурился. – Лучше подержу за вас кулаки.

- Суеверия противоречат нашей идеологии, Макс. Ты забыл? Впрочем, как знаешь...

...Держать кулаки пришлось недолго. Как только «Демон» перебросил всю энергию на силовые установки, «киты» произвели мощный залп и активная защита БДК дала сбой. Половину торпед уничтожили противоракеты на подлёте, но все остальные «сигары» попали точно в цель. «Демон» начал разваливаться на части, а когда ближайший «Серапион» добавил из плазменных пушек, вырвавшийся из отсеков кислород вспыхнул и БДК превратился в скопление огненных шаров разного диаметра. Финальным аккордом стал взрыв силовой установки. Он мгновенно разметал пылающие обломки, и в точке, где только что горел БДК «Демон» не осталось ровным счетом ничего. Вернее, что-то осталось, какой-то закопченный остов, но он больше не горел и не особо отражал свет. Как и положено неживым орбитальным объектам.

4. Приказная правда

Сайрус понял, что звание тактика второго уровня сорвалось, когда на связь вышел Торез и, как всегда с ухмылкой, сообщил, что пока Рем загорает на пляжах Арианского моря Террановы, ему, проклятому всеми богами звездному воину приходится геройски уничтожать тяжелые корабли противника. Непосвященный решил бы, что Торез лично бросается с гранатой на вражеские дредноуты, настолько торжественно и трагично

одновременно прозвучало заявление флотского тактика второго ранга. Но Сайрус знал Тореза Герра не первый стандартный год и всегда делил на десять всё, что тот говорил. Привычка оправдала себя и на этот раз. Очень скоро выяснилось, что флотилия Тореза уничтожила всего один мароманнский корабль, к тому же не грозный крейсер, а условно боевой БДК. У заплутавшего корабля не оказалось даже боевого охранения, кроме собственных палубных истребителей. Ну ещё в критический момент БДК бросил в бой, видимо от отчаяния, десантные боты. Всё это, естественно, не помогло и корабль погиб. «В пыль!» Это Торез произнес с особым смаком.

Вот именно после этого хвастливого рассказа приятеля Сайрус понял, что новых звезд на погонах пока не будет. То, о чём предупреждала Вита, началось, враг принялся потихоньку выбираться из гиперпространства, а Рем ещё не выловил мароманскую разведку. Да что там, не выловил! Он даже не наткнулся на её след.

Утешало только одно: часть десанта уничтожена, работы будет меньше. Хотя, тут как знать. Может, и не было десанта на борту этого БДК. Мароманы – очень хитрые негодяи, выдать черное за белое для них не просто в порядке вещей, а часть их военного искусства. На эту мысль Сайруса навело упоминание Торезом контратаки десантных ботов. Стали бы враги использовать не по назначению эти шлюпки, будь они нужны для высадки десанта? Наверняка нет. Да и в целом история получилась странная. При всей своей хитрости мароманы всегда проявляли себя, как очень практические существа. Жертвовать БДК, как пешку – на них это не походило. Может быть, что-то сорвалось и БДК вывалился из прыжка случайно? Может, он просто шел куда-то в другое место, потому и не было у него на борту десанта? В этом случае у Сайруса пока оставался шанс получить новые погоны.

«Так или иначе, надо продолжать поиск, - сделал вывод Рем. – Пока не нагрянули реальные силы вторжения, лучше бы мне найти этих разведчиков. И даже не за новые погоны. Просто потом будет не до них, а ударов в спину никто не запрещал. Особенно диверсантам-разведчикам. Это вообще их... то есть, наша... специализация. Но я-то сейчас практически фронтовой состав, то есть, мне придется сражаться на передовой. А драться с мишенью на затылке – так себе удовольствие».

Сайрус похлопал по плечу пилота поискового летуна-штурмовика и развернулся к оператору большого биосканера. Вживленный в боевой летающий модорганизм аппарат сайтенского производства умудрялся захватывать и сканировать площадь в несколько десятков квадратных километров. При этом он подсчитывал численность попавших под гребенку организмов, сортировал всё живое по родам, видам и классам, да ещё и определял, есть ли в них модифицированные гены. Последняя фишка считалась заслугой дактианских инженеров, доработавших и сам биосканер, и его программу.

Поток информации, таким образом, хлынул колоссальный, ведь зверя в девственных лесах Террановы оказалось более, чем достаточно. Но оператору не приходилось выискивать в этой мешанине нужные данные. В аппарат были введены параметры искомых субъектов, в том числе генетические. Вернее, в первую очередь генетические, чтобы биоскан не принял за мароманских разведчиков каких-нибудь селян-колонистов, обожавших рядиться в импортные шмотки и таскаться на охоту с трофеинным (а если говорить честно – с контрабандным, поставляемым смаглерами или поселенцами с другой стороны планеты) оружием.

- Вижу три группы одетых прямоходящих, - сообщил оператор. – Результаты генетического сканирования нейтральные. Снова мимо.

- Снова мимо, - Сайрус нервно побарабанил пальцами по подлокотнику и обернулся к пилоту. – Может, мы ошиблись с квадратом?

- В секторе Эпсилон только два квадрата могут заинтересовать противника, тринадцатый и десятый, - охотно ответил пилот. – Фабрика-лаборатория при нашем гарнизоне и столица колонии. Но в Терраполис разведчики не сунутся, а окрестности гарнизона-фабрики мы проверили на два раза.

- Может мы не тех ищем? – Вдруг выдал свежую идею оператор биоскана.

- В смысле? – Сайрус удивленно взглянул на привата.

- Я просто подумал... - оператор смутился под испытующим взглядом тактика.

Рядовые бойцы и специалисты пока не привыкли к тому, что в их гарнизоне служит сам Сайрус Рем и частенько терялись, когда тактик обращался к ним напрямую.

- Продолжай, продолжай, мне интересно, - подбодрил его Рем.

- Мы ввели в биоскан генетические стандарты мароманнов, как приоритет, но... противник в курсе, что у нас имеются широкополосные сканеры и мог нанять для разведки кого-то нейтрального. А то и вовсе, как у нас в Эпсилон-13... но это нет... это вряд ли. Скорее, наемники. Простите, тактик, что так сумбурно излагаю!

- Я понял, приват, - Рем кивнул. – Ты прав. Мароманны любят гибридные методы ведения войны. Запросто могли нанять каких-нибудь смаглеров.

- А то и вильдеров, - подсказал пилот. – Смаглеры-наемники стоят на порядок дороже, чем дикари, а в деле не намного лучше. Избалованные слишком. Правда, вильдеры тупые, как курдючные бионики, но зато свирепые. И оружие у них чумовое, выкашивает всех и вся, как та самая чума.

- Тебе-то откуда знать? – Сайрус усмехнулся.

- Смотрел дневники Франца Поляка. Он рассказывал, как наши выловили пять или шесть групп наемников на Свайсе. Тремя командовали мароманнские офицеры, только в форме без опознавательных знаков. Ну, помните, когда там шла война за шахты?

- Франц Поляк и сам наёмник, смаглер, и вообще скользкий тип, - Рем поморщился. Он знал этого типа лично и не испытывал восторга от такого знакомства. Франц обычно нанимался проворачивать для дактианцев темные, но необходимые делишки, за которые не взялся бы ни один тактик и даже самый беспринципный приват. То есть, дактианцы тоже не брезговали «гибридными методами», но, в отличие от мароманнов, не афишировали, что используют наемников. – Та ещё сволочь.

- Сволочь, - охотно согласился пилот, - но ведь наша!

Возразить Сайрус не смог и лишь молча кивнул.

- Если поменять приоритеты задания, биоскан нарисует совсем другую картину, - вновь осмелился вступить в разговор оператор. – Вот здесь, почти на окраине столицы скопление дактианцев третьего класса. А вот здесь, в двенадцатом квадрате, ближе к нашему гарнизону, в поселении при фабрике-ферме Фианто, много проходящих с нейтральным генетическим кодом.

- В смысле аборигены? – Спросил пилот.

Он явно хотел спросить что-то ещё, но осёкся. И правильно сделал. Упоминание «аборигенов» считалось мягко говоря дурным тоном. По официальной версии Имперского Министерства информации планета премиум-класса Терранова была открыта и первично заселена дактианцами. Имелся даже официальный «первооткрыватель», руководитель экспедиции Джуну Писаро. О том, что на Терранове к тому моменту худо-бедно существовали десять (десять!) поселений «нейтральной» расовой принадлежности, а на другой стороне планеты на втором крупном континенте процветал настоящий мароманнский город, «Министерство правды», как его между собой называли дактианцы, предпочитало умалчивать. Наверное, потому, что руководила этим министерством правнучка великого Джуну, дамочка неумная, но энергичная и свято верившая в фамильную легенду.

Шутка, шутка! Правнучка не при чем. Демократическая Империя Аррадакта просто не хотела делить свою половину планеты Терранова с какими-то боярками. Ведь настоящими первооткрывателями были именно боярки – смаглеры. А первыми поселенцами были вильдеры, привезенные из космических далей ушлыми контрабандистами.

Будь на месте дактианцев мароманны, они, вероятно, решили бы эту проблему радикально – вырезали бы всех «аборигенов», ну, или вывезли бы на менее комфортные

планеты. Кстати, возможно так они и поступили, ведь ещё пять или шесть поселений «аборигенов» находились на их стороне планеты. Хотя, судя по тому, что «Министерство правды» об этом тоже умалчивало, всё разрешилось как-то иначе. Вполне возможно, мароманы дали тем вильдерам работу и теперь нещадно эксплуатировали их потомков.

Дактианцы на своей территории поступили иначе. Они просто сделали вид, что никаких «аборигенов» не было и нет. Так и повелось. В лесах и горах жили некие «нейтральные» люди, строились деревни, шло тихое и размеренное существование, а в поселениях дактианцев бурлила и благоухала своя жизнь. И два этих мира не пересекались, даже если их сводил случай. Дактианцы смотрели на встреченных аборигенов, как на местную фауну, а лесные жители пугливо шарахались от дактианцев, как от острозаразных больных. Так и жили.

- Дай подробную раскладку по двенадцатому квадрату, - немного поразмыслив, приказал Сайрус. – И сравни с неофициальными статданными. Сколько там проживало аборигенов до вчерашнего дня, сколько стало сегодня... и так далее.

- Ого! – Оператор развернул проекцию объемной таблицы так, чтобы Рем увидел цифры. – Превышение на шестьдесят единиц. И серьёзный пик по другим параметрам. Много неучтенного оружия. Аборигены словно собираются на большую охоту.

- Или собирают боевой отряд, - заметил пилот.

- Не спешите с выводами, - строго сказал Рем. – Пилот, курс на точку скопления аборигенов.

- Ещё один момент, господин тактик! – Встрепенулся оператор. – У этих аборигенов пиковые значения личной радиоактивности. Словно они не аборигены, а вильдеры.

- Аборигены и есть вильдеры, - подсказал пилот вполголоса, как в школе.

- Да, но... не совсем. Они потомки настоящих вильдеров, четвертое-пятое поколение, родившееся уже здесь, на Терранове. Поэтому они не настолько радиоактивны, как их предки. А эти фонят, словно только что выползли из воронки от ядерного фугаса.

- Или прилетели с вильдерской планеты, - закончил мысль оператора Сайрус. – Взять всех на заметку! Сможем выделить каждому по стрекозе-шпиону?

- В гарнизоне этого добра полно, - оператор кивнул. – Только своим ходом они прилетят через час, не раньше.

- Пока сами будем за ними следить. Пилот, возьми эту группу на прицел и зависни.

- Не могу, - сказал пилот. – Группа движется. Чтобы держать на прицеле, надо двигаться за ними, а не зависать.

Пилот увеличил проекцию изображения, которое формировал на пульте летун.

- А-а, - Сайрус сосредоточился на изображении, - вот в чем дело. Охота началась? И в каких угодьях они собирались добывать дичь?

- Пока непонятно, больше топчутся, чем идут...

- Смотрите за ними во все глаза. И во все сканеры. Летун, тебя тоже касается.

Летун обозначил, что принял приказ тактика и что польщен прямым обращением, добавив в «анатомический» интерьер кабины верноподданнических лиловых тонов.

- Сайрус, - на прямую связь с Ремом вдруг вышла Вита. – Есть новости?

- А у тебя?

- Что за дурацкая привычка отвечать вопросом на вопрос?

- А у тебя?

- Маленький негодяй, - прошипела Вита, как в юности, когда Сайрус брал что-нибудь в её комнате. – Всё идёт, как я и ожидала. На орбите появился флот Ударной группы «Север». Мароманы атаковали флотилию Тореза. Он с тобой ещё не связывался?

- Связывался, но до появления «Севера». Хвастался, как лихо уничтожил БДК.

Теперь ему не до бахвальства?

- Снял с языка, - призналась Вита. – На орбите идёт масштабный бой. Торез пытается оттеснить мароманов к спутникам, а они упорно пробиваются к орбитальному

терминалу «Терранова-Восход».

- Зачем он им? Они собираются высадить десант через гражданский терминал? Что за глупость?

- Заметь, это ты предположил. Скажи, как диверсант, это действительно абсолютная глупость или в определенных обстоятельствах такой ход оправдан?

- В очень узком диапазоне обстоятельств.

- Это я и хотела услышать. Бросай всё, лети к принимающему терминалу «Восхода».

- А вот это уже глупость без вариантов. Даже если мароманы захватят орбитальный терминал, достаточно вырубить подачу энергии, чтобы заблокировать их высадку на планету через «Восход». Я почти нашел разведчиков!

- Делай, что приказано, Сайрус!

- Ты думаешь, Торез не справится?

- Тебя не касается, что я думаю.

- И всё-таки.

- Торез справится, - поняв, что брат не сдастся, нехотя сказала Вита. – Мы ему поможем. Несколько минут назад на высокой орбите Террановы вышли «киты» Оперативной флотилии резерва страткома. Они атакуют мароманский ордер во фланг.

- В чем тогда проблема?

- Господин тактик! – Вдруг всполошился пилот. – Простите, что прерываю...

- Вы в своем уме, тактик-пилот седьмого уровня? – Изумилась Вита. – Вы осознаете, кого смеете прерывать?

- Да, пилот Ромеро, помолчите, - попытался отмахнуться Сайрус, - у нас с госпожой стратегом важный разговор.

- Так точно, виноват! – Пилот побледнел, стушевался, но не умолк. – Просто тут такое дело... они исчезли! Прошу взглянуть!

- Кто? – Сайрус бросил взгляд на проекцию.

- Эти... с нейтральным генкодом и при оружии. Все исчезли, разом. Как сквозь землю...

- Да уж, дисциплинка в колониальных гарнизонах... - проворчала Вита. – Сайрус, что там у тебя происходит?

- Момент, - Рем приблизил проекцию, изучил местность, а затем вызвал какой-то справочник и полистал его, в поисках нужной картинки. – Всё ясно.

Сайрус вернул проекцию в режим текущего времени и ткнул пальцем в нужную точку.

- Летим прямо сюда. И передай в гарнизон, чтобы вся противодиверсионная группа летела в эту же точку. По боевой тревоге. Выполняй, - Сайрус вновь обернулся к окошку виртуальной беседы с резиденцией страткома на Аррадакте. – Госпожа стратег... Вита, ты что-то спросила?

- Что за балаган устраивают твои подчиненные?

- А-а, это... виноват, госпожа стратег, пилот Ромеро понесет суровое наказание за нарушение субординации. Просто у нас тут небольшое происшествие. Группа вооруженных прямоходящих... думаю, это искомые разведчики мароманов... провалилась сквозь землю.

- Температуру измерял?

- Земли?

- Свою.

- В норме. Разведчики действительно ушли под грунт. В квадрате Эпсилон-12, над которым сейчас барражирует мой летун, находятся вентиляционные шахты нескольких горизонтальных выработок.

- В этом квадрате нет и не было никаких выработок, - Вита нахмурилась. – Ты что, давно с агентами Мининфа не встречался?

- Мининформации может плести что угодно, но выработки и шахты здесь есть. И были задолго до прибытия на Терранову наших «первопроходцев». Мало того, по неофициальным данным разведки, в этих подземельях до сих пор полно действующего оборудования и даже добываются полезные ископаемые. Пропагандисты могут замалчивать тему, а я не готов подставлять под удар охраняемые мной объекты и колонию в целом, чтобы угодить «Министерству правды».

- Ты военный и должен выполнять приказы.

- Ну так прикажи мне, - Сайрус пожал плечами. – Прикажи забыть о подземельях аборигенов, как о выдумке мароманской пропаганды. Только учи, через час все, кто спустился в шахты, окажутся где-то в Терраполисе. Вернее, под ним. Город был построен на месте выхода на поверхность пяти штолен. И я не могу гарантировать, что теперь все эти древние норы не связаны с подземными коммуникациями столицы.

- Вот дерньмо!

- Хуже, - Сайрус кивнул. – В одном ты права – надо смотреть на проблему объемно и не закрывать глаза на связь между событиями. Если мароманы на орбите рвутся к «Восходу», мы также должны обратить внимание на «Восход», только на его планетарную часть. Хотя гораздо проще будет перекрыть старые тоннели в районе поселка Реццо. Там находится следующий вентиляционный блок. Можно запустить туда крупный прайд хищных биоников и сбросить десяток модифицированных орфийских колючек. Всё это есть в арсенале военной комендатуры поселка. Если кого-то из вражеских разведчиков не сожрут мутанты, остановят колючки – они в считанные минуты разрастутся по всему просвету тоннелей и окаменеют.

- Спасибо, что хотя бы в одном я права, - Вита саркастически усмехнулась. – Действуй, Сайрус.

- В смысле – отдать приказ коменданту Реццо?

- В смысле – двигай в Терраполис, к грунтовому терминалу «Восхода»! Убеждена, разведчики в конце концов появятся именно там. И запомни навсегда – никаких тоннелей не существует, как никогда не было и нет на Терранове никаких аборигенов! Это всё вражеская пропаганда, как ты и сказал.

- Политики – худшее зло во вселенной, - Сарус вздохнул. – После тех, кто метит в политики. Ты, случайно, не собираешься перейти на работу в правительство? Или, может быть, намылилась в парламент? В какую палату, в сенат, в конгресс?

- Я просто хочу дослужиться до пенсии, а не вкалывать всю жизнь, - устало сказала Вита. – Меня не привлекает участь неудачников – оставаться вечно молодой и сдохнуть от тоски в расцвете сил. И тебе я желаю старости, братец.

- Спасибо, сестренка, но мне будет неуютно на таком заслуженном отдыхе. Будут постоянно мерещиться лица как раз тех, кто погиб молодым, но не от тоски, а от пули, хотя мог бы заслужить пенсию и наслаждаться старостью. В частности будут сниться лица тех, кто погибнет сегодня в бою с разведкой мароманнов в Терраполисе. А погибнет там уйма народа. Причем, в большинстве случаев это будут случайные прохожие.

- В этом не будет твоей вины. Они погибнут от рук агрессора. А ты его остановишь.

- Я и предлагаю...

- Остановишь в Терраполисе! Это приказ! Извольте выполнять, если не хотите под трибунал, господин тактик второго уровня!

- Пока третьего...

- Уже второго! Приказываю остановить мароманскую оголтелую свору, защищая наши демократические ценности и право мирных граждан третьей категории на жизнь среди цветущих садов Террановы, самой благополучной колонии Священного Аррадакта. Всё ясно?

- Кроме демократических ценностей. Это что?

- Отставить сарказм, - Вита поморщилась. – Всё, Сайрус, работай. Удачи.

5. По стопам Ионы

Хауэр отыскал в инфопространстве метку синтетика одного из функционирующих пока десантных ботов, установил с ним связь и с помощью его камеры проводил взглядом обломки БДК, пролетающие сквозь смешанный строй челноков и «акул». Обломки вонзались в атмосферу Террановы и снова вспыхивали, теперь уже в последний раз. Другие обломки становились видимыми только, когда они сталкивались с силовыми щитами дактианских кораблей. Всё остальное улетело в открытый космос, а потому сразу же исчезло из вида. Макс поймал себя на том, что всё ещё сжимает кулаки, но теперь не на удачу, а от вспыхнувшего в душе гнева. Синтетик попытался поколдовать над уровнем адреналина в крови у носителя, но получилось у него на троеку.

- Подставили так подставили, - негромко сказал Бозе. Он наблюдал за трагедией подключившись к бортовому синтетику подбитого истребителя – машина оказалась сильно повреждена и беспомощно кувыркалась, но пока ещё могла следить за обстановкой. – Ты правильно сомневался, Макс. Только получается, Герцог был чист. Руперта подставили тоже. Узнать бы, кто это сделал?

- Узнаем, - хрипло процедил командор. – Вернемся и узнаем.

- А если не вернемся?

- Опять каркаете? – Хауэр недобро взглянул на доктора и совсем уж зло зыркнул на Момо. – Если не вернемся, узнаем всё прямо отсюда. Инфопространство никто не отменял. Кстати, даже два инфопространства. Холичек успел дать мне ключ для доступа в сеть дактианцев.

- Так чего ты ждёшь?! – Встрепенулся Бозе. – Это ведь отличный шанс! Открывай безопасные отсеки этого левиафана, веди нас к субпорталу.

- «Вепрь», я бот сто десять, - подключенный к Хауэру бортовой синтетик десантной шлюпки оценил ситуацию и пришел к выводу, что главный для всех оставшихся в строю мароманнов и роботов теперь командор. – Докладываю по праву старшего бортового синтетика десантной группы из одной единицы. Группа десантных ботов уничтожена противником. Я остался один. Оказывать сопротивление противнику не могу по причине отсутствия энергии и боеприпасов. Фиксирую попадание в магнитный захват вражеского корабля-кита класса «Серапион». Прошу разрешение на самоликвидацию.

- Сто десятый, самоликвидацию разрешаю после обзорной съемки, - Хауэр вновь взглянул на объемное поле боя «глазами» бортового синтетика. – Истребители, доклад!

- Я истребитель пятьсот семнадцать. Докладываю по праву старшего группы из трех единиц. Группа уничтожена в бою с кораблями противника. У всех функционирующих машин неисправна ходовая часть, атаковать не могут, дрейфуют в сторону атмосферы. До входа в плотные слои от семи до тридцати минут. Попыток наведения огневых систем противника или попадания в магнитные захваты не фиксирую.

- Логично, - заметил Бозе. – Что взять с истребителей? Их задание было простым – вылететь, подраться, вернуться. А вот в мозгах у десантных ботов имелась часть плана операции – маршрут и точка высадки. Полезная информация для дактианской контрразведки. Поэтому «зеленые» и пытаются взять бота в плен.

- Болт им шляпкой вперед, а не пленный синтетик, - мрачно проронил Хауэр, разглядывая кружасие поблизости от станции корабли дактианцев. – Взгляни. Сто десятый, смотри на метростанцию.

- Критическая точка, - предупредил бот, - воздействие магнитного захвата усиливается, через минуту и сорок секунд самоликвидация станет невозможна.

- Взорвёшься ровно через минуту. Начинай обратный отсчёт. Бозе, что видишь?

- С каких пор тебя стало интересовать, что я вижу? – Доктор хмыкнул.

- С тех пор, как ты начал ходить в рейды на пару с кифером. И с тех пор, как у меня не осталось других офицеров. Ты хоть и доктор, но ведь военный, базовый курс боевой подготовки в тебя вбили. Что видишь?

- «Серапионы» перестраиваются, будто бы для нового боя, но... я не вижу, с кем они собирались драться.

- И я не вижу, но знаю, - Хаур разжал левый кулак, но лишь для того, чтобы ударить в раскрытую ладонь правым. – Это точка будущего выхода нашей Ударной группы. Я видел это место, когда мы с Холичеком и Герцогом, получается, «заглядывали в будущее».

- «Киты» тоже заглядывали в это будущее?

- Хороший вопрос. А вот этого я не видел, - Хауэр указал на несколько дактианских кораблей, идущих прямиком к метростанции. – Это дактианские БДК, по нашей классификации «Диогены» или «бочки», если по-простому.

- Всё верно, нас ведь в том варианте «будущего» здесь нет, значит и незачем перебрасывать корабли к станции...

- А вот теперь ты *не допёр*, док, - Макс щелкнул пальцами. – Один – один.

- Ничего подобного! – Возмутился Бозе. – Я сразу всё понял. Дактианцы собираются высадить на «левиафана» десант и выкинуть нас в космос. Но мы ведь не станем их дожидаться?

- Ты предлагаешь опередить противника и выброситься в космос по собственной инициативе?

- Здесь есть аварийные боты... ну, то есть, корабли вроде «акул», только в пассажирской версии... «рыбы».

- Борис, - Хауэр помахал рукой у доктора перед носом, - очнись. Это дактианская станция. Аварийные корабли такие же живые существа, как и всё, что выращивают эти животноводы. «Рыбы» признают только хозяев. Нам они не подчинятся.

- Но у тебя есть ключ! Можно приказать им якобы от имени какого-нибудь дактианца.

- Не получится. Для управления нужен контакт с пультом. А это подразумевает генетическое сканирование пилота. В тебе есть хоть один дактианский ген?

Бозе помотал головой и растерянно взглянул на командора.

- И какой выход?

- Через вход, - Макс вскинул руку и на пару секунд замер. Синтетик посадочного бота с номером сто десять завершил обратный отсчет и трансляция картинки резко прервалась. – Резервная копия тебе вечным домом, «сто десятый». – Хауэр переключился на общую связь. – Корректирую план прорыва к передающему терминалу. Есть взлом системы управления метростанцией. Идем по коридорам, которые откроет мой синтетик. Робокриги, в авангарде, остальные за мной, огонь по всему, что шевелится, включая гражданских. И шевелитесь, бойцы, «левиафан» скоро исправит дефект системы. Не хочу застрять в трех шагах от цели.

- В гражданских, может, не надо стрелять? – Вне общего эфира заметил Бозе.

- В лазарете у себя нравственные нормы устанавливаю, - отрезал Хауэр. – В бою их нет. Надо будет, вырежем тут всех.

- Иногда ты кажешься вполне адекватным и даже благородным человеком, - доктор обреченно вздохнул. – Но иногда ты просто невыносим в своей жестокости. Тебе не идёт.

- Это и не костюм, чтобы идти, - отмахнулся Макс. – На войне, как на войне. Или мы их, или они нас. Третьего не дано. Но чтобы тебе стало легче, открою секрет: по законам Аррадакта все колонисты или прибывающие на колонию гости становятся военнослужащими, вне зависимости от возраста и наличия военной подготовки. Могу спорить, что всем, кто есть на станции уже выдали оружие. А кто с оружием, тот подлежит уничтожению. В форме он или нет. Сошлось?

- Здесь, - Борис ткнул пальцем в висок, а затем положил руку на грудь. – А здесь пока нет.

- Вжикнет над ухом первая пуля – сойдётся и здесь. Вперёд!..

...Доктор хотел сказать что-то ещё, но за ближайшей дверью, похожей на двустворчатый клапан, мароманнов поджидало прямое доказательство правоты Хауэра. Слева, из жерла багрового, с синеватыми прожилками сосудов коридора на непрошеных гостей набросилась стая уже знакомых зубастых биоников, а навстречу вывалилась группа дактианцев с легкими иглометами в руках. И среди двух десятков этих стрелков только трое носили форму охранников базы. Все остальные ходили либо в инженерных скафандрах, либо вовсе в штатском.

Особо этот заслон не задержал, но все-таки несколько секунд мароманы потеряли.

«А идти до терминала, судя по трофеиной схеме, ещё прилично, - подумалось Хауэру. – Несколько секунд здесь, несколько там, глядишь и суммарная потеря времени «наберет критическую массу». Особенно плохо будет, если дактианский десант отследит вектор движения и выйдет к терминалу загодя, не тратя время на преследование».

- А, черт!

Рядом с Максом вдруг свалился боец. На груди у него, как раз в том месте, где броню формировало колония новейших наноботов, зияла дыра. Иглометы не могли пробить даже устаревшие варианты защиты, да и рана отличалась от входного отверстия при попадании игольчатой пули. Хауэр рефлекторно прижался к стенке тоннеля, присел, ухватил бойца за плечо и подтащил к стене. Одновременно он попытался разглядеть нового стрелка глазами робокригов авангарда, но никого не увидел. Условный заслон дактианцев пятился, отстреливаясь из иглометов. Значит, стреляли не из главного коридора.

Синтетик Макса тотчас отправил пару крыс и десяток флигов в ближайшие ходы и коридоры-ответвления, но результат оказался нулевым. Кто подстрелил бойца и какое применил оружие, осталось загадкой. Пришлось Максу вновь призвать на помощь доктора.

- Осмотря рану! Из чего стреляли, какая траектория?

- Похоже на лазер или на «дракона»... - окинув взглядом рану, проронил Бозе. – Но это оружие не для ближнего боя внутри космической станции. В любом случае...

- В любом случае это опять подстава... я сбился со счета, какая, - перебил Бориса командор. – Новая броня не лучше старой. Герцога развели до полной прозрачности, а он круто подставил нас. Можешь определить, откуда стреляли?

- Нет, но... - Бозе указал на стену коридора справа и метров на двадцать дальше по ходу движения. – Момо не нравится вот это место.

Хауэр поднял взгляд. Кифер вцепился лапами в потолок, а хвост держал чуть отведенным, словно готовым для удара. Вряд ли жук стал бы драться с дактианцами или биониками, напрямую киферы никогда не вмешивались в разборки людей или гуманоидов, скорее он просто пытался отпугнуть всех и вся своим воинственным видом. Но так или иначе, целился своим жалом кифер не в кого-то, а в невидимую мишень на стене. Макс не понял, что его вдруг убедило в правоте Момо, но командор поверил киферу, а заодно и своему чутью.

- Все ко мне, - приказал он и вскинул винтовку, тоже целясь в неприметную с виду стенку.

Все присоединиться к Хауэру не успели, поэтому ровно через пять секунд отряд понес серьёзные потери. Стенка – а на самом деле маскировочная завеса вдруг упала, как сорванное с карниза полотно и вражеские десантники, прятавшиеся за этой шторкой в довольно просторном зале со складчатыми стенами и сводом, открыли шквальный огонь из мощных полевых винтовок-драконов. За какие-то мгновения отряд потерял треть робокригов и бойцов. И потерял бы больше, но пол обожженного выстрелами коридора вдруг рефлекторно вздыбился ближе к правой стене и образовал нечто вроде высокого бруствера, за которым тотчас укрылись мароманы. Болезненная реакция «левиафана» заставила дактианцев прекратить огонь, и мароманы тотчас воспользовались паузой. Ответный огонь в режиме силовых ударов – мароманы учили ошибку противника и не стали устраивать «изжогу» – заставил дактианцев отойти и попрятаться во всевозможных

складках, полостях и между какими-то выростами непонятного назначения. Но это стало слабым утешением.

- Дьявольщина! – Макс сверился с трофеейной схемой внутреннего устройства «левиафана». Никаких секретных «полостей за шторочкой» в этом месте не указано. Хауэр закрыл схему. – Я начинаю к этому привыкать.

- К чему? – Бозе, который осматривал ближайших раненых, поднял голову.

- К тому, что на каждом шагу мы спотыкаемся и набиваем очередную шишку. Ещё пара таких засад и до терминала дойдут только «стальные крысы».

- До подхода Ударной группы осталось десять минут. Вызовем тяжелых робокригов, они помогут.

- Хотелось бы в это верить, но лучше рассчитывать только на себя.

- Почему?

- По логике событий, – Макс не слишком весело усмехнулся. – Есть ощущение, что кто-то играет нами, как виртуальными солдатиками. Увлеченно играет, от души, и даже с маниакальной искоркой. И этот игрок не прервётся на самом интересном месте, даже если строгая мама позовет обедать.

- Хотелось бы сказать, что у тебя легкий приступ паранойи, но... – Бозе кивнул, – пожалуй, ты прав.

- Даже если у меня паранойя, это не значит, что за нами не следят, – синтетик Макса установил связь с уцелевшими в стычке бойцами и приказал двигаться дальше, но теперь не так быстро, тщательно проверяя все подозрительные закутки на маршруте. – Теперь нам противостоят десантники, так что всё серьёзно. Синтетик, когда появится наш флот, включи картинку с уцелевших истребителей, если они ещё не сгорели в атмосфере.

Синтетик отреагировал мгновенно. Оказалось, что Макс и Борис немного потеряли чувство времени и не заметили, что час «Ч» уже наступил. Осиротевшие «палубники» БДК пока не сгорели, но из трех истребителей лишь один мог относительно нормально транслировать картинку. Его камеры оказались сориентированы не слишком удачно, и всё же выход Ударной группы истребитель засёк. И то, как мароманский флот схватился с «Серапионами» и их сопровождением, синтетик «палубника» показал почти во всей красе. Но главное, истребитель смог ухватить другой важный фрагмент общей картинки. Он заснял, как вдруг «неисправный» межзвездный портал начал работать и за считанные минуты в тылу мароманнов вышла ещё одна флотская группа противника. Очень крупная группа. Настоящий флот!

В общем, то, к чему начал привыкать Хауэр, продолжилось. Каждые четверть часа обстановка становилась всё сложнее, хотя казалось, что сложнее и хуже некуда. Только теперь в засаду попали не штурмовики Особого отряда, которых генштаб зачем-то назначил диверсантами, и даже не БДК «Демон» с экипажем, а вся Ударная группа «Север».

- Командор, – к Хауэру обратился один из сержантов, но Макс вскинул руку, останавливая воина.

На самом краю объемной картинки, которую командор видел глазами бортового синтетика последнего из «демонических» истребителей, вдруг появился едва различимый силуэт мароманского корабля. Небольшая посудина медленно шла по самому краю астероидного поля, огибая сферу сражения и направляясь куда-то в тыл к дактианскому резерву. Хауэр сначала решил, что это корабль-разведчик с космической базы «Каменный купол», но присмотревшись, Макс понял, что ошибается. Да, кораблик шел примерно со стороны «Купола», но вряд ли он имел отношение к базе. Во-первых, такое старье давным-давно не держали на балансе даже экономные колонисты, во-вторых, даже если бы держали, в таком состоянии корабль никто не выпустил бы из дока, и, в-третьих... командору вдруг вспомнились слова Герцога насчёт того, что провокацию с подрывом «Виктории» почти в створе дактианского портала мог устроить другой устаревший корабль отечественного производства. Корабль класса «Тор». Именно такая посудина и

кralась сейчас по тылам сражающихся флотов. Что это могло означать?

Обработать и развить мысль Хаэр не успел. Сержант обратился ещё раз и командору пришлось переключиться на другие проблемы, более насущные. Авангард робокригов уже ворвался в главный терминал и почти зачистил его от немногочисленных дактианцев. Но чтобы ворваться в святая святых станции, в сектор управления, требовалось собрать в штурмовой кулак все силы. Хитрые десантники противника подогнали к шлюзам «левиафана» сразу две «бочки» и заняли сектор управления ещё до того, как авангард мароманнов ворвался в терминал. Ситуация таким образом сложилась ничейная. Терминал оказался в руках у мароманнов, но управлять им они не могли. Дактианцы же могли управлять субпорталом «орбита-грунт», но фактически ничего не могли перебросить ни на планету, ни с неё на орбиту.

- Это всё замечательно, - оценив обстановку и выслушав соображения сержантов насчёт тактики дальнейших действий, сказал Хаэр. – Но мы не можем успокоиться и взять паузу. Через два-три часа дактианцы подтянут к грунтовому терминалу субпортала лучшие силы биоников. Когда сюда поднимется разом сто тонн агрессивной биомассы, нам не устоять. Другой вариант – «бочки» высадят ещё несколько групп десанта и дактианцы атакуют нас с нескольких направлений.

Макс обвел взглядом терминал.

- Шесть, - подсказал один из сержантов. – В этот отсек шесть точек доступа, включая ворота в сектор управления.

- Заблокировать все эти двери мы не можем, нас слишком мало, - Хаэр взглянул на ворота сектора управления. – Запереть тоже. Пульт там.

- Можно обесточить всю станцию. Тогда все отсеки заблокируются автоматически.

- Нельзя, - Макс покачал головой. – У этой твари энергетическая установка на бортуrudиментарная.

- Какая?

- Вспомогательная, маломощная. Главный реактор находится на грунте и передает энергию на станцию по особой невидимой пуповине, в нашем понимании – «по энерголучу». Обрубить питание можно только с грунта. Это защита как раз на случай захвата станции.

- Получается, надеемся на «конец света»? – Невесело хмыкнув, спросил Бозе.

- Блэкаут, - кивнув, перевел Макс шутку доктора для бойцов. – И это третий вариант в списке возможных, самый выгодный для нас. Если дактианцы решат, что лучше нас заблокировать, чем пытаться выкурить, они так и поступят.

- И в каком случае они так решат?

- Если поймут, что нас на самом деле не так уж много, а помочь к нам не придет.

- А помочь не придет?

- Пока нет. Я вошел в командирское пространство Ударной группы и не вижу приказа идти нам на выручку. Флоту не до нас.

- Как неожиданно, - Борис невесело усмехнулся.

Доктор хотел что-то добавить, но в эту секунду сбылось очередное «предсказание» Хаэра. Большая часть систем станции вырубилась, лишившись энергии. Резервные генераторы включились мгновенно, но их силенок хватило только на тусклое дежурное освещение и поддержание основных жизненных функций «левиафана».

- То есть, следует считать, что на этот раз нам повезло?

- Если отсрочку исполнения приговора считать везением, то да, - Хаэр кивнул. – Этот «третий вариант» лишь подготовка к атаке. И теперь я не возьмусь предсказывать, что будет дальше – атака с грунта или штурм из других отсеков. Могу гарантировать одно – как только возобновится подача энергии, нам выпадет возможность неслабо подраться. Робокриги, занять позиции у дверей и взять на прицел платформу терминала. Воины, ваша зона ответственности – вход в сектор управления. Ждем...

...Говорят, что ожидание хуже смерти. Хауэр считал себя терпеливым человеком, но сейчас даже он полностью разделял такое мнение. Ожидание утомляло и морально, и физически. Ведь боевые рефлексы требовали не только улавливать и анализировать каждый шорох, они заставляли сохранять полную готовность начать маневр. То есть от напряжения звенели не только нервы, но и мышцы. А ещё размывалось, куда-то утекало и в результате терялось чувство времени. Да, синтетик исправно следил за секундомером и свериться с часами командор мог запросто, но человеческая сущность как бы смотрела, но не видела виртуального циферблата. Для неё время растягивалось резиновой лентой и этот психологический феномен утомлял ещё больше, чем физическое или моральное напряжение. Всё, что оставалось — надеяться на реакцию робокригов и личного синтетика. Впрочем, Хауэр верил, что и сам, без помощи синтетика очнется в считанные мгновения, если только не погрузится в это противоречивое «напряженное оцепенение» слишком уж сильно.

«Надо подумать о чём-то... - мелькнула мысль. — Оцепенение это пустота. Лучшее средство от неё — размышления. О чём? Хотя бы о сути происходящего. Вернее, о взломе этой самой сути. Ведь всё, что здесь и сейчас творится не соответствует тому, что я видел на модели в рубке «Демона» во время прыжка. Неужели парадокс изменил всё настолько основательно? Или всё-таки дело не в парадоксах, а в чём-то злом умысле. Но кто и зачем мог придумать всю эту комбинацию, весь этот каскад провокаций? Всё-таки Герцог? Слишком масштабно для его должности, да и зачем ему всё это? Где мотив, чего он мог этим добиться? Разве что уничтожить меня? В юности Руперту от меня доставалось, факт, но повзрослев я не переходил дорогу Герцогу, а старые обиды наверняка затерлись в памяти. Да и не числились среди них смертельные обиды. Какие-то ещё мотивы вероятны, но не очевидны. Но самое главное — Герцог погиб вместе с экипажем «Демона». Если бы подставы планировал Руперт, он знал бы, что «Демон» пойдет в расход. Спланировал, начал осуществлять, но напоролся на свои же вилы? Не настолько он был наивен. Значит, за кулисами прячется кто-то другой. И, похоже, этот «кто-то» имеет приличный вес. Возможно, он даже сидит в генштабе...»

Макс почувствовал, что идёт по верному пути в своих размышлениях, но закончить ему снова не удалось. Вспыхнул свет, все системы «левиафана» ожили, а над платформой терминала разлилось свечение. Робокриги на всё это не отреагировали, они и так пребывали в полной готовности открыть огонь, а вот бойцы заметно подались вперед и подкорректировали прицелы. Но, как ни странно, ситуация не получила никакого развития. Все двери остались на замке, а свечение над платформой трансформировалось в объемный текст. Надпись гласила, что субпортал провел штатное тестирование после перезагрузки системы. Только и всего.

Получалось, что командор в очередной раз ошибся в своих предположениях. Хотя, нет. Он ведь так и говорил — если дактианцы подтянут к грунтовой платформе субпортала достаточно боевых биоников, то включат подачу энергии, но случиться этому следовало часа через два-три, а «блэкаут» длился от силы десять минут. Но тогда выходило, что мароманнам выпал шанс?! Верилось в такую удачу с трудом (особенно на фоне целой серии «обломов»), но какой у Хауэра оставался выбор? Только рискнуть и проверить, что же это на самом деле — шанс или очередная ловушка.

«Хуже всё равно не будет».

Хауэр всё-таки замешкался, но тут на помощь пришли, как ни странно, дактианцы. Нет, они «помогли» командору и его бойцам не в прямом смысле. Они подтолкнули Макса к принятию решения. Все шесть дверей отсека вдруг открылись и на мароманнов ринулась целая лавина биоников и дактианских бойцов. Причем, самые крупные и злобные модифицированные организмы бросились к платформе, с явным намерением отрезать мароманнов от сердца терминала.

«Значит, возобновлять подачу энергии дактианцы не планировали, — мелькнул логический вывод, — и на грунте нас не ждут. Может, конечно, я опять ошибаюсь и это

очередная тонкая провокация, но теперь-то хуже не будет точно. Сто против одного. Факт!»

Хауэр сбросил функцию раздачи приказов синтетику, он делал это гораздо быстрее и эффективнее командора, и начал пробиваться к платформе терминала, прикрывая Бозе и Момо. Терминал оказался основательно перегружен сотнями контейнеров и тележек с грузами, поэтому пришлось попетлять, но зато все эти нагромождения служили неплохим прикрытием от обстрела из блока управления. В результате командор и его бойцы добрались до платформы почти без потерь. Оставалось только придумать, как заставить платформу заработать.

- У тебя ведь есть доступ в дактианскую сеть! – Зачем-то (наверное переволновавшись) крикнул Бозе.

- Он давно заблокирован, - Макс обернулся к одному из сержантов. – Посытай флигов и крыс в сектор управления. Их не заметят.

- Их затопчут! – Снова нервно выпалил Борис. – Постой! Смотри! Портал активируется! Сам!

- Сами по себе только вселенные взрываются, да и то не факт, - недоверчиво буркнул Хауэр, но тут же изменил приказ. – Все на платформу! Шквальный огонь!

Мароманы и роботы четко выполнили приказ и несколькими секундами позже весь отряд очутился на грузовой платформе терминала. Шквальный огонь заставил дактианцев, которые высунулись из блока управления, попрятаться обратно и не позволил им хоть как-то задержать противника. Имелась только одна проблема: при такой интенсивности огня энергия из оружия исчезала, как вода из решета. Если субпортал не сработает, мароманы рисковали оказаться поданными на обед дактианским боевым мутантам-бионикам на блюдце с траурной каемкой.

В какой-то миг Хауэр решил, что так оно и получится, но субпортал всё-таки сработал. Всё вокруг подёрнулось белесой дымкой, а затем вместо орбитального терминала, наполненного дымом, захламленного перевернутыми тележками, опрокинутыми контейнерами и заваленного телами биоников, возник пока ещё чистый и полный оцепеневшего народа грунтовый терминал субпортала «Терранова-Восход».

Хауэр пока не понимал, кого благодарить за спасение – его величество Случай, мать его Расхлябанность или кого-то более реального. Например, каких-нибудь давно внедренных в стан врага под видом смаглеров стратегических разведчиков Герцога или диверсантов, также заброшенных Рупертом, но недавно и втайне от Хауэра. Сейчас это не имело значения. Штурмовики спустились с пустых небес на нормальную, покрытую идеальной атмосферой твердь. Это выглядело как приз высшего достоинства и его следовало непременно удержать в руках. Любыми средствами.

6. Терранова Рема

Теоретически Сайрус мог плюнуть на приказ и перекрыть кислород мароманским разведчикам ещё в Реццо, но практически это равнялось самоубийству во имя спасения некоторых абстрактных, никем пока не тронутых жизней. Убьют ли кого-нибудь диверсанты, когда выберутся из подземелий посреди Терраполиса, большой вопрос, а вот трибунал за нарушение приказа светил Рему без вопросов. И Вита ничем Сайрусу не поможет. Ведь сорвать, что не отдавала приказа, у неё не получится, все разговоры, даже секретные записываются Агентством безопасности при Мининфе. Так что, этакое самопожертвование, возможно, выглядело благородным шагом, но Сайрус предпочитал шаги практические. Поэтому, ну и конечно потому, что так требовал устав, приказ госпожи стратега он выполнил и рванул на максимальной скорости прямиком к терминалу «Восхода». Спешить никто не заставлял, подземным гостям до окрестностей терминала оставалось не меньше часа пешего хода, но Сайрус почему-то решил, что лучше перестраховаться. И оказался весьма прозорлив.

Едва командирский летун коснулся лапами гладкого покрытия посадочной

площадки, в боевом потоке инфопространства загудел сигнал тревоги и перед Сайрусом зависла объемная картинка с десятком текстовых подсказок. Судя по противоречивому содержанию комбинированного рапорта, на «Восходе» случилось нечто ещё более странное, чем недавняя бессмысленная жертва мароманнов в космосе или мгновенное исчезновение вражеской разведки на планете. Модифицированный организм космического класса «левиафан», внутри которого находился орбитальный терминал «Востока» докладывал о высадке на его обшивку и успешном проникновении внутрь большой группы «враждебных прямоходящих». Более того, враги сумели вскрыть несколько отсеков и добрались до передающей платформы, после чего «левиафану» пришлось отключиться от энергетической пуповины, которая связывала его с планетой в целом и с принимающим терминалом в частности. То есть, в этой части рапорта почти всё выглядело логично. Вопросы вызывал только один момент – как враги сумели вскрыть несколько отсеков, не имея дактианского генкода?

Но это ладно, вскрыли и вскрыли. В конце концов, мароманы отменные технари, и взломать инфопотоки дактианцев могли без труда. А уже через виртуальность могли влезть в систему управления отсеками «левиафана». А вот какого дьявола планетарные службы вдруг восстановили подачу энергии через десять минут после захвата мароманами передающего терминала – логическому объяснению не поддавалось. Если бы к этому времени на грунте сформировалась мощная группа зачистки – куда ни шло. Врубили подачу, подбросили отряд наверх, уничтожили противника. Но энерголуч врубился, когда из нижнего терминала даже ещё не вывели всех гражданских! Явный прокол на грани саботажа. Или диверсия?

Сайрус склонялся ко второму варианту. О чём и сообщил младшим тактикам прибывшей из гарнизона Эpsilon-13 противодиверсионной группы.

- Я уже отправил к энергоблоку все доступные стаи биоников, но зверьё сможет только оцепить объект. Выбить противника можно лишь оружием.

- А сколько их там? – Спросил самый молодой из тактиков.

- Предположительно до шести десятков.

- Нам потребуются ещё стволы, - заметил тактик четвертого уровня Бруно, единственный в отряде член старой команды Сайруса. – Мы сможем привлечь бойцов из портовой охраны?

- Обойдется очень дорого. Охрана «Восхода» частная. Вряд ли нам позволят мобилизовать её задарма, это незаконно без объявления на планете военного положения, а взять их в аренду не получится, стратком скорее удавится, чем выделит на это деньги.

- То есть, нам за них лезть под мароманский огонь можно, а им за самих себя – нельзя? – Снова спросил самый зелёный из тактиков.

- У каждого своя работа, тактик седьмого уровня Сепко, - спокойно парировал Сайрус. – Не нравится, пишите рапорт и переходите на службу в охрану.

- Да я так... мысли вслух...

- Дурные это мысли, юноша. Паникерские. Лучше молчи, чтобы слабаком не выглядел. Теперь слушайте все внимательно, повторять и разжевывать некогда. План работы будет такой...

- Господин тактик! – Вдруг послышалась вопль откуда-то со стороны терминала. – Мароманы прорвались!

Вопил администратор терминала «Восход-грунт». Подкреплял свой вопль он отчаянной жестикуляцией. Выглядело это забавно, хотя по смыслу в его вопле ничего смешного не улавливалось. Для слабонервных гражданских и для зелёных новобранцев это всё выглядело даже тревожно.

Как раз по этой причине в строю тактиков и наметилось оживление. Бруно и другие опытные бойцы остались на месте, а вот молодёжь заметно разогревалась и пришла в броуновское движение. Ещё несколько секунд и они могли без приказа сорваться с места и ринуться в бой.

Вита Рем оказалась права – «дисциплинка»! Но это считалось бедой не только колониальных подразделений. Вся армия Демократической Империи Аррадакта страдала этим недугом. Тактики позволяли себе спорить со стратегами, а приваты иногда пытались доказать, что умнее младших командиров. Ведь все считали себя исключительными и свободными... вернее, слишком убедительно выглядела иллюзия свободы. Как в обществе, так и в армии. Поэтому дактианцы зачастую проигрывали «задавленным диктатурой» мароманнам даже там, где казалось бы нельзя проиграть.

- Всем стоять смирно! – Рявкнул Сайрус, рискуя назавтра оказаться в списке тактиков «позволяющих себе непозволительные методы руководства» – именно так бездарно формулировались претензии военной полиции к тактикам, которые пытались внедрить нормальную, настоящую, боевую дисциплину. А ещё подливали масла в огонь наблюдатели из Министерства информации, которые называли жесткую дисциплину «подражанием врагу». Ни больше, ни меньше. Их бы, идиотов, на фронт! И предложить поднять в атаку бойцов, каждый из которых имеет своё представление о «целесообразности данного мероприятия», не имея при этом полноценного военного образования, от силы – военный факультет при университете. – Слушать план действий в здании энергоблока! А вы, господин администратор, идите, работайте.

- Как же так... – администратор утер кружевным платком крупный пот. – Там ведь... противник!

- В энергоблоке тоже противник, – смерив штатского спокойным взглядом, сказал Сайрус. – Нам важнее восстановить контроль над источником энергии. Не так ли?

- Так. Но... Но ведь там эти ваши мароманы! Их полный терминал!

По-хорошему этого гражданина второго класса следовало послать куда подальше, чтобы не мешал работать, но Сайрус сегодня уже и так наговорил и наделал столько непотребного с точки зрения Мининфа, что усугублять не следовало.

- «Наши» мароманы засели в энергоблоке, – терпеливо пояснил Рем. – А этими пусть занимаются охранники и полиция. Должен же наступить праздник и на их улице. Разве не справедливо?

- Справедливо, но... эти мароманы такие страшные, огромные, все в броне, и оружие у них... мощное такое, – администратор едва не закатил глаза то ли от страха, то ли от восторга. Его явно возбуждали брутальные мужчины с большими пушками. Недавно сменил пол? Скорее всего. – Думаете, полиция справится?

- Думаю, нет. И очень надеюсь, что у полиции хватит ума пропустить мароманнов, а не ввязываться в бой.

- То есть, как пропустить?! – Администратор опешил. – Пусть идут, куда им захочется??

- Так точно. Пусть идут, куда хотят. А мы вырубим субпортал и нагоним их там, где не так многолюдно. Чтобы избежать потерь среди мирного населения. Замысел понятен?

- Да, – администратор кивнул, но не успокоился и затараторил ну точно, как бывшая женщина. – А если они что-нибудь взорвут? Или начнут стрелять во все стороны. Представляете себе, что будет? Весь город вверх дном! Кошмар! Как быть тогда?

- Тогда прятаться и не высываться. Кстати, лучше это сделать заранее. Так и передайте всем, включая полицию. Всё ясно? Тогда не мешайте работать.

Администратор удалился, правда почему-то не в сторону терминала, а в направлении безопасной гостиничной пристройки. Сайрус тем временем коротко обрисовал замысел и распределил роли. Молодежи не досталось ничего героического, но разразить младшие тактики не посмели. Всё-таки хоть что-то святое для них в мире существовало. Если не военная дисциплина, так хотя бы авторитет Сайруса.

Впрочем, идеального выполнения приказов Рем от подчиненных так и не добился. Пока отряд выходил на позиции, всё шло нормально, а вот когда Сайрус отдал приказ начинать штурм, слабые звенья тут же лопнули. В отличие от ветеранов, молодежь имела

слишком узкую специализацию и этот недостаток не компенсировался ничем. Бойцы с опытом, вроде Бруно тоже не являлись профессиональными штурмовиками, но у них имелся боевой опыт. В настоящих, а не учебных операциях чего только не приходилось делать! Штурмовать объекты в том числе. Так что, ветераны не подкачали, и даже с парой лопнувших звеньев цепь достаточно хлестко ударила по противнику и смяла его передовые позиции. Первым делом в ход пошли инженерные гранаты – уникальное защитное изобретение. В небольших пакетах содержались хрупкие капсулы с семенами орфийских кустарников, плавающих в питательном растворе. Когда капсула разбивалась и семена попадали на почву, начинался их бурный рост, а затем зеленая масса каменела, образуя плотное надежное укрытие полугораметровой высоты и ширины, как раз для одного – двух человек. И на весь процесс уходило максимум секунд пятнадцать, а в среднем – десять. Разбросав такие «созидательные» гранаты в шахматном порядке по направлению к позициям врага, воины получали возможность за считанные минуты создать безопасный коридор вплоть до окопов противника.

Дактианцы так и поступили. Враг оборудовал на подходах к энергоблоку несколько позиций, но все они очень скоро оказались заблокированы заслонами из орфийских зарослей. И никакой ответный огонь противнику не помог. Диверсанты жгли из легких винтовок, импульсы которых не пробивали окаменевшие заросли укрытий.

Вдохновленные успехом дактианцы набросали еще орфийских семян, теперь почти вплотную к зданию и затаились, выжидая, когда кустарники прорастут, сформируются и окаменеют.

– Они не ожидали такого натиска, – заметил Бруно, заняв позицию рядом с Сайрусом.

– Сомневаюсь, – Рем окинул взглядом занятую территорию. – Возможно, они просто держат паузу. Молодежь отклонилась от маршрутов. Левый фланг занесло куда-то в сторону, а правый отстал.

– Правый фланг никак не может подавить огневую точку. Видите, сколько там дыма? Диверсанты палят из всех стволов, не дают голову поднять. А чего ждут основные силы врага?

– Когда мы все подтянемся к энергоблоку, – Сайрус указал на верхушки ближайших каменных кустов. – Заметь, как стреляют. По кроне.

– Просто понимают, что в ствол лупить бессмысленно, не пробьет, – Бруно пожал плечами. – Надеются подловить кого-нибудь, срезать, если встанет в полный рост.

– Нет, Бруно, чувствую, что главный калибр они придерживают. Хотят накрыть нас, когда мы «на волне успеха» потеряем осторожность и втянемся в зону поражения всем отрядом. Жаль, что здание энергоблока неживое, нельзя взглянуть на противника изнутри, хотя бы одним глазком.

– Да, такие здания положено строить капитально… только… там ведь всё равно полно живых систем. Неужели ни с одним модификантом нет связи?

– Нет, Бруно, в том-то и фокус. И стрекозы не могут туда проникнуть. Диверсанты поставили силовой купол. Он блокирует связь и сжигает всё живое на подлётке.

– Но… тогда и наше оружие его не пробьёт, – Бруно с сомнением посмотрел на свою живую винтовку.

Та подмигнула хозяину маленьким индикаторным глазком, как бы заверяя, что сделает всё возможное. Игл в желудке накопилось много, энергии в курдюке-аккумуляторе тоже предостаточно, и глотка с электромагнитными железами напряглась в полной готовности разогнать костяные иглы-пули до запредельных скоростей. Расстраивать боевой модорганизм, объясняя, что его костяные пули, конечно, способны пробить даже танковую броню, но сгорят в силовом поле, Бруно не стал. Он просто быстренько сменил желудок-магазин.

Винтовка мигнула трижды. Это значило, что стальные иглы, которыми наполнен новый желудок, ей не нравятся, от них быстро перегреется глотка и хозяин на какое-то

время останется безоружным (к запасным иглометам пистолетной компоновки винтовки относились с презрением, как к маломощным недомеркам), но если надо, значит надо. Только, хозяин, не забудь вернуть «кости», когда отпадет необходимость в «железках»!

- Это верно, - Сайрус сунул руку в карман. – Верная мысль, Бруно. Стальные иглы, конечно, не панацея, но сквозь поле пройти смогут и даже убойную силу сохранят. Правда, на уровне арбалетных болтов, исключительно для незащищенных нанобронёй целей. Но всё равно ты дал хорошую подсказку.

Рем достал небольшую, размером с сувенирную монету металлическую шайочку и резко подбросил её вверх. Шайба начала быстро вращаться и зависла на высоте примерно пяти метров. Сайрус щелкнул пальцами и раскрыл ладонь. Над ней тотчас возникло уменьшенное, полупрозрачное, но цветное и объемное изображение – вид сверху на орфийский каменный лабиринт, выросший за последние минуты вблизи энергоблока.

- Это же... - Бруно осекся, зачем-то оглянулся и перешел на полуслепот. – Это же... мароманнская «муха»... фликриг!

- Так точно, трофеи, - Сайрус чуть наклонил ладонь. Фликриг медленно двинулся в сторону здания энергоблока. – Давно в кармане таскаю на всякий случай, вот он и пригодился. Отличный разведчик, между прочим.

- Мароманнский... - Бруно покачал головой. – Стратком на разборе обязательно даст взбучку за использование вражеских технологий.

- До разбора ещё дожить надо.

- В том-то и дело, что доживем. В первый раз, что ли?

- Значит, надо победить и всё обойдется. Победителей не судят. Нам нужна информация, и получить её можно только с помощью военной хитрости. Мароманнские энергокупола четко распознают, кто свой, кто чужой. Фликриг поможет нам понять, где у противника слабое место.

К этому моменту «муха» подошла вплотную к куполу и Сайрус получил первую ценную информацию. Жаль, что она стала и последней тоже. Но и этого Рему вполне хватило для ценных выводов. Он увидел нескольких диверсантов, затаившихся в помещении без крыши, своего рода внутреннем дворике здания. Увидел, зафиксировал три характерных момента и в очередной раз сказал себе, что гениален. Все разведчики носили нейтральную форму без опознавательных знаков, как и положено, так что вдохновил Сайруса не камуфляж, а два других момента. На лицах у диверсантов не оказалось мароманнских нанотатуировок, а в руках бойцы второй линии держали чудовищно громоздкие, но грозные, поскольку довольно эффективные вильдерские пулеметы.

«Всё сошлось. Это вильдеры, причем не местные аборигены, а наемники мароманнов. Скорее всего, с Гамилькара».

Сайрус приказал фликригу двигаться дальше, но тут случилось непредвиденное. «Муха» коснулась силового поля и вспыхнула, а затем, с громким хлопком рассыпалась на множество искрящихся кусочков. Рем довольно явственно представил, как в его стройном понимании происходящего образуется некрасивая трещина. Устойчивости воображаемого здания она пока не угрожала, но фасад портила.

«Почему силовой купол не узнал своего дрона? Управляющий синтетик понял, что фликриг работает на противника? Неужели даже в простейшей аппаратуре у мароманнов сидят искусственные умники такого уровня? Или дело в чем-то другом?»

- Сгорел, - констатировал Бруно с сожалением, но одновременно и с оттенком облегчения в голосе. – Только непонятно, почему купол его не узнал? Может, эти диверсанты не на мароманнов работают?

«Или дело в чем-то другом... - продолжил свою мысль Сайрус. – Например, в том, что озвучил Бруно. Но если не на мароманнов, тогда на кого работают эти вильдеры? И почему их действия настолько четко синхронизированы с орбитальными проблемами и

высадкой мароманнов? Впрочем, сейчас это вопросы второго порядка. Я ошибся с «мухой», но оказался прав в самом главном – нас заманивают в котёл».

- Бруно, бери всю правофланговую молодежь и уходи к передвижному ангару-черепахе. В инфопотоке сообщается, что там уже собрались все нужные бионики. Если охрана выполнила предписания на случай боевой ситуации, туда привезли «носорогов». Выпускайте их прямиком на энергоблок, сами идите следом.

- «Носорогами» трудно управлять, - заметил Бруно. – Проломят стену – не остановятся. Вынесут на рогах всё оборудование с противоположной стороны.

- Я знаю. Проломят стену, командуй им «стоп». Не остановятся – пристрели.

- Перерасход биоников не одобряется, - напомнил Бруно. – Могут вычесть стоимость…

- Я всё беру на себя. Мне нужен шум с восточной стороны. Сам пройду вдоль западной стены.

- А здесь… кто останется?

- Левый фланг. Диверсанты скоро пустят в ход главный калибр – вильдерские пулеметы. Пусть левофланговые узнают, что такое пулеметы вильдеров.

- Там зеленые все, как один. Могут побежать и тогда им не выжить.

- Могут побежать и не выжить, - Сайрус кивнул. – Зато выжившие станут бойцами, а не сопливыми выпендрежниками.

- Вильдеры сотрут все заросли в порошок и землю свинцом перепашут на метр в глубину, - Бруно с осуждением взглянул на командира. – Никто не выживет.

- На левом фланге удачный рельеф, склон. Кто успеет уползти под горку, выживет. Выполняй приказ!..

…Сайрусу вдруг вспомнилось, как во время одного рейда пару лет назад он случайно услышал типичную мароманскую музыку. В ней оказалось очень много басов, какого-то скрежета и всё это объединял четкий тяжелый ритм. Сначала Сайрус решил, что это ужасная какофония, но попривыкнув изменил мнение. Музыка получалась очень даже боевая и наполненная энергией. Под неё так и хотелось ринуться в атаку и сокрушить врага любой ценой. С тех пор дактианский тактик иногда тайком нырял в какой-нибудь нелегальный инфопоток, где транслировались смаглерские контрабандные передачи и слушал вражескую музыку. Не потому, что нравилась, а просто, чтобы «подзарядиться».

А ещё ему иногда казалось, что такая звуковая дорожка хорошо подходит к боевым действиям без участия людей. Пару раз Сайрус мысленно приклеивал «саундтрек» к записям реальных сражений, в которых сшибались лоб в лоб робокриги и бионики. Получалось неплохо. Причем, мароманская железная музыка даже больше подходила не к тяжелой, но всё равно «очеловеченной» поступи робокригов, а к атакам дактианских монстров, например, таких, как «носороги».

Когда эти массивные чудовища в толстой броне и с десятком прочнейших рогов на уродливых мордах мчались по полю боя, то и дело изрыгая по настильной траектории плазменные сгустки, грохот стоял неимоверный, а людей охватывали самые сильные и самые разные эмоции. От ужаса у тех, на кого надвигались эти живые танки, до высочайшего душевного подъема и боевого азарта у тех, кто мчался за «носорогами» в «скатах» – небольших экипажах-экронопланах или верхом на «гепардах», двухместных скоростных биониках.

Что там ощутили вильдеры, увидев, как к захваченному ими зданию приближаются «носороги», осталось загадкой. За минуту до того, как Бруно погнал вперед огромных биоников, диверсанты думали, что всё идёт по плану. Убедившись, что дактианцы втянулись в ловушку, вильдеры «неожиданно» вывели на огневые позиции стрелков с пулеметами, которые открыли шквальный огонь по легким укрытиям противника. Скорострельное оружие вильдеров за считанные секунды превратило все каменные заросли в пыль.

Будь все дактианцы на месте, от них остались бы мелкие клочья и в воздухе вместе с каменной пылью повис бы кровавый туман. Но свинцовый шквал не нанес дактианцам значимого урона. Как и опасался Бруно, несколько новобранцев дрогнули, попятались и попав под огонь врага превратились в фарш. Но основная масса левофланговых вовремя залегла и сползла в достаточно глубокую ложбину.

Вильдеры не видели реальной обстановки, поскольку подступы к энергоблоку теперь застилали плотная пыль, но справедливо считали, что свинцовый ураган как минимум отбросил дактианцев куда подальше. Видимо поэтому они не стали сразу же контратаковать и защищать площадку перед зданием. Решили дождаться, когда сядет пыль.

Этой самоуверенностью противника Сайрус и воспользовался. Его группа заранее вышла на позицию у западной стены, в мертвую зону для вильдерских пулеметов и когда от топота «носорогов» под ногами ощутимо дрогнула земля, Рем скомандовал «вперед». Даже если вильдеры очнулись и всё же решили пойти проверить, не осталось ли под стенами здания выживших, теперь им пришлось срочно поменять планы и перебросить всех стрелков на восточную стену, с которой открывался пугающий вид на зеленое поле, по которому мчалось больше дюжины здоровенных «носорогов».

Какое-то время вильдеры, похоже, не знали, что им делать, но затем всё-таки решили драться и открыли огонь по приближающимся чудовищам. Новый свинцовый шквал оказался таким же интенсивным, как и первый, но одно дело сточить в пыль «каменный цветок» и совсем другое – пробить многослойную живую броню биоников. Пули, даже ложась очень кучно застrevали на разной глубине в роговых пластинах или нижних слоях защиты биоников и не причиняли им особого вреда. Бывало, что бешеная очередь всё-таки просверливала глубокую выемку и «носорог» чувствовал боль, но это не останавливало, а лишь распаляло бионика.

Меньше, чем за минуту «носороги» преодолели километровую дистанцию и два самых быстрых почти синхронно врезались в стену здания. Дрожь земли превратилась в настояще землетрясение, здание тоже дрогнуло, а по перепонкам ударили совсем уже невыносимый грохот. Сайрус подключился к каналу инфопотка, в котором показывалась картинка с точки зрения идущих за «носорогами» бойцов и успел увидеть, как вильдеры исчезают из оконных проемов и с крыши здания. Возможно, они просто не удержались на ногах и повалились на пол и на плоскую крышу энергоблока, но Рем на всякий случай предположил, что произошло нечто не настолько очевидное. Например, что вильдеры решили уйти. Как? Видимо, как и пришли, подвалами.

Только в этот момент Сайрус понял, что допустил непростительную ошибку. Он не задумался над простой вещью – диверсантов не заметила ни охрана, ни полиция в Терраполисе. Они исчезли в тоннелях неподалеку от Фианто, а появились сразу на территории энергостанции. То есть, прошли по «несуществующим» тоннелям прямиком к цели. Сайрус Рем, сам опытный диверсант был просто обязан первым делом проанализировать эту существенную деталь.

«С другой стороны, и что дальше? – Попытался найти себе оправдание тактик. – Искать в коммуникациях под землей дверцу, через которую мы тоже могли бы войти в энергоблок было просто некогда. Да и необязательно она имеется. Вход может существовать лишь один, из старых тоннелей. Аборигены дали вильдерам нужные планы подземелий, а то и вовсе проводили до точки. Значит, у нас имелся только один вариант – взять тех же аборигенов за уши и заставить провести тем же путём. Но! Ни аборигенов, ни тоннелей для нас как бы не существует. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Спасибо Министерству правды с его дурацкими выдумками о «первопроходцах». Так что, моей вины здесь нет. И если вильдеры сейчас ускользнут, тоже не будет. Только неприятный осадочек останется. Но это я переживу».

Сайрус вроде бы взбодрился, но почти сразу его вновь охватила тревога. Всё-таки он упустил не только упомянутый выше момент, а что-то ещё. Нечто более важное. Группа Рема в этот момент начала зачистку и Сайрус на время отвлёкся от размышлений,

но когда бойцы проверили всё здание и не нашли никаких следов вильдеров, кроме россыпей похожих на горелые конфетти гильз и оставленных диверсантами простейших мин, тактик вернулся к тяжелым думам. Вернее, это думы вернулись и сразу же в виде яркого озарения. Такого яркого, что Сайрус на миг зажмурился, а потом почувствовал, как в животе сначала холодаеет, а затем разливается нестерпимый жар.

«Это всё была провокация! – Дошло до Рема. – Вильдеры... эти тупые дикари с отсталой планеты обманули всех! И меня, и стратком! Они спровоцировали мой отряд уйти из гарнизона и подкинули нам десант из настоящих мароманнов, чтобы задержать в порту. И даже то, что я не поддался на вторую фазу провокации, а начал охотиться на вильдеров, ничего не изменило. Пока часть диверсантов делала вид, что удерживает энергоблок, помогая мароманнам высаживаться на Терранову... другая часть их отряда... наверняка сейчас вскрывает подвалы Эпсилона-13!»

Рем лихорадочно отбросил ненужные больше каналы инфопотока и сформировал объемную картинку центрального пульта охраны на базе Эпсилон-13. обстановка там вроде бы сохранялась спокойная. Сайрус переключился на камеры слежения нижнего яруса, и не обнаружив ничего подозрительного переключился на камеры лабораторий, казарм, арсенала, вивариев и складских помещений, а затем ещё и виртуально «прогулялся» по периметру. База жила и работала в нормальном режиме. Все охранные датчики молчали, а бионики-псы не чуяли присутствия чужаков. Они могли, конечно, принять вильдеров за аборигенов, на которых обычно почти не реагировали, но даже когда Сайрус торопливо внес в программу безопасности поправку, ничего не изменилось. Псы остались спокойны, и значит, на десять километров вокруг они не чуяли никого, кроме дактианцев или дружественных модорганизмов.

Сайрус немного расслабился, но опасения не отбросил. Похоже, вильдеры действовали всем отрядом, но это не давало повода успокоиться. Версия о том, что диверсия на энергостанции «Террановы-Восход» стала только подготовкой отвлекающего маневра, по-прежнему не давала Сайрусу покоя. И снять озабоченность, как выражались дипломаты, а по их примеру и большие стратеги, Рем мог только одним способом – уничтожив, наконец, диверсантов. Не будет потенциального источника проблемы – не возникнет и самой проблемы. Только так.

«Осталось решить, как будем устранять этот источник. Теперь ничто не мешает спуститься в подземелья и пойти по следам вильдеров, точка доступа где-то под нами. Но... не слишком ли это прямолинейный вариант? Сомнения опять неопределенные, но почему-то навязчивые».

Сайрус снова углубился в инфопоток и довольно быстро нашел причину своих подспудных сомнений. Даже три причины. И все три получили косвенное подтверждение из уст стратега Виты Рем. Она опять в самый неподходящий момент всплыла на поверхность своего столичного болота с названием Оперативный штаб страткомандования. Как она умудрялась это делать? Фамильная интуиция?..

...- Ты уверен, что это были наемные вильдеры и что они опять ушли в подземелья? – выслушав доклад брата, спросила госпожа стратег.

- Абсолютно.
- И что ты намерен делать? Преследовать их? По тоннелям?
- Даже если ты разрешишь преследование, я не пойду по тоннелям.
- Вот как? – Вита вскинула тонкие подрисованные брови. – Ты наконец понял, что с Мининфом лучше не шутить?
- Я просто не хочу попасть в засаду. К тому же, потеряю время. Я приказал усилить оборону Эпсилон-13 и собираюсь лететь туда, чтобы встретить диверсантов.
- При чём тут Эпсилон-13? – Вита поморщилась. – Я не отменяла приказа насчёт диверсантов. Выловить их, а не встретить, вот штатная задача твоего отряда. А помогать охране Эпсилона-13 это ваша побочная работа. Плата за то, что вы там дислоцируетесь.

Если вы на месте – участвуете в охране, если нет – они обязаны справляться самостоятельно. Так что, забудь пока о базе, Сайрус. У тебя и без того удвоилась нагрузка. Кроме отряда диверсантов… как выяснилось, вильдеров нанятых мароманнами… я правильно поняла?

- Так точно.
- Так вот, кроме этой группы, в подземелья могут уйти высадившиеся с «левиафана» мароманы. Так считает стратком.
- Замечательно, - Сайрус усмехнулся. – Всё, как я и предполагал.
- Что тут «замечательного»??!
- Не один я упустил цель. Охрана и полиция тоже обделались. А все почему?
- Не начинай опять! – Отрезала Вита. – Возможно оно и к лучшему! Не будь тоннелей, мароманы ринулись бы на прорыв по городу. Помнишь, ты боялся, что будут жертвы. Так вот, можешь радоваться, серьезных жертв удалось избежать.
- Но мароманы ушли.
- Пока не ушли. Могут уйти.
- Не важно.
- Хорошо. А если бы мы признали, что тоннели существуют, в чем заключалась бы выгода? Нам пришлось бы перекрывать этот путь отхода и мароманы устроили бы большую драку. Да ещё эти твои вильдеры… их тоже пришлось бы уничтожать на месте, возможно, пожертвовав заодно и энергоблоком. Это было бы лучше?
- Думаю, нет.
- Вот и молчи тогда! Молчи и слушай новый приказ страткома – преследовать мароманнов! Если потребуется – по подземельям. Можешь привлечь к делу десант. Ведь ты восстановил контроль над подачей энергии на «Восход»? Перебрось с «левиафана» тех, кто упустил мароманнов, пусть отрабатывают свой должок.
- Подкрепление я переброшу без вопросов, - Сайрус ухмыльнулся. – Но ведь тоннелей не существует! Как не было и нет никаких аборигенов. Или стратком убедил Министерство правды изменить официальную позицию? Поясни, будь любезна, пока я окончательно не запутался.
- Подземелья существуют. Это коммуникации Терраполиса. А тоннели – секретные путепроводы из колониальной столицы в стратегический квадрат Эпсилон-13. Их проложили бионики модификации «борейский крот». Эта версия утверждена приказом страткома.
- Опять приказная ложь? – Сайрус ухмыльнулся. – Как у вас от этого вранья головы не вскипают? Для справки, стратег. Борейские кроты оказались настолько прожорливой моделью, что были выведены из эксплуатации десять стандартных лет назад. Их не осталось даже на самом Борее. Но в остальном, будем считать, всё более-менее сходится, если не заглядывать в сами тоннели. Молодцы, выкрутились.
- Нам неинтересно твое одобрение, Сайрус, - строго сказала Вита. – Останови мароманнов прежде, чем они выйдут из подземелий где-нибудь на другом краю Терраполиса или в другом стратегически важном квадрате и натворят бед. Это всё, что от тебя требуется.
- Они не станут партизанить, - Сайрус отрицательно качнул головой. – Мароманы лишь воспользуются тоннелями, чтобы покинуть обитаемые квадраты. Я видел репортаж из терминала. На планету высадилась штурмовая группа. Эти бойцы не готовы к длительной диверсионной работе. В первую очередь – у них слишком мощное оружие, но нет автономных генераторов. Без подпитки энергией от тяжелых робомашин огневой поддержки, они бойцы на час. Так что, мароманы пойдут к границе, это я гарантирую. Нам важнее остановить не мароманнов, а их наемников, вильдеров, которые, как я понял, намылились проникнуть в Эпсилон-13, пока я гоняюсь за мароманнами. Они с самого начала всё так и спланировали. Атака на энергоблок, высадка отвлекающего отряда мароманнов и штурм базы – комбинация простая, но вполне рабочая.

- Сайрус, страткомандование лучше знает, что происходит, и что надо делать!

- Стратком находится очень далеко от Террановы, - спокойно заметил Рем. – Откуда вам знать, что тут на самом деле происходит?

- Ты хочешь, чтобы я опять приказала?

- Конечно хочу, - Сайрус кивнул. – Брать на себя ответственность за твои фантазии я не собираюсь.

- Фантазируешь сейчас ты! – Вита не на шутку распалилась и это выглядело странно. У Сайруса даже мелькнула мысль, что он угадал с формулировкой. Что Вита приказывает не от имени страткома, а по собственной инициативе. Неужели решила рискнуть ради третьей звезды на погон и взяла всю ответственность за операцию на себя?

– Твои аргументы не принимаются, Сайрус! Какие-то там дикии не смогут взять базу, даже если тебя не будет поблизости. С ними справится и штатная охрана.

- Энергоблок они взяли, хотя там тоже имелась охрана.

- Тактик Сайрус Рем, отставить пререкания! Важнее выловить мароманнов! Это приказ!

- Другой разговор, - Сайрус обреченно вздохнул. – Надеюсь, вам надоест целовать задницы агентам Мининфа и вы отадите приказ зачистить не только тоннели, но и «несуществующих» аборигенов, которые здорово помогают своим братьям-вильдерам. И надеюсь, это случится раньше, чем ситуация пройдет точку невозврата. Я намекаю на захват или разрушение наемниками Эпсилона-13.

- Засунь свои фантазии... куда подальше! – Зло прошипела Вита. – Вильдеры сделали, что от них требовалось и ушли в тень! Они растворяются среди аборигенов и постараются незаметно покинуть планету. Так считают аналитики страткома. Между прочим, все они заслуженные стратеги, а не тактики второго уровня. Теперь главная цель – мароманы! Даже если Эпсилону-13 что-то угрожает, эта угроза исходит от мароманнов! И ты должен их выловить! Точка! Иди, работай, негодяй, пока я тебя не придушила!

- Руки коротки, - проронил в ответ Сайрус и поспешно вырубил связь, словно опасаясь, что Вита, несмотря на разделяющие их парсеки всё-таки исхитрится и дотягнется костлявыми пальцами до шеи братца.

А чтобы стратег Рем не приказала тактику Рему ещё какую-нибудь глупость, Сайрус врубил локальный боевой инфопоток и заблокировал все прочие. В боевой обстановке это допускалось.

Интересно, что Сайрус опять угадал. Теперь – с выбором средства от назойливых стратегов. В боевом информационном потоке бурлила весьма полезная оперативная информация. В первую очередь выяснилось, что обстоятельства позволяют найти компромисс между глупыми приказами страткома и представлением Сайруса о комплексе необходимых действий. Мароманы тоже уходили в сторону Эпсилона-13 строго по вектору «несуществующих» тоннелей. Решили они помочь своим наёмникам при штурме базы или просто воспользовались тоннелями, как ориентиром для отхода, и собирались сменить направление не доходя до тринадцатого квадрата, Сайруса теперь не так уж волновало. Рем теперь точно знал, где сойдутся пути вильдеров и мароманнов – в Фианто. Других вариантов попросту не осталось. Поселок Реццо, как точку выхода вильдеров из тоннелей он исключил, поскольку тамошние вентшахты, как выяснилось, давно закупорили бдительные и не побоявшиеся ворваться Мининфу колониальные полисмены. Поэтому в прицеле оставалась лишь граница двенадцатого и тринадцатого квадратов.

«И мароманы не свернут раньше Фианто, я им этого не позволю. Там и накрою одним ударом обе группы, - решил Сайрус. – А потом выскажу стратегам всё, что они заслуживают услышать. Особенно сестрице. За все обиды. Когда-то надо это сделать. Почему не сейчас?»

7. Догнать нельзя отстать

В большинстве случаев люди расстраиваются, когда понимают, что их не ждали.

Быть незваным гостем неудобно, неуютно, а иногда и стыдно. Хозяева строили свои планы, в доме слегка неубрано, а тут вдруг ты на пороге. Здравствуйте! Стоишь, читаешь во взглядах растерянно-улыбчивых хозяев «и какого чёрта тебя принесло так не вовремя?» и чувствуешь себя этаким кофе перед сном – вкусным, но неуместным.

Но это в большинстве случаев. В данном конкретном случае командора Хауэра ничуть не расстроил факт, что на грунте мароманнов не ждали. Его в сложившейся ситуации устраивало вообще почти всё. Ну, кроме отсутствия нормальной связи с инфопространством Маробода. На всей дактианской стороне планеты её тщательно отсекали местные инженерные службы. Получалось это не всегда, в инфопространство желающие могли проникнуть и обходным путём, через «независимые» инфопотоки смаглеров, но в столичном секторе Эпсилон Агентство безопасности дактианского Министерства информации работало со всем старанием. Так что, на пару сотен километров вокруг Терраполиса доступ к виртуальному пространству Маробода блокировался наглухо. Хоть прямой, хоть окольными путями. Синтетики робокригов и воинов, конечно, восполнили пробел, образовали локальную сеть, очень похожую на стандартную виртуальность, но всё равно чувствовалось, что это не настоящее инфопространство. Работала сеть быстро, данных в ней бурлило предостаточно, но ей всё равно не хватало размаха, а главное – свежей информации.

В остальном всё складывалось нормально. Даже лучше. Пока хозяева лихорадочно соображали, кто виноват и что делать, штурмовая группа спрыгнула с принимающей платформы, быстро образовала компактный строй прорыва – робокриги во внешней линии, воины и Момо внутри – и быстро двинулась к выходу из терминала.

Естественно, в переполненном терминале возникла паника. Завопили и заметались женщины, раскрашенные, как клоунессы и разодетые в живые одежды из каких-то невероятных пушистых зверей-симбионтов, начали бегать и прятаться во все доступные щели розовощекие дети в травяных костюмчиках, а служащие терминала мгновенно скрылись под стойками и в подсобных помещениях, двери которых тут же судорожно посжимались. Причем, попрятался не только гражданский персонал, но и охранники. Из дактианцев в униформе типа «кольчужная кожа» (и как им не противно таскать на себе эти модорганизмы, выращенные из клеточного материала рептилий?!) в поле зрения остались только несколько отважных упаковщиков багажа. Они замерли на своих рабочих местах и вытаращились на мароманнов и уродливого кифера в их строю, нервно жуя какие-то пастилки. Наверное, с растительными стимуляторами и витаминами для симбионтов. Подобную дрянь весьма любили на Аррадакте и его колониях.

Пущенные вперед фликриги обнаружили ещё десяток людей в форме, за пределами терминала. Ими оказались полицейские, но никаких проблем не доставили и они. Сообразив, что к выходу продвигается штурмовая группа с полевым оружием, полицейские спрятали свои карманные иглометы, запрыгнули в скат-флаеры и умчались куда-то в сторону административного здания, похожего, как и все сооружения портового комплекса на большой черепаший панцирь.

Таким образом на первом этапе высадки мароманнам не встретилось никаких препятствий, кроме естественных, вроде упавших в обморок дамочек или утерянных народом живых предметов. В основном на пути валялись противные на вид гладкокожие сумчатые грызуны, аналоги рюкзаков, или же пародии на нормальные чемоданы, нечто вроде огромных неуклюжих жаб – именно их закутывали в упаковочную паутину служащие порта. Да ещё повсюду валялись мягкие игрушки из безопасной модифицированной плюсни, издалека больше похожие на разноцветные комки сахарной ваты.

Всё, что не успело отползти или укатиться с пути штурмовиков было ими не без удовольствия зафутболено куда придется. А последнее препятствие в виде прозрачной двери из органического стекла предусмотрительно отъехало в сторону до упора, как для пропуска крупногабаритных грузов. И это стало верным решением, мароманны не

собирались нарушать строй, скорее они вынесли бы эту дверь к чертовой матери.

Второй этап прорыва представлялся более сложным, группе требовалось пересечь просторную, но запруженную транспортными биомеханизмами площадь с памятником Первопроходцам в центре. На открытой местности штурмовики становились отличной мишенью. Но и тут удача, будто бы извиняясь за все предыдущие подставы, улыбнулась мароманнам во все зубы. Флиги засекли боевых биоников и даже отряд дактианских военных, однако опасные модорганизмы концентрировались на дальнем краю портового комплекса, а военные двигались в сторону энергостанции, даже не оглядываясь на терминал.

Хауэр не сомневался, что военные знают о высадке штурмовиков – не могли не знать! – но это их будто бы даже не волновало. Они упорно продвигались к энергостанции порта. То есть, дактианцы косвенно подтверждали догадку Хауэра о том, что внезапная подача энергии на контуры субпортала стала полной неожиданностью и организовал её не изобретательный Случай, а некие конкретные субъекты, дружественные мароманнам и хорошо осведомленные в их планах. Скорее всего, ими оказались всё-таки диверсанты, отправленные Рупертом подстраховать Хауэра. И сейчас именно эти диверсанты, а не штурмовики играли главную роль, поскольку снова вырубили энергоснабжение «Восхода», заперев таким образом на орбите тех, кто мог бы оперативно помочь местным воякам в нейтрализации штурмовой группы Хауэра. Дактианцы тоже сообразили, кто из врагов сейчас главный и отправили отряд, чтобы выбить диверсантов из здания энергоблока и восстановить контроль над суб порталом.

Что ж, это казалось логичным. В первую очередь следовало восстановить каналы снабжения и получения подкрепления. А тех, кто высадился, можно зажать и чуть позже, получив в распоряжение все доступные силы и средства. А что противник за это время уйдёт куда подальше или набедокурит – вопрос вторичный. И уйдёт недалеко, поскольку передвигается пешим порядком, и бед особых не натворит, поскольку имеет при себе только стрелковое оружие.

Всё шло настолько правильно, что Макс даже заподозрил дактианцев в «прозрении». Решил, что они наконец поняли что такое дисциплина, тактика и разделение боевых задач. Впрочем, эта версия вскоре рухнула.

На третьем условном этапе, когда мароманны (опять беспрепятственно) вошли в город, дактианцы всё-таки оказали сопротивление, но сделали это абсолютно безграмотно, в духе какой-нибудь сельской полиции, видевшей только постановочные сражения, когда главный герой и его разношерстная, но отважная команда успешно останавливает отряд до зубов вооруженных врагов исключительно с помощью подручных средств и силы актерского обаяния. Ну и ёщё – нездорового воображения сценаристов.

Полицейским повезло гораздо меньше, чем героям плохого боевика. Всего один залп тяжелых штурмовых винтовок снес заслон начисто, будто бы его и не существовало. На пути у мароманнов остались только пылающие останки «скатов», обугленные иглометы и несколько тлеющих, с огромными дырами трупов полицейских. Мелкие бионики-псы и прочее «вспомогательное оборудование» сгорело и вовсе без остатка.

На какое-то время Хауэра даже охватило разочарование. Понятно, что это не Аррадакт, и не фронтовая планета, а заштатная колония, где нет толковых вояк, кроме сотни каких-нибудь отпускников, да дежурной бригады быстрого реагирования. Понятно, что дежурной бригаде ёщё надо прилететь на место происшествия, а отпускникам пропрететь и собраться в комендатуре – на всё требуется время. Но неужели так много времени?! Наверняка нет. Выбивать диверсантов из здания энергостанции военные примчались очень быстро. Почему же так долго собирали силы, чтобы атаковать штурмовиков? Усыпляли бдительность? Или ситуация с диверсантами оказалась настолько сложной, что потребовала концентрации всех сил?

Прояснилось всё так же внезапно, как и случилась высадка на планету. Примерно с того направления, где находилась энергостанция, донеслись странные завывания,

одновременно что-то сухо затрещало, вдалеке поднялись клубы дыма или пыли, а затем что-то загрохотало, словно близкий горный обвал. Даже земля ощутимо дрогнула, такой раскатился грохот.

Хауэр без труда разделил и опознал звуки. Вой и треск имели отношение к оружию вроде вильдерских пулеметов. Выли сами сверхскорострельные пулеметы, а трещало, рассыпаясь в щебень и пыль всё, что оказывалось на пути свинцового шквала. Подтверждали версию клубы пыли, наверняка выбитые пулями из каменных строений... теперь уже из руин. Командор только не понимал, кто и почему использовал вильдерское оружие. Вряд ли так низко опустились дактианцы. Значит, стреляли диверсанты? Мароманские воины тоже не жаловали всю эту примитивную и тяжеленную технику, но диверсантов учили использовать всё, что есть под рукой. К тому же, ведомство Герцога нередко просто нанимало диверсантов из числа тех же вильдеров. С мозгами у этих ребят было что-то напутано, но диверсии они устраивали неплохо и дрались, если надо, как заведенные. Так что, вой вильдерских пулеметов вполне мог иметь «естественное происхождение».

А вот грохот имел другую природу. Хауэр слышал топот тяжелых боевых биоников. То есть, дактианцы и впрямь ввели в бой с диверсантами все силы. Что ж, в этом случае диверсантам, даже если это отчаянные наемники-вильдеры, не светило ничего хорошего, а следом под раздачу попадали штурмовики. И это развитие ситуации следовало как-то предупредить. Оставалось понять – как? Рвануть на предельной скорости по закоулкам незнакомого города выдерживая направление на запад, к границе? Пойти на выручку диверсантам и занять вместе с ними круговую оборону? Просто закрепиться в одном из городских строений? В преимущественно живом городе имелись и прочные мертвые здания из окаменевших растений, вполне приличные укрытия. А некоторые оказались ещё и отличными господствующими высотами – прежде чем окаменеть, деревья вытянулись на десятки метров ввысь.

Пока Хауэр размышлял, грохот в районе порта затих, а минут через пять в небе появились птицы-разведчики. Командор воспринял это как знак, что ситуация развивается, как Макс и прогнозировал. Покончив с наёмниками, дактианцы переключились на штурмовиков. Но главное – они восстановили контроль над субпорталом и теперь наверняка перебрасывали на планету десантные отряды с прибывших в систему Террановы «Диогенов», тех самых, что пристыковались к «левиафану». И это уже совсем другая тема. С десантными отрядами, усиленными местными бойцами и тяжелыми биониками, мароманам не светило разобраться одним залпом, как с полицейским заслоном.

Командору почему-то вспомнилась любимая доктором Бозе легенда о потерпевшем кораблекрушение мореплавателе и его приятеле-туземце. Та её часть, в которой они встретились. Хауэр не помнил подробностей, но там, кажется, фигурировал грохот барабанов и имелась надвигающаяся угроза – множество дикарей-людоедов, плывущих на лодках к островку, который приютил мореплавателя. Почему всплыла именно такая ассоциация? Может быть, потому, что Макс считал дактианцев такими же кровожадными туземцами? Вопросов нет, в целом они более цивилизованны, чем те дикари, но если сравнивать с технологичными мароманами... туземцы и есть. И сожрут врагов... не сами, конечно, а их бионики... тоже, как туземцы.

«Надо уходить, чудес ожидать бессмысленно, оборону держать тоже, - встремхнувшись, решил Хауэр. – У нас слишком мало энергии для длительной обороны. Только маневр. Но в то же время спешить нельзя, любой маневр должен быть продуманным. Итак, что мы имеем? Синтетик, не спать! У нас есть безнадежно устаревший план операции, маршрут отхода к границе между Террановой и Оттономикой и фора, пока с орбиты не высадится космодесант дактианцев. За это время нам надо уйти, как можно дальше, уже не помышляя о задании генштаба и Герцога «испытать новое оружие и броню при штурме военных объектов противника». Испытывать, как

выяснилось, особо нечего, новое оружие оказалось лишь незначительной модификацией старого, а броня и вовсе ничем не лучше. А кроме того, для штурма военных объектов у меня просто недостаточно людей. Так что, теперь моя главная задача – сохранить и вывести на свою территорию тех, кто остался. Итак, отбрасываем план операции, рассматриваем маршрут отхода. Что видим? Правильно, очередную подставу. Вроде контрольного выстрела в голову. Маршрут проложен по таким местам, что лучше самим застрелиться. Практически весь путь по открытой местности! Нет, ну точно в штабе сидит какой-то крот. Иначе всю эту саботажную цепочку не объяснить. Ладно, что можно изменить?»

- Есть связь с неизвестным локальным инфопространством, - вдруг заявил один из робокригов-адъютантов Хауэра.

- Что? – Макс отвлекся от размышлений и обернулся к бойцу-синтетику. – Какая связь, с каким пространством? Связь с кораблями Ударной группы? Я не ощущаю.

- Нет, командор, это локальное инфопространство, вроде нашего, но с неизвестными позывными и в простейшей версии, - робокриг сделал шаг в сторону, как бы приглашая Хауэра занять его место.

Макс шагнул вперед и вдруг уловил сигнал неизвестного происхождения. Очень странный сигнал, слабый и малоинформационный, но формировала и посыпала его нормальная электронная аппаратура, а не живые источники дактианских инфопотоков. Уловить такой сигнал, пусть и маломощный, находясь посреди дактианской колониальной столицы представлялось маленьким чудом.

Хауэра вдруг осенило. Вильдеры! Нанятые Герцогом диверсанты! Робокриг, а затем и командор уловили их сигнал. Намеренно они его посыпали, или же робокригу просто повезло запеленговать переговоры вильдеров, не имело особого значения. Мароманы засекли тонкую ниточку, невнятную подсказку судьбы, но Хауэр сразу же за неё уцепился. Черт знает, почему! Просто уцепился и точка.

- Зафиксируй сигнал, отслеживай и двигайся за ним, - приказал Макс робокригу. – Отряд, в строй прорыва становись! За направляющим «семьсот десятым» марш!

Синтетик Хауэра тоже зафиксировал чужой сигнал и даже перевел несколько перехваченных слов, но толку от полученной информации оказалось мало. Слова «дрон», «секира» и «дерым» мало что рассказали об источнике сигнала. Оставалось лишь предполагать, что «дрон» это какой-то из сопровождающих источник малых роботов. К чему относились другие два слова, командор мог фантазировать до бесконечности. Особенно насчёт последнего. Намного интереснее выглядели последующие наблюдения синтетика, объективные. Источник сигнала двигался равномерно и прямолинейно, а ещё он находился практически в одной точке с отрядом Хауэра, но... десятью метрами ниже. То есть, где-то под землей.

«Вывод очевиден: вильдеры идут по какому-то тоннелю. Скорее всего, идут на выход из города. Не факт, что нам тоже удастся выйти, но это шанс. А за городом сориентируемся, куда идти. Кстати, а куда может вести загадочный тоннель? Если по максимуму».

Синтетик мгновенно смоделировал схему местности и обозначил вероятные точки выхода тоннеля на поверхность. Их оказалось целых три. Точно на линии тоннеля расположились два населенных пункта и одна большая пригородная фабрика-ферма. А ещё на воображаемый шампур оказался нанизан самый крупный и жирный после Терраполиса кусок под названием Эпсилон-13. Та самая база с прилегающими к ней стратегическими объектами, о которой Макс упоминал на борту «Демона». Совпадение это или нет, Хауэр размышлять не стал. А вот насчёт странного расположения поселений на одной линии почему-то задумался. Синтетик командора ещё на борту «Демона» досконально изучил все данные по Терранове и мог поклясться мамой всех синтетиков Кибернетикой, что ни в каких официальных базах дактианцев нет ни слова о тоннелях, связывающих города и поселки на планете. Между тем, стало очевидно, что Терраполис,

Реццо и Фианто с Эпсилоном-13 построены на одной линии не по чьей-то прихоти, а в связи с тем, что изначально это были поселения шахтеров, вырывших тоннель. И никак не наоборот. Если бы тоннель проложили после того, как образовались поселения, он не казался бы прямым, как стрела. Ведь и поселки не лежали бы изначально на одной линии. Зачем?

«И почему вильдеры пользуются этими тоннелями не опасаясь, что их запрут дактианцы? Синтетик, что скажешь? Есть версии?»

Версия у синтетика имелась только одна, зато базовая. Такая, что если от неё оттолкнуться, можно объяснить всё. Синтетик считал, что и тоннели, и основу для поселений создали не дактианцы, а некие местные жители, обитавшие в этих местах задолго до прибытия первопроходцев с Аррадакта. Теперь поселения заняли и перестроили под себя дактианцы, но тоннели остались под контролем местных жителей.

«Туземцы, - Хауэру опять вспомнилась любимая книжка Бозе. – И эти туземцы всё ещё живут в лесах Террановы. Но главное, они не любят дактианцев. Верно, синтетик? Откуда такой вывод? Во-первых, тому есть объективная причина – дактианцы выгнали местных жителей из их поселений. Во-вторых, имеется прямое доказательство – без помощи туземцев вильдеры не смогли бы проникнуть в Терраполис и вернуться обратно. И туземцы наверняка понимали, что вильдеры собираются насолить дактианцам. Из всего этого и следует вывод, что они не любят колонистов. Ответ принимается?»

- Командор, - на этот раз Макса отвлек Бозе. – Нас явно сопровождают разведчики дактианцев. Почему они не атакуют?

- Мы в городе, - Хауэр пожал плечами. – Но мы собираемся выйти из него. Расшифровывать?

- Необязательно, - доктор с опаской оглянулся. – Здесь нас не тронут, чтобы мы больше никого не убили. А что будет за городом?

- Думаю, нас накроют огнем тяжелых залповых систем, - Макс усмехнулся. – Страшно?

- Да. И не вижу ничего смешного. Зачем тогда мы уходим из города?

- А какой выбор?

- Да элементарный! – Бозе выщепил в инфопространстве сигнал вильдеров.

- Что ты собрался делать?

- Доверься мне, командор! – Бозе условно «повертел» информацию, наполняющую вильдерский канал связи, так и сяк, а затем вдруг сказал что-то на чужом языке.

Сигнал вильдеров на миг сделался пустым, а затем вновь наполнился информацией и теперь она не казалась сумбурной и обрывочной. Кто-то её упорядочил и адресовал конкретно доктору Бозе. Это стало понятно после того, как синтетики поработали над переводом и приведением информации в привычный мароманнам вид. В локальном инфопространстве штурмового отряда возникло схематичное изображение вильдера, который как бы стоял напротив притормозившего строя и с интересом разглядывал воинов, робокригов и особенно Момо. Создать детальный образ виртуального собеседника синтетикам не удалось, аппаратура вильдеров оказалась даже не простейшей, как сказал «семьсот десятый», а примитивнейшей, поэтому передавала только плоское изображение очень скверного качества. Но и при таком качестве удавалось разглядеть несколько важных деталей. Вильдер имел на вооружении достаточно легкий пулемет, длинный нож и складной топорик. А ещё, без сомнений, вильдер оказался... женщиной.

Вильдерша повернулась к Бозе и что-то ему сказала. Синтетики перевели мгновенно. Этот диалект они знали.

- Ты не главный, - констатировала женщина.

- А ты? – спросил Бозе.

- Я Секира с Гамилькара, - вильдерша заметно приосанилась. – Кто ваш командир?

- Я, - Макс чуть подался вперед. – Командор Хауэр. Вас нанял Герцог?

- Нет. Шершень, - Секира смерила Макса взглядом. Во всяком случае, так поняли

её телодвижение синтетики. – Чего ты хочешь?

– Ты помогла нам высадиться...
– Чего ты хочешь? – Вскинув руку, переспросила вильдерша.
– Я хочу выйти из города по тоннелю.
– Вы должны воевать, – Секира мотнула головой. – Из города вас выведут, когда мы прибудем на точку. Таков план.

– Чей план, Шершня?
– Да.
– А кто этот Шершень? Тоже вильдер?
– Смаглер, – женщина пожала плечами. – Какая разница? Вы тоже работаете по этому плану.
– Мы работали по плану, – уточнил Хауэр. – Но это план нашего генштаба, а не какого-то смаглера.
– Шершень посредник, – Секира кивнула. – Кто заказчик мы не знаем, может, и ваш генштаб.
– В любом случае, план сорвался, – подсказал Бозе.
– Почему ты вмешиваешься? – Секира удивленно взглянула на доктора, а затем вернулась к Хауэру. – Вы точно мароманы?

– Смешная шутка, – буркнул Борис и поднял руки, как бы сигнализируя Максу «я умолкаю, дальше ты сам».
– Офицер Бозе – доктор, – Хауэр «показательно» зыркнул на Бориса. – Даже в нашей армии у этого контингента бывают проблемы с дисциплиной. Мы больше не готовы работать по плану, Секира. Наш БДК сбили, мы высадились через субпортал только со стрелковым оружием.

– Так и планировалось, – вдруг заявила Секира и кивнула. – Высадка на ботах считалась невозможной. Вокруг города три кольца противокосмической обороны. Мы захватили электростанцию, чтобы открыть вам путь прямиком в центр Терраполиса. Дактианцы не ожидали такого маневра. Так что, всё идёт по плану.

– Ты... ничего не путаешь? – Хауэр, мягко говоря, обалдел от таких речей вильдерши. – Всё это планировалось заранее? И то, что... наш БДК будет сбит?
– Красивое было зрелище, даже с грунта, – Секира вновь кивнула. – Меня с самого начала интересовало, вы штрафники? За что вас так жестко подставили?
– Теперь даже не знаю... – Хауэр помрачнел. – А вам что пообещали?

– Нам хорошо заплатили. И заплатят ещё, когда мы окажемся на точке. Так что,

извини, Хауэр, нам не по пути. Тебе – в центр города, отвлекать внимание дактианцев, а

мне... дальше по маршруту.

– В Эпсилон-13? – Хауэр понял, что пора идти ва-банк. – Я могу выдвинуться в том же направлении. Дактианцы сразу сообразят, какой объект нас интересует и оцепят базу.

– Хочешь сорвать операцию? – Вильдерша пожала плечами. – Твоё право. Я на твоём месте тоже обиделась бы на командование. Но ты не укажешь дактианцам направление. Они не станут за тобой долго наблюдать. Только выйдешь в поле – они

накроют тебя залповым огнем.

– У них это называется «ледяной дождь», – спокойно уточнил Хауэр. – Модификанты-земноводные, вроде огромных жаб выплевывают по баллистической траектории ледяные шары, которые взрываются над целью и накрывают площадь в четверть гектара ледяными обломками. Только это не обычный водяной лёд, он на порядок плотнее. И могущество у вышибного заряда приличное, поэтому осколки запросто пробивают даже каменные крыши и стены.

– Спасибо за лекцию. Но ответной любезности не жди.
– Значит, Секира, ты не станешь помогать?
– Нет, Хауэр. План есть план. Могу лишь дать совет – оставайся в городе, но не геройствуй, а тупо продержись до того момента, когда мы устроим такой шум, что

дактианцам опять станет не до тебя.

- Дактианцы перебросили на планету несколько десантных отрядов. Теперь им хватит сил, чтобы нейтрализовать обе наши группы. Этого в плане не было?

- Нет, - Секира на миг зависла, но затем продолжила прежним тоном, аргумент командора не поколебал её уверенности. – Но мы не знаем всех деталей плана. Удачи, Хауэр.

Секира развернулась и бодро пошагала прочь. С каждым её шагом, сигнал слабел и вскоре виртуальная модель вильдерши растворилась в воздухе.

- Сопровождать её? – Спросил «семьсот десятый».

- Не надо, - вдруг всё-таки нарушил обет молчания Бозе. – Кажется, есть другой вариант.

- Последовать её совету и занять круговую оборону? – Хауэр скептически взглянул на доктора. – Могу лишь повторить, Борис, то, что сказал этой Секире. В плане не учтено прибытие Оперативного флота и большой космодесантной группы дактианцев.

- А я могу процитировать вполне разумный довод этой дикарки: мы не знаем всех деталей плана, - возразил Бозе, но тут же, пока командор не вспыхнул, поспешил сменить позицию. – Но всё-таки твои аргументы перевешиваю! Парадокс и гибель «Демона» не могли быть учтены генштабом! Даже если генералы запланировали хитрый маневр с высадкой через субпортал, они должны были рассчитывать на стыковку БДК с «левиафаном», или хотя бы на то, что мы подойдём к «Терранове-Восход» на ботах и высадимся через «метро» с полным штатом вооружения и с робомашинами огневой поддержки. В нынешнем составе и без тяжелого оружия мы способны устроить только мелкую провокацию, дактианцев это не отвлечет.

- Ты меня успокоил, - Хауэр передумал «искрить», но всё равно взглянул на Бозе угрюмо. – Теперь я уверен, что выполнить первоначальный приказ генштаба мы не можем. Ведь это подтвердил великий полководец Борис Бозе! Сам! Только ты не с этого начал. Почему не надо сопровождать вильдеров?

- Они всё равно не покажут, где вход в тоннели.

- В энергоблоке?

- Не только! – Борис обернулся и кивком указал на кифера. – Момо уловил запах! Поблизости есть вход в подземелье!

- Он ёщё и хорошая ищёйка? – Хауэр с неприязнью покосился на кифера. – Просто шкатулка с талантами, а не инопланетный жук. Где вход?

- Там, - Бозе указал на подворотню ближайшего дома, похожего на впавшего в спячку гигантского ежа.

- Хорошо, - Хауэр шумно выдохнул, вдохнул и обвел «длинным» командирским взглядом подчиненных. – Вильдеры хотят использовать нас, как прикрытие, которое должно придержать дактианцев, пока диверсанты-наемники дойдут до базы и проникнут внутрь. Они утверждают, что таков план генштаба. Но я не верю, что наши генералы решили пожертвовать нами, лучшими воинами ради выполнения этой боевой задачи. Скорее они сделали бы наоборот и заставили бы вильдеров прикрывать наш прорыв и штурм базы. Поэтому я считаю, что это всё, как и уничтожение «Демона», провокация, задуманная предателем. В финале, по его задумке, мы все должны погибнуть. Не знаю, как вас, а меня такой расклад не устраивает. Будь у нас связь с генштабом, мы всё могли бы решить не сходя с места. Но мы в изоляции, значит, придется решать свои проблемы без посторонней помощи. А заодно решить и проблемы генштаба. Мы пока не можем вычислить предателя, но можем выжить, чтобы сделать это позже. Эта мысль всем понятна? Тогда слушай боевую задачу. Мы пойдем по тоннелю следом за вильдерами, выйдем там же, где выйдут они, а затем проникнем на тот же объект и встретимся там с посредником, а если повезет, и с заказчиком. В первом случае, мы выбьем из посредника... как его там... из Шершня... кто его нанял, а во втором – захватим и доставим в генштаб предателя. Убежден, заказчик это именно тот самый крот, который

всё это задумал и убедил штаб в целесообразности этой операции. Всё ясно? Вопросы?

- У меня, - встрепенулся Бозе. – Что может быть в Эпсилоне-13 настолько ценного, чтобы запускать такую карусель?

- Заодно узнаем и это, - Хауэр дал отмашку. – Доктор Бозе, Момо, «семьсот десятый» – направляющими. Остальные за ними. Марш!..

Хауэр повидал десятки подвалов, подземных ходов, тоннелей и просто труб разного диаметра. Одни выкладывались камнем, другие были пластиковыми или железными, а на дактианских территориях нередко встречались живые трубы, похожие на гигантских дождевых червей, впавших в вечную спячку. Все эти коммуникации объединяло одно: их создавали недавно. В том смысле, что ни одно из подземелей не выглядело настолько древним, чтобы командор не мог понять, с помощью каких инструментов и технологий... или биотехнологий... его построили.

За всё время службы Максу попались только два исключения. Первое – на горячей от многочисленных вулканов планете Гефест. Там подземелья со стенами из пемзы являлись полостями естественного происхождения, приспособленными для нужд колонистов. А на Борее, где жить на поверхности мешали ураганные ветра, люди использовали в качестве укрытий кротовые норы. Кроты на Борее водились огромные, с приличного бегемота, поэтому кротовые норы вполне подходили людям.

Но эти два исключения не в счёт. Во всех прочих случаях, когда подземелья имели искусственное происхождение, легко определялся их возраст. По использованным для строительства материалам, по элементам отделки или каким-то другим признакам. И возраст этот вполне укладывался в исторические рамки космической эры.

Так продолжалось ровно до сегодняшнего дня. Хауэр впервые попал в тоннель, о возрасте и происхождении которого не мог сказать ничего. Полукруглый свод казался вырубленным непонятным инструментом вручную, настолько неровной выглядела его поверхность. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что элементы свода – широкие полукольца, состыкованные через каждые восемь метров, были сделаны... из дерева! И не в том смысле, что выращены, как это принято у дактианцев. Нет, их выпилили из стволов гигантских деревьев! То есть, огромные многометровые в диаметре бревна были распилены на чурбаки равной длины, затем вновь распилены – теперь вдоль, после чего их сердцевину вырубили обычными топорами. И вот такими корытами без торцов неведомые строители укрепили своды тоннеля. Просто чудеса «низких технологий» какие-то.

Но о древности подземелья говорил не только факт, что строители использовали примитивные инструменты и материалы, или то, что на современной Терранове-Оттономике не осталось гигантских деревьев, хотя кое-где встречались гигантские пни. В некоторых местах древесина сводов прогнила настолько, что в дыры сыпался грунт, а то и свисали корни или даже заглядывали любознательные жители «верхнего мира». Это в случае если им хватало сил, терпения или просто глупости чрезмерно заглубить свои норы или подвалы домов. Собственно через одну из таких дыр под домом-ежом штурмовики и спустились в тоннель.

Ещё экзотики древнему подземелью добавляли боковые коридоры, в большинстве заваленные, которые плавно уходили вниз. На полу сохранившихся штолен командор мог без труда разглядеть следы от шпал и даже найти кости, которыми когда-то к сгнившим ныне шпалам крепились рельсы. Хауэр попытался отыскать такие же следы и в главном тоннеле, но ничего не обнаружил. На полу здесь лежал толстый слой какой-то жирной черной спрессованной золы. Будто бы после того, как из штолен прекратили вывозить на тележках некие ископаемые, из главного тоннеля утащили на переплавку все рельсы и перепрофилировали его в дорогу для вывоза шлака и золы в одну сторону и движения рыбных обозов в другую. И такой трафик сохранялся лет сто кряду. С одних телег

сыпалась зола, с других капал рыбий жир, эта смесь со временем твердела и постепенно подняла уровень пола гораздо выше уровня шпал исчезнувшей железной дороги.

- С ума сойти, - будто бы откликнувшись на мысли Хауэра, но по-своему, проронил Бозе. – Это же настоящий асфальт! Может, здесь ещё и на автомашинах ездят?

- В смысле «на автомашинах»? – Хауэр чуть растерянно взглянул на «золу с рыбьим жиром». Асфальт он видел впервые, хотя много слышал о дорогах с таким покрытием как раз от Бозе. Да и о колесных автомашинах, которые ездят по такому покрытию тоже неоднократно слышал от доктора и даже сам «мечтал» не так давно. – У дактианцев нет никаких автомашин. Даже на отсталых колониях.

- Мы ведь выяснили, что здесь хождяничают не дактианцы, - напомнил доктор.

- Туземцы, у которых есть древние колесные машины? – Макс недоверчиво покачал головой. – Откуда? Не сами же они их делают?

- Почему нет? Когда-то по этому тоннелю ездили вагонетки, тоже колесные экипажи, только рельсовые. Переставить их на резиновый ход и снабдить легкими моторами не так уж сложно.

- Командор, прошу внимания, - вдруг вмешался «семьсот десятый». – Сканеры засекли движение живых целей.

- С какой стороны?

- С обеих, - робокриг указал стволом винтовки вперед, а свободной рукой назад. – Впереди движение бинарное: встречное и попутное. Сзади – попутное, потенциально обгоняющее.

- Говоря человеческим языком, нас кто-то нагоняет, а ещё кто-то от нас убегает.

- Так точно. Нагоняют полностью органические живые существа. Убегают органические существа с крупными металлическими интеграциями.

- Тыфу ты, - Хауэр поморщился. – «Семьсот десятый», включи программу свободного общения.

- Пункт двенадцать шестьсот три дробь пять устава для робокригов запрещает в боевой обстановке...

- Это приказ!

- Слушаюсь, командор. Нагоняют нас средние бионики, скорее всего, «гепарды» и «волки». Всадников на «гепардах» мало, но все вооружены большими иглометами и «драконами». А удирают вильдеры во главе с нашей новой знакомой, - «семьсот десятый» как сумел усмехнулся и неожиданно подмигнул. – Будь синтетическая, хороша могла быть бабёнка!

В исполнении человекоподобного робота эта мизансцена выглядела жутковато и смешно одновременно. Всё-таки военные инженеры не забивали голову тонкой прорисовкой и особым программированием голографических «лиц» боевых моделей. Это ведь не синтактёры для реальных театров, им богатая мимика не требовалась.

- Э-э, «семьсот десятый», не увлекайся! – Хауэр едва сдержал улыбку, а Борис не сумел справиться с эмоциями и покатился со смеху. – Уточняю: разрешено свободное общение деловым языком. Без лирических отступлений.

- Есть, понял! – Робокриг без труда переключился на новую программу общения. – Проблема в третьей группе, командор. Это самый трудный для понимания вариант. Много железа, промежуточных материалов и всего на три-четыре тела органики. И очень высокая скорость передвижения.

- Резина есть? – Утирая слезы, спросил Борис.

- Один процент.

- Готовьтесь! – Бозе принял торжественную, как ему думалось, позу. – Сейчас вы встретитесь с далёким прошлым. Слышите? Её уже слышно!

- Его... - попытался исправить «семьсот десятый», - прошлое, средний род.

- Её, мой синтетический друг! Машину! Ну, или его, но не среднего, а мужского рода – автомобиль. Слышите?

- Звук двигателя внутреннего сгорания?
- Его самого. Можете себе представить? Наверное, даже вильдеры такими раритетами не пользуются!
- А местные туземцы по-твоему кто, не вильдеры? – Хауэр взял наперевес винтовку.

– К бою. Робокриги, приготовиться к отражению атаки с тыла. Огонь по приказу «семьсот десятого». Воины, целься в экипаж... огонь по моей команде.

- Только не в двигатель! – Взмолился Бозе. – По кабине!

- Доктор Бозе, Момо, к стене и замереть! И умолкнуть!

Требование умолкнуть Хауэр мог бы и не озвучивать. Говорит что-то доктор или нет, уже не имело значения. В любом случае Бориса он больше не слышал. Тоннель наполнился звуками настолько громкими и объемными, что в них утонули все голоса, топот и даже командные выкрики. Сзади накатывался многоголосый рык в сопровождении шлепков звериных лап и цоканья когтей по асфальту, а навстречу ему катился рокот внушительной, почти в половину просвета тоннеля машины туземцев. И создавалась стойкая иллюзия, что две эти звуковые волны сталкиваются точно над головами у занявших оборону мароманнов.

Но оказалось, что это только увертюра. Оркестр грянул, когда дактианцы ускорились и бросились в атаку. Одновременно поддала газу и машина туземцев. Рычание биоников превратилось в рёв, а со стороны машины донесся грохот заработавшего крупнокалиберного порохового пулемета.

Штурмовики тоже открыли огонь и в метавшейся под сводами тоннеля музике появились новые нотки – хлопки взрывающейся плоти, шипение кипящей крови, вопли гибнущих биоников и топот маневрирующих людей и роботов. В бою на близкой дистанции важен маневр, поэтому мароманы и дактианцы устроили натуральные танцы под огнем. Не маневрировала в этой схватке только третья сторона, машина туземцев. Она сбросила скорость и теперь медленно надвигалась, поливая всех и вся свинцом из своего древнего оружия.

Кстати, Бозе напрасно опасался, что мароманы сожгут некий шедевр доисторического автомобилестроения. Ничего шедеврального в раритете не просматривалось. Восьмиколесная машина походила на бронированную коробку с клиновидным носом и тупой кормой. Из корпуса торчали два курсовых пулемета небольшого калибра, а сверху машине приляпали несуразно маленькую башню, в которой, впрочем, вполне хватало места для казенной части большого пулемета. Именно из этого «крупняка» местные партизаны и пытались покрошить в капусту всех незваных гостей планеты Терранова-Оттономика.

Интересно, как её называли сами туземцы?

Толстые деревянные своды частично гасили звуки, но грохот стоял всё равно оглушительный. И дело не только в калибре пулемета. Пороховой крупнокалиберный монстр имел какую-то средневековую скорострельность, не больше тысячи выстрелов в минуту, и потому не выл, как вильдерское оружие, а басовито тарахтел. Зато, наверное, не перегревался, о чём косвенно свидетельствовало отсутствие охлаждающего кожуха вокруг ствола. Всё те же вильдерские «дуры» из-за мощных, но громоздких систем охлаждения явно проигрывали этому оружию в изяществе. При всём при этом пулемет бил точно и его боеприпасам хватало силенок опрокинуть даже робокрига. Пробить наноброню – не хватало, а остановить противника и уронить получалось запросто.

Но самое шоу началось, когда дактианцы вроде бы начали теснить штурмовиков и чтобы разить успех бросили в атаку резерв. Они не сразу поняли, что «отступление» стало уловкой – Хауэр просто решил разделить атакующих, чтобы уменьшить напор живой массы противника. Вдохновленный мнимым успехом резерв разогнался и буквально прыгнул на штурмовиков сразу всей массой, но мароманы продемонстрировали отменную реакцию и вмиг растянулись на полу всем отрядом, а затем так же одновременно, с дружным металлическим лязгом поднялись и вновь открыли

огонь.

Неожиданное и четко выполненное упражнение «лечь-встать» обеспечило штурмовикам желаемое преимущество и даже больше. Перемахнувшая через головы хитрых мароманнов сводная стая «гепардов» и «волков» очутилась меж двух огней. С тыла их поджаривали мароманы, а с фронта расстреливал броневик туземцев. Прижавшиеся к холкам верховых биоников дактианцы имели защиту почти не хуже чем у мароманнов, их живая чешуйчатая броня без проблем выдерживала прямые попадания тяжелых пуль и дактианцы отделялись синяками и ушибами, а вот «гепардам» и «волкам» повезло намного меньше. «Ездовым кошкам» – тоже довольно толстокожим созданиям, пули ломали лапы, а «волков», задуманных инженерами исключительно как «живое холодное оружие», а потому не имеющих брони, свинец разносил в клочья.

Но подставленные мароманами под пулеметный огонь дактианцы не растерялись, надо отдать им должное, и не бросились бежать. Да и куда они могли убежать? Теперь на пути отступления оказались мароманы. Пришлось дактианцам драться на два фронта. В тылу они не преуспели, мароманская наноброня с элементами силовой защиты выдерживала натиск, а ответный огонь заставлял маневрировать и терять прицел. Зато против туземной боевой машины дактианцы действовали вполне успешно.

Два всадника почти синхронно вскинули оружие и открыли по машине беглый огонь. Костяные иглы летели на порядок быстрее пуль и за счет набираемой при разгоне и в полете бешеной энергии пробивали насквозь всё, что оказалось не защищено силовым полем. Толстая броня машины не стала исключением. Но пулемет в башне бронетранспортера не умолк. Две короткие очереди сбросили дактианцев с «гепардов» и явно поумерили их воинственный пыл. Но тут в бой вступил еще один дактианский стрелок и партия осталась всё-таки за Аррадактом. Третий боец выстрелил из «дракона», уже действительно грозного оружия, стрелявшего (а точнее сказать – плевавшего) чем-то вроде сгустков плазмы или шаровых молний. Истинную природу огненных шаров, мгновенно прожигавших насквозь полуметровую классическую броню, дактианцы держали в строгом секрете. Отправленная навстречу машине «шаровая молния» чиркнув по крыше прожгла в ней широкую дымящуюся борозду и врезалась в башню. Снести башню она не снесла, но продырявила насквозь, а заодно превратила грозный пулемет в оплавленный кусок металла.

Машина огрызнулась из курсовых пулеметов меньшего калибра и врубила задний ход.

А дактианцы, больше не обращая внимания на туземный экипаж, быстро перестроились и развернулись в сторону мароманнов. Но этакое проворство не сильно улучшило их положение. Штурмовики уже прикончили биоников у себя в тылу и развернули все стволы в сторону группы, бившейся с туземцами.

Преимущество оказалось явно на стороне мароманнов – два десятка воинов и столько же робокригов могли сжечь дюжину дактианских бойцов и всех уцелевших биоников одним залпом. С десяти шагов это просто. Не пропал бы ни один выстрел. И ответный огонь из иглометов и даже из «дракона» не мог существенно изменить этот расклад. Это понимали и мароманы, и противник. Оставалось лишь поставить точку.

Но Хауэр вдруг приказал «ждать».

Уловив, что пауза затянулась, дактианцы чуть приподняли стволы и попятались.

И Макс так и не отдал приказа открыть огонь.

Дактианцы окончательно взбодрились и потянулись к боковому тоннелю – на их счастье не заваленному. Секунд через пятнадцать в главном тоннеле не осталось ни одного живого дактианца или бионика. Более того, великодушно отпущеные Хауэром враги сделали ответный жест – закрыли за собой дверь, то есть, бросили позади себя несколько «инженерных гранат» и проросшие вмig орфийские кусты закупорили просвет вспомогательной штольни.

И этот вариант устроил всех.

- Я тобой горжусь, - заявил Бозе, отлипая от стенки, вжавшись в которую рядом с Момо доктор наблюдал за схваткой.

Он мог бы отлипнуть и раньше, если бы потребовалось помочь раненым, но своих раненых не наблюдалось. На поле боя остались два сожженных «драконами» робокрига и один убитый тем же оружием воин. Дактианских же раненых противник утащил с собой в боковую штолнию, а пострадавших туземцев, если они имелись, увёз бронетранспортёр.

- Не гуманизма ради, а экономии для, - спокойно изрек Хауэр. – Нам по-прежнему негде подзарядить оружие и броню. В среднем у всех осталось по половине боезапаса. А работы впереди неизвестно сколько.

- Всё равно ты растёшь в моих глазах, - Борис кивком указал на кифера. – Момо тоже выражает тебе уважение.

- Лучше пусть приготовит какой-нибудь напиток, - Макс облизнул губы. – Пить хочется.

- Наниты не конденсируют влагу? – Бозе протянул руку. – Давай, посмотрю, что там у тебя в броне барахлит?

- Некогда, - отмахнулся командор. – Продолжаем движение. Мы не должны отстать от вильдеров.

- Но ведь мы знаем, куда они направляются.

- Этого мало. Надо вовремя выбраться из тоннеля. Если у вильдеров будет большой запас времени, они смогут заминировать выход. Или попросят своих местных друзей придумать ещё какую-нибудь гадость. Не знаю, что там за личный состав, но командирша у них грамотная.

- А-а, понятно. Да, ты прав. Отстать нельзя, догнать...

«Отстать нельзя догнать». Расстановка знаков препинания в этой фразе оказалась важна не меньше, чем в известном аналоге «казнить нельзя помиловать». Хауэр убедился в этом очень скоро.

Мароманы взяли высокий темп и почти нагнали вильдеров у самого выхода из тоннеля. И хорошо, что нагнали. Выход открывался через одну из крупных боковых штолен. То есть, штурмовики запросто могли бы проскочить на развилке прямо и бежали бы тогда по тоннелю ещё неизвестно сколько.

Но выскочить наружу «вцепившись в загривок» противнику мароманы всё же не смогли. Вильдеры открыли плотный заградительный огонь и заставили штурмовиков притормозить в сотне шагов от выхода.

Казалось бы, выжди момент, когда вильдеры будут перезаряжать, контратакуй и вся любовь. Но вильдеры палили без передышки, заставляя штурмовиков жаться к асфальту и отползать подальше вглубь штолни на случай, если противнику взбредет в голову закидать преследователей ручными гранатами. Нет, мароманы не опасались, что осколки пробьют их броню, но от взрывной баротравмы броня всё-таки полностью не спасала. Временно оглохнуть от близкого взрыва или даже получить легкую контузию можно запросто.

В принципе отряд мог броситься вперед прямо сквозь огонь, не дожидаясь, когда вильдеры расширят диапазон своих действий. Активный маневр в момент атаки спас бы от прямых попаданий, а вильдерские пули, если щелкнут по касательной, не могли причинить особого вреда, как и осколки гранат. Но, во-первых, каждое попадание увеличивало расход энергии на силовую защиту – то есть «отъедался» заряд у оружия, во-вторых, двигаться навстречу настильному свинцовому «дождю» представлялось физически тяжелым занятием, пули так и норовили отбросить назад или вбок, а, в-третьих... какой смысл? Вильдеры не могли палить вечно. Пусть именно так стало казаться к пятой минуте шквального обстрела.

- Да что с ними такое?! – Нервно проронил Бозе.
- Командор, фиксирую бурный рост органики на своде, - вдруг доложил «семьсот десятый». – Белковая биомасса с высокой способностью к адгезии образует быстрорастущий валик-арку!
- Я ведь просил – говори по-человечески!
- Похоже на какого-то очень липкого слизняка. Он приклеился к своду и быстро растет. Если будет расти в этом же темпе, минут через пять перекроет весь просвет на глубину десяти метров. Получится очень липкая и достаточно прочная белковая пробка. Чтобы её выжечь потребуется половина оставшейся энергии, слизь этого существа активно поглощает любое излучение. И не меньше десяти минут времени потратим.
- Эта Секира с Гамилькара растёт, как ты выразился, в моих глазах, - Хауэр усмехнулся и взглянул на Бозе. – Действительно толковая девка.
- Ещё и симпатичная, - доктор сбросил в командирское пространство выдержку из досье и качественную объем-проекцию стройной медноволосой красотки.
- У нас наладилась связь с инфопространством Маробода?
- Нет, синтетики откопали в автономных базах данных. Это рапорт агента военной разведки с Гамилькара. Настоящее имя этой девицы Маритта. А Секирой её прозвали за особую любовь к холодному оружию. Владеет очень прилично. В особенности ножами, метательным оружием и вышеупомянутой секирой. Учи это, если надумаешь взять её в плен.
- На кой чёрт? – Хауэр пожал плечами.
- Ну, мало ли! – Бозе хмыкнул. – Ты у нас творческая личность, постоянно изобретаешь какие-нибудь нестандартные ходы. Может, решишь как-то её использовать.
- Кто творческая личность? – Спросил Хауэр задумчиво и покосился на доктора с недоверием. – Опять подначиваешь?
- Чистую правду говорю, - доктор Бозе поднял голову. – О! Дождь закончился! Вильдеры одумались? Ну, так мы будем выбираться из этой слизисто ж-ж... железистой пробки?
- «Семьсот десятый», - Хауэр обернулся к робокригу. – Что там на биоскане и прочих приборах?
- Вильдеры идут в лес.
- То есть, засады больше нет?
- Так точно, никак нет.
- А если чуть яснее.
- Вокруг выхода осталась только живая органика. Никаких интеграций металла или других артефактов.
- Живая органика бывает разной, - Хауэр указал большим пальцем за спину. – Дактианцы и бионики тоже органика. Вместе с их оружием.
- Определить состав внешней органики мешает бурно растущая биомасса, - робокриг указал на слизняка.
- Существо росло, как на модифицированных дрожжах, полукруглый просвет под ним с каждой секундой становился всё более плоским. Ещё минута промедления и мароманнам светило ползком прорываться в щель между телом слизняка и асфальтом.
- Придется рискнуть, - Макс дал отмашку. – Робокриги, вперед. И смотреть в оба! Вертеть башнями на триста шестьдесят!
- Робокриги дружно потянулись на выход и вскоре без проблем заняли позиции снаружи, чтобы подстраховать выход воинов из тоннеля. Вильдеры, похоже, и впрямь ушли, а вот насчёт состава «внешней органики», притаившейся в зарослях близ выхода из штолни, Хауэр по-прежнему сомневался. То, что дактианцы, если они засели поблизости, не открыли огонь по робокригам объяснялось просто – противнику требовался весь отряд.
- Так это или нет, командор мог узнать лишь одним способом. Хауэр махнул воинам, а затем придержал Бозе и Момо. Ему вдруг стало интересно, насколько осведомлены

дактианцы о составе отряда. Если знают, что с мароманнами жук, будут ждать его выхода. А он выйдет с запозданием. С небольшим, но всё-таки. И эта маленькая военная хитрость обеспечит воинам запас времени, чтобы занять приличные позиции.

Воины вышли также без проблем и позиции заняли можно сказать не спеша, с чувством и с толком. Дактианцы опять никак себя не проявили. А между тем они точно прятались поблизости, Хауэр теперь видел переданную «семьсот десятым» картинку с биосканера. Прибору больше не мешала посторонняя биомасса и он без труда выявил и рассортировал живые объекты в радиусе километра. Более того, умные синтетики, посовещавшись в едином пространстве отряда, коллективно смогли вычислить, когда конкретно все эти живые объекты пришли к штольне. Эта информация помогала понять, всегда они тут паслись или же прибыли специально, чтобы встретить гостей.

Согласно вычислениям синтетиков, из тысячи объектов средней массы половина явилась ровно за минуту до того, как из тоннеля вышел первый робокриг. Одновременно прибыла сотня крупных объектов и почти семь сотен мелких. То есть, дактианцы нагнали штурмовой отряд ровно в тот момент, когда вильдеры поспешили убраться от штольни куда подальше. И теперь мароманнам противостоял не какой-то там верховой патруль из двух десятков бойцов и своры мелких биоников, а нормальный, хорошо укомплектованный отряд сил быстрого реагирования. В нем оказалось на порядок больше, чем у Хауэра бойцов, имелись тяжелые бионики с огнестрельным оружием, и богатый выбор мелких зубастых тварей. Совсем другой расклад, совсем другие шансы.

«Маритта рассчитала всё очень точно, - Хауэр проверил заряд винтовки. – То, что мы не остались в городе, не стало для неё проблемой. Она упорно действует по плану. И для неё не так уж важно, где мы отвлекаем дактианцев на себя – в Терраполисе или в тоннелях. Главное, что дактианцы уверены – основная ударная сила это мы. А про вильдеров они должны забыть, либо должны решить, что мы соединились с диверсантами. И у Маритты неплохо получается строить эту иллюзию, придерживая нас и подставляя дактианцам. Броневик, обстрел, слизняк и вот мы выходим точно на дактианскую противодиверсионную команду. Мы задерживались на каждом этапе ровно настолько, чтобы подойти к следующему, когда противник будет готов нас принять. Точнейший расчёт. Просто синтетические мозги у дамочки. А ведь она всего-то вильдер. Для неё даже компьютер на руке – чудо вычислительной техники, что уж говорить о синтетическом разуме-компаньоне в голове. И всё равно справляется. Грамотная девка, факт».

- Мы выходим, - предупредил Макс доктора и Момо, а заодно и всех бойцов. – Беглый огонь по любой внешней органике и уходим в лес. Точно по следам вильдеров.

Хауэр взглянул на кифера. Уловил Момо его взгляд или нет, командор не понял. Но жук слегка присел и прямо так, на полусогнутых конечностях первым ринулся на выход.

Затаившиеся поблизости дактианцы открыли, наконец, огонь, вернее сказать – начали стрельбу. Костяные иглы превратили листву на нижнем ярусе зарослей в зеленые кружева, местами выкосили подлесок, а стволы деревьев сделали похожими на толстые стебли малины, столько в них застяло «шипов». Но пробить экранированную силовым полем броню штурмовиков иглы не смогли, а жука просто не задели – кифер проворно ушел из-под обстрела и скрылся в зеленой завесе.

Когда тоннель покинули Хауэр и Борис, жук вернулся, на миг замер и снова скрылся в зарослях. Перевода с языка телодвижений не потребовалось. Момо принял на свой счёт приказ идти точно по следам вильдеров. Ведь только он имел обоняние, позволявшее отыскать эти следы. И теперь жук сигнализировал, что приказ выполнен.

И это стало первым случаем, когда Момо фактически вступил в контакт с кем-то кроме Бозе.

Хауэр зафиксировал этот факт, мысленно поаплодировал и тут же о нем забыл. Сейчас имелись заботы поважнее. Дактианцы сменили магазины в своих живых винтовках и начали гвоздить не так плотно, зато более опасно. На смену шквалу костяных игл

пришел стальной дождь. Утешало одно: теперь дактианцы били короткими очередями, чтобы у винтовок не перегрелись стволы-глотки, и били прицельно, а не «по площадям».

Теоретически силовая защита могла выдержать и эту нагрузку, но на практике просто не попадаться противнику на прицел представлялось более выгодным раскладом. Ведь максимальный уровень силовой защиты прямо-таки хлебал драгоценную энергию из аккумуляторов штурмовой брони. Так что, мароманнам и робокригам приходилось постоянно маневрировать и укрываться за деревьями, прятаться в ложбинках или прикрываться биониками, которые метались по лесу, как чумные – их явно злило, что «двуногие прямоходящие» не позволяют себя укусить, постоянно опережая модифицированное зверё на доли секунды. Возмущенное рычание и клацанье зубов, в очередной раз «впившихся» в пустоту, быстро стали главной звуковой дорожкой схватки. Они перекрыли даже свист игольчатых пуль, треск веток и валежника и хлопки взрывающейся древесной коры или плоти – импульсы штурмовых винтовок мароманнов именно взрывали то, во что попадали, а не прожигали, как могло показаться со стороны.

Очень скоро бой рассыпался на множество мелких очагов, в каждом из которых наблюдалась примерно похожая картина. Дактианцы атаковали группами по пять-шесть воинов на одного мароманна и пытались стрелять, но штурмовики и робокриги мгновенно просчитывали вероятную траекторию всех выстрелов и занимали такие позиции, чтобы между ними и врагами очутился какой-нибудь бионик или один из вражеских бойцов. Кроме того, синтетики мароманнов умудрялись учитывать и вектора атаки модифицированного зверя. Со стороны это выглядело, как хаотичное перемещение в рваном ритме причудливого танца или исполнение каты боевой системы «припадочный больной», но в сознании у самих мароманнов и робокригов рисовалась вполне четкая схема работы. Каждый опасный момент в ней учитывался, все вероятные траектории просчитывались и расчерчивались, а существующие угрозы разделялись по уровням. На основе всех этих данных синтетики-компаньоны выбирали оптимальное действие, и людям оставалось лишь его выполнить – шагнуть туда, отпрыгнуть сюда, выстрелить, пригнуться, ударить и снова выстрелить. Для обычных людей могла бы возникнуть одна трудность – исполнять требовалось очень быстро, но мароманны, как люди тренированные, это умели, ведь их нервная система имела мягко говоря некоторые усовершенствования. Внедренные в их организмы там и сям (в том числе в оболочку нервных волокон и в мышцы) колонии наноботов помогали «разогнать» реакцию до «космических» скоростей. Вот и получалось, что штурмовиков тяжело взять и залпами – выручала броня, и в поединке – они оказывались быстрее даже самых проворных и ловких биоников «хищных» моделей.

То есть, смена тактики не принесла дактианцам ощутимой пользы. Маневр и ответный огонь мароманнов сорвал планы противника накрыть отряд медным тазом. Но дактианцы давно проиграли бы войну с Марободом, не имей в распоряжении бойцов, все-таки способных противостоять мароманнам. Соперничать с машинами и полумашинами в скорости и вычислительных мощностях дактианцы не могли, но ведь могли найти способ защититься от их оружия и задавить ловких роботов массой. Конечно, дактианцам не хотелось окончательно губить лес, это противоречило их мировоззрению, но тут уж, как говорится, не до жиру, приходилось закрывать глаза на все издержки.

Космодесант прекратил стрельбу и отошел, а его место заняли крупные и довольно неглупые, почти разумные бионики вида «медведь» или «йети». Мало того, что эти мутанты неплохо соображали, они имели отличную защиту – их длинная шерсть поглощала и рассеивала энергию, так что даже от прямых попаданий на ней оставались только подпалины, а ещё они дрались не только зубами и когтями. Каждый третий «медведь» держал наперевес «дракона», а остальные целились в штурмовиков из компактных гравитационных винтовок – «субпродуктов» чужих технологий, предположительно сайтенских. Изготавливались это грозное оружие, конечно, где-то в Империи, и некоторые детали для него как обычно выращивались, но в основе лежали

военные разработки сайтенов – то ли нелегально купленные Аррадактом, то ли украденные его шпионами. И скорее, ближе к истине второй вариант. Ведь сайтены считались друзьями мароманнов.

Совладать с «медведями» мароманы всё-таки могли, для этого в запасе у воинов имелись гранаты, которые создавали ударную волну не хуже выстрела гравитационной винтовки и запросто валили с ног даже «носорогов», намного более крупных и тяжелых, чем «йети». А робокриги могли схватиться с трехметровыми чудовищами врукопашную и попросту задушить мутанта. Робокриги рисковали при этом быть разорванными на части – «медведи» обладали чудовищной силой, но это для синтетических бойцов не являлось такой уж серьёзной проблемой. Они даже гордились, когда какие-то части их тел оказывались новее остальных, то есть, заменялись после повреждения или вовсе – утраты в бою. У робокригов это считалось чем-то вроде боевой медали за ранение.

В общем, новая боевая задача тоже взглядела решаемой, но потребовала перегруппировок, во время которой отряд Хауэра очутился в кольце. Почти в кольце. Выход из окружения всё-таки имелся – ведь Момо по-прежнему держал след вильдеров.

Вот только спасительная тропа запросто могла стать дорогой в ад. Пройдя сотню метров, Хауэр остановился, окинул взглядом следующий отрезок единственного пути отхода и в сомнении покачал головой. «Отрезком пути» этот этап командор окрестил явно сгоряча. Ведь ни он, ни его бойцы не умели ходить по воздуху.

Вместе с Момо и Борисом командор остановился у края самой натуральной пропасти. На дне её шумела река – метрах в ста пятидесяти по вертикали, а противоположный край упрятанного в зелени каньона находился примерно в полукилометре по горизонтали. Как перебраться на другой берег, не имея летательных аппаратов, Хауэр не мог и представить. А между тем жук, по заверению Бориса, четко указывал не вниз или в стороны, а на другой край каньона.

- Мало того, что вильдеры каким-то образом перелетели через эту яму, они сделали это с реактивной скоростью? – Хауэр оглянулся на Бозе.

- Может, кто-то дал им пинка? – Доктор развел руками.
- Это большой вопрос. А вот нам точно скоро дадут. Без вопросов. Боезапас на исходе, противник бросил в бой тяжелые резервы, отступать некуда. Есть мысли?
- Вариант сдачи в плен не рассматриваем?
- Исключено.
- Тогда… дай подумать.
- Думай, Борис. Только не дольше минуты. Это всё, что у нас есть.

8. Три дороги к одному камню

Сайрус не давал Марко Нубису, военному коменданту поселка Реццо, команды вскрыть вентиляционные шахты и атаковать мароманских штурмовиков, уходящих из Терраполиса по «не существовавшим, но вдруг появившимся» тоннелям. Рем просто обрисовал в двух словах ситуацию и запросил оперативные данные – видит ли комендант что-то необычное на своём участке? Всё, что случилось в тоннелях дальше, стало собственной инициативой Нубиса. Значит, и вся ответственность за потери (а Марко оставил в подземелье половину личного состава и почти всех биоников, приписанных к его комендатуре) лежала на Нубисе. Но в целом инициатива Марко оказалась Сайрусу на руку. По результатам стычки в тоннеле он сделал несколько важных выводов.

Первый – что мароманы идут за вильдерами, как и хотелось Рему. Второй – между штурмовиками и диверсантами нет взаимопонимания, что тоже радовало, ведь поодиноке уничтожить их будет проще. И третий – командует вражеской группой знаменитый Макс Хауэр. Его опознала система контроля в порту, и Нубис эти сведения подтвердил. Это обстоятельство несколько осложняло задачу, но Сайрус справедливо решил, что любых, даже самых стойких воинов можно задавить массой. Даже если во главе их отряда стоит царь Леонид. В легенде о трех сотнях спартанцев, правда, всё

решила не масса, а хитрость. Но кто сказал, что диверсант Сайрус Рем неспособен перехитрить дуболома-штурмовика Хауэра? Производители синтетических паразитов, которые вживляются мароманнам и якобы удваивают возможности человеческого мозга? Допустим, «технические» возможности они удваивают, но смекалки-то не добавляют. Какие ещё специалисты ставят Хауэра выше Сайруса Рема, составители рейтингов в «независимых» инфопотоках?

Предателей, маргиналов и жадных моральных уродов, которые формировали эти потоки интересовали только деньги. Они зарабатывали свои капиталы на всяких прогнозах, ставках и биржевых спекуляциях. В том числе на спекуляциях рейтингами известных имен. В первую очередь – имен знаменитых воинов, корсаров и прочих людей с оружием. С точки зрения кадровых военных, ставить их в один ряд с пиратами неправильно и даже оскорбительно, но маклеры плевали на мнение «товара». Беспринципные спекулянты следили за карьерами воинов, делали ставки на их победы, как на результаты каких-нибудь игр, и всю эту смаглерскую сволочь ничуть не интересовало, на чьей стороне правда. По крайней мере, ставки «правда» не повышала.

Но даже если принимать в расчёт мнение этих проходимцев, Хауэр сегодня находился примерно на одной строчке с Сайрусом во всех котировках. Сверху обоих придавливали сразу три сайтенских человека-мясорубки, а снизу подпирал один весьма ловкий смаглер, в прошлом соотечественник Сайруса, а ныне удачливый контрабандист и пират. Рем отслеживал такие вещи тщательно, со всем старанием честолюбивого тактика. Но всё равно, Хауэр только штурмовик! Сайрус просто обязан оказаться умнее и хитрее в очной схватке. Помимо морального удовлетворения это могло принести резкий скачок личного рейтинга и кроме всего прочего Сайрус мог, наконец-то, сам прилично заработать на том, что приносило огромную прибыль другим, этим паразитам, сосущим прибыль из войны в целом и из имени Сайруса в частности.

У Сайруса пока не возникло толковых мыслей насчет военной хитрости, которая гарантирует победу, но ведь до сих пор и не возникло повода об этом задуматься. Хауэр только-только высунулся из подземелий и пока, если честно, не впечатлил. Да, его воины и роботы удачно рассредоточились и за счет активного маневра до сих пор умудрялись не просто отбиваться от превосходящих в десять раз сил дактианцев, а буквально мотать им кишки на кулак. Реакции роботов и киборгов, которыми фактически являлись мароманы, оставалось позавидовать, усталости они не знали, пока в аккумуляторах имелась энергия, а пробить их броню удавалось только стальными иглами или плевками драконьей псевдоплазмы. Но от тяжелых игл у винтовок-иглометов перегревались глотки, а применение «драконов» в лесу запрещалось, существовал риск устроить большой пожар и спалить вместе с врагами своих же бойцов.

Будь лес в этих местах хотя бы немного пореже, Сайрус бросил бы в бой пикирующих авиоников и пилотируемых боевых летунов, но деревья здесь росли часто, а кроны местами вообще сплетались в зеленые крыши. Так что авиацию Сайрус приберегал на случай, если кому-то из врагов удастся вырваться из окружения и его придется атаковать на открытой местности. Или же до момента, когда наземные бойцы всё-таки расчистят поле боя от зелени.

И этот момент настал. Когда Рему стало ясно, что нахрапом – пусть и с таким числом десантников под рукой – мароманнов не взять, он бросил в атаку «медведей» и лес постигла почти та же участь, что при пожаре. Зато у Сайруса и его подчиненных дело сразу пошло на лад.

Вскоре чаша склонилась на сторону дактианцев и вопреки всем трудностям космодесантники, бионики и бойцы отряда Рема начали планомерно продвигаться к успеху. Натиск угрюмых «медведей», без зазрения совести валивших, плющивших и разбивавших в щепки из своих гравиков (как десантники называли гравитационные винтовки) не только противника, но и деревья, помог значительно сократить поголовье враждебных двуногих тварей и оттеснить тех, кто ещё сопротивлялся, к обрыву каньона

Упс – весьма интересного, кстати сказать, местечка.

По одной из неофициальных версий эта гигантская яма тоже была вырыта аборигенами. Когда-то здесь добывали открытым способом алмазы. Поскольку какой-то связанный сетью каньонов в секторе Эпсилон не наблюдалось (местные горы не отличались высотой, статью и активностью в сейсмическом плане, поэтому подобные разломы не могли возникнуть из-за подвижек планетарной коры), Сайрус верил в эти слухи. Равно, как верил, что название гигантской замаскированной ямы посреди леса дали юмористы из поселка Вудингтон на другой стороне каньона. Действительно, идешь себе по лесу и вдруг – упс! – уже летишь с высоты птичьего полета на обточенные донной речкой камни.

К сожалению, мароманы обнаружили ловушку вовремя и работы у подчиненных Сайруса не убавилось, никто из врагов так и не сказал «упс»... или что там говорят в таких случаях на Марободе, «шайсе» или «блин»?

Сайрус наблюдал за боем с борта почти пустого десантного летуна. Это оказалось удобно, хотя и непривычно. Раньше тактик командовал операциями находясь непосредственно среди бойцов. Но теперь Сайрус командовал значительными силами и ему требовалось наблюдать за обстановкой в целом. Он мог сделать это с помощью инфопотока, но Рему захотелось подняться над схваткой в прямом смысле. Да, инфопоток он отслеживал тоже, но в первую очередь ориентировался на то, что видел своими глазами, а не налитыми кровью шарами, глазенками, фасетками, лупетками и зыркалками многочисленных биоников или глазами бойцов, добровольно транслировавших зрительную информацию в тот же инфопоток.

Возможно, в этом желании имелась доля самолюбования. Наверное, Сайрусу втайне хотелось, чтобы все наконец-то поняли, какой он великий – поняли прямо сейчас! Но тактик Рем никогда и не скрывал, во всяком случае от себя самого, что тщеславен. А какой военный не тщеславен? Все жаждут признания, орденов и званий. Сайрус не являлся исключением. Так почему он не мог подбросить пару поленьев в очаг своего тщеславия?

В общем, Сайрус остался в летунае руководить сводным отрядом, а командование группой передал Бруно. Для пущего «полководческого эффекта» тактик мог пересесть в скоростного и маневренного штурмового летуна. Тогда отважный Рем – без пяти минут мудрый стратег смог бы барражировать почти над головами у бойцов, и личным примером вдохновлять их на подвиги, поливая врагов сталью из бортовых иглометов. Но это уже походило на глупую фантазию, мальчишество, а не геройство, и включало неоправданный риск. В просторном летающем экипаже на полсотни мест остались только Рем с пилотом и при такой загрузке летун разгонялся и маневрировал не хуже юрких авиоников, а обзорность здесь была даже лучше, чем в штурмовом летунае. Для командования отрядом Сайрусу и не требовалось чего-то еще, поэтому он не стал терять время на всякие там пересадки.

Справедливости ради надо признать, что с воздуха Рем видел не всё, мешали кроны уцелевших деревьев, но главное он видел отлично. И, кстати, видел то, чего пока не появилось в инфопотоке.

«Правильно решил наблюдать с воздуха, – подбросил еще полешко Сайрус. – Мудро. И скрытое желание выпендриться здесь не при чём. Ну, почти».

На краю обрыва в раздумьях замерли два офицера-киборга, которых прикрывали три робота и самый колоритный персонаж во всей истории с прорывом штурмовиков – кифер. Хотя, возможно, он не прикрывал офицеров, а просто находился с ними в одной компании. Ни десантники, которые столкнулись с мароманами еще внутри «левиафана», ни охрана субпортала, ни горожане, ни Марко Нубис не подтверждали, что кифер дрался на стороне штурмовиков. Нубис даже наоборот говорил, что один из мароманов прикрывал жука чуть ли ни собственным телом. Или же удерживал, чтобы тот не сбежал.

Судя по поведению жука, версия Марко отпадала, кифер не являлся пленником. Но тогда кем? Может быть, этот кифер оказался какой-то важной персоной и Маробод

выделил целый БДК, чтобы перевезти жука с планеты «А» на планету «Б»? Но в прыжке возникли неполадки, корабль случайно вышел у Террановы, его сбили, а дисциплинированные охранники сделали всё, чтобы спасти кифера от смерти в космическом холде и вакууме? Могли поручить Максу Хауэру такую ответственную, хотя и непрофильную роль? Почему нет? Ведь Сайрусу поручили дело не по специальности. Да, фактически ими командовало разное начальство, но теоретически психология у любого начальства примерно одинаковая. Генералы запросто могли заткнуть Хауэром эту дыру.

«Но это всё так, очередная версия для встрыски мозгов. Как сбросить их вместе с этим кифером на камни – вот вопрос! «Медведи» начинают уставать и роботы всё чаще одерживают верх. А киборги пустили в ход гранаты. Совсем нехорошо. Так, глядишь, скоро атака захлебнется. Значит, пора подключать авиацию. Но пока летающие бионики зайдут на цель, пройдет несколько минут, а время сейчас на вес черной икры. Значит, надо поработать самому. Спиковать? Собьют наверняка – цель крупная, попасть легко. Зайти над каньоном по краю леса? Тоже засекут… – Сайрус вдруг почувствовал, как в голове созревает дерзкая идея. – Кто часто смотрит вниз, стоя на краю отвесного обрыва? Никто! Один раз глянул, поёжился и больше не смотришь. Вот этим и надо воспользоваться!»

Рем жестом приказал пилоту подключиться к личному инфопотоку тактика и напрямую сбросил подчиненному свою идею. Пилот с пониманием кивнул и заставил летуна резко уйти вниз, а затем бесшумно взмыть параллельно отвесной стене обрыва. Летун постарался и вышло у него действительно почти бесшумно. Хлопанье крыльев осталось где-то почти на дне каньона, а шум воздуха, рассекаемого телом летуна, утонул в свисте игольчатых пуль, взрывах гранат и рёве приближающихся «медведей».

Как только живая машина поднялась над срезом обрыва, пилот сжал выросты-гашетки, управляющие бортовыми иглометами, и длинные очереди сразу из четырех стволов-глоток хлестнули мароманнов по ногам. Расчет оказался верным. Неожиданный шквал костяных пуль не пробил броню, но этого и не требовалось. Зато он заставил двух мароманнов потерять равновесие и свалиться в пропасть. До дна они не долетели, успели изловчиться и уцепились за скальные выступы на середине стены, но из боя эти две единицы выключились не меньше чем на пару минут.

К этому моменту на краю гигантской ямы стояли уже не пять, плюс кифер, а две дюжины вражеских бойцов, поэтому Сайрус не разглядел, кто конкретно улетел вниз. Рем окинул взглядом оставшихся врагов, но вновь безрезультатно, различить Хауэра среди других камуфлированных под цвета окружающей местности, увешанных оружием и всевозможными подсумками человекоподобных шкафов ему не удалось. Только время потратил – целую секунду. И это секундное промедление грозило обернуться крупными неприятностями для дактианского военачальника.

Это Сайрус понял, когда около десяти роботов вдруг буквально рухнули на колени, трансформировались в подобие жутковатой механической саранчи и запрыгнули на летуна. В момент контакта с обшивкой они трансформировались ещё раз, теперь превратившись в подобие огромных пауков, и намертво впились множеством отросших вмig железных когтей в шкуру живой машины. То есть, на выработку плана, доведение приказов и реализацию мароманнам хватило трех секунд.

Рем невольно нервно сглотнул. Пожалуй, Хауэр всё-таки выигрывал у Сайруса одну строчку рейтинга. Если, конечно, штурмовиками по-прежнему командовал Макс Хауэр.

Летун нервно дернулся, утробно заворчал от боли, а пилот очнулся и увел машину на вираж, но оказалось, что метаться поздно. Проклятые роботы не только вцепились мертвой хваткой, но ещё и оставили на краю обрыва якоря, с которыми их связывали тонкие, но прочные тросы. Эти тросы очень быстро и равномерно сматывались, летуна притянуло к берегу, и Сайрус Рем очутился, образно говоря, по пояс в рыбьем жиру. Летун отчаянно трепыхался, бил крыльями, но сорваться с десятка крючков не сумел.

Очень скоро живая машина оказалась прижата к земле на самом краю пропасти. Мароманнам оставалось лишь покрепче ударить летуна (военного, но не боевого, а потому не имеющего роговой брони) по морде, и проникнуть через подкрыльные складки-дверцы внутрь живой машины. И взять Сайруса в плен. Или убить. Тут уж, какое у них будет настроение.

Вот так неожиданно всё вдруг перевернулось, такой вот получился «упс». Нет, у Рема ещё оставался шанс выйти сухим из воды, свои находились близко. Но позвать их на помощь, означало признать, что серьёзно ошибся. Это если смягчать. А если выражаться, как Вита – просто обделался, братец, по полной программе. Выслушивать язвительные комментарии от сестры ужасно не хотелось, но погибать не хотелось гораздо больше, поэтому Сайрус не стал снова медлить и бросил в общий боевой инфопоток клич «спасай командира».

Дактианская рать, включая уставших «медведей» тотчас всей массой навалилась на штурмовиков и заставила их отойти под прикрытие схваченного летуна. В принципе, Сайрусу это и требовалось. Он махнул пилоту «за мной» и выпрыгнул через дверцу, обращенную к своим. Сделав всего несколько прыжков, тактик очутился позади одного из «медведей».

И только тогда Рем осознал, что от начала кризиса до его разрешения прошло меньше минуты.

«Какую-то минуту назад казалось, что всё нормально, потом я очутился на волосок от гибели, а теперь снова в безопасности. Калейдоскоп, а не жизнь. А ведь те же мароманнны живут в таком ритме всегда. Сколько же они успевают сделать? Наверное, в десять раз больше любого из нас. Просто суперпродуктивная жизнь получается. Вот только, надо ли столько успевать? Результат ведь от количества сделанного никак не зависит. И всё-таки немного завидно...»

За считанные секунды, пока Сайрус приходил в себя, мароманнны успели забраться в летуна, поднять якоря и, видимо, крепко врезать пилоту, который так и не покинул борт летуна. В Уставе армии Аррадакта четко указывалось, что безоружный воин, выполняющий приказы вооруженного врага не считается предателем. Это у мароманнов предписывалось драться до конца, а дактианцы ценили жизнь каждого бойца. Поэтому пилот не стал сопротивляться и вставать в героическую позу и выполнил все требования штурмовиков. Как только захватчики освободили летуна от пут, пилот поднял живую машину в воздух, заставил сдать немного назад и резко бросил вниз. Видимо, чтобы подобрать сорвавшихся в пропасть воинов. Прошло несколько секунд, и летун вновь взмыл под небеса, но уже далеко от обрыва, почти у противоположного края каньона.

- «Блестящая операция», - недовольно проскрипела Вита, появляясь в штабном инфопотоке, как всегда неожиданно. Вернее, как раз ожидаемо, но не к месту. – Ещё один такой эпизод и ты снова станешь тактиком третьего уровня.

- Не пугай, пуганый, - Сайрус протяжно выдохнул. – Мы уничтожили добрую треть штурмовиков. Это тебе не результат?

- Результат, - Вита саркастично скривилась, - как раз на третий уровень. А сколько диверсантов на вашем счету?

- Ты сама приказала охотиться на штурмовиков, а про вильдеров забыть!

- Но ведь ты хотел накрыть одним ударом обе группы, разве не так?

- Я этого не обещал.

- Не обещал, даже не озвучивал, - Вита кивнула, - но подумал именно так. Я знаю тебя, братец, очень хорошо. Лучше, чем ты сам. Ты отслеживаешь маршрут захваченного летуна?

- За ним отправилась целая стая авиоников. И доступ в инфопотоки ему никто не перекрывал. Но пока он просто летит на юго-восток. Там нет никаких целей для

штурмовиков.

- И до границы кратчайший путь – на запад, - Вита явно призадумалась. – Что они замыслили?

- Откуда мне знать?

- Ты ведь следишь за Хауэром. В независимых рейтингах вы прямые конкуренты.

Или опять скажешь, что не знаешь ни о каких рейтингах и Хауэрэ?

- Знаю, - проронил Сайрус недовольно. – Но слежу только за ставками. Вникать в подробности мне неинтересно.

- Как недальновидно, тактик Рем, - Вита снова ехидно ухмыльнулась. – Ты никогда не думал, что судьба сведет вас не только на полях букмекерских списков? А зря. Даже мысли иногда материализуются, а уж слова... в десять раз чаще, чем «иногда». Вот вы и столкнулись. Что будешь делать, будущий тактик третьего, а то и четвертого уровня?

- Пойду к Эпсилону-13, как и планировал.

- Но база на западе, а Хауэр летит на юго-восток.

- Зато вильдеры ушли на запад. И ещё, ты правильно подметила, Хауэр «летит».

Изменить курс он может в любую секунду. И тогда он окажется поблизости от Эпсилона-13 раньше вильдеров. Даже раньше нас. Представляешь, чем это обернется? Вильдерам, возможно, база не по зубам, как ты и говорила, но для штурмовиков это задачка за третий класс. «Отряд из трех дюжин бойцов вылетел из пункта А и взял штурмом пункт Б за пять минут, а отряд из полусотни – за десять. Какой из отрядов был штурмовой группой мароманнов?» Ответ подсказать? Есть, конечно, один способ его остановить, но...

- Ты предлагаешь... - Вита отлично поняла, на что пытается намекнуть Сайрус, но взяла паузу, явно желая, чтобы очередную сомнительную инициативу озвучил брат.

- Да, я предлагаю сбить летуна. Это жестоко, но в боевой обстановке допустимо. Ведь мы не жалеем приватов и биоников, которые идут в атаку. Летун сейчас тоже на переднем крае, в непосредственном контакте с вооруженным противником.

- Никто из биоников не сможет этого сделать. И у воинов могут возникнуть моральные проблемы. Тебе снова придется поработать самому.

- Я разберусь. Ты одобряешь мою инициативу?

- Я вынуждена одобрить. Жертвуя летуном, мы добиваемся тактического успеха и сводим наши вероятные потери к минимуму.

- Могла бы сказать по-человечески, - негромко, будто бы в сторону, прокомментировал Сайрус. – Жертвуя одним, спасаем всех. Или что-то в этом роде. До связи, стратег.

Прямая короче кривой. Банальная, скажете, аксиома? Не всегда. Если враг летит по дуге, а вы стартовали в то же время и с той же скоростью напрямик – да, так и есть. Но если вам требуется время для погрузки многочисленного войска на борта транспортных летунов и космодесантных шаттлов, имеется вероятность опоздания.

Сайрус достаточно быстро возобновил преследование и сумел опередить и диверсантов-вильдеров, и мароманнов. Его отряд высадился на каменные осыпи вблизи базы, когда вильдеры, как утверждала разведка находились ещё в километре от горного комплекса Эпсилон-13, а мароманы и вовсе в десяти. Запас времени получился на самом деле небольшой, но его хватило, чтобы занять выгодные позиции среди лабиринта из валунов и скальных выступов и даже вычислить, где может приземлиться летун.

Сайрус лично проверил, как рассредоточился отряд, прихватил гравик и неспешно вышел прямо на предполагаемую посадочную площадку. Вышел вовремя. Живая машина с мароманнами на борту как раз показалась на горизонте.

Летун с мароманнами на борту шел тяжело. Из-за перегруза он с трудом маневрировал и заходил на посадку медленно, как пеликан с полным зобом рыбы. А главное – садился он не вертикально, а по пологой кривой и прицелиться в него не

составляло труда.

Одна проблема – самое эффективное в данном случае оружие, «драконы» для такого дела не годились. Они, как и всё прочее живое оружие не стреляли по своим. С одной стороны это надежно защищало от ошибок, но с другой – биоинженеры явно перестарались и одновременно недоработали. По-хорошему, такие функции следовало делать отключаемыми. Ведь в боевой обстановке может случиться всё, что угодно. Например, как сейчас. А если бы мароманы сумели каким-то образом заставить всех биоников напасть на хозяев? Или догадались бы сами замаскироваться под биоников, что тогда? Отбиваться подручными средствами?

Нет, при большом желании Сайрус мог уговорить «драконов» выстрелить – например, если наплести им что-нибудь про заражение летуна неизлечимой мароманской инфекцией и страшную угрозу всем бионикам и людям. Скорее всего, «драконы» поняли бы суть, прониклись ответственностью и побороли своё чувство солидарности с модифицированным собратом. Но на сказки-ласки просто не оставалось времени.

Поэтому Сайрус решил применить оружие, которое не умело распознавать, кто свой, кто чужой и не требовало особого подхода. Оно тупо стреляло, когда кто-то нажимал на спусковой крючок. С дальностью у этого оружия имелись проблемы, но на расстоянии в четыре сотни метров оно вполне могло порвать в клочья даже боевого летуна, закованного в роговую броню. Речь, конечно же, о гравиках – «мертвых» гравитационных винтовках, изготовленных с оглядкой на сайтенское оружие с устрашающим названием «Гоморра». Кроме базового принципа действия у гравиков не осталось сходства с «гоморрами», но откуда растут ноги, понимали даже неспециалисты. Особенно, когда они видели результат выстрела на средней дистанции. По мере сокращения дистанции до цели менялась не только убойная сила этого оружия, но и производимый выстрелом эффект. Например, на двух сотнях метров выстрел гравика уже не рвал мишень, сплющивал её, как отбивную, а с полусотни шагов он снова разрывал цель, но теперь в мелкую пыль.

Сайрус не имел какой-то определенной установки, как должны быть уничтожены мароманы. Да, если бы они сгорели в «драконьем» пламени, на головы дактианцам не посыпались бы тяжелые обломки роботов. И уж тем более не рухнула бы котлета из сплющенного летуна, фаршированного мароманским металлом. Но в принципе не имело значения чем сбивать. Просто следовало учесть, что с помощью гравиков уничтожать летуна лучше в упор – тогда стрелков просто окатит кровью и присыплет металлической пылью, либо с дистанции в полкилометра. В этом случае обломки и ошметки не долетят до позиций дактианцев. Но тут следовало тщательно целиться и действовать наверняка.

«Если брать его с дистанции, одного ствола будет мало, – Рем покосился на гравик в руках. – И что? Подпустить поближе? Слишком большой риск. Остается снова позвать на помощь бойцов».

Сайрус обернулся и кивком подозвал Бруно. Старый боевой товарищ отлично понял командира без лишних слов. Он выдернул из лап у ближайшего «медведя» гравик и жестами приказал сделать то же ещё трем ветеранам. Вот так, в пять стволов дактианцы и встретили обреченную живую машину примерно на середине её последней глиссады.

Все выстрелы попали точно в цель и летуна разнесло на множество разнокалиберных кусков. Вместе с ошметками плоти и дождем из темно-вишневой крови на пологие каменистые осыпи и лабиринт невысоких скал под стенами базы обрушился необычный град. Часть гигантских металлических градин напоминала серых ежей, часть походила на мячи, а десяток «градин» помельче казались бесформенными, поскольку это падали обломки роботов, которые все-таки попали под выстрелы вместе с летуном. Что же касается «ежей» и «мячей», в них трансформировались уцелевшие и сгруппировавшиеся бойцы. Они коснулись земли на высокой скорости, но под острым углом и поэтому не расплющились о камни, а покатились. «Мячи» при этом ещё и несколько раз подпрыгнули. И не просто так, а ухитрившись в конце каждого прыжка вклюить в каменистый грунт

нескольких биоников.

Космодесантники и «медведи» попытались перестрелять мароманнов, пока те не трансформировались из «транспортного» положения в боевое, но противника вновь спасла реакция. Воины Сайруса не успели даже прицелиться. Первыми из металлических «мячей» превратились в двуногих прямоходящих роботы, а мгновеньем позже «похудели» и преобразились «ежи». Трансформация прошла очень быстро, едва уловимо для глаза. Просто вот только что по осыпям катились полутораметровые в диаметре «градины», а уже в следующий миг на их месте возникли мароманы, стоящие на одном колене со штурмовыми винтовками у плеча.

Как только это произошло, роботы бросились на космодесантников и «медведей», смешивая их строй. Мароманы поддержали атаку своей ударной механической группы плотным огнем и тоже двинулись вперед. Очень скоро противник повторил примерно тот же трюк, что провернул в лесу – два строя смешались и завязался бой на минимальной дистанции. Принципиальное отличие от сражения у каньона Упс заключалось в том, что мароманы прикрывались дактианскими воинами и биониками не только от противника в поле, но и от оборонительных систем базы. Орудия на стенах и в бойницах трех бастионов, обращенных к полю боя, никак не могли поймать вражеских воинов в прицел, поскольку на линии огня то и дело оказывались свои.

Впрочем, буквально на десятой секунде боя выяснилось, что это не единственное отличие от сражения в лесу. Левый фланг дактианцев, обороныющих подступы к базе и, соответственно, правый фланг мароманнов неожиданно смяла третья «сторона конфликта». Из зарослей с дикими воплями вылетели вильдеры.

Наемники, как и предполагал Сайрус, не стали сортировать цели. Они открыли огонь из своих чудовищных пулеметов по всем без разбора. Свинец выкашивал ряды биоников, как траву, валил на землю мароманов и дырявил космодесантников, практически не оставляя никому шансов укрыться и оказать вильдерам хоть какое-то сопротивление. Мароманы всё же попытались спрятаться за торчащими повсюду скальными выступами, но пули превращали камни в пыль. Не спасали от смертельного шквала и ложбинки, в которые прыгали десантники – вильдеры забрасывали все ямы пороховыми гранатами.

Неожиданный и яростный натиск дикарей оказался очень мощным. Сайрусу даже подумалось, что при желании вильдеры могли бы расправиться со всеми, кто сейчас находился у них на пути. Но реально это или нет, тактик не узнал. Вильдеры не собирались биться со всеми, они двигались четко к цели, то есть к базе, поэтому лишь расчищали себе путь. При этом они применяли тот же нехитрый прием, что и мароманы – двигались так, чтобы между ними и базой оставались дактианцы, то есть, шли не напрямую к стенам горной крепости, а наискосок. При условии, что им удастся сохранить этот вектор, выходили вильдеры точно к западному бастиону, он же инженерный блок, здание в котором находились главные узлы всех коммуникаций базы. То есть, вильдеры намеревались ещё раз отработать опробованный в Терраполисе сценарий – захватить энергостанцию, но теперь ещё и с несколькими довесками в виде узла подачи воды, белковой массы и питательных растворов, а также пункта управления системами жизнеобеспечения в инкубаторах, где выращивались бионики.

Тактика вильдеров наверняка принесла бы им успех, не будь на поле боя мароманнов. Им определенно не понравилось, что бывшие союзники обстреливают воинов и роботов на правом фланге. А быть может, мароманы просто решили сами взять приз – ворваться в горную крепость первыми, в этом смысле Сайрусу оставалось теряться в догадках. Так или иначе, мароманы перебросили нескольких воинов и роботов на правый фланг и двумя ударами разрезали строй вильдеров.

С небольшим запозданием подняли головы и космодесантники. Они тоже накинулись на вильдеров и на поле боя всё смешалось окончательно. В поднявшейся до неба каменной пыли (с немалой примесью металлической стружки и тщательно

измельченной органики) даже с пяти шагов не удавалось разобрать, кто свой, кто чужой. Поэтому оборонительные системы базы окончательно сникли и даже опустили стволы автоматических гравиков и иглометов.

Нет, на самом деле управляющий орудиями модорганизм вовсе не впал в уныние. Он просто принял к действию инструкцию, придуманную как раз на такой случай – «при невозможности остановить противника на дистанции, следить за ближайшим рубежом». Одна беда, эта инструкция в данном конкретном случае тоже никуда не годилась. Ведь и на ближайшем рубеже свои и чужие катались клубками и разделить их не представлялось возможным. А когда такая возможность появлялась, обнаруживалось, что вышедший из боя объект находится в мертвой для орудий зоне – под самыми стенами базы.

Пока что таких ловкачей, пешек, прошедших через всё поле в ферзи, насчитывалось немного – десяток вильдеров поблизости от инженерного бастиона и пять-шесть мароманнов у восточного блока, под которым прятались лаборатории Эпсилона-13, но это ведь «пока».

Сайрус быстро отыскал взглядом Бруно и дал ему отмашку. Помощник вновь понял тактика без лишних слов. Он собрал небольшую группу и двинулся к центральным воротам в главном бастионе. Кроме того, что главный блок считался ключевым бастионом горной крепости, ведь в нем находился пункт управления оборонительными системами, казармы, военные склады и арсенал, он стал самой укрепленной и высокой точкой базы. Только контролируя главный бастион, бойцы могли эффективно защищать Эпсилон-13.

Проводив Бруно взглядом, Сайрус вновь оглянулся. Мароманы постепенно смещались к базе, но теперь не к центральным воротам – видимо, осознали, что дактианцы усилили оборону на этом направлении – а к восточному бастиону. А вот вильдеры остались верными своим первоначальным планам и по-прежнему рвались к инженерному блоку.

Что ж, это Сайруса устраивало. Разделяй и уничтожай – принцип древний, но по-прежнему работающий безотказно. Существовал, конечно, еще один принцип – побеждает тот, у кого есть свежий резерв, но об этом оставалось лишь мечтать. Загоравший на орбите космодесант Оперативного флота контролировался страткомом, то есть, Витой, которая скорее даст откусить себе руку, чем поможет «горячо любимому» братцу одержать легкую победу – «воспитательные методы» у сестры всегда отличались особой изощренностью. А помохи от местных полицейских или сил самообороны Рем мог не дождаться в самом прямом смысле – гарнизоны были разбросаны на дикие расстояния и время подлёта из ближайшего составляло часа два, даже если воспользоваться суборбитальным реактивным летуном. Получалось, что разделить противника и прижать его к стенке Сайрус в принципе может, а вот вовремя бросить в бой заветный резерв – нет. Следовательно, вероятность успеха балансировала на тонкой грани.

«Нет резерва? – Сайрус сжал в руке гравик. – Значит, надо изыскать! Я сам разве не резерв? Сколько можно изображать великого полководца? Да и не осталось у меня такой возможности. В бой!»

Даже если бы Сайрус не принял решения броситься в гущу схватки, ему всё равно пришлось бы это сделать. Закипевший вокруг компот из трех сортов фруктов начал выплескиваться через край и уносить с кипятком и пеной целые пригоршки этих самых «фруктов» прямиком в пламя под котелком. Эпицентр схватки вдруг сместился в сторону Сайруса и рядом с Ремом в считанные секунды сгорели пять космодесантников, затем бионики разорвали вильдера, а два «медведя» заломали, как он ни трансформировался, и разобрали на запчасти одного робота.

Сайрус включился в кровавую работу сразу на самом опасном направлении – хотя, какие могли быть направления в этой мясорубке? – он сцепился с мароманном. Что это не робот, Рем понял сразу. В ближнем бою живые вражеские бойцы нередко форсили – открывали забрало и противник мог видеть их разукрашенные нанотатуировками лица. Пожалуй, мароманы не только бравировали, их риск выглядел вполне продуманным.

Ведь перекошенное злобой лицо, дикий оскал, сверкающие, как у сумасшедшего глаза и, главное, подвижные цветные объемные татуировки, которые то имитировали пламя, то шипящих на врага змей – производили сильное впечатление. Гораздо сильнее, чем холодящий душу вид мароманна, закованного в броню целиком. Кстати, и рисковали-то они не так уж сильно. Чтобы уберечься от холодного оружия, мароманну хватало и обычной нанозащиты – тех самых «татуировок».

Мароманн охотно принял вызов и атаковал встроенным в броню оружием – видимо, винтовка разрядилась. От выстрелов легкого лучевого пистолета Сайрус ушел, резко сократив дистанцию и заблокировав руку врага, а удар ножом, который вдруг появился в другой руке у противника пришелся в пустоту, поскольку Рем постарался включить максимальную скорость и начал двигаться почти так же быстро, как мароманн. Сайрус нырнул под руку врагу и очутился почти у него за спиной. Конечно, при всей своей спецподготовке и квалификации, тягаться в скорости даже с самым ленивым мароманном Сайрус не мог, но сейчас на Рема сработал эффект неожиданности. Враг мгновенно разорвал дистанцию и развернулся, но Сайрус уже отпрыгнул в сторону, под прикрытие скального выступа.

Нет, он не пытался уклониться от продолжения схватки. Просто Сайрус её уже выиграл. Мароманн понял это, когда не сумел сделать следующий шаг. Ему помешали вьющиеся стебли, которые стремительно опутывали тело и быстро каменели. Фокус заключался в том, что Рем успел припечатать к спине врага инженерную гранату. Наноботы брони мароманна её распознали, решили, что предмет не угрожает безопасности хозяина и не стали уничтожать, чтобы не тратить энергию, а лишь попытались сбросить. Но не тут-то было. Семена орфийских растений к тому моменту уже проросли и крепко вцепились побегами в броню. А через секунду эти побеги начали обвивать мароманна. Так и получилось, что враг добрался до укрытия Сайруса лишь через пару секунд – передвигать спутанные ноги оказалось тяжело. А когда мароманн попытался вновь выстрелить из пистолета, у него не получилось даже поднять руку. Побеги начали каменеть и даже механические усилители не помогли разорвать каменные пуги.

Сайрус понимал, что наноботы в конце концов справятся с проблемой – сточат каменные сети в пыль, но этот процесс мог затянуться на минуту или больше. То есть, тактик мог считать, что мароманн, если и не побежден, то отправлен в нокаун.

«А вот так! – Рем мысленно себя похвалил. – Не всё решает скорость или сила. Смекалка тоже нужная вещь».

Сайрус подался вправо и обогнул «окаменевшего» врага. И сразу же очутился нос к носу с проблемой того же плана, но другого порядка: из-за ближайшего валуна выскочил вильдер. Тоже типичный.

Рем буквально кожей чувствовал, насколько радиоактивен этот косматый, небритый, и вообще довольно уродливый (на изысканный дактианский вкус) тип в древней, но прочной полевой броне, совмещенной с легким скафандром. Впрочем, радиоактивность противника стала не самой большой проблемой. Вильдер держал наперевес громоздкий пулемет, из которого крошил в мельчайшую пыль даже самые прочные камни на ближайших склонах. Причем, вильдер и не думал отпускать гашетку. Он поливал, как заботливый садовник, каждый булыжник в этом «саду камней», поэтому Сайрус сразу же оставил надежду атаковать вильдера – пусть и не такого проворного, как мароманны – в паузе между очередями.

Спасаясь от потока свинца, Сайрус отпрыгнул в сторону, перекатился, и снова прыгнул – теперь вперед, рыбкой, чтобы прокатиться по каменной осыпи на животе и оказаться вплотную к ногам вильдера – то есть в мертвой зоне для его пулемета. А впереди себя Рем запустил, как гальку по водной глади небольшого бионика-лягушку.

Набор таких мелких, но полезных модификантов почти всегда имелся у предусмотрительного тактика в поясной сумке. «Лягушки» чаще всего использовались

вместо этаких гибких щипчиков. Длинными липкими языками они могли вытянуть из любого закутка закатившийся предмет или же сделать что-то по ту сторону преграды, имеющей минимальную щель. Чаще всего – разблокировать внутренний замок. Сейчас «лягушка» пригодилась, чтобы провернуть очередную «военную хитрость».

Бионик со скоростью выстрела развернул длинный липкий язык, обвил им и отстегнул магазин устрашающего оружия вильдера. Вражеский боец понял, что дело неладно ещё до того, как «лягушка» устроила свою маленькую диверсию, но предпринять ничего не успел. Когда он опустил ствол оружия, чтобы «зачистить поляну» у себя под ногами, пулемет уже смолк. Зато высказался гравик в руках у Сайруса. Рем к тому моменту успел перевернуться на спину и направил оружие вверх. Выстрел снизу вверх под острым углом срезал наискосок и превратил в пыль половину тела вильдера. Целыми остались руки, пулемет и тело от пояса и ниже.

Рем проворно откатился, чтобы не получить по макушке падающим пулеметом и прыжком поднялся на ноги.

Сайрус остался удовлетворен результатами двух схваток, но ситуация не позволяла выдохнуть с облегчением. Более того, она ставила перед Ремом задачи нового уровня. Получилось так, что напротив Сайруса теперь оказался главарь диверсантов-вильдеров.

И тут Рем опять слегка замешкался. Он понимал, что промедление в таком водовороте может стоить очень дорого, но всё-таки на миг притормозил. Главарём, судя по тому, как слушались и защищали начальство вильдеры, оказалась очень интересная девица, которая махала чем-то вроде топора на удлиненной ручке. И махала с такой сноровкой, что от неё отлетали не только бионики и дактианцы, но и мароманы. Даже роботы, которые пытались застрелить её, просто не попадали, настолько грамотно она маневрировала.

Сайрус невольно залюбовался её работой и сделал вывод, что двигается и сражается эта молодая женщина почти идеально.

Пользуясь этим «почти», Сайрус всё-таки приблизился к девице. Телохранители попытались встать у Рема на пути, но тактик без труда раскидал их в стороны. Без своих чудовищных пушек они оказались не такими уж грозными бойцами. Ярости и желания биться им хватало, а вот квалификация оставляла желать лучшего. Простой пример: в рукопашной схватке против диверсанта Рема они пытались использовать обычные ножи. Сайрусу даже стало обидно – за кого его принимают? В общем, без своих пулеметов охранники принесли мало пользы. Разве что предупредили командиршу – они назвали её Мариттой – об опасности.

Маритта к тому моменту отбилась от двух космодесантников, увернулась от «медведя» и одним ударом боевого топора располовинила здоровенного бионика-волка. Как раз в момент, пока вильдерша поднимала топор, чтобы сделать новый замах, Сайрус своим излюбленным методом начал новую атаку. Он рванул вперед и приблизился к вильдерше вплотную. Интересно, что она оказалась не настолько радиоактивной, как её товарищи и действительно вполне симпатичной даже при ближайшем рассмотрении. Сайрусу даже стало немного жаль её убивать. Он снова чуть промедлил – в третий раз за сегодня, и опять эта пауза перевернула ситуацию с ног на голову!

Рем уже практически воткнул ствол гравика под челюсть девице, намереваясь одиночным выстрелом снести вильдерше голову, но оружие вдруг застряло где-то на полпути, едва поднявшись на уровень груди. Сайрус решил, что Маритта выставила локоть, но оказалось, что шлагбаум опустил особо расписной мароманн. Он схватил гравик за ствол и отвел оружие в сторону. Сайрус попытался выдернуть гравик из руки у мароманна, но тактику не хватило сил.

- Сайрус Рем дерется с бабами, потому, что дерется как баба? – Вдруг на сносном дактианском спросил мароманн.

- Хауэр? – Сайрус поднял взгляд.

Рем никогда не слышал голоса командора, но почему-то сразу же решил, что это

именно Хауэр. Хваленая интуиция сработала? Или Сайрус подсознательно связал особо затейливые татуировки со статусом противника, а теперь продолжил логическую цепочку?

Враг не поднял тонированное забрало шлема, но оно просветлело и Рем сумел разглядеть лицо противника. Им действительно оказался командор Макс Хауэр.

«Демон его принес!»

Рем предпринял ещё одну попытку выдернуть гравик из клешни у Хауэра, но не преуспел, а в следующий миг и вовсе пропустил коварный и тяжелый удар локтем в лицо. Всё в полном соответствии спортивному принципу «забивай сам или забыт тебе». В глазах у тактика на миг потемнело, он сделал шаг назад, отступил и получил ещё один удар, теперь бронированным кулаком в переносицу. Биопластиковая боевая маска выдержала испытание, но встряска получилась всё равно неслабая. Сайрус выронил оружие и на долгую секунду вообще потерял нить происходящего.

А когда сознание прояснилось, Рем обнаружил, что находится примерно в том же незавидном положении, в которое недавно попала Маритта – под нижнюю челюсть ему упирался ствол мароманской штурмовой винтовки.

В принципе, на этом славный боевой путь тактика второго уровня Сайруса Рема мог бы закончиться, а независимый рейтинг командора Хауэра – взлететь сразу на три строки, но кто может угадать замыслы Вселенной, в том числе, её соображения относительно человеческих судеб? Мароманн нажал на спуск, это Рем уловил краем глаза, однако голова у тактика осталась на плечах. Винтовка не выстрелила, а лишь мигнула красным сигнальным огоньком.

Мароманн тут же бросил разряженное оружие и совершил пару пижонских движений кистью. Сайрус точно знал, что делать это необязательно, поэтому мысленно поблагодарил тех, кто придумал для мароманнов все эти причуды – биться в рукопашной с открытым забралом или формировать личное оружие, исполняя всякие ненужные ритуалы. Хауэр мог трансформировать колонию наноботов в клинок за сотые доли секунды и не выдавая противнику своих намерений – схватил бы за горло, а часть брони на запястье вытянулась бы острым жалом и прошила бы шею врага насквозь. Но, как выражался флотский тактик второго ранга Торез Герра, «матросский форс дороже денег».

В общем, героическую гибель Сайрусу удалось отложить. Пока мароманн форсил, тактик успел отпрянуть в сторону, подцепить ногой валявшийся на земле игломет одного из погибших космодесантников и даже направить его на противника. Хауэр сумел увернуться от потока стальных игл, снова набросился на Сайруса и ударом наотмашь отшвырнул его на ближайшие камни. Рем получил настолько мощное ускорение, что от столкновения с камнями снова слегка «потерялся». По идее, могучему врагу следовало добить тактика, но почему-то он вдруг потерял к Сайрусу всякий интерес. Командор резко развернулся, подхватил разряженную винтовку и бросился к стенам базы.

Что произошло, Рем понял чуть позже, когда сумел подняться, справиться с головокружением и настроить резкость.

Выяснилось, что пока Сайрус геройствовал, оперативная обстановка кардинально изменилась.

Хитрые вильдеры и не менее хитрые мароманны под прикрытием дактианцев подошли вплотную к базе и уже из мертвой для её оборонительных систем зоны принялись штурмовать фланговые блоки-бастионы. Этому пытались помешать космодесантники, но без подсказок заигравшегося в героя-одиночку командира бойцы никак не могли наладить нормальное взаимодействие и атаковать противника слаженно, грамотно, эффективно.

Более-менее толковая работа шла в районе центральных ворот базы, там боевыми действиями руководил Бруно, но старый вояка тоже не мог объять необъятное. Всё, на что хватило его квалификации – удержать главный бастион, в котором находились казармы, арсенал и пункт управления оборонительными системами. Два других бастиона горной крепости оказались брошенными на произвол судьбы. И она распорядилась ими по-

своему. Инженерный блок судьба отдала вильдерам, как они и просили, а лабораторный – мароманнам. Причем, ни те, ни другие не приложили особых усилий, чтобы проникнуть в бастионы. Вильдеры тупо вынесли кусок стены, раскрошив его из пулеметов, а мароманы взобрались по отвесным стенам на крышу и взломали вентиляционные шахты, которые транзитом через все ярусы бастиона вели прямиком в лаборатории на подземном уровне.

Сайрус сделал пару шагов, пошатнулся и едва не упал, так вдруг закружилась голова (но явно не от успехов). Хорошо, что поблизости оказался бионик-гепард, который услужливо подставил командиру спину. Рем запрыгнул на бионика и направил его к центральным воротам. Легкой рысью. Теперь он никуда не спешил...

...Очутившись в главном блоке, Сайрус снял шлем и маску, вытер ладонью пот со лба и окинул взглядом видимое внутреннее пространство базы. Захват противником двух блоков на периметре пока никак не сказался на обстановке внутри базы. Суетилась только охрана, перекрывая подходы к восточному и западному бастионам изнутри периметра, да еще нервничали биоинженеры, которые не успели эвакуировать из лабораторий под восточным блоком все экспериментальные образцы.

Если не принимать всерьез эти два момента, результат следовало считать положительным. На текущий момент дактианцы всё-таки формально побеждали. Но Рема охватывали двоякие чувства. В первую очередь странным казалось послевкусие этой победы. Вот она вроде бы и одержана, но в то же время её можно расценивать, как чистейший проигрыш. Ведь получалось, что все добились, чего хотели – все проникли на базу и даже в какой-то мере могли гордиться своими достижениями – в смысле, захваченными позициями. Маритта захватила блок управления инженерно-техническими системами – очень важную часть базы, а Сайрус сохранил контроль над военной частью объекта, что давало ему тактическое преимущество и позволяло утверждать, что база под его контролем. Но фактически успеха добился лишь Хауэр, хотя возможно он этого и не осознавал.

Ведь именно лаборатории, в которых он теперь хозяйствовал, считались главным секретом Эпсилона-13. Ради охраны именно этих научных модулей базы ей и обеспечили особо надёжную, как это представлялось страткому, охрану из элитных диверсантов. И вот вам результат. Элита слила свою боевую задачу в сточную яму. Упс.

9. Снятся ли синтетикам электрические женщины

Говорят, двадцать один – счастливое число. Три семерки, карточное «очко», или как грубо шутили бойцы – количество пальцев у мужчины. Но Хауэру, когда он понял, что в строю теперь только двадцать робокригов и воинов, включая доктора Бозе, плюс сам командор, стало не до шуток. Без потерь войны не бывает, это понятно, только легче от этого понимания Максу не становилось. За несколько часов сумасшедшего рейда на Терранову командор потерял две трети личного состава своей штурмовой группы. Бывали в его карьере дни похуже, почернее, но тогда Хауэр и его бойцы хотя бы понимали, что происходит. А тут... они весь рейд бились, фактически, за право на жизнь, а не ради выполнения какой-то боевой задачи. Какого дьявола штурмовиков бросили в болото стратегических игр генштаба и разведки? Почему именно их, а не специально обученных людей? И, главное, почему им никто не приходил на выручку?

Такого деръма – чтобы забросить группу в тыл врага и забыть о ней – в армии Маробода отродясь не бывало. Значит, всё это сделали намеренно? Но кто? Да, да, Хауэр помнил свои размышления и даже уверенность, что всё устроил засевший в штабе предатель, крот, и что именно он не разрешает отправлять к Хауэру подкрепление. Но какие цели он преследовал, на кого работал? Макс обещал самому себе и доктору, что в Эпсилоне-13 найдет все ответы, но пока он нашел только новые вопросы.

Например, почему вильдеры захватили именно инженерный блок базы, а

мароманнам явно подставили лабораторный? Хотели вновь контролировать ситуацию, играя тумблерами системы энергоснабжения и кранами трубопроводов? В принципе здравая версия, только Хауэр в неё не верил. Вильдеры взломали стену бастиона настолько неаккуратно, что у Макса отпали все сомнения – им поставили задачу захватить конкретный блок, они её тупо выполнили. И другой задачи у них нет. Ни шантажировать, ни затапливать дактианцев, ни погружать базу в темноту наемники не собирались. Зачем же они вообще так стремились попасть в Эпсилон-13? У Хауэра имелся лишь один ответ: чтобы оттянуть на себя дактианцев и облегчить мароманнам выполнение *их настоящей* боевой задачи – тоже проникнуть на базу. Причем, конкретно в лабораторный блок.

Вывод противоречил утверждению Маритты, что мароманнам по плану отводилась роль городских террористов, но другого варианта Макс не находил. Получалось, что вольно или невольно Отряд выполнил всё, что задумывалось неизвестным сценаристом. Или не всё, но большую часть. И дальше, даже если Хауэр будет думать, что действует самостоятельно, ему придется тоже играть по правилам хитроумного заговорщика. Ведь выбраться из каменной ловушки он теперь сможет лишь доведя дело до конца – докопавшись до истинной цели захвата базы. Планировалось ли заодно и это? Макс не знал, но зато понимал, что ответ не важен. В любом случае, у Хауэра не оставалось выбора.

Так что, в новых условиях командора больше волновал другой вопрос – как взбодрить народ? Как придать отряду сил, чтобы закончить миссию и вырваться? Или же просто вырваться, не суть.

В первую очередь, конечно, следовало взбодрить воинов. Они считались суровыми парнями, которые знали, на что идут, когда записывались в штурмовые бригады, никто из них не рассчитывал дожить до почетной отставки, но в глубине души у каждого наверняка всё-таки таилась надежда, что он напишет мемуары или хотя бы расскажет о своих подвигах внукам. Но когда товарищи гибли пачками, сначала через два, а потом и через одного, затаённая надежда сжималась почти до «шварцшильдовских» размеров и это могло обернуться крупными проблемами. Ведь из черной дыры, в которую проваливалась надежда, не имелось выхода в этой вселенной. А без надежды, даже самой слабой, человек жить не может, пусть он будет самым крутым и морально непробиваемым. Без надежды человек теряет нить жизни, а то и сам обрывает её, совершая какую-нибудь героическую, но неоправданную глупость. Так что, воины, хоть и сохраняли лицо и вели себя, словно ничего не случилось (да, мы понимаем, что понесли серьезные потери, да, мы скорбим по погибшим товарищам, но не опускаем ни стволы, ни руки) нуждались в командирской поддержке и Хауэру следовало что-то им сказать. Что-то бодрящее, и неформальное.

Робокригам моральная поддержка вроде бы не требовалась, но Хауэр давно воевал и знал, что доброе слово помогает и синтетикам. Казалось бы, искусственный разум, какие у него могут быть эмоции, а вот поди ты, синтетики тоже реагировали на авторитетное, но неформальное обращение командира в паузе между схватками. Причем, особо ценилось, когда слова шли от самого командира, а не от его личного синтетика. Хауэр не загружался популярными среди «некондиции» философскими рассуждениями, могут ли возникнуть зачатки неповторимой личности у искусственного разума, могут ли синтетики хотя бы осознать себя членами общества – пусть и стандартизованными, без особых личностных черт, и насколько влияет на формирование того или другого собственный «жизненный» опыт синтетика, не связанного с компаньоном естественного происхождения? Макса не интересовали досужие рассуждения «сняются ли синтетикам искусственные овцы». Он и так знал ответы на все эти вопросы.

Робокриги действительно отличались друг от друга, и по-разному накапливали личный опыт, пусть и имели абсолютно одинаковые ТТХ. В этом командор убеждался раз за разом в боевой обстановке, когда подбирал бойцов для выполнения задач. Допустим, наблюдать и корректировать огонь лучше других умел «семьсот десятый», лучшим штурмовиком авангарда считался робокриг с номером «двести пять», а «триста первый»

умудрялся разобраться в самых сложных живых системах противника, даром, что сам искусственный. Вот и скажите после этого, что стандартные, никем дополнительно не запрограммированные роботы – это одинаковые механические болваны, не имеющие никаких индивидуальных особенностей. Имели они эти особенности, имели, да ещё какие. И совершенствовали их в порядке личной инициативы в «условно-свободное» время.

Удивительно? Ничуть. Половина разгадки феномена имелась на первой странице инструкции по эксплуатации робокригов, которую опытные люди вроде Хауэра называли «рекомендациями по сотрудничеству», поскольку слово «эксплуатация» как-то не вязалось с принципами боевого братства. Ведь в войсках никто не делил воинов на первый и второй сорт, а то, что робокриги шли всегда первыми считалось скорее следствием недостатков живых бойцов, чем «малоценности» искусственных. Так вот, в заголовке «рекомендаций» четко прописывалось – «робот-воин (робокригер, робокриг, РБК-17) самопрограммирующийся». Так что, вроде бы удивляться разнообразию их «увлечений» не имело смысла. Но под «самопрограммированием» разработчики наверняка подразумевали исключительно накопление боевого опыта и самостоятельное внесение робокригами поправок в программы действий на поле сражения. Того, что «на досуге» синтетики будут изучать посторонние науки и ненужные им в принципе вещи вроде истории, физики подпространства, биологии и даже философии, никто из инженеров, похоже, не мог и предположить.

Вот такими Хауэр командовал бойцами. Хоть живые, хоть искусственные, а все личности. В большинстве своём незатейливые, но всё-таки неповторимые. Во всяком случае, Макс предпочитал думать о своих воинах и робокригах именно так. И они это знали, или чувствовали и платили командиру абсолютной преданностью.

Так что, поговорить по душам Хауэр собирался со всеми бойцами без исключения, но всё-таки пока это следовало считать задачей второго порядка. В первую очередь требовалось отыскать ответы на главные вопросы – зачем, почему и кто? Зачем штурмовиков так изящно заманили в лабораторный блок базы Эпсилон-13, почему именно их, и кто это всё придумал?

Справедливо решив, что часть ответов можно найти в лабораторном блоке, раз уж поток событий принес штурмовиков именно сюда, Хауэр приказал бойцам взять бастион под контроль и хорошенько осмотреть всё, что в нем имеется.

Первую часть боевой задачи штурмовики выполнили просто идеально. Проникли через крышу, вышибли охрану и рассредоточились по четырем ярусам блока. Воины заняли позиции для обороны здания, а робокриги провели зачистку. Самый нижний, подвальный ярус, как обычно взяло и зачистило звено самого командора.

В семи случаях из десяти именно зачистка подвалов становилась самым опасным этапом работы, да и подавляющее большинство ценных находок хранилось также в подвалах. Хауэр полностью доверял своим бойцам и знал, что они справляются с задачей не хуже командира, а всё найденное доставят ему в целости и сохранности, но при этом Макс помнил золотое правило – меньше знаешь, крепче спиши. Чтобы воинам, если они вдруг наткнутся на что-то особо секретное, не пришлось впоследствии долго и нудно общаться с контрразведкой или тайной полицией, а в худшем случае ещё и проходить неприятную процедуру «блокировки лишних знаний» (проще говоря, промывки мозгов) Хауэр всегда брал всю ответственность на себя.

Первые шаги по дактианскому подземелью не доставили особых проблем. Хауэра и его команду из двух робокригов и неизменной «экспертной группы» в составе доктора Бозе и кифера Момо встретил воин-синтетик, спустившийся по воздуховодам и открывший двери изнутри. Им, кстати, оказался тот самый «триста первый», крупный спец по биологии модифицированной живности и растений, заслуживший в этой связи почетное прозвище Ботаник.

- Всё нормально? – Вместо привычного приказа «доложить обстановку» спросил Хауэр. – Как ты вскрыл двери?

- Иглоукалыванием, - робокриг кивком указал на торчащий из стены нож. – Здесь проходит периферический нервный пучок.

- Ты разобрался в анатомии местного управляющего организма, пока сползл сюда по воздуховоду? – Хауэр удивленно взглянул на синтетика.

- Не только местного, - робокриг сбросил командору виртуальную трехмерную схему. – Это устройство всей базы. В биологическом смысле. Если не брать в расчёт стены трех бастионов и четыре скальные гряды, которые образуют основу периметра безопасности, всё остальное – один большой генмодифицированный организм. Его идеально вписали в ландшафт. Но главная особенность заключается в том, что биоинженеры-строители использовали генный материал животных – на схеме выделено красным, растений – зелёным, и грибов. Получился очень живучий, автономный и многофункциональный гибрид. Всё, что ему нужно для жизнедеятельности он берет прямо из земли, питаясь через корни, как растение, а оборонительные функции ему обеспечивают органы и ткани животного происхождения, плюс помогают многочисленные симбионты.

- В смысле, сожители, - Хауэр усмехнулся. – Вроде «драконов» и прочих автоматических пушек на стенах?

- Так точно, командор. А все вспомогательные здания и сооружения построены из генматериала грибов. Подземные коммуникации тоже сформированы грибным мицелием. Очень мощный получился гибрид. Вполне самодостаточный и с широким функционалом. Я таких ещё не встречал и даже не слышал ни о чем подобном.

- Получается, эта база уникальна сама по себе?

- Не могу утверждать.

Макс обернулся к Бозе и вопросительно вскинул одну бровь, будто бы спрашивая «ты как считаешь?»

- Ты намекаешь, что нас забросили сюда ради этого? – Задал доктор встречный вопрос.

- Чтобы мы составили анатомическую схему этой уникальной базы? – Хауэр помотал головой. – Нет, Борис. Это давно секрет полишинеля. Ты заметил, что вильдеры сразу же направились к инженерному блоку и не свернули, даже когда стало тугого? То есть, они знали, куда конкретно им надо идти.

- Им могли просто приказать – закрепиться в западном форте. Без пояснений.

- Могли. Но тот, кто приказал, сделал это не просто так. Не вильдерам, значит их заказчику точно известно, где тут что расположено и как работает. По каким-то причинам он не мог сюда проникнуть сам, поэтому отправил наемников и нас заодно, но теорией он владеет.

- Если отпадает самый простой вариант, надо продвинуться по шкале сложности чуть дальше.

- Прошу за мной, - по-своему понял предложение доктора Ботаник. – Чуть дальше расположена первая из пяти лабораторий комплекса. Сразу замечу, в этом блоке находятся лишь три лабораторных отсека. Ещё один размещен на поверхности, почти в центре базы – на схеме это гриб в три стандартных этажа высотой и сорока метров в диаметре. А пятый корпус расположен в южном секторе, рядом с посадочным полем.

- Этот замшелый купол? – Уточнил Хауэр, сверившись со схемой. – Бетонный?

- Никак нет, роговой. Модификация черепашьего панциря. Высота пятнадцать, примерный диаметр сто метров.

- Много могли бы сварить диетического супа из такой черепахи, - заметил Хауэр с усмешкой, - существуй она в реальности.

- Организм-носитель панциря существовал, - сказал «триста первый», - но был удален по достижении панцирем требуемых размеров.

- То есть, дактианцы всё-таки лопают своих модификантов?

- Никак нет. Выведенные из эксплуатации организмы перерабатываются в

протеиновую массу для питания растущих строительных объектов или для подачи в инкубаторы ферм, где выращивают биоников.

- Ну, бионики их лопают, какая разница? – Хауэр мысленно повертел схему базы так и сяк. – Мы сможем незаметно пройти в дальние лаборатории?

- Коммуникации позволяют, – робокриг кивнул. – Одна проблема – четкой схемы подземной сети не существует. Грибница постоянно меняется. Если у нас не будет условной путеводной нити, мы можем заблудиться в этих лабиринтах.

- Разберемся, – командор дал отмашку. – Вперед, Ботаник. «Двести пятый», страхуй его.

Все три упрятанные под восточным бастионом лаборатории оказались смежными и образовывали короткую анфиладу. Переходы из помещения в помещение выглядели, как короткая гофрированная труба трехметрового диаметра. Посреди этих гофр располагались двустворчатые сдвижные двери. И всё это было построено-выращено из органики разных фактур и степени твердости. Даже освещение подземелья оказалось естественным, светились сгустки плесени или какие-то грибы на потолке и частично на стенах.

Подстраховка «двести пятого» не потребовалась ни Ботанику, ни остальным. В лабораториях дактианцы не оставили даже биоников. Сами ушли от греха подальше и живое имущество прихватили. По сути сопротивление оказывал только общий организм базы. Да и то, это следовало называть скорее мелкими пакостями, чем сопротивлением. Где-то с трудом раскрывались двери, где-то внезапно возникшие на полу складки ставили подножки, а пару раз на пришельцев сами собой опрокидывались емкости с разными жидкостями. Ничего существенного.

Бозе так и сказал. Только не о степени сопротивления, а о том, что обнаружилось в подвале.

В каждой из лабораторий любознательные сыщики – Бозе, его приятель кифер и «триста первый» нашли, как выразился доктор, по одной загадке для младших школьников.

- Здесь, как видишь, нечто вроде арсенала, – Бозе указал на полки вдоль стен в первом помещении. – Хотя, это скорее оружейный склад, чем арсенал. Ворохи трофеиного и нейтрального неживого оружия всех мастей у той стены, и несколько десятков ящиков с дактианскими иглометами вон там. Но все иглометы старые, разряженные и без аккумуляторов.

- Дохлыё?

- Можно сказать и так. В центре, как видишь, столы и аппаратура, если можно так выразиться. И ящики с запчастями.

- Здесь дактианцы пытались создавать гибридные образцы оружия, – сделал вывод Хауэр. – С применением наших и сайтенских технологий.

- Садись, пять, – Бозе кивнул. – Вероятно, в этой или подобной лаборатории на основе «Гоморры» когда-то были созданы «гравики». Но сейчас я не вижу здесь ничего интересного. Ботаник, может быть, ты что-то нашел?

- Никак нет, доктор. Содержимое этого отсека представляет для нас только статистический интерес. В общей сложности я насчитал сто семнадцать единиц штурмового и личного штатного оружия нашего производства. Включая уже разобранное на запчасти. По объемным кодам на оружии можно установить бывших владельцев.

- Опять ради спортивного интереса? – Бозе пожал плечами. – Стоит ли терять время? И так понятно, что это трофеи, захваченные в пограничных стычках или в боях на ближайших планетах. Не трать время, иди дальше.

- Штатного генератора среди этой рухляди случайно нет?

- Нет, командор.

- Здесь химическая лаборатория и много каких-то емкостей с биониками, – доложил из второго отсека «двести пятый». – Ботаник, взгляни.

- А я зачем пришел? – Проворчал «триста первый» с почти натуральными

интонациями. – Какая-то кунсткамера. Это неудачные экземпляры.

Второе помещение оказалось не настолько загромождено, как оружейный склад, но двигаться пришлось всё равно осторожно. Кругом поблескивали пирамиды из лабораторного стекла и всевозможных банок с заспиртованными уродцами разных видов и степени развития; от эмбрионов, до вполне зрелых особей. Интерес представлял только огромный медицинский сканер сайтенского производства. Вообще-то медицинская аппаратура дактианцев считалась гораздо более совершенной, чем у сайтенов и местами даже, чем у мароманнов. А если брать медсканеры, особенно генетические, то им вообще не находилось равных. Дактианцы обогнали в этом плане все прочие расы на много лет. Что здесь делал этот аппарат, причем, явно рабочий, а не хранящийся от жадности, на полпути к помойке, как большая часть оружия в первом отсеке? Даже у выдумщика Бозе не нашлось подходящей версии.

– Снова ничего интересного, – Бозе разочарованно вздохнул. – Так мы до истины никогда не доберемся.

– Не унывай, док, – Макс указал на вход в третье помещение. – Там какие-то цистерны и трубы. Глядишь, всё вместе и сложится в понятную картину.

В третьем отсеке действительно обнаружились только цистерны, бочки и трубы. Ну, ещё здесь имелись крупные вентили, которые перекрывали подачу некой жидкости по трубам из одних цистерн в другие, и насосы. Примечательно, что сделаны были емкости, трубы и вентили с насосами из пластика и керамики – тоже странный по дактианским меркам подход. Всё это, покрытое слоем какой-то белесой липкой слизи, негромко гудело, прямо так, всем пластиковым «ансамблем».

– Качают, – констатировал «двести пятый» и положил руку на трубу. – Приходит с западного направления, уходит... в южном.

– К западу отсюда расположен инженерный блок, там распределительная станция, – подсказал «триста первый». – На юге четвертый и пятый отсеки лаборатории.

– Прямо за стенкой? – «Двести пятый» направил винтовку на стену чуть выше того места, где в неё входила труба. – Командор, выломать?

– Отставить инициативу, – приказал Хауэр. – До четвертого отсека сто метров подвалами. Что конкретно качают, кто-то может сказать?

– Биомассу, – ответил Бозе. – Комплекс питательных веществ. Обычно так подкармливают растущие модорганизмы на фермах.

– Значит, в четвертом блоке кого-то выращивают, – сделал вывод Хауэр. – Идём туда. Ботаник, как туда попасть?

– Есть технический люк, – «триста первый» указал на неприметную дверцу-складку в дальнем углу отсека. – За ним техническое пространство, заполненное грибницей.

Пространство теоретически проходимо, между нитями мицелия много промежутков, но практически это лабиринт.

– Не страшно. Грибница – не железная решетка. Что-то перережем, что-то прожжем.

– Допустимо только холодное воздействие, – предупредил Ботаник. – В этом случае модорганизм воспримет нас, как обычных подземных грызунов и не тронет. Будем жечь – задавит.

– Значит, работаем ножами. Войдем и вернемся к этому месту, только с другой стороны стены, – решил Хауэр. – Используем трубопровод, как путеводную нить. Вы всё здесь осмотрели? Выводы имеются? Ботаник...

– Имеются наблюдения, – доложил «триста первый», – и полный список воинов, на которых записано оружие.

– Всё-таки проверил?

– Так точно. Это не отвлекло от выполнения главных задач. Разрешите доложить?

– Докладывай.

– Среди владельцев ни одного робокрига. Все воины занесены в списки пропавших без вести. Места, где они пропали – самые разные. Перечислить?

- Не надо, - Хауэр на пару секунд крепко задумался. – Продолжай. Какие ещё наблюдения?

- В отсеке номер два расположен действующий медицинский сканер сайтенского производства. Для внутренних нужд дактианцам не требуются подобные сканеры. Они сконструированы таким образом, чтобы сканировать комбинированные техноорганизмы, как с включениями крупных узлов, так и дополненные наноботами.

- То есть, этот аппарат заточен снимать мерки исключительно с сайтенов и... мароманнов?

- Так точно, командор.
- Ещё интереснее. Есть другие наблюдения?
- Разрешите не согласиться с доктором Бозе?
- А то! – Хауэр усмехнулся и подмигнул Борису.

Доктор удивленно вытаращился на Ботаника, но ничего не сказал, только чуть склонил голову набок, как бы мысленно говоря: «ну, ну, выкладывай, чайник с интеллектом, с чем ты там не согласен?»

- Керамические трубопроводы используются для транспортировки в стерильных условиях клеточного материала для фабричного клонирования. Вода и корм для питания уже сформированных эмбрионов и новорожденных биоников перекачиваются по каналам органического происхождения методом перистальтики. Как пища по кишечнику.

- Замечательно, - Хауэр вновь посмотрел на Бориса. – Что скажешь, док?

Лицо у доктора заметно вытянулось, а из глаз исчезло снисходительное недоверие и теперь в них читалось мысленное обещание «никаких больше чайников». Да что там! Он смотрел на Ботаника практически с уважением.

- Складывается... пока в общих чертах и в виде умозрительной версии... довольно тревожная картинка, - медленно подбирая слова, сказал Бозе. – Возможно, ты был прав, командор, когда сказал, что в трех отсеках мы в сумме наскребем что-то стоящее. Думаю, все приведенные Ботаником... наблюдения как-то связаны с тем, что мы ищем. Но этого мало.

- Будет больше, нутром чую, - Хауэр через синтетика приказал Ботанику вскрыть технический люк, а «двести пятому» – идти первым. За ними, вопреки обыкновению Макс отправился сам. «Семьсот десятого» он оставил замыкать строй и оберегать доктора с Момо.

Кстати, о сладкой парочке. За всё время после жесткой посадки кифер ни разу не «перекинулся словечком» даже с Бозе. Но доктора этот факт, казалось, ничуть не огорчал. Может быть, они успели договориться, что не будут друг друга отвлекать до определенного момента, а может – поссорились, хотя представлялось такое с трудом. Но факт оставался фактом. Момо ковылял на своих троих за Бозе, как привязанный, но не вступал с ним ни в какие разговоры на их секретном языке. Складывалось впечатление, что оба копят силы и эмоции для обстоятельной беседы в спокойной обстановке, как гурманы, не желающие перекусывать на ходу «кифбурами» и берегущие аппетит для роскошного ужина из десятка изысканных блюд.

«Ну да бог с ними».

Макс заглянул в подземелье, заполненное хитросплетением белых упругих нитей, веревок, тросов и сотканных из них сетей. Гигантская грибница заполняла всё пространство под базой и служила ей своеобразным матрасом. Все живые строения, укрепления и даже каменные форты стояли на огромной грунтовой плите, под которой лежала грибница. Вглубь земли она не уходила, каменистый грунт нижнего слоя оказался слишком твердым и взламывать его модорганизм базы поручил корням растений. А грибница разрасталась в стороны, сплеталась в упругие клубки и скомканые сети и образовывала упомянутый выше «матрас». Зачем? Кто ж знает, что там на уме у модифицированных организмов. Может быть, это сформировалась подушка на случай землетрясения? Да и так ли важно знать «зачем»? Главное, в «матрасном» пространстве

удавалось скрытно передвигаться, если хватало терпения.

У мароманнов и тем более робокригов запас терпения имелся и немалый. Они минут пять распутывали сети, чтобы проложить путь к трубопроводу, а затем ещё десять пытались идти вдоль трубы, маневрируя между натянутыми под мыслимыми и немыслимыми углами упругими нитями грибницы. Впрочем, неисчерпаемых запасов не бывает.

На шестнадцатой минуте сдался доктор Бозе. С ворчливым «ну и пусть я нетерпеливая истеричка», он сформировал сразу два больших ножа и двинулся по-прежнему вдоль трубы, но не маневрируя, а прорубаясь, как сквозь джунгли. Его поддержал Хауэр, а затем и робокриги. Заплутавшая и потерявшая строй группа вновь выстроилась в нужном порядке и двинулась дальше гораздо бодрее.

На оставшуюся половину пути лазутчики затратили всего четыре минуты. Чувствовал ли что-то модорганизм базы, осталось загадкой. Возможно, Ботаник вновь оказался прав – гигантский модификант чувствовал боль в поврежденной грибнице, но не реагировал, поскольку не считал повреждения критичными. Ощущал их, как человек чувствует укус комара.

На двадцатой минуте Ботаник заявил, что цель достигнута, хотя трубопровод и не заканчивается, а лишь раздваивается. Но, судя по схеме, группа находилась под четвертым блоком и значит, отслеживать куда тянется ответвление трубы больше не требовалось, следовало искать такой же технический люк, как в восточном бастионе, только теперь из подземелья в здание, а не наоборот.

Это оказалось той ещё задачкой, но робокриги справились. Блеснул «семьсот десятый», признанный следопыт отряда, хотя командору показалось, что не обошлось без вмешательства Момо – ещё более известного следопыта. Кифер подался на миг в сторону и робокриг уловил его мимолетный порыв. Хотя, возможно, так совпало – жук и робот обнаружили люк одновременно.

Так или иначе, первыми в люк отправились не «семьсот десятый» и Момо с Бозе, а как и положено два робокрига ударно-ботанического звена и за ними Хауэр...

...Командор протиснулся между толстыми белесыми тяжами, миновал узкий технический люк, сразу же сделал несколько шагов влево и, вскинув руку со сформированным наноботами малым лазером, оценил обстановку сам, без подсказок Ботаника и «двести пятого». Обстановка казалась мирной и даже уютной. Немного смущала шишковатая, до потолка колонна посреди единственного помещения – она выглядела словно ножка гигантского гриба. За ней могли запросто спрятаться несколько бойцов, но каких-то признаков опасности синтетики не обнаружили. Четвертый, отдельный корпус лаборатории оказался пуст. Видимо, все силы гарнизон бросил на стены базы.

Макс немного расслабился и ещё раз осмотрелся. Ощущение, что очутился внутри огромного гриба, сделалось вполне отчетливым. И вообще-то всё выглядело логично. Прошли по грибнице – вышли внутри модифицированного гриба. А ещё стало понятно, почему местные инженеры выбрали именно такой материал для «строительства». Изнутри грибная шляпка, опустившаяся по краям до самой земли, имела ячеистую структуру. И огромные ячейки играли роль стеллажей, на которых разместились большие прозрачные емкости в форме вытянутых личинок; слабо подсвеченные и полные синеватого тумана.

По мгновенной оценке синтетика, двухметровых емкостей-личинок насчитывалось девяносто пять штук. Но интересными оказались не сами по себе «личинки» или их подсветка, и даже не наполнявший их туман, а то, что пряталось в туманной завесе. Присмотревшись, Хауэр различил очертания человеческих тел.

Доктор Бозе к тому моменту уже не только присмотрелся к содержимому «личинок», но и отыскал маркировки на емкостях и на стеллажах.

- Бионики? – Спросил Макс.
- Пока трудно сказать, - Бозе провел пальцем по маркировке, сканируя коды и короткие надписи на чужом языке. – Если это и бионики, то очень похожие на людей. Мой синтетик не может расшифровать эти надписи. Пока скажу одно: это криокапсулы для анабиоза. Точно такие же «личинки» дактианцы используют для восстановления тяжелораненых, по нашим меркам – безнадёжных.
- То есть, это всё раненые дактианцы? Мы взяли штурмом тыловой госпиталь?
- Разрешите? – К офицерам подошел «триста первый».
- Бозе кивнул и его синтетик сбросил информацию робокригу.
- Это не бионики, - уверенno заявил Ботаник.
- Раненые дактианцы?
- И не дактианцы, - робокриг прошел вдоль стены и тоже провел пальцами по маркировкам нескольких емкостей. – Это мароманы. В объемных кодах зашифрованы ссылки на генетический банк дактианской контрразведки. В нем собраны все данные военнопленных и задержанных гражданских лиц.
- Демон их покусай, - Хауэр нахмурился. – Это что получается? Дактианцы нашли экономный способ содержать пленных? Вместо тюрьмы – криокамеры? Или они ставят на пленных опыты?
- Могут просто держать их, как продукты глубокого охлаждения, - спокойно (а как ещё мог сказать синтетик?) заметил Ботаник.
- В смысле... - Хауэр слегка опешил. – Ты намекаешь, что дактианцы... каннибалы?
- Ботаник хочет сказать, что дактианцы могут кормить пленными молодняк своих биоников, - подсказал Бозе. – В первую очередь «волков» и прочих хищников. Чтобы они с детства знали вкус вражеской плоти и постоянно искали её, как лакомство. Ведь известно, что еда «из детства» всегда самая вкусная.
- Вы, по-моему, слегка того... - Хауэр неопределенно помахал рукой. – Перегнули с фантазиями, гуманитарии хреновы.
- Ботаник, это твой комплимент, забирай, - доктор усмехнулся. – На самом деле, у меня свои соображения на этот счет. Я думаю, что это не настоящие мароманы, а бионики-androиды, выращенные из нашего генматериала.
- А как же коды реальных людей в базе данных?
- Вот из их клеточного материала и выращены. И у меня есть простое доказательство – трубопровод с биомассой, который нас сюда и вывел. Бионики-андроиды это отличные шпионы, вернее – агенты внедрения! Вставь им синтетика, запрограммированного на лояльность Аррадакту и дело в шляпе. Сходство с настоящими мароманами должно быть вполне приличное – дактианцы знают толк в копировании живых организмов, а достать «сопроцессоры мозга» не такая уж проблема. Ведь достали же дактианцы чертежи сайтенской «Гоморры». Причем, изготовлены синтетики будут очень качественно и близко по всем параметрам к оригиналам. Разве что без необходимых маркировок.
- И кем они будут изготовлены? И где?
- Не знаю. Явно не на Аррадакте и колониях, скорее где-то на смаглерских планетах. Но я точно знаю, кто может их изготовить. Бывшие мароманы, вроде сбежавших на независимые территории отщепенцев из числа некондиции.
- Как ты заговорил, - Хауэр усмехнулся. – Ты ведь сочувствуешь некондиции, разве нет?
- Сочувствую, но до тех пор, пока она борется с несправедливостью внутри Диктатуры Маробода. Тех, кто бежит за границу, да ещё работает на врага, я не считаю некондицией. Это просто предатели.
- Теперь всё понятно, - Макс вновь снисходительно усмехнулся. – Вся твоя «некондиционность», Борис, чистая игра на публику. На самом деле ты наш, лояльный. Ладно, вернемся к теме, что дальше?

- Дальше всё просто! Поскольку для выращивания клонов используется генетический материал мароманнов, а синтетики почти, как настоящие, отличить такого андроида от реального мароманна можно будет только по отсутствию маркировки на синтетике. Но маркировку не увидишь, пока не проведешь вскрытие. Как вам версия?

Бозе взглянул на Хауэра, а затем на Ботаника. Макс пожал плечами, а робокриг поднял руку, как прилежный ученик.

- Разрешите возразить? – Он взглянул на Хауэра.

- Валяй.

- Выращенные сразу взрослыми андроиды не могут полноценно соединиться с синтетиками, этот процесс требует длительного совместного развития тела и личности живого компаньона и технических возможностей компаньона-синтетика. Доктор Бозе должен знать, что существует особый раздел на стыке наук – синтомедицина, которая занимается среди прочего проблемами совместимости живой личности и синтетического разума. Иногда бывает, что повреждается та или другая составная часть и её приходится лечить или исправлять.

- В психоинженерных клиниках, - Бозе кивнул. – Это мне известно.

- Логика подсказывает, что при возникновении неисправности в синтетике его проще заменить, чем пытаться исправить, но этого не делается, даже если речь заходит о важном для государства техносимбиозе. Всё потому, что полноценно вживить нового синтетика нельзя. Проще оставить живую личность без компаньона и адаптировать её, включив в сообщество граждан с ограниченными возможностями.

- Короче – дать человеку дожить в доме инвалидов.

- Так точно, хоть ваша формулировка и некорректна, командор.

- Сам знаю, - Хауэр отмахнулся. – Продолжай.

- Второе возражение – будет очень трудно создать убедительную легенду для личности андроида. В ней будет мало деталей, которые создают достоверность. Это подозрительно.

- Ну, с биографиями непорядок и у многих настоящих мароманнов, например, колонистов, - возразил доктор. – Какие в их жизни детали? Серые одинаковые будни, без просветов. Да и у многих жителей базовых планет не так уж много приключений в жизни. И каких-нибудь тонкостей, известных жителям Маробода, эти провинциалы могут не знать. Так что, если не вдаваться, клоны запросто могут выдать себя за мароманскую деревенщину с какой-нибудь заштатной колонии.

- Частично согласен, доктор, - Ботаник коротко кивнул. – Но есть третий важный момент: идеальные тела без приобретенных за годы жизни мелких дефектов бывают лишь у дактианцев, которые постоянно чистят и восстанавливают свои организмы. У мароманнов в организме накапливается целый букет хронических недомоганий и всевозможных шлаковых отложений, которые не устраняются никакими оздоровительными процедурами. В первую очередь, вы все страдаете в компенсированной форме металлозами. Это следствие длительного присутствия в организме большого количества металлических наноботов.

- Вот здесь вынужден согласиться, - Бозе вздохнул. – Но зачем мы тратим время на эту дискуссию? Надо вскрыть пару ячеек и посмотреть!

- Взлом криокамеры может повредить тело.

- Ну и пусть повредит. Когда мы жалели биоников? Пусть и с нашим генетическим кодом.

- Мы пока не установили, что это бионики, доктор. А если это всё-таки пленные? Я не могу войти в базу дактианской контрразведки, но имею основания полагать, что списки наших пропавших без вести и списки пленных, данные которых почему-то указаны на маркировках капсул, в значительной мере совпадают.

- Вот, упрямый! – Бозе усмехнулся. – И сообразительный. Как выразилась недавно наша новая знакомая, ты точно робокриг? Ставлю сотню, что это андроиды! На них нет

узоров из наноботов!

- Отвечаю, - Ботаник протянул руку, но не для того, чтобы заключить пари с помощью рукопожатия. Он высыпал на ладонь доктору горстку черной пыли.

Борис потер пыль в пальцах и вздохнул.

- Это аргумент, признаю. Но не решающий!

- Это наноботы? – уточнил Хауэр.

- Да, боевая колония, - признал Бозе. – Настоящая. Маркированная.

- По общей массе около девяноста комплектов брони плюс девяносто пять комплектов колоний персональных наноботов разложены по ящикам самого нижнего яруса стеллажей, - пояснил Ботаник. – Это соответствует количеству криокапсул. Можно предположить, что все эти колонии были каким-то способом нейтрализованы, выведены из организмов носителей и отформатированы. В телах остались только синтетики и колонии, вживленные во внутренние органы.

- Девяносто воинов и пять гражданских лиц, - перевёл Хауэр. – На корм собакам?

Если так, это дорого обойдется дактианцам. Да оно в любом случае им дорого обойдется!

- Командор! – Из-за грибной ножки вырулил «семьсот десятый». – Есть новая вводная!

- Что за вводная? – Хауэр погрозил Бозе. – Не вскрывать ничего! До полного прояснения ситуации, приказываю считать всех замороженных пленными. Понял меня? Мароманнами, нашими, настоящими, а не какими-то там, прости господи, клонами.

- С вас сотня, доктор, - невозмутимо заметил Ботаник.

- Тебе она зачем? – Бозе недовольно покосился на «триста первого». – Пропить не сможешь, в карты не играешь, бабы тебе тоже ни к чему.

- Важен принцип, доктор. К тому же...

Хауэр не стал дослушивать, что ответит Ботаник. Он обогнул грибную ножку и остановился перед находкой «семьсот десятого». Оказалось, что это нечто вроде конвейера, который заканчивался у шлюзового затвора пневмотрубы диаметром как раз для «личинки». Труба уходила в стену и частично в пол под небольшим углом. То есть, с внешней стороны грибной шляпки труба над уровнем грунта не торчала.

- Та-ак, и что? – Хауэр поднял взгляд на робокрига. – Вижу очередной подземный ход для путешествий на пневмотяге. Что дальше? В чем его выдающаяся особенность?

- Направление, - коротко пояснил «семьсот десятый». – Точно на пятый лабораторный корпус.

- Понял, - удовлетворенно сказал Хауэр. – Отлично, «семьсот десятый». Зови наших умников сюда, отправимся дальше.

- Разрешите уточнить?

- Что ещё?

- Пневмотруба вела в пятый корпус. Сейчас она замурована орфийскими колючками. По моим подсчетам, пробка составляет до ста метров в длину. Это почти вся протяженность трубы.

- То есть, теперь это не труба, а закопанный в землю каменный столб?

- Так точно, командор. Пришла беда в наш огород, окаменел весь корнеплод.

- «Семьсот десятый», ты ещё и поэт?

- Никак нет, командор. Экспериментирую с отрывками из чужих произведений.

Жанр – пародия.

- Ты это слышал? – Хауэр обернулся к подошедшему Бозе.

- А я всегда говорил, что синтетический разум ничуть не худшая основа для формирования полноценной личности, чем живые мозги. Ему просто не хватает времени на саморазвитие.

- Ты так говорил? – Хауэр фальшиво удивился. – Когда?

- Хорошо, это не мои слова, так рассуждает некондиция, - признал Бозе. – Наша, нормальная некондиция, болеющая за Маробод, а не против него. И я никогда не возражал.

- Другое дело, - Макс кивнул. – Объявляю общий сбор. Будем прорываться в пятый блок поверху всей группой. Уверен, что все концы сойдутся именно там.

Прорыв в пятый корпус получился эффектным по всем статьям. Началось всё с грибного дождя, устроенного мароманнами. Нет, не в том смысле, что они постучали в шаманские бубны и вызвали небольшую тучу, из которой пролился дождь в солнечный день. Выражение следует понимать буквально. Штурмовики перевели свои универсальные винтовки в режим ударно-ультразвукового действия и дружным залпом вышибли огромный кусок крыши четвертого лабораторного блока. Мякоть шляпки модифицированного гриба, разлетевшись триллионами мелких упругих комков и ошметков, создала отличную маскировочную завесу, но, что важнее всего – обезопасила мароманнов от «драконьего» обстрела. Автоматические плазменные пушки на стенах развернулись внутрь базы и приготовились выстрелить, но не смогли этого сделать из-за всё той же дурацкой установки, заложенной в их программы – нельзя стрелять в своих. И то, что это уже не «свой» модорганизм, а только его ошметки, «драконы» сообразили с запозданием. Несколько запоздалых выстрелов всё-таки настигли двух замыкающих строй воинов, но основной части группы удалось преодолеть больше трети пути до пятого корпуса.

Когда все комки рухнули на землю, «драконы» попытались компенсировать свою нерасторопность и втрое взвинтили темп огня. Мароманны пытались маневрировать и прятаться за всевозможными постройками – между корпусами оказалось много выростов непонятного назначения, и эта методика работала, но серьезно упала скорость продвижения к цели. Упала настолько, что мароманны не смогли подобраться к середине пути в расчетное время. Небывалое дело!

А между тем, как раз на середине располагалась огромная трехметровая в глубину воронка, с круглым, прикрытым хрящевыми створками отверстием на дне. В этой впадине штурмовики могли укрыться от огня «драконов» и отышаться. Ботаник, правда, не испытал восторга от этой идеи. Он утверждал, что это не яма, а круглая, как у осетра, пасть чудовищного модорганизма базы, но существенных возражений «триста первый» не имел. Вечно разъяренная пасть и прикрытая хрящами глотка по его же утверждению требовались не для питания гигантского мутанта (питался он биомассой через те самые подземные трубы), а как резервное средство коммуникации. Проще выряжаясь, «для разговора». О чем дактианцы могли разговаривать с этим чудовищем? Ну, это вообще интересовало лишь Ботаника. Всем остальным хватило понимания, что в беззубой пасти можно спрятаться. Вот и весь интерес. Ни больше, ни меньше.

В какой-то момент «драконы» поумерили пыл, мароманны смогли поднять головы и подползли чуть ближе к укрытию, но очень быстро выяснилось, что на самом деле обстановка ничуть не улучшилась. На смену огню «драконов» пришел беглый огонь впритирку к земле стальными иглами из особо мощных живых «гауссовок». Пришлось снова вжиматься в землю, но удалось это не всем. Робокрига с номером «пятьсот» зацепило одним из залпов так, что он подлетел в воздух метра на два и кувыркнулся, попал под новый залп и развалился на части. Очередная потеря огорчила Хауэра, но его компаньон-синтетик втихаря сделал командору внушение, а затем подсластил пилюлю, доложив, что робокриг хотя бы успел в последний момент передать обзорную картинку.

Получать взбучку от хладнокровного синтетика командору ещё не приходилось, обычно искусственный компаньон играл вторую скрипку, но Хауэр принял его замечание и собрался. А вот «сласще» ему не стало. Увиденная картинка не добавила вообще никаких положительных эмоций.

Под прикрытием огня «драконов» и обстрела больших иглометов, с флангов и с тыла к мароманнам подкрадывались серьезные силы дактианцев. Тыловую группу командор легко опознал, как отряд Сайруса Рема, выглядели эти воины так себе, многие

имели нештатное вооружение, а чешуйчатая броня и снаряжение почти у всех выглядели потрепанными. А вот с флангов заходили вполне себе свежие и бодрые космодесантники плюс бионики вида «медведь». То есть, дактианцы отнеслись к проблеме намного серьёзнее, чем генштаб армии Маробода, выслали подкрепление по первому требованию Сайруса. И, похоже, это нахлынула только первая волна. Над восточным горизонтом белели несколько инверсионных следов снижающихся челноков, и направление их полета без труда просчитывалось даже без помощи синтетика. Все космолеты собирались приземлиться поблизости от Эпсилона-13.

«В любом случае придется прорваться в пятый блок, - подумалось Хауэру. – Поможет это или нет – рассуждать бессмысленно. На открытой местности у нас точно не будет шансов. Но как подняться и преодолеть оставшиеся метры, если даже ползти опасно? Кем или чем ещё прикрыться?»

Ответ на мысленный вопрос командора не смог дать ни один из синтетиков или живых воинов. Даже великий мыслитель Момо, похоже, не знал ответа. Кифер вообще зарылся в землю и прикинулся кочкой.

Ответ нашли, осмыслили и воплотили в жизнь... кто бы мог подумать... вильдеры! Поначалу Хауэр не понял, что происходит это их инициатива и что фактически они помогают влипшим по уши мароманнам. Но когда очередная устроенная наемниками диверсия принесла результат, командор мысленно поблагодарил этих странных типов за помощь. От души поблагодарил.

В тот самый момент, когда все три группы дактианцев и биоников очутились на площади между четвертым и пятым блоками лаборатории, со стороны инженерной башни прилетел отзвук глухого, но объемного взрыва, а затем что-то громко заклокотало и забулькало. Прошло несколько секунд и к бульканью добавился новый звук – шум тяжелой, вязкой массы, текущей широкой и довольно высокой волной. Шум казался не таким громким, как шум набегающей морской волны, но земля дрогнула и загудела примерно так же, как от удара мощного прибоя. «Драконы» и автоматические иглометы резко прекратили стрельбу, что позволило Хауэру поднять голову и осмотреться.

С западного направления к лабораторным корпусам приближалась высоченная, метра в два, волна серой полужидкой биомассы. Она вовсю хлестала из развороченных взрывчаткой огромных баков, стоявших вплотную к инженерному бастиону. Вязкая субстанция растекалась ещё и в стороны, но волна не становилась от этого ниже. А ещё она не теряла ход, наоборот с каждой секундой ускорялась и как раз в тот момент, когда командор поднял голову, в серую жижу вляпались несколько нерасторопных «медведей».

Вязкая масса без труда повалила биоников, накрыла их с головой и помчалась дальше. Очень скоро в серой липкой дряни баражали почти все дактианцы на левом фланге и в центре. А правофланговые поспешили отходить к скалистой гряде – восточной стене базы.

Хауэр скомандовал подъем и группа рванула прямиком к пятому корпусу. В этом забеге мароманы не потеряли ни одного бойца и Макс ещё раз поблагодарил вильдеров за взорванные баки с биомассой.

В пятом лабораторном блоке мароманы попытались как-то сопротивляться несколько бойцов охраны, но эту проблему штурмовики решили в три секунды. Ещё полминуты ушло на осмотр помещения – по дактианской традиции единого, и секунд десять захватчики потратили на выбор позиций для обороны здания-панциря.

- Крепкие стены это хорошо, - констатировал Бозе. – Но силовое поле будет лучше.
- Могло быть лучше, - уточнил Макс.
- Будет, - Борис щелкнул пальцами и сделал шаг в сторону, открывая командору вид на знакомую любому мароманну-воину установку – мобильный генератор силового поля. Обычно такие генераторы ставились на машины огневой поддержки.
- «Двести пятый», проверь, можно ли его активировать, - мгновенно сориентировался Хауэр и уже после спросил: - Откуда здесь наш генератор?

- Трофей, - ответил Бозе и «преданно» уставился на командора.
- Сам понимаю, не дурак, - поддержал его буффонаду Макс. – Зачем он дактианцам?
- Подзаряжать оружие и наноботов... - всё ещё изображая господина

Прямолинейность, ответил Бозе, но затем сменил тон. – На последней стадии эксперимента подопытных мароманнов надо приводить в нормальный вид, а как это сделаешь, если наноботы разряжены?

- Стоп, стоп, доктор, сдай назад, я что-то пропустил. Начни с того, на чем мы остановились в четвертом блоке.

- Мы остановились на том, что «замороженных» отправляли по пневмотрубе сюда, в пятый.

- Это так? Ты нашел подтверждение?

- Да, нашел. Несколько капсул стоят на ленте транспортера с этой стороны замурованной трубы. А ещё я нашел вот это, - Бозе указал на вырост в форме стола с ложем анатомической формы. Над ним висел какой-то омерзительный модификант, похожий на облезлую, покрытую плесенью птицу с длинны клювом. И этот «клюв» упирался точно в центр лба лежащему на столе человеку. Чуть ближе на уровне глаз висела объемная проекция на которой изображались какие-то графики и написанный по-дактиански текст. – На изучение нет времени, но мне, как доктору, и с первого взгляда ясно, что это дактианский аналог машины для психовоздействия. Ну, там, знаешь в психиатрии, да в тайной полиции используют – кого-то подлечить от стресса или избавить психической травмы, а кому-то промыть мозги. Раньше с этой целью отправляли кого-то в санатории, а кого-то в «лагеря для переформатирования», а теперь всё стало проще – засунули в мозгомойку и порядок! Сплошная экономия средств.

- Твой сарказм понятен, Борис, но сейчас не об этом, - остановил приятеля Макс и окинул взглядом стоящие поодаль аппараты той же конфигурации, что и ближайшая машина для психовоздействия. В общей сложности их насчитывалось полтора десятка. И на всех лежали подопытные мароманны. – Это всё тоже мозгомойки, я верно понял?
Дактианцы промывают пленным мозги?

- Разрешите уточнить? – Рядом возник Ботаник.

- Успел разобраться?

- Так точно, командор.

- Докладывай.

- Это не аналоги наших машин для психовоздействия. Это более мощные биомашины и у них другое назначение, хотя область приложения та же – человеческий мозг. Основная программа подразумевает блокировку высшей деятельности коры головного мозга при сохранении полного объема навыков и умений. Также сохраняются все возможности синтетика-компаньона.

- Выходит, это не мозгомойки, а мозгоклюи какие-то, - заключил Хауэр. – Аккуратно выклёвывают народу мозги?

- Образные сравнения мне недоступны, командор.

- Тогда и не парься.

- Снова недопонял.

- Не пытайся понять, говорю. Спасибо, Ботаник. Найдешь ещё что-то интересное, докладывай немедленно. Иди. Нет, стой! Отключи всех этих «мозгоклюев».

- Будет шумно, - предупредил «триста первый». – Эти модорганизмы очень эмоциональны. Разрыв связей с уничтожаемым сознанием ощущается ими как острая боль.

- Надо же! Нежные какие! А что испытывают люди?

- Сначала тоже боль, но затем облегчение. Если процесс будет остановлен вовремя.

Если всё зашло слишком далеко – ничего не испытают.

- Тем более нечего тянуть, режь все связи.

Хауэр обернулся к Борису.

- Всё сошло?

- Более того, можно сказать, наступает момент истины, - Бозе вновь щелкнул пальцами, теперь включая анимированную иллюстрацию своих слов.

Делал так он исключительно редко, считая это всё баловством для детей, но сейчас отступление от правил выглядело оправданно. Возмущенные вопли отключаемых Ботаником «мозгоклюев» заглушали половину слов, а непонятные помехи мешали связи между синтетиками. Вот и пришлось доктору пойти на детские уловки – подвесить между ним и Хауэром простейшую объемную проекцию.

Максу вдруг опять вспомнился «вещий» сон, в котором ему тоже пришлось переключиться на язык жестов из-за неполадок с боевой связью. Похоже, и впрямь оказался сон в руку. Кстати, девица из сна напоминала Маритту, а тот дактианец – Сайруса Рема. Хотя, возможно, Хауэр пытался подогнать образы персонажей из странного сна под внешность реальных спутников. В любом случае, факт оставался фактом – дамочка во сне была вильдершей и вела себя ровно, как «амазонка» Маритта, а дактианец был высокомерен, как Сайрус. С другой стороны, а кто из дактианцев не высокомерен?

Хауэр как обычно зафиксировал своё внутреннее наблюдение в файле «всякая всячина или не разобранное» и переключился на Бозе. Посторонняя мысль неплохо «прочистила каналы восприятия» и Макс ощущал готовность впитывать каждое слово доктора, произнесенное вслух или прописанное в объемной подсказке. Шутка ли – момент истины!

- Слушаю тебя, док.

- Снимаю шляпу перед Ботаником, его версия оказалась правильной на сто процентов. Дактианцы будто бы выслушали всё, что он сказал, вернулись в прошлое и воплотили подсказанное «триста первым» в жизнь. Не поленюсь повторить ход мыслей «триста первого». Вырастить андроида из нашего генматериала для дактианцев не проблема, но они поняли, что им не совместить клона с синтетиком во взрослом виде так, чтобы они «сроднились». Им не написать сотни легенд такого качества, чтобы не докопалась наша военная контрразведка и тем более тайная полиция. А главное, им не удалось бы искусственно состарить и «ухудшить» тела так, чтобы их дефекты походили на натуральные – хронические процессы слишком сложны для быстрой имитации.

Поэтому дактианцы поступили проще – обратили наше преимущество в оружие против нас самих! Все мароманы имеют компаньона-синтетика, который технически увеличивает возможности разума, а ещё *полностью его копирует!* И это не резервная копия в виртуальности, которая по сути лишь файл памяти, вроде подробной видеосъемки всей жизнедеятельности связки мароманн-синтетик и отчета о физиологических и технических процессах. Копия внутри синтетика это *слепок личности!* Ну, за минусом некоторых исключительно «живых» способностей, вроде эмоций. Синтетик их имитирует, но не испытывает на самом деле. Всё это наши плюсы.

Но есть главный минус – синтетика можно *перепрограммировать* и это проще и надежнее, чем завербовать живого агента!

- Кто ж позволит его перепрограммировать? – Вырвалось у Хауэра. – Живые компаньоны вмиг схватят и сдадут такого «программиста» тайной полиции. Или сами прихлопнут.

- Вот именно, *Максим*, вот именно! Всё упиралось в мароманнов! И тогда дактианцы нашли элементарный, но гениальный выход! Они решили поступить так, как поступают наши медики с гражданами, у которых повреждены компаньоны-синтетики – только с точностью до наоборот. *Они решили отключить пленным мозги и оставить включенными только синтетиков, которых уже никто не помешает перепрограммировать!* Вот именно подготовкой к такой процедуре, а не изготовлением кадров для своей разведки и занимались здесь, в лабораториях Эпсилон-13. А биофабрика и даже часть лабораторных блоков стали только прикрытием. На самом деле все секреты хранились в четвертом и пятом блоках. В четвертом пленные мароманы погружались в отключку и уже в таком состоянии «приводились в порядок» – лишались боевых

наноботов. А дальше они отправлялись сюда, в пятый корпус, где им почти буквально «выкlevывали» кору, оставляя подкорку для управления телом. А основным и единственным разумом делали *аккуратно перепрограммированного синтетика!* Вот такой момент истины. Как видишь, ничего сверхъестественного или хотя бы особо технологичного.

- Сверхъестественная бесчеловечность, - Хауэр бросил мрачный взгляд на ближайшего «мозгоклюя». – За опыты над пленными им придется ответить по полной программе. Только не перед независимыми трибуналами. Перед нами. «Двести пятый», как там с генератором?

- Порядок, командор, - робокриг показал большой палец. – Активирую!

- Отлично, - Макс поднял взгляд.

По потолку и стенам разлилось едва заметное свечение силового поля. Кроме дополнительной защиты здания, поле создавало невидимую «энергетическую среду», в которой подзаряжались все мароманские аккумуляторы, как питающие наноброню и личное оружие, так и встроенные в штурмовые винтовки. Избыток энергии очень быстро и основательно подкрепил возможности, и ярость мароманнов. Имея столько энергии, они могли уже не экономить на защите или мощности выстрелов. Все показатели по приказу синтетика командора они выставили на максимум. Это означало, что штурмовики больше не понесут ни одной потери. Зато всем остальным светило получить по полной программе.

Именно – всем остальным. Макс не собирался сортировать, кто свой, кто чужой. Даже спасенная им недавно Маритта не могла больше надеяться на снисхождение. Она рассчиталась за фланговую атаку под стенами базы и за эпизод с участием Сайруса, придержав дактианцев. Но на ней по-прежнему висел тройной должок: за отказ помочь Хауэру в Терраполисе, за провокацию с броневиком и за обстрел у выхода из штолни. Так что, если под горячую руку попадут вильдеры, Хауэр не собирался их жалеть. Дальше операция шла по личному плану командора, а значит вильдеры, как и дактианцы на живой базе Эпсилон-13 стали в его новом плане только мишенями и больше ничем.

Настроился Хауэр решительно, но реализацию нового плана с кодовым названием «всем сестрам по серьгам, а братьям по разуму», ему всё-таки пришлось отложить. Неожиданно возникло обстоятельство, слегка поумерившее пыл командора. В локальном инфопространстве штурмовой группы появился уже знакомый Хауэру вильдерский сигнал. Это мало что меняло, Макс не собирался давать отбой зачистке этого дактианского серпентария, но на сформированной синтетиками проекции, атаманша банды вильдеров стояла одна, без стрелкового оружия и с поднятой рукой ладонью вперед. По правилам армии Маробода этот жест считался равнозначным белой тряпке в руке. Отказывать парламентеру в разговоре считалось недостойным, даже если ты понимал, что противник таким способом просто оттягивает час своего неминуемого поражения.

Хауэр приказал расширить проекцию, чтобы увидеть где находится запретившая переговоров Маритта. Вильдерша стояла перед юго-западным входом в лабораторный блок, в двадцати шагах от невидимой границы силового поля.

Макс нехотя приказал «прорезать» в силовом поле проход для чужого и открыть дверь лаборатории. Маритта не могла видеть проход, свечение силового купола различали только синтетики, но шагнула внутрь лаборатории уверенно. Может быть, не знала, что силовое поле включено? Или просто не знала о силовом поле, которое пропускает своих, но сжигает чужих? На Гамилькаре, наверное, об этаких чудесах и не слыхали.

Хауэр смерил Маритту снисходительным взглядом и кивнул.

- Слушаю тебя.

- Мы выполнили контракт. Шершень скоро заберет нас отсюда.

- Замечательно, - Макс усмехнулся. – И что дальше?

- Пропусти нас на посадочное поле.

- Разве я мешаю?

- Силовой купол перекрыл все подходы к полю.

Хауэр незаметно хмыкнул. Всё-таки о некоторых мароманских техночудесах слыхали и на Гамилькаре. Да к тому же, каким-то образом умели их засекать.

- Внутри базы, - уточнил Макс не показывая удивления. – Вы можете обойти с внешней стороны периметра.

- К базе подтянулись дактианцы. Несколько больших отрядов. Нам придется прорываться с боем.

- Это ваши проблемы. Скажу больше, Маритта, если вы не уйдете на этот вираж, вам придется принять бой прямо здесь, внутри периметра. Я намерен зачистить базу.

- Мы не враги, - Маритта недобро прищурилась. – Мы помогли тебе. Дважды. Благодаря нам ты высадился на Терранову, а за счет болота из биомассы выстоял в крайней ситуации.

- И трижды подставили: в городе, в тоннеле и в лесу. А под стенами базы вообще атаковали. Пока баланс плюсов и минусов не в вашу пользу. У тебя десять минут, Маритта, время пошло. Не уйдёшь, пеняй на себя.

- Ты вынуждаешь меня поддержать дактианцев, Хауэр.

- Это не поможет ни тебе, ни Сайрусу. Он еще жив? Мы уничтожим вас всех вместе с модорганизмом базы и секретной аппаратурой. Используй свой шанс, Секира. Осталось девять минут.

- Ты не прав, Хауэр. Мы больше не при делах. Мы отработали свой контракт и теперь просто случайные прохожие.

- Командор! – Вдруг позвал «семьсот десятый». – Экстренная информация. Высший приоритет!

- У меня дела, Маритта, - подыточил Хауэр и демонстративно развернулся к ней спиной.

- Командор, у нас всё готово, - доложил Бозе. – Все «мозгоклюи» отключены, криокамеры завершили цикл пробуждения пациентов, силовой коридор до четвертого корпуса сформирован, робокриги готовы. Придется им побегать, конечно, перетаскивая «размороженных» и «недоклеванных» на закорках, сами пленники пока слишком слабы, но это не проблема, было бы куда перетаскивать. Желательно на борт медицинского космобота.

- Я понял, док, пусть перетаскивают «размороженных» сюда. Космоботов поблизости нет. И пока они не прилетят, нас будет прикрывать силовой купол. И дактианские секреты.

- Шершень летает на «виктории», на ней уместятся все, - подала голос Маритта.

- Ты еще здесь? – Хауэр мельком взглянул на вильдершу и отмахнулся. – Ты напрасно теряешь время, Секира.

Он сосредоточился на сообщении робокрига, а упрямой вильдершой занялся Бозе. По-хорошему её следовало просто вышвырнуть за дверь, но доктор оказался слишком интеллигентен, чтобы обращаться с женщинами подобным образом. К тому же, предложение Маритты показалось ему интересным. Если нельзя выбраться штатным способом, то почему бы ни воспользоваться попутным транспортом? Хауэр мог храбриться сколько угодно, но с горсткой бойцов он фактически находился в ловушке. И тут не имело значения, зачистит он базу со всеми потрохами или оставит секретную начинку в целости и сохранности. Рано или поздно получившие серьезное подкрепление дактианцы вскроют силовой купол и тогда штурмовикам не поможет никакое прикрытие из ценной аппаратуры. Дактианцы скорее уничтожат её сами, чем будут тратить время и нервы на осаду захваченной мароманами «черепахи».

- У нас почти сотня пассажиров, *сударыня*, - заметил Бозе. – Насколько я помню, «виктория» не настолько вместительный корабль.

- Это смаглерское судно. Шершень переделал его трюм в отсек для перевозки пассажиров. Теперь при желании на этой «виктории» могут путешествовать даже две

сотни человек.

- «Путешествовать», - Борис, казалось, посмаковал это слово. – Вы романтичная натура, *барышня*. Когда прилетит ваш приятель?

- Вообще-то ему следовало прилететь час назад, как только мы отправили сигнал...

- «Виктория»? – Бозе на секунду задумался. – Сутки назад с одним смаглерским кораблем этого класса случилась крупная неприятность. Он взорвался поблизости от главного портала на орбите Террановы. Может, это был корабль вашего Шершня?

- Нет! – Маритта заметно побледнела. – Надеюсь, что нет.

- Вы ещё и эмоциональная натура, - Бозе усмехнулся.

- Доктор, включи командирский канал, - закончив совещание на закрытом канале с робокригом-адъютантом и будто бы с кем-то ещё, приказал Хауэр.

- У нас заработала связь с инфопространством Маробода?

- Вроде того, - на лице у Макса отражалась странная гамма эмоций.

Даже опытный физиономист Бозе не сразу понял, в чем дело.

- Это как «вроде того»? – Удивился доктор, включая и настраивая связь. – Что это за «слегка беременна»? Гиперсвязь штука простая. Или она есть, или её нет... О-о, кого я вижу! Я знал, что ты жив. Чувствовал! Здравствуй, Руперт!..

... - И тебе не хворать, доктор, - ответил оберкомандор Руперт Герцог.

- Как тебе удалось выжить? И что за странный канал ты используешь? Это нелегальный инфопоток в сети дактианцев? Но ведь наши форматы не совпадают!

- Борис, я уже рассказал Максу... - Руперт запнулся. – Ладно, ты такой зануда, что проще рассказать. Но только вкратце! Это действительно так называемый «независимый» смаглерский инфопоток. А как они стыкуют форматы и взламывают защиту я не в курсе, я просто пользуюсь тем, что попалось под руку. А выжил я по счастливой случайности. Когда «Демон» начал разваливаться на части, меня выбросило точнехонько в сторону проходившего мимо смаглерского «тора».

- Однако «торы» это судьба всех Герцогов, - заметил Борис. – Одного «тор» погубил, другого спас?

- Надеюсь, когда подрастут мои дети, на ходу не останется ни одного «тора», - Герцог нахмурился. – Не хочу больше искушать судьбу. Короче говоря, капитан судна не только спас меня, но и любезно позволил связаться с вами.

- Любезно? – Бозе недоверчиво хмыкнул. – За какую сумму?

- Это входит в общую стоимость.

- Так ты его нанял?

- В положении о практике стратегической разведки допускаются и такие методы работы.

- И денег вам выделяют не меряно, - Бозе кивнул, - понимаю. И что ты будешь делать дальше?

- Руководить операцией, конечно! – Руперт всплеснул руками. – Мы ещё в строю, а значит, ничего не потеряно. Макс рассказал мне о ваших находках и я довел ему свои соображения. Надо непременно сохранить для изучения нашими специалистами хотя бы содержимое пятого блока, хотя бы «мозгоклюев», как вы их назвали. Поэтому вы не должны взрывать лаборатории. Вам надо продержаться до прибытия спецов и подкрепления.

- Но долго продержаться мы не сможем, - вмешался Макс. - Наше преимущество тает на глазах. Дактианцы получают подкрепление. Мои наблюдатели засекли два десятка больших посадочных ботов космодесанта. Все приземлились неподалеку. От штурма их пока удерживает только одно – надежда сохранить всю эту уникальную начинку лабораторий. Но как только они поймут, что мы можем прорваться и вывезти с Террановы «мозгоклюев» и «размороженных» пленных, они навалятся всей толпой. А если не получится взять нас штурмом, жахнут крупным калибром прямо с орбиты. И тогда нас не

спасет никакой силовой купол.

- Я всё понимаю, Макс, но и ты пойми. Всё, что вы нашли, это не только ценные разработки, это ещё и весомый политический козырь. Прямые доказательства, что дактианцы проводят опыты на пленных дадут нам огромное преимущество. В первую очередь, мы заручимся поддержкой сайтенов и даже сумеем поколебать уверенность фортанов, что Аррадакт в нашем конфликте это светлая сторона, а мы – темная.

- Фортаны называют нашу сторону красной.

- Суть та же. Вы далеки от политики, но такие вещи должны понимать.

- Мы понимаем.

- Я постараюсь сделать всё, чтобы подкрепление прорвалось как можно быстрее.

Ты видел трансляцию в смаглерском инфопотоке, Макс. Наша Ударная группа завязла по уши, но шансы есть, и достаточно приличные. Несколько крейсеров уже почти проложили путь для БДК. Скоро как минимум два десантных корабля выйдут на орбиту и сбросят штурмовые боты или поддержат вас огнем прямо с орбиты.

- Быстро вряд ли прорвутся, - взорвался Хауэр, пристально разглядывая «воскресшего» приятеля. – Ты слегка преувеличиваешь. Им того и гляди придется вообще отступить. Как вариант можно вызвать транспорт из «Каменного купола», но и он сможет прилететь часа через четыре. У нас нет этого времени. Подкрепление к дактианцам прибыло и они готовы начать штурм в любую минуту.

- Да, - легко согласился Руперт. – Ты прав, брат, время не ждет. Я сам осмотрю лабораторию и приму решение. Под свою ответственность. А если не останется выбора, то хотя бы вывезу вас и аппаратуру.

- Если тебе хватает полномочий... - Хауэр пожал плечами, - и места в корабле, добро пожаловать.

- Полномочий у меня предостаточно, не волнуйся, - Герцог ухмыльнулся. – А в корабле... сколько там у тебя бойцов и пассажиров?

- Нас осталось пятнадцать, а пленников... около сотни.

- Набьёмся плотно, но поместимся как-нибудь. Иду на посадку. Надеюсь, ты перерезал нервы системе ПКО?

- Первым делом, - Хауэр кивнул. – Ждем тебя... брат.

Командор перевел связь в режим ожидания и вопросительно взглянул на Бозе. Доктор многозначительно округлил глаза, коротко развел руками и кивнул. Хауэр скривился, огорченно вздохнул и нехотя кивнул в ответ. Даже Маритте стало ясно, что по результатам разговора с Герцогом, командор и доктор пришли к единому выводу и этот вывод им не нравится. Особенно удрученным этим выводом казался Хауэр.

- А на чем прилетит твой брат?

Макс обернулся и обнаружил, что Маритта по-прежнему внутри блока.

- Твоё время вышло, - Хауэр нахмурился.

- Он прилетит на смаглерском «Торе», - вмешался Бозе и вновь обернулся к Максу. – Ты заметил, как он ориентируется в местных независимых инфопотоках? Всё опять сходится! Момент истины номер два!

- Давай, подождем посадки, - перебил его Хауэр.

- Да-а, «Тор», конечно, не такой большой, как «Виктория»... - Маритта разочарованно вздохнула, но тут же спохватилась. – Но Шершень говорил, что и его можно приспособить для контрабандных пассажирских рейсов. Он даже показывал, куда можно пристыковать дополнительный модуль.

- Показывал? – Бозе с недоумением взглянул на вильдершу. – На схеме?

- Зачем на схеме, прямо так, через иллюминатор, пальцем ткнул и говорит: вот здесь лишний стыковочный узел. Как раз для дополнительного модуля. Это случилось когда мы к Терранове прыгнули. Мы ведь целые сутки в прыжке висели, делать было нечего, вот Шершень и рассуждал.

- Это вы откуда-то издалека прыгнули. Но ведь Шершень летал на «Виктории».

При чем здесь «Тор»?

- А он у нас на буксире висел. Обугленный такой. Со стороны – металлом, но Шершень, когда нашел, решил его с собой прихватить... старьевщик! Но выходит, прав оказалось Шершень, стоило эту рухлядь за собой тягать. Вот, сначала другу вашему пригодилась, а теперь и нам поможет.

- Почему ты решила, что наш друг находится на борту именно этого «Тора»?

- Не знаю, - Маритта пожала плечами. – Может, потому, что уловила сигнал Шершня? Он тоже снижается прямо сюда, но вы, как я понимаю, видите только одну отметку на радарах?

- У нас лет сто, как нет радаров, только сканеры... - заметил Хауэр. – Секира, не вынуждай применить к тебе грубую силу, уходи сама, пока я...

- Если упростить – да, мы видим лишь одну отметку, - вдруг смело перебил командора доктор Бозе. Ну просто, как отважный компаньон-синтетик, когда тот осмелился встряхнуть Хауэра под огнем вблизи пасти гигантского модификанта. – Значит, наш друг и твой Шершень летят на одном корабле. Зачем Шершень подобрал нашего друга, как считаешь?

- У него и спросите, - Маритта пожала плечами. – Ну так что, спасением вашего приятеля Шершень выровнял баланс? Все обиды компенсированы? Упорхнем отсюда все вместе?

- С такой поэтичной девушкой лично я действительно готов «упорхнуть», - Борис галантно поклонился.

- Вы для меня староваты, доктор, - Маритта снисходительно скривилась. – А что «упорхнуть»... ну, а как тут ещё скажешь, если корабль называется «Стальная бабочка»?

Под куполом лаборатории воцарилась такая тишина, что Маритта напряглась и даже задержала дыхание, а затем схватилась за нож и складную секиру. Видимо, решила, что ляпнула нечто запретное и за это сейчас её будут крепко бить.

Но мароманы не тронули вильдершу. Выйдя из оцепенения они многозначительно переглянулись и кивнули друг другу, будто бы мысленно сказав: «вот теперь и впрямь наступает момент истины». Правда, Хауэр всё равно как бы добавил «приземлится, увидим своими глазами, тогда и решим всё окончательно». И на этот раз Бозе не стал возражать или своевольно перехватывать инициативу.

Очередная отсрочка решения Маритте не нравилась, но ей хватило ума больше не раздражать слух и не мозолить глаза Хауэру. В принципе, то, что он до сих пор не вышвырнул вильдершу из лабораторного блока уже следовало считать положительным результатом. Так что, стоило набраться терпения и тоже дождаться приземления «Стальной бабочки».

Изрядно потрепанный и местами обугленный смаглерский «тор» считался как бы нейтральным кораблем, но всё-таки произведен был мароманами, да и вооружение на борту имелось, поэтому живые пока системы оповещения противокосмической обороны базы Эпсилон-13 буквально взвыли, когда жженая посудина приземлилась на небольшом посадочном поле в сотне метров от замшелого купола лаборатории. Чего больше в этом вое, возмущения, страха или обиды, понималось в трудом. Наверное, всего поровну. Главный разум базы возмущался, что какие-то двуногие, покрытые железной оболочкой паразиты повредили системы наведения больших гравиков и зенитных плазмопушек-драконов, плюс он боялся, что мароманский корабль разрушит что-нибудь ещё. А обижался он на хозяев, которые толпились неподалеку от базы, и запросто могли перехватить вражеский корабль, но почему-то не спешили приходить на помощь модорганизму.

Мароманы едва не оглохли от этого воя. Ведь огромная глотка модорганизма находилась неподалеку, буквально в полусотне метров от лабораторного здания. Слава

высоким технологиям, Ботаник довольно быстро устранил помеху. Робокриг нашел и перерезал нервный пучок, идущий к голосовым связкам монстра и всё обошлось. Слух все сохранили. Хотя неприятное шипение лишенного голоса, но не прекратившего возмущаться гигантского организма ещё долго создавало звуковой фон. Вот под этот аккомпанемент и сошел с трапа обугленного «тора» оберкомандор Руперт Герцог.

- Рад видеть вас всех снова, - Герцог изобразил на лице искреннее удовлетворение, но узор почти не изменил. Видимо, подчеркнул, что важно не как и почему уцелели все присутствующие, а ради чего – исключительно ради новых свершений. – Где ваши находки? В этом куполе?

- Иди за мной, - Хауэр ещё раз окинул взглядом «тор». – Сканеры показали, что там есть ещё кто-то.

- Естественно, - Герцог обернулся. – Эй, смаглер! Выходи, не бойся.

Из корабля выглянул человек в униформе космического бродяги – то есть, без всякой униформы, одетый во что попало и без малейших признаков наноузора на лице. Это выглядело непривычно, что из мароманинского корабля выглядывает какой-то дикарь, но внимание Хауэра привлек не этот факт. Синтетик мгновенно выдал целое досье на этого смаглера и особо подчеркнул, что контрабандист по кличке Шершень никогда не совался в спорные зоны и уж тем более не связывался с представителями армий конфликтующих сторон. Все моменты, когда он попадал в поле зрения мароманиской разведки или пограничной службы (откуда и досье) следовало считать относительно безобидными эпизодами вдалеке от «горячих» пространств и планет. Всё когда-то случается впервые, но Хауэру не нравилось, что Шершень так резко сменил окраску. Был нормальным контрабандистом, а стал вдруг корсаром-наемником на службе Народной Диктатуры Маробода. Причем сделал это именно здесь и сейчас. С чего вдруг?

Уловив сомнения Хауэра, синтетик командора тотчас приставил к Шершню робокрига. Смаглер отреагировал на эту предосторожность ухмылкой, а Герцог, похоже, ничего не заметил. Он весь погрузился в работу, спешил всё увидеть и во всем разобраться – просто бери и выкладывай в Инфопространство Маробода, а то и прямиком в Общегалактическую справочную сеть, как эталон целеустремленности. Нет, казалось неплохо, что Герцог так серьёзно подходил к проблеме. Только Хауэр ему не верил. Руперт явно играл на публику и сильно переигрывал.

- Ну что ж, всё, как я и думал, - бросив беглый взгляд на прозрачные коконы, на обмякших «мозгоклюев» и на укутанные серебристыми одеялами «образцы продукции» этой «мозгоправной мастерской», сказал Герцог. – Приказываю готовить главное оборудование к вывозу на Маробод. Будем использовать разработки врага против него самого. В политическом смысле, конечно.

- А мы сможем? – Хауэр хмыкнул. – Чтобы показать, как работают «мозгоклюи» нужна не только биомасса для их питания. Нужно подключить их к модорганизму. Сами по себе они только запчасти. А монстр под названием Эпсилон-13 держится корнями за местный грунт. Ведь это гибрид животного, растения и гриба. Выдрать его со всеми корешками и мицелием не получится.

- Нам важно получить ключевые детали, - уверенно заявил Герцог. – А организм смоделируем. Это не проблема для наших ученых.

- Для каких наших ученых? – Неожиданно вмешался доктор Бозе. – Для служащих ИВИ – института военных исследований? Они не потянут такую задачу, могу спорить на миллион. Или у тебя есть другие ученые на примете?

- Как и положено представителю некондииции, ты недооцениваешь нашу науку, Борис, - Руперт покосился на Момо, который замер позади доктора. – На самом деле мы способны не только строить отличные боевые корабли и делать хорошее оружие. Воспроизвести биологический процесс в технологическом виде это тоже...

- Набор слов! – Оборвал его Бозе и вдруг подмигнул Хауэру.

То, что случилось дальше, стало для Герцога полнейшей неожиданностью. Два

живых бойца крепко взяли его под руки, а один из робокригов прижал ладонь к груди Руперту, подключился напрямую, минуя синтетика, к защитной оболочке и заблокировал оружейные колонии наноботов. Теоретически Герцог мог легко отменить приказ робокрига, но почему-то не сумел этого сделать, словно его личного синтетика тоже заблокировали.

- Что, Руперт, не получается? – С усмешкой спросил Бозе. – Догадываешься, в чем причина? Параграф семьдесят девять офицерского приложения к уставу армии Маробода. «Задержание офицера по подозрению в предательстве решением офицерского совета подразделения, действующего автономно».

- Что происходит? – Руперт побагровел и вытаращился на Бозе, а затем перевел гневный взгляд на Хауэра. – Что за шутки? Вы что себе позволяете?!

- Мы позволяем себе арестовать предателя… брат, – спокойно, даже слишком спокойно, ответил Макс. – Слыши, ты уже жалуешься в штаб? Что ж, мой синтетик тоже вошел в контакт со штабом. Спасибо тебе за канал связи с нашим инфопространством. И я подключаю к командирской линии доктора Бозе. Нет, не потому, что он наш с тобой, Руперт, старый друг. Борис объяснил всё более складно, чем я.

- Уж постараитесь объясниться! – Слегка невпопад выпалил Герцог. – У нас слишком мало времени на всякие глупости!

- Выражение «слишком мало» и есть глупость, – заявил Бозе. – А ещё было глупо, Руперт, прилетать сюда на «Стальной бабочке». Это ведь она? Корабль твоего отца, который пропал четверть века назад где-то в опасной близости к Пеклу? Капитан, это так?

- Вроде того, – нехотя подтвердил Шершень. – Я карфакс не изучил пока. Недавно на его мостице.

- Это так, – Бозе удовлетворенно кивнул. – Ты всегда был сентиментальным, Руперт. Я помню, как трепетно ты берег память об отце. Это тебя и подвело. Впрочем, всё по порядку. На самом деле Хауэр позволил мне пользоваться командирской связью не сейчас. Сделал это он гораздо раньше, ещё на «Бронезвезде», когда пришел ко мне в отсек после того, как получил от тебя, Руперт, задание не по специальности. То, что ты отправляешь своего друга, штурмовика, на диверсионное задание стало первым тревожным звонком. А то, что ты так и не признался Максу, в чём скрытый смысл этого задания – ударило в колокол. Но всё равно мы с Хауэром понятия не имели, что тебе нужно.

- А теперь имеете? – Герцог злобно зыркнул на Бозе. – Ну-ну! Сыщики доморощенные! Мало я вас в детстве гонял!

- Кто кого гонял? – Хауэр усмехнулся. – Помолчал бы.

- Теперь мы знаем, Герцог, что ты имел свой интерес к модифицированному организму Эпсилон-13 и собирался вывезти его целиком или хотя бы частично. Только вовсе не на Маробод, а к смаглерам. Вся операция была инсценирована, чтобы добраться именно до Эпсилона-13. Первое подозрение, как я и сказал, возникло ещё в момент постановки задачи на борту «Бронезвезды», второе – когда ты так и не признался, зачем всё это затеял, а третий звонок прозвучал, когда ты, Герцог, подвёл Хауэра к мысли о запасной точке высадки в районе Эпсилон-13. Укрепились наши подозрения после первой подставы – «опережения графика». Мы вышли в пространстве Террановы на два с половиной часа раньше срока. То есть, ты, Герцог, заранее решил уничтожить «Демона» после высадки штурмовиков и таким образом замаскироваться. Что ж, это правильная мысль, да и провернул ты всё грамотно. А то, что ты больше не мог командовать Хауэром напрямую, тебе ничуть не помешало. У тебя в руках оставалось достаточно рычагов для управления ситуацией. Тебе требовалось перебросить штурмовиков на планету и при этом убедить Хауэра, что ему не следует придерживаться плана операции – то есть, ещё раз подспудно подтолкнуть Хауэра к Эпсилону-13, а заодно добавить второй слой в свою маскировку – и ты сделал это. Красиво сделал, с помощью каскада подстав и провокаций в исполнении вильдеров и дактианцев. Ты знал, как они ведут себя в подобных ситуациях, положился на их предсказуемость и не ошибся. Особенно тебя порадовали дактианцы.

Мало того, что невольно помогли Хауэру без особых проблем высадиться на планету, они фактически сами взломали оборону этой базы. Оставаясь за кулисами ты умудрился руководить операцией не только в целом, но даже в частностях. Например, ты направил нас именно в лабораторный блок, поскольку заранее приказал вильдерам захватить инженерную башню. И ты отлично понимал, что дактианцы будут биться в первую очередь за главный бастион. Что нам оставалось? Только лабораторное здание. Ты всё придумал просто и надёжно. Эффектное появление «воскресшего друга» тоже вполне укладывалось в сценарий и не вызвало бы у нас подозрений, но... к сожалению для тебя, Руперт, мы к этому моменту уже догадались, что всё это спектакль. А понять это нам помогло содержимое лабораторий. За такой куш – а ведь если подумать немного, это возможность управлять войной и подняться над двумя расами! – ты вполне мог пойти на риск, дружище. Уж мы-то тебя знаем.

- Полнейший бред, - Герцог фыркнул. – Как можно «управлять войной» с помощью этих безмозглых живых кукол? Что ты несешь?!

- Я несу людям истину, - Борис усмехнулся. – Дактианцы-синтетики в шкуре мароманнов это вовсе не безмозглые живые куклы... хотя по сути так оно и есть. Это настоящая находка! Это Идея с большой буквы! Простая, как мычание, но запредельно эффективная! Просто удивительно, даже поразительно, что на Аррадакте только сейчас додумались до этого мощнейшего хода. Всё, что наша тайная полиция называет «некондицией» и «пятой колонной» – детский сад в сравнении с армией диверсантов, неотличимых от чистокровных мароманнов. Мало того, что их будет крайне трудно выловить, сам факт их присутствия в нашем обществе вызовет опаснейшую реакцию. Паранойя, истерия, паника... всё это ударит по Марободу сильнее, чем любое оружие и даже действия самих диверсантов-оборотней. НДМ рухнет в считанные месяцы.

- Я не собирался обрушивать Маробод!

- Ага, значит, в целом ты признаешь свою вину, только в частностях ещё упорствуешь, - Бозе прицелился в Руперта пальцем.

- Ничего я не признаю!

- Конечно, ты не собирался обрушивать только Маробод. Ты и Аррадакт хотел прижать. Правда, для этого могли потребоваться другие технологии, ведь у дактианцев нет в голове синтетиков-компаньонов. Но лиха беда начало! Ведь если можно превратить наше преимущество в слабость, если можно «выклевать мозги» и «переформатировать» синтетиков у мароманнов, почему бы ни оттолкнуться от базовой «Идеи Перевертышей» и не применить её к дактианцам? Их сила в том, что они умеют выращивать модифицированные организмы с заданными свойствами, а главное – способны произвести на свет неотличимых от оригинала клонов. Это строжайше запрещено во всех цивилизованных мирах, но ведь и опыты над пленными запрещены. Если закон нарушен дактианцами, значит, они и сами вне закона. Произвести на свет копии дактианцев, преданных лично тебе – чем не отличное развитие идеи обращения преимуществ в недостатки? Аррадакт раскачать, конечно, труднее, чем НДМ, даже имея армию клонов-проводников, но ведь можно. А если не выйдет, тоже не беда. Постепенно твои оборотни могли бы проникнуть во влиятельные структуры и ты стал бы дергать за ниточки. Заманчивая перспектива. Но... ты прокололся, Руперт. Знаешь, на чём? Ты недооценил умственные способности старых друзей.

- Всё я правильно оценил. Вы слишком высокого мнения о своих способностях. На самом деле они у вас так себе... - Герцог зло усмехнулся. – Всё, что ты пытался мне предъявить, Бозе – плод твоей буйной фантазии. На самом деле это я раскрыл сейчас заговор, а не вы с Хауэром. И главный фигурант заговора против меня, а значит и против Стратегической разведки армии Маробода, стоит сейчас позади вас! Вы ведь использовали кифера Момо как партнера по разгадыванию несуществующей головоломки, не так ли? Это может выйти вам боком, тайная полиция не одобрит сотрудничество с кифером на таком уровне.

- Руперт, ты утомил своими страшилками, - морщась, прервал Герцога командор Хауэр. – Смени ролик. Байки про тайную полицию больше не работают. И хватит передергивать, сваливать с большой головы на здоровую. Кифером ты не прикроешься и с толку никого не собьёшь. Ты по пояс в машинном масле и опасаться тайной полиции следует тебе, а не нам.

- Снова фантазии, - Герцог скривился. – У вас нет ни одного доказательства...

- Кроме «Стальной бабочки», - Бозе указал на Шершня, – и вот этого свидетеля. Ты ведь Шершень, да?

- Он самый, - капитан чуть втянул голову в плечи.

Смаглеру явно не хотелось выходить на сцену. И не потому, что Шершень уродился особо стеснительным. Он явно чего-то боялся. Но не гнева и мести Герцога. Как раз на Руперта он посматривал, как на пустое место, видимо считал своего бывшего пассажира вошедшим в атмосферу метеоритом, который пока не упал и не сгорел, но вернуться в открытый космос ему не светило. Шершень боялся кого-то или чего-то другого.

- Итак, Шершень, ответь всего на один вопрос: ты случайно подобрал Герцога?

- Ну, вообще-то он и не валялся, чтоб его подбирать, - Шершень пожал плечами. – Вылетел из шлюза «Демона» и прямиком к нам на борт. Мы заранее позицию заняли, чтобы он без проблем перепрыгнул... ну, чтоб одного ранца хватило в форсированном режиме. Всё рассчитали и зависли.

- Ты трижды применил множественное число, - Уцепился доктор. – Ты имел в виду бортовой синтетический разум «Стальной бабочки»?

- Там... проблемы с разумом, - признался Шершень. – Системы работают, навигация, автопилот и всё такое, но общей оболочки нет, всё по отдельности.

- Как же ты подключаешься к кораблю?

- Никак, - Шершень пожал плечами. – У нас такое часто. Да и нет у меня возможности подключаться, я ж не мароманн, компьютера в мозгах не имею.

- Чего не имеешь? – Вдруг слегка озадачился Ботаник.

- Синтетика, если по-вашему, - пояснил Шершень. – В наших краях половина кораблей без разума обходится. От силы навигаторов имеют с хорошей программой, ну, с которыми поболтать можно на досуге. А в целом за корабль мы сами думаем. Так оно и нам спокойнее.

- Дикари, - Хаур вздохнул. – Но это всё лирика. Кого в таком случае ты имел в виду, когда говорил «мы»?

- Ну, этого... - Шершень кивком указал в сторону выхода из лаборатории. – Хозяина посудины. Я ведь только шкипер, говорю же, по найму.

- Хозяина? – Хаур и Борис переглянулись.

Во взглядах у обоих читалось сомнение. Дело в том, что биосканеры не показывали присутствия на борту «Стальной бабочки» ещё кого-либо живого. Хозяином мог быть автономный синтетик, вроде инженерной версии робокрига, проданный когда-то вместе с кораблем, но... если это действительно «Стальная бабочка», версия выглядела сомнительно. Ни в рассказах Руперта об отцовском корабле, ни в документах не упоминалось об инженерных роботах на борту. Появился позже? Когда успел?

- Синтетик, отправь трех робокригов на борт «тора», - негромко пробормотал Хаур. – Задача – найти третьего члена экипажа. Возможно, это робот.

Синтетик-компаньон, как обычно, напомнил Максу, что команды можно отдавать мысленно, вслух дублировать их необязательно, и отправил на борт «Стальной бабочки» трёх робокригов, а с ними последний десяток флигов. Времени на тщательный обыск корабля синтетик Хауэра отвёл мало, но роботы не возмутились. Не умели.

- А мы пока закончим здесь, - сказал Борис. – Руперт, не возражаешь?

- Даже настаиваю, - заявил Герцог. – Мне надоел этот фарс. Слова этого смаглера ничего не значат, а на борту вы никого не найдёте. Так что, или предъявляйте реальное

обвинение, или отпускайте. Руки затекли.

Руперт обвел всех полным презрения и даже торжествующим взглядом, но вдруг остановился на Момо. Со стороны казалось, что произошло невероятное – Герцог первым из людей понял, где у кифера глаза и уставился в них, надеясь выиграть у жука в «гляделки». Вряд ли всё обстояло именно так, но Руперт замер, словно в стоп-кадре.

Превратился в подобие уродливой статуи и Момо. Впрочем, кифер недолго оставался неподвижным. Несколько секунд спустя он начал совершать мелкие, едва заметные телодвижения, издавать какие-то малоприятные звуки, потирая лапы и поскрипывая пластинами панциря, и принялся делать что-то ещё, ведомое лишь Бозе, который вмиг променял роль народного обвинителя на роль переводчика.

Поначалу Борис только невнятно мычал, будто бы подбирая слова и нужные интонации, затем он откашлялся и выдал первую фразу, которая поставила точку над первой «и» в длинном ряду.

- Момо видит его прошлое и его эмоции. Это не мысли, это их основа. Причина, а не следствие.

- Момо подключился к Герцогу? – Негромко уточнил Хауэр. – Интересно узнать, по какому такому интерфейсу?

- С нами так не получится, – Бозе пожал плечами. – Это всё, что я понял.

- С нами не получится? Он имеет в виду нас с тобой, или «нас» в широком смысле?

– Недоверчиво уточнил Хауэр. – Всех мароманнов?

- Скорее всех.

- Интересно! Руперт уникум? Почему же он скрывал, что может контактировать с киферами лучше, чем ты?

- Откуда мне знать?! – Борис поморщился и взмахнул рукой. – Может, он тайной полиции опасался. Что ты *доскрёбся, Максим Генрихович?* Не мешай! Кстати, Момо говорит, что ты был главным раздражителем… или как лучше сказать… главной угрозой для Руперта.

- Я? – Хауэр удивленно вскинул брови. – Ну, лет до пятнадцати ему от меня прилетало, конечно, если помнишь. Только всё это было баловство.

- Я попробую синхронно изложить, – Бозе поднял руки, как бы отгораживаясь от всего, что могло отвлечь и сосредоточился на наблюдении за Момо. – Вы друзья почти с пеленок…

- Пока всё верно, – Макс усмехнулся.

- Ч-ч! Но Руперт считает, что ты лишь формально его близкий друг. Ваши отцы были лучшими друзьями, а вы просто однокашники. И чем старше вы становились, чем больше он тебе завидовал, тем формальнее была ваша дружба. Ты знал об этом?

- Даже не догадывался. А ты? Что Руперт завидовал мне в детстве – знал. Но мне казалось, это у него прошло.

- Он и сейчас тебе завидует. Твоему героическому имиджу, раздутому новостными агентами и букмекерами в инфопространстве, твоему удачному браку, даже тому, что я общаюсь больше с тобой, чем с ним.

- Себя родного ты никогда не забудешь, – Макс вновь усмехнулся.

- Это Момо сказал, не я!

- Не понимаю, какая тут может быть зависть? Руперт практичный человек, по должности выше и служит в теплом месте при штабе.

- Он даже как бы покровительствует тебе, и прикрывает, когда ты принимаешь рисковые решения, но тайно копит на тебя компромат, – Бозе вздохнул и развёл руками. – Такой вот друг.

- Бред какой-то, – проронил Макс недоверчиво и поморщился. – На кой черт?

- На всякий случай. Кроме служебной зависти, у Руперта имеется старая обида на тебя за уведенную из-под носа невесту…

- Анна никогда не была его невестой, – Хауэр помотал головой. – Он первый с ней

познакомился, это правда, но невестой она была только моей. Кстати, тут неизвестно, кому повезло. Уступив в той борьбе, Руперт избавил себя от неприятностей в далекой перспективе. Ведь Анна и от него сбежала бы рано или поздно с каким-нибудь хлыщом из дворцовой гвардии.

- Руперт уверен, что он-то Анну ни за что не отпустил бы. Но Момо видит другую тайную занозу. Истинную причину скрытой агрессии Герцога в отношении твоей персоны, *Максим*. Ого! Я даже не знаю, стоит ли это озвучивать... это такая сокровенная тайна... оглашать её, пожалуй, будет... аморально.

- Если касается меня, плюнь на свои моральные принципы, - приказал Хауэр.

- Это не так-то просто, *Максим*, - доктор замялся. – Мои убеждения и статус не позволяют...

- Борис! Я не стану транслировать эту часть разговора, - командор обернулся к бойцам. – Робокриги, снизить чувствительность принимающих модулей. Воины, не слушать, а что услышите – сразу забыть. Приказ ясен? Шершень, тебя тоже касается.

Воины и робокриги выполнили приказ мгновенно. Шершень демонстративно заткнул уши. Борис окинул их взглядом и обреченно кивнул.

- Хорошо. Как известно, в офицеры у нас могут пробиться только люди «правильных» кровей, а он жертва инцеста, нагулянныи мамашей от родного брата.

- Иди ты! – Сдержаный обычно Макс едва не подпрыгнул на месте от удивления.

Реакция Хауэра оказалась настолько необычной, что любопытный Шершень убрал пальцы из ушей, но командор не обратил на это внимания.

- Вот представь! Этакое «происхождение» могло повлиять на генетические тесты при поступлении в Академию и Герцог устроил своему формальному отцу аварию – пришел проводить его в экспедицию и подкинул разуму «Стальной бабочки» синтоворус. Поскольку сделал это он не через инфопространство, а при непосредственном контакте, следов диверсии не осталось нигде, кроме секретного архива в личном синтетике Руперта. В результате корабль корпоративной разведки «Стальная бабочка» не вышел из прыжка. Других родичей в живых уже не осталось... если помнишь, шла большая битва с Аррадактом за планету Рондо и в ней «удачно» погибли два дядьки Руперта и дед по отцовской линии, а бабушка исчезла за несколько лет до этого в лагере для «переформатирования некондиции». В результате все тесты Герцог проходил только с матерью. Военные затребовали, конечно, генетическую карту отца в корпорации, но вместо неё мать подсунула карту брата, который к тому времени стал главой отдела кадров корпорации. А не отметить схожесть генетики матери и биологического отца, помог твой отец, *Максим*, член Наблюдательного совета Академии генерал Генрих Хауэр. Ему эта подтасовка могла выйти боком, но в те времена на фронт гребли всех подряд, «бумаг» копились ворохи, поэтому генерал Хауэр без труда засунул рапорт о «сомнительной» крови Герцога в архив, а в деле оставил только личную генетическую карту Руперта. Естественно, об этом не узнал никто, кроме самого генерала, Герцога и его матери. Хауэр-старший не сказал ничего даже тебе, *Максим*. Ведь так?

- Я запомнил бы, - Хауэр выглядел слегка растерянным.

- Старший Хауэр сделал это из уважения к памяти друга – отца Герцога, не зная, кто на самом деле устроил ему полёт в один конец. Более того, когда после успешной кибератаки противника обновлялись базы Академии, генерал Хауэр придержал часть архива, как раз с данными Герцога. В тот момент потерялось очень много данных, поэтому никаких подозрений очередная махинация не вызвала.

- Полный... привет, - Хауэр потер затылок. – Но при чём тут я? Обо всей этой темной истории я даже не догадывался!

- После смерти отца тебе достался ключ от шкафа, где случайно сохранился скелет из шкафа Герцога, - Бозе развел руками. – Ведь резервная копия базы данных отцовского синтетика хранится в твоём домашнем архиве, не так ли? В этой копии нет генетической карты Руперта, но есть воспоминания обо всех махинациях с ней. Тайной полиции, если

что, этих воспоминаний будет вполне достаточно, чтобы прижать Герцога к стенке. Даже без особого расследования и раскручивания всего клубка, Герцога могут пнуть из армии, если узнают, что он... фактически «некондиция». Кстати, даже большая, чем я.

- И поэтому он следил за мной?

- Да. С одной стороны Герцог имеет все мотивы, чтобы избавиться от такого опасного «друга», как ты, но с другой стороны не может этого сделать, пока ты не отдашь ему архив. Но прямо попросить Герцог не может, поскольку хорошо тебя знает. Ты непременно докопаешься до истины.

- Ну и докопался бы, чем это ему грозило? Я всё равно не сдал бы его, даже если бы мы разругались в пух и прах. Он ведь знает меня, как облупленного.

- Да, *Максим*, он знает, что ты человек благородный и умеешь хранить секреты. Но ведь необязательно ты можешь выдать свои, а заодно и чужие секреты по собственному желанию. Тебя может за что-нибудь подцепить на крючок тайная полиция или враги возьмут в плен и выпытывают все тайны. В том числе и эту. Поэтому Герцог наблюдал и ждал удобного момента, чтобы выудить из тебя код доступа к семейному архиву. Или на крайний случай – уничтожить тебя не вызывая подозрений.

- И вот удобный случай выпал... – подражая манере Бозе, вставил Хауэр. – И Герцог решил совместить приятное с полезным. Точнее – полезное с выгодным.

- Тавтология, но в принципе верно, – доктор кивнул. – Но операция «Терранова – Эпсилон-13» стала не первым, а последним этапом затеянной Герцогом большой провокации. Началось всё полгода назад, когда бойцы Герцога обнаружили «Стальную бабочку», отцовский корабль, пропавший много лет назад и Герцог лично прилетел на него посмотреть. Похоже, что там Руперт встретил кого-то, кто и подсказал ему, как добиться долгожданной свободы от прошлого. И сейчас этот «консультант» прячется на корабле.

- Отец Руперта? Понял, простил и дал совет?

- Сам отец вряд ли, не мог он выжить, а вот его синтетик... – Бозе почесал макушку.

– Правда, для синтетика всё равно нужен носитель – хотя бы кластер в корабельном разуме, а у «Стальной бабочки» с разумом проблемы.

- Что скажешь? – Хауэр вдруг обернулся к Шершню.

- Я? – Смаглер замешкался. – Ну, как бы... да, поймать на крючок из сокровенных тайн и секретов... это реальный сценарий. Мне так кажется. Я сам на это попался.

- Тоже на борту «Стальной бабочки»?

- Ну-у... типа того... короче, не важно, – Шерешень поспешил сменить тему. – А этот Герцог и вправду похож на старого капитана «тора». Я видел его изображение в памяти корабля.

- А тот третий, «хозяин», который сейчас прячется в корабле на него не похож?

- Да я толком его не разглядывал, – заёрзal Шершень. – Он высоченный! А эти Герцоги среднего роста. И вообще я не уверен, что он там есть. Может, просто голограмма была... не знаю. Я его не трогал, а он если чего поднимал... происходило и такое, видел сам... то с помощью силового поля. Я сначала подумал, он цену себе набивает фокусами этими, потом решил, что брезгует прикасаться, а теперь... и не знаю, что думать. Если даже ваши сканеры никого живого на борту не видят... может, и вправду голограмма была?

Хауэр вдруг замер, а затем буквально одним взглядом приказал всем свободным воинам и робокригам броситься в сторону корабля. В лаборатории, кроме командора и Бозе остались только «гости», конвой Герцога и «триста первый», неотрывно следивший за поведением модорганизма базы.

- Что стряслось? – озадачился Бозе.

- Посланные на «Стальную бабочку» робокриги и флиги не отвечают.

- А резервные копии?

- Резервные копии в виртуальности утверждают, что роботы сгорели. Причем, не в смысле – их замкнуло, а натурально, вмиг, полыхнули чистой плазмой и исчезли.

- Роботы? – Бозе недоверчиво взглянул на Макса. – Чтобы спалить их без остатка, да ещё вмиг... надо очень сильно постараться. Они даже в эпицентре ядерного взрыва не сразу сгорают.

- Отчеты резервных копий открыты, сам взгляни.

- Запросто могло быть, – вдруг сказал Шершень севшим голосом. – Я такое видел своими глазами. Были два вильдера, а потом – раз! – и только очертания из сажи на стенке. Это он... хозяин... его рук дело. Не голограмма он, выходит, а какой-то особый синтетик.

- Интересная мысль, – задумчиво проронил Борис. – Именно синтетик. Очень даже может быть.

- Любого синтетика, даже неизвестной конструкции, наши робокриги опознали бы вмиг.

- Да я не о том, – Бозе неопределенно помахал рукой. – Забудь пока. А что касается хозяина «Стальной бабочки», это вряд ли синтетик. Я склоняюсь к версии «голограмма». А робокригов спалили какие-то внутренние плазмопушки.

- Ни разу не слышал, чтобы внутри корабля монтировали пушки, – проворчал Шершень. – На кой черт? На случай абордажа? Думаю, всё-таки есть там хозяин и пушка у него не автоматическая, а ручная.

- Да что ж это за хозяин такой?! – С досадой морщась проронил Хауэр и решительно направился к посадочной площадке следом за своими бойцами.

- Максим! – Окликнул его Борис. – Осторожно! Оружие, которое создает такую жуткую, но локальную зону поражения нам неизвестно. Даже «драконы» не умеют так делать.

- Спокойно, док! – походя бросил Макс.

- Зачем рисковать? Давай, я попрошу Момо, чтобы копнул поглубже. Может, Руперт подскажет, что за «хозяин» прячется на «Стальной бабочке»?

- Не надо глубже. А вдруг глубокий «мозговой штурм» испортит ему синтетика или, не дай бог, повредит его натуральный разум? Просто спроси. Если что-то ответит, сразу сбрасывай информацию мне. Давай, работай!

- А если всё-таки потребуется копнуть?

Хауэр собрался ещё раз обернуться, чтобы ответить, но не успел. Как раз в этот момент в контакт с персональным синтетиком Макса вошел искусственный разум одного из двух робокригов личного прикрытия командора – «семьсот десятого». Робот ничего не докладывал, только транслировал картинку с посадочной площадки. Пустую картинку, если не считать изображением клубящуюся над площадкой пыль. «Семьсот десятый» запрокинул голову и Хауэр увидел «Стальную бабочку», которая уже почти ушла в зенит.

- Смылся гад! – Прокомментировал Шершень, успевший добраться до выхода из лаборатории и увидевший старт корабля своими глазами. – Всех нагрел и ушёл.

- Хауэр! – Вдруг громко, но не возмущенно, как прежде, а с какими-то странными, почти паническими интонациями, крикнул резко очнувшийся Руперт. – Макс! Пусть они отпустят! Убери кифера! Больно! Макс, я всё расскажу, клянусь!

Командор обернулся. Герцог по-прежнему стоял посреди лаборатории, и его удерживали два бойца, но остальные – то есть, Момо, Борис и Маритта почему-то пятались, словно увидели в облике Герцога нечто пугающее. Между тем, Хауэр ничего особенного не видел. Руперт побагровел, но это скорее оттого, что блажил, как последняя истеричка. А больше ничего пугающего в его облике вроде бы не проявлялось. Между тем кифер и Бозе резко ускорились, а затем ещё и отпрыгнули, как сумели, один вправо, другой влево под прикрытие лабораторных столов-выростов. Маритта тоже спряталась неподалеку от Бориса.

- Бозе! – Хауэр зыркнул на докора. – Ты всё-таки копнул?!

- Так получилось... – Борис виновато похлопал глазами. – Всего чуть-чуть! Почти не копнул вовсе! У него на что-то другое такая реакция!

Макс кивнул бойцам и они отпустили Герцога. Почему командор уступил бывшему

приятелю? Хауэр и сам не понял, почему поддался на слезливую просьбу Руперта. Может быть потому, что прозвучала она как последнее желание обреченного?

«Что за бред? – Осадил себя Хауэр. – Откуда такие мысли? Ничего ему не грозит до трибунала, мы ведь не расстрельная команда...»

И снова Хауэр не успел ни закончить мысль, ни отреагировать. Внезапно лабораторию осветила ярчайшая вспышка и всех окатило волной нестерпимого жара. На том месте, где только что бился в истерике Герцог образовался большой шар бело-голубого огня, но через миг вспышка погасла, не оставив после себя никаких следов. Ни подпалин на полу, ни дыма, ни копоти. Если бы не волна жара, командор мог бы подумать, что вспышка ему привиделась или была объемной проекцией.

Хауэр с изумлением уставился на то, что осталось от Герцога. То есть, на то место, где следовало хоть чему-то осться. Если присмотреться, вроде бы пропало какое-то пятно на полу, но по большому счету Руперт Герцог исчез без остатка...

... - Твою мать, - выдохнул Хауэр. – Вот так поворот.

- Он следит! – прошептал перепуганный Шершень. – Хозяин «Стальной бабочки»! Он обещал, что будет следить и убьёт, если что! Но ведь я ничего не знаю! Как думаете, он не спалит меня, как Герцога? А?

Шершень с надеждой уставился на Хауэра, а затем перевел взгляд на Бозе.

- Нет, - уверенно ответил доктор, выбирайся из укрытия. – Чтобы так сгореть, надо быть таким же уникальным, как Руперт. Я пока не понял, в чём была его уникальность...

- И теперь вряд ли поймешь, - подсказал Хауэр.

- Да, но... мы все не такие, это точно. Вне зависимости от расы или вида. Момо говорит, что даже он ближе к нам, чем был этот Руперт.

- Что значит, «этот Руперт»? – Удивился Хауэр. – Ты говоришь так, словно есть какой-то другой Руперт, а этот был его точной копией.

- Не совсем так, - Бозе замялся. – Это лишь версия, но... мне она кажется реальной. Герцог, каким мы его знали, исчез не сейчас, а гораздо раньше – после того, как однажды уже побывал на Эпсилоне-13. Или где-то ещё, на каком-то объекте, где проводились похожие опыты над людьми.

- Постой, ты хочешь сказать... что Герцог в какой-то момент стал таким же, как эти «замороженные»?! Что им управлял только синтетик-компаньон?! Поэтому кифер сказал, что Руперт отличается от нас и даже от него? Момо имел в виду, что у Герцога больше нет живого разума, только синтетический?

- Скорее всего, так.

- Но где и когда дактианцы могли поймать Герцога и так поиздеваться над ним? Я точно знаю, что последние полгода он ошивался исключительно во внутреннем пространстве НДМ. Во фронтовую зону даже на день не прилетал.

- А полгода назад?

- Он летал инспектировать дальнюю разведку куда-то в сторону Пекла.

- Где заодно осмотрел корабль отца?

- Ну да. И с этого, как ты предположил, началась вся история. Только при чем тут дактианцы?

- Пока не знаю, Максим. Но участие «Стальной бабочки» и её загадочного хозяина меня беспокоит. Что, если дактианцы подсмотрели идею у него? Это может объяснить не только судьбу Герцога, но и особый интерес хозяина «бабочки» к Эпсилону-13.

- То есть, дактианцы выклевали Руперту мозги, оставив «на хозяйстве» только «подправленного» синтетика, а хозяин «Стальной бабочки» воспользовался ситуацией и ещё раз перепрограммировал одинокого синтетика Герцога, теперь под себя?

- Да почему дактианцы, Хауэр, очнись! Хозяин «Стальной бабочки» и сделал это с Рупертом! Вся идея с конвертацией преимуществ в недостатки – его идея! Он отправил Герцога сюда, чтобы устранить конкурентов по новому бизнесу. Ну, или обменяться с

ними опытом, теперь мы этого не узнаем.

- По-моему, тебя понесло, док. Ты утверждаешь, что в Галактике развернулся новый бизнес – строго запрещенное во всех мирах «производство» из людей андроидов с живым телом, но искусственным разумом, а наша стратегическая разведка ни сном, ни духом?

- Если свою часть этого бизнеса на государственном уровне прикрывают дактианцы, вполне возможен и такой сценарий. Заодно в этой тени прячутся и другие экспериментаторы. И наша разведка могла всё знать, но не спешила об этом распространяться. Не верите мне, командор, спросите у Момо!

- Спросим, - Хауэр с подозрением покосился на кифера. – О многом спросим. У тайной полиции на такой случай давно заготовлен список вопросов. Только поймать кифера с поличным у них никак не получается. Точнее – не получалось.

- Момо хотел помочь! – Возмутился Бозе. – И помог! Мы докопались до истины! А ты хочешь его отблагодарить, сдав тайной полиции?!

- Чем он помог? – Хауэр холодно уставился Борису в глаза. – Тем, что вскрыл личные тайники Герцога? И чем это обернулось для Руперта? Ты странно рассуждаешь, Борис. С одной стороны, ты весь из себя гуманист, а с другой – угробить друга, пусть и повинного во всех смертных грехах, для тебя просто момент истины? Ты помогаешь какому-то жуку, и ничуть не сожалеешь, что пустил в распыл человека? Как так, Бозе? Может, Руперт был прав, когда говорил, что ты заигрался, слишком увлекся ролью свободного «некондиционного» человека и потерял настоящие ориентиры? Не идеологические, нет, просто человеческие. Подумай над этим, док.

- Ты... передергиваешь, Максим, - на лице у Бориса отразилась досада. – Мне тоже очень жаль Руперта, но... я ведь сказал – у меня имеются большие сомнения, что это был тот самый Герцог! Скорее всего, наш реальный Руперт уже давно мертв, как личность!

- Я не увидел ни единого признака, что этот Герцог был искусственным. Даже если его телом управлял одинокий синтетик, без живого разума, это всё равно был наш Руперт. Наш! А то, что сгорел он, как восковая кукла в плазменной струе...

- Ну вот!

- Ничего не значит! Этого мало, чтобы говорить, что Герцог, как личность был уже давно мертв. Даже если всё так, полгода назад он стал инвалидом. Но и только! Поэтому закончим пока, Борис. Найдёшь какие-нибудь доказательства, что Руперт был не человеком, а андроидом с искусственным разумом... и главное – что такой вариант не имеет права считаться личностью, тогда и договорим. А пока я констатирую, что вижу. Руперт связался с плохой компанией, которая не задумываясь его уничтожила, когда потребовалось спрятать концы в воду. Как они это сделали – не знаю, но спровоцировал трагедию наш допрос. Вернее, то, что мы применили запрещенный приём – ввели в игру кифера.

- Формально ты прав, но ты говоришь о взаимосвязи событий и степени нашей вины, а я – о сути проблемы! Как же тебе довести, чтобы ты понял наконец?! Пойми ты, я нутром чувствовал, что в этом Руперте не осталось души! Имелся разум-синтетик настоящего Руперта, но словно не было ничего другого! Не осталось изначальной личности!

- Это всё от твоей впечатлительности.

- Но ведь ты и сам об этом говорил ещё на «Бронезвезде». Мы решили, что Руперт прихворнул звездной болезнью, поэтому и стал таким отчужденным, словно его подменили. Но быть может, его живую личность действительно подменили синтетической подделкой?! Да к тому же *пошаманили* над её программой.

- Где доказательства, что это не фантазии? Наши с тобой личные впечатления это по сути домыслы. Где факты?

- У такой «подмены» должен быть заблокирован изначальный разум, понимаешь? То есть, при глубоком ментальном анализе выявится, что мыслительный процесс и

управление телом лежат на синтетике! А живой мозг этого андроида отвечает только за физиологию и безусловные рефлексы!

- Снова голая теория.

- Да пойми же ты, без теории не будет практики! Если вдруг окажется, что таких, как Герцог среди нас немало... - Бозе вдруг осекся и махнул рукой. – Впрочем, что я оправдываюсь? Если не доверяешь мне больше, так и скажи, я переживу.

- Откровенно?

- Как всегда.

- Я доверяю тебе, Борис, но после предательства Герцога уже не на все сто. Теперь я и самому себе не имею права доверять на все сто. А вдруг мы все давным-давно такие же, как Руперт, только не знаем об этом?

- Момо сказал, что нет.

- Ещё слово о кифере и я прикажу бросить его в силовое поле, - поморщившись, сказал Хауэр.

- Хорошо, приведу другой аргумент, - Бозе вздохнул. – Исключительно психофизиологический. Ты видишь сны?

- Вижу, - Макс кивнул. – Только спал я в последний раз, кажется, целую вечность назад. Думаешь, синтетики снов не видят?

- Думаю, нет, - доктор обернулся. – Можем спросить. Ботаник!

- Слушаю, доктор Бозе!

- Тебе снятся сны?

- Разрешите уточнить, что?

- Сны.

- Электрические женщины, - с горькой усмешкой подсказал Хауэр.

- Условный режим «сна» снижает энергопотребление и может быть использован для дефрагментации накопленной информации, - ответил «триста первый».

- Видишь, он даже не понял, о чем его спросили, - констатировал Бозе вновь обернувшись к Максу. – Так что, можешь расслабиться, ты пока настоящий, живой, бинарный.

- Это хорошо, - Хауэр кивнул. – Но расслаблюсь я только, когда мы досконально разберемся во всей этой истории. И снова доверять себе и окружающим начну не раньше. Вот такая диспозиция...

...Из всех присутствующих только Маритта, по-прежнему сидевшая в укрытии за лабораторным столом, увидела, как Ботаник переглянулся с «семьсот десятым». И вильдерше показалось, что робокриги едва заметно усмехнулись. Впрочем, скорее всего это именно показалось...

10. Смешать, но не взбалтывать

Наступление всеми силами. Сайрус полгода не слышал этой формулировки. С тех пор, как закончил предпоследнюю миссию в тылу врага на Борейском фронте. В тот раз Сайрус не совершил вроде бы ничего героического как диверсант, просто добыл кое-какую информацию, но именно разведданные группы Рема стали последним толчком к наступлению и очередному освобождению Борея. Третьему только за время службы Сайруса.

Планета переходила из рук в руки с завидной регулярностью, в боях за неё гибли тысячи приватов и тактиков, но если честно, Рем не понимал, что в ней такого ценного. Да, Борей считался условным форпостом в спокойном секторе галактики, через который корабли ходили во владения фортанов и сайтенов. Можно назвать это перекрестком караванных путей, но ведь никто эти караваны в глаза не видел, поскольку они прыгали в подпространстве. Ну, и как можно контролировать эти караванные пути находясь в обычном пространстве, да ещё на планете? Никак, о чём и речь.

А в каком-то другом плане Борей особой ценности не представлял. Атмосфера там едва годилась для дыхания, дули жуткие ветра, ископаемые имелись, но в следовых количествах. В общем, какой смысл цепляться за Борей, Сайрус Рем так и не понял.

Совсем другое дело Терранова. И расположилась планета удачно, в богатой спутниками и рудными астероидами системе с приличным по всем меркам солнцем, и от своего светила находилась ровно на таком расстоянии, чтобы цвести и пахнуть круглый год даже на полюсах. Да и с ископаемыми ресурсами здесь всё в порядке. Короче говоря, здесь имелось за что биться, но биться почему-то никто не спешил. Во всяком случае таких сражений, как на Борее здесь отродясь не бывало. Такой вот парадокс.

Так что, Сайрус смело мог считать текущую стычку самой крупной заварушкой из всех виданных Террановой. На орбите корабли двух дактианских флотов сошлись во фронтальном сражении с Ударной группой «Север», а на грунте разворачивалась достаточно крупная по меркам Террановы противодиверсионная операция. Конечно, не полномасштабная война, и даже не локальный военный конфликт, но и размеры пограничных стычек операция заметно переросла.

Сделав этот вывод, Сайрус переключился с просмотра инфопотока на дела попроще. В первую очередь на текущие водные процедуры и оперативную ситуацию. Процедуры шли полным ходом. Сайрус более-менее отмылся, а вот прочие воины ещё скоблили и терли себя и свою амуницию в душевых. В главной башне, куда отступили, а вернее – уплыли по вязкому морю, бойцы отряда Рема и десантники, стоял тяжелый запах биомассы, которая с трудом смывалась даже под сильным напором воды. Будь это обычная грязь, часть её отвалилась бы сама, после того, как высохла. Промыли бы системы наведения, да оружие и снова в бой. Но с биомассой такой фокус не проходил. Липкая субстанция высыхая превращалась с упругое желе, которое сковывало движения и склеивало пальцы, а то и приклеивало руки к бокам. Да и посторонние предметы прилипали как железные гайки к магниту.

Что касается оперативной ситуации, она будто бы тоже временно увязла в липком болоте. Кое-как отмывшийся одним из первых младший тактик Бруно примерно так и докладывал обо всём, что видел с крыши главной башни.

– Можете не спешить, тактик, – Бруно скинулся в инфопоток обзорную картинку. – Мароманы успели скрыться в пятом корпусе лаборатории. Мы взяли под прицел четыре из шести входов в «черепаху». Недоступны только южный и юго-западный. Но хотя бы юго-западный вход в панцирь должны видеть десантники и «медведи» подкрепления.

– Они тоже отступили.

– Так точно, ушли за каменную гряду. Но стрелков-то должны были оставить на скалах. Я, правда, никого не вижу. И в инфопотоке ничего нет.

– Высадились две группы подкрепления. Где вторая?

– А тоже за грядой, только за восточной. Отмываются в речке. Получается, внутри периметра только мы и остались.

– Опять нас подставляют, – вклинился в разговор младший тактик из числа молодого пополнения. Тот самый, который недоумевал по поводу бездействия охраны субпорта «Восход».

– Это называется перегруппировка сил, – назидательным тоном возразил Бруно. – Пора бы начать разбираться, тактик седьмого уровня Сепко.

– Я знаю, что такое перегруппировка, – заявил тактик Сепко. – Отвод всех сил космодесанта от базы на неё не походит. Если вы не заметили, тактик четвертого уровня Бруно, подразделение, которое действовало вместе с нами тоже отошло.

– Это как отошло? – удивился Бруно. – Командир, это правда?

– Сейчас разберемся, – Сайрус вышел из-под душа, приказал живой броне встрепенуться, чтобы стряхнуть воду и жидкие остатки биомассы, и включил прямую связь с командиром десанта, прикомандированного изначально к отряду Рема.

– Тактик Фарно, что происходит?

- Приказ командования, - в голосе у Фарно слышались нотки сожаления, но в то же время проскальзывало облегчение. Космодесантнику явно не хотелось больше купаться в биомассе и драться с мароманскими штурмовиками, а ещё больше – с непредсказуемыми и отчаянными дикарями-вильдерами.

- Вы понимаете, что оставляете нас один на один с мароманнами?

- Сайрус, я всё понимаю, - сожаления в голосе у Фарно стало чуть больше. – Но приказ есть приказ. Подожди немножко, тебе наверняка тоже прикажут отойти.

- Почему? Мы сдаём базу мароманнам?

- Не знаю, Сайрус. Моё командование просто приказало отойти на дистанцию в три броска. И там занять внутренние оборонительные позиции.

- Это значит, отойти почти на километр? Что за бред, Фарно?! И почему внутренние позиции? Командование так опасается этой кучки мароманнов и довеска из трех дюжин наемников? Или предполагается, что мароманнны высадят десант внутри базы?

- Не знаю, Сайрус.

- Но ведь десант можно сбить!

- Сайрус! Что ты меня пытаешь? Ты ведь можешь обратиться в стратком напрямую. Ну так и обратись!

- Хорошо, Фарно, отбой, - Рем вырубил связь с десантником и вновь переключился на Бруно. – Когда мы взяли главную цитадель, поступила информация, что десант будет высаживаться двумя волнами. Первая волна, в составе двух групп высадилась и помогла нам. Что случилось со второй волной? Она вообще высаживалась?

- Так точно, командир. Восемь групп высадились в пяти бросках к северу и к востоку от базы. Я держу с ними связь. Только они не собираются приближаться. Разворачивают противокосмические комплексы и занимают стрелковые позиции. Похоже, они и впрямь ждут, что к засевшим в «черепахе» мароманнам придет подкрепление с орбиты.

- Опять двадцать пять! Но ведь при такой плотности систем противокосмической обороны у посадочных ботов нет ни единого шанса! Мароманнны это наверняка понимают и не станут бросать корабли прямо в пекло! Внутренние оборонительные позиции не пригодятся. Десантников скорее надо держать на бортах челноков, чтобы в любой момент перебросить их туда, где на самом деле высаживаются мароманнны.

- Я тоже считаю, что это странная перестраховка, - Бруно кивнул. – И десантники на самом деле думают так же. Но их командование получило приказ страткома.

- Есть только одно объяснение, - вновь вмешался младший тактик Сепко. – Никакой высадки вражеского подкрепления не будет. Десанту просто приказали не выпускать никого с базы.

- Перешли на осаду? – Сайрус хмыкнул. – Какой смысл, если мы контролируем почти всю базу, кроме одного бастиона и одного строения внутри?

- Вы не поняли, тактик. Я имел в виду – никого вообще. Включая нас.

- Что за ересь?!

- Это не ересь, командир. Это что-то вроде карантина. Все, кто в курсе секретов базы должны быть заблокированы на ней. В том числе охрана, персонал и мы. В принципе – понятная предосторожность.

- К черту такие «понятия»! Я не верю! Ваш вариант не принимается, младший тактик Сепко!

- Вообще-то... Сепко может оказаться прав, - вдруг заявил Бруно. – У меня почему-то не работает связь с общими инфопотоками. Только локальный доступ в боевые и командирский.

- У меня тоже, - сказал Сепко. – Отсюда и возникла версия, что нас посадили в карантин.

- Ясно, - выдохнул Сайрус. – Пора будить задремавшего ангела-хранителя. Стратег Вита Рем, прошу разрешения обратиться!..

... - Стратком никогда не дремлет, Сайрус, - будто бы нехотя откликнулась Вита. – Что за паника, братец?

- Никакой паники. Просто мне хочется понять, что происходит? Почему ты оставляешь мой отряд наедине с мароманнами?

- Это перегруппировка, ты разве не слышал?

- Если так, почему такого приказа не получил мой отряд?

- Твой отряд, Сайрус, приписан к базе. И он уже имеет приказ – обезвредить диверсантов. В данный момент, получается, ты выполняешь свои прямые обязанности в полном объеме – находишься на базе и готовишься вновь атаковать мароманнов. Не так ли? А что делают космодесантники, извини, Сайрус, не твоя забота. Ты не стратег, чтобы вникать в общий план операции. Работай, братец, и не зови меня каждый раз, когда тебе понадобится подтереть сопли! Конец связи.

Вита оборвала поток, да ещё и повесила предупреждение «только экстренные вызовы». Сайрусу оставалось лишь скрипнуть зубами и смириться. Он так и сделал, но всё-таки в «расширенном формате» – ещё и выругался.

- Стерва! – Рем закинул на плечо гравик и потопал к Бруно.

- Не смею касаться вашего славного рода в целом, но в данном конкретном случае – согласен, – проронил боевой товарищ. – Надеюсь, нас не подставят совсем уж круто? Всё-таки стратег Рем вам близкая родня.

- Тоже надеюсь, что «совсем» в сточную канаву нас не смоют, что сестренка «поможет» мне в очередной раз обделаться и этим ограничится. Хотя... ты ведь знаешь Виту.

- Не настолько хорошо, но... вновь соглашусь... со второй частью вашего комментария. До неприятностей, из-за которых вас выгнали бы из армии, она дело вряд ли доведет. Вы поднимаетесь?

- Поднимаюсь. По лестнице, все лифты сдохли. Что видишь?

- На это лучше посмотреть своими глазами, командир, поспешите!

Сайрус очутился на крыше башни через несколько секунд. Как раз к тому моменту, когда в небе над базой и на территории вблизи Эпсилона-13 началось самое интересное. Бруно жестом помог сразу выхватить главное – в небе появился быстро снижающийся мароманнский корабль.

Рем дополнительно прорезал прозрачный лицевой щиток и приказал дать максимальное увеличение. Организм боевого костюма поднапрягся и предложил Сайрусу приближение в сорок два раза. Этого оказалось достаточно, чтобы разглядеть корабль.

Он действительно оказался мароманнского производства, класса «Тор», но вряд ли состоял на службе. К Эпсилону приближался довольно потрепанный и даже местами обугленный кораблик устаревшей конструкции. Армия Маробода списала корабли такого класса ещё лет двадцать назад.

Выходило, что это гражданское и скорее всего «независимое» судно, но снижалось оно почему-то прямехонько над военной базой дактианцев. Явно целило в посадочную площадку на южной окраине базы, сразу же за «черепахой» пятого лабораторного корпуса. То есть, судно осознанно шло на риск. Почему?

И главное, почему никто не спешил сбивать этот пережаренный «Тор»? На его приближение отреагировала только система оповещения ПКО базы. Модорганизм завыл, но через минуту резко умолк.

Сайрус в недоумении взглянул на Бруно. Тот пожал плечами. Тактики совершенно не понимали, что всё это значит. Нет, кое-что они понимали, но как это объяснить не знали. На борту жженого «Тора» к мароманнам вероятно перебрасывалось подкрепление. Маскировка военного корабля под «независимое» судно выглядела грубой и неубедительной. Да и внятной формальной причины, по которой «Тор» оправданно снижался бы именно над посадочным полем базы, не Сайрус не видел – корабль шел

ровно, не дымил и вообще, пусть имел непрезентабельный вид, казался вполне исправным. Значит, это не экстренная посадка и даже не её имитация. Что тогда? Прибытие парламентеров? Почему опять же на базу, а не в более удобное место где-нибудь неподалеку от штабного членка десантников?

Пока Сайрус пытался найти хоть какой-то правдоподобный ответ хотя бы на один из своих вопросов, а затем анализировал и отбрасывал варианты, прошло минут десять. За это время «тор» не только беспрепятственно приземлился за «черепахой», но видимо успел сделать всё, что хотел (не сам корабль, конечно, а его экипаж) и также без проблем взлетел! Ни противокосмические системы базы, ни окружившие базу десантники даже не попытались что-то предпринять.

Почему молчал Эпсилон-13 Сайрус более-менее понимал. Диверсанты или штурмовики проникли в подземелья и отыскали и пересекли нервы модорганизма, которые связывали командный пункт с орудийными системами ПКО. Об этом Сайрус узнал, когда подключился к локальному потоку службы внешней безопасности базы. Каким образом мароманы либо их наемники сумели найти эти нервные пучки? Вопрос десятый. Факт оставался фактом и косвенно подтвердился, когда враги очень быстро нашли и перерезали ещё и голосовые связки системы громкого оповещения. В анатомии модифицированного организма-базы Эпсилон-13 противник разобрался досконально. То есть, функционально база находилась полностью под контролем захватчиков, поэтому зенитная система Эпсилона-13 не сумела сбить «Тор».

Но что мешало выстрелить десантникам? Да, теперь они занимали позиции слишком далеко, за внешним кольцом скалистых кряжей, но стрелять оттуда они не могли только в одном случае – если противник подходил к базе на бреющем. Когда же он пикировал с орбиты, никакие скальные гребни и удаленность от базы не мешали.

Сайрус поднял взгляд, провожая уходящий в зенит «тор» и вдруг понял, что небо слева и справа от крохотной точки вражеского кораблика изменило цвет. Причем, слева оно просто потемнело, а справа сделалось более глубоким по окраске, почти ультрамариновым. И оба участка с измененным цветом имели четкие очертания. В темном пятне угадывались контуры мароманского крейсера, а ультрамариновое пятно напоминало тень огромного кита. То есть, Сайрус наблюдал довольно редкое явление – в стратосферу вошли сразу два больших корабля.

Первой мыслью стало предположение, что стратом всё-таки отдал приказ перехватить «тор», но не над планетой, а в стратосфере. Однако кораблик снова без проблем проскочил, теперь мимо дактианского «кита». Почему «кит» не выстрелил? Побоялся спровоцировать крейсер противника на ответный залп? Версия казалась здравой, но рухнула буквально через минуту, когда «тор» окончательно скрылся из вида. Оба гигантских пятна так и остались висеть на границе плотных слоев атмосферы. Оставалось понять, что им нужно ещё? Решили устроить дуэль? На таком расстоянии – практически «через платок»? Это выглядело чистым безумием.

– Всякое видел, – проронил негромко Бруно, – но чтобы сходились вот так, на три корпуса дистанции, да ещё в стратосфере... наблюдаю впервые. Какого дьявола они вытворяют?

– Скоро поймем, – Сайрус сказал это чисто, чтобы не молчать, но оказалось, что тактик угадал.

Первым проявил себя крейсер армии Маробода. В центре его угловатого темного контура сверкнули одновременно несколько вспышек и через мгновенье на юге, в долине между ближайшими к базе горами поднялись столбы пламени, затем в воздух поднялись фонтаны каменных обломков и пыли, а ещё чуть позже до наблюдателей докатился грохот. Крейсер дал ещё несколько залпов и огненный грохочущий коридор пролег до самой южной стены базы Эпсилон-13. Складывалось впечатление, что мароманский крейсер прокладывает путь для наступающих войск.

В принципе, предположение имело право на жизнь. Например, обугленный «тор»

разведал обстановку, на месте выяснил всё, что требовалось (ведь вражеская связь на грунте глушилась дактианскими постановщиками помех), и «лично» доложил в штаб. И теперь крейсер пытался зачистить площадку для высадки подмоги Хауэру.

«Вновь вопрос, почему «кит» даже не думает ему мешать?! – Сайрус перевел взгляд на ультрамариновый контур. – Даже на метр не сдвинулся. И непохоже, что целится в крейсер. Почему?»

Ответ на последний вопрос нашелся довольно скоро. «Кит» всё-таки прицелился, только не в корабль противника, а тоже в мишень на грунте. И этой мишенью оказался... Эпсилон-13!

Сайрус поначалу не поверил своим ушам, когда услышал хрип системы оповещения ПКО базы. А когда поверил, решил, что модорганизм с запозданием отреагировал на близкие взрывы. Но подключившись к модификанту, Рем буквально обмер. Модифицированный организм базы действительно чувствовал наведение орудий с орбиты, и это наводились орудия «кита»! Четыре больших гравика целились прямо в модификанта!

Сайрус растерянно похлопал глазами. Что всё это означает, и как быть, он не знал. Он впервые попал в такую странную ситуацию. Два корабля враждующих сторон будто бы решили уничтожить всё и вся, что есть под ними на грунте. Не разбирая, кто там свои, а кто чужие. Просто уничтожали всё подряд и делали это наперегонки.

– Я что-то не понял, – внезапно охрипшим голосом сказал Бруно. – «Кит» собрался как бы в упреждающем порядке уничтожить нашу базу? Чтобы, когда высаживаются новые мароманы, они не нашли что штурмовать?

– А мы? – С паникой в голосе спросил младший тактик Сепко. – Мы ведь здесь! Они не посмеют...

– На это и расчет, – оборвал его Сайрус, приходя в себя от потрясения. – Мароманы не знают, что «кит» прицелился в базу. Зато они видят, что мы здесь. Как и ты, Сепко, они должны думать, что стратком не прикажет стрелять по Эпсилону-13, пока на базе есть свои.

– Но ведь так и есть! Так и будет! Разве нет?!

– Если мароманы высаживают подкрепление на защищенной площадке и двинут его на выручку Хауэру, «кит» уничтожит штурмовиков вместе с базой. И вместе с нами. Мы в этой ситуации – приманка.

– Но ведь это... ужасно! Это против всех правил! «Кит» не выполнит такой приказ!

– «Кит» не выстрелит в своих, это верно. Только ему никто и не собирается отдавать такой приказ. За него всё сделают люди – орудийные расчеты больших гравиков.

– И что нам делать?!

– Ждать и молиться, чтобы мароманы раскусили замысел страткома, – сказал Бруно без особой, впрочем, уверенности. – Если они не высаживают подкрепление для Хауэра, всё может обойтись потрепанными нервами. Всё-таки здесь находится тактик Рем, а в страткоме сидит стратег... тоже Рем.

– Я не стал бы на это рассчитывать, – неожиданно заявил Сайрус. – Стратег Рем запросто может нанести упреждающий удар. Ну, чтобы уж наверняка.

– Здесь ведь ценные модорганизмы, плюс подопытные... на которых потрачено столько времени и сил, да и сама база уникальное создание.

– Организмы можно вырастить заново, а вот тайну Эпсилона-13 заново не засекретишь, – Сайрус принял, наконец, единственное возможное решение. – Внимание всему отряду! Срочная эвакуация на нижние уровни цитадели!

– Не поможет, – проронил Бруно. – Большие штурмовые гравики в таких случаях настраивают либо на эффект «улuru», либо на «обратный гравиэффект». В первом случае на месте базы останется спрессованная до гранитной твердости плита, в которую будут вмурены наши останки, а во втором – всё наоборот. Все окружающие скалы и базу вместе с фундаментом резко поднимет метров на триста в воздух, а затем шмякнет о

землю. Шансов в обоих случаях – ноль.

- Один шанс имеется, - возразил Сайрус уже на ходу. – Самый нижний уровень подземелья находится ниже зоны действия гравиков. Наверное.

- Это утешает, командир, но... какая по сути разница? Не погибнем под гравиударом, окажемся замурованными под плитой или засыпанными грудой камней. Всё равно не выживем.

- Мы всё равно умрем? – Наконец дошло до Сепко и, казалось, от этого понимания ему сделалось дурно. У младшего тактика подкосились ноги и он едва не согнулся от рвотного позыва. – Я не хочу!

- Все не хотят. Шевелись, - Бруно подтолкнул Сепко и тот едва не покатился по лестнице кубарем.

По пути на нижний уровень к Сайрусу, Бруно и Сепко присоединились ещё двое – молодые приваты из охраны. Все остальные воины спускались по другим лестницам.

Сразу под башней, на первом подвальном уровне находились зверинцы, но у решетчатых дверей этих отсеков из-за пересеченных диверсантами нервов базы не работали замки, каждая решетка поднималась отдельно и вручную, поэтому большинство биоников пришлось бросить на произвол судьбы. В зверинцах стоял оглушительный вой. Бионики чуяли опасность, да и им передавалось беспокойство модорганизма базы. Но Бруно и Сайрус вскрыли только несколько отсеков, мимо которых пробегали.

Благодарные бионики поддержали спотыкающегося от страха Сепко и проводили дактианцев до лестницы, ведущей на нижние уровни. Дальше дактианцы снова двинулись впятером, поскольку Бруно приказал бионикам открыть все клетки и только после этого спускаться вниз.

Приказ прозвучал двусмысленно. Бруно с одной стороны как бы хотел спасти *всех* модификантов, но с другой – давал им невыполнимое задание. Поднять все решетки бионики не успевали даже при большом желании. Ведь им предстояло действовать без помощи рук. Зубами, носами, лапами, даже хвостами. Тот ещё аттракцион. Но Сайрус понял младшего тактика и не стал осуждать. Если придется отсиживаться в подземелье, каждый глоток воздуха будет на вес золота. Свора биоников будет явно лишней. Даже модорганизмы живой брони придется придушить. Так что... всё по принципу выживает сильнейший, умнейший, коварнейший и беспринципный. Всё в рамках целесообразности.

Кстати, Бруно в этой ситуации не придумал ничего нового. Два часа назад Сайрус Рем принял «целесообразное» решение уничтожить летуна и его пилота, а пять минут назад Вита Рем решила, что можно пожертвовать несколькими десятками дактианских воинов, включая родного брата. Секреты Демократической Империи Аррадакта превыше всего. Если ради них требуется уничтожить нескольких биоников или даже дактианцев, так тому и быть. Уж если так мыслили стратеги, какие вопросы к тактику четвертого уровня Бруно?

Рем и Бруно в несколько прыжков спустились на уровень «минус два», затем на «минус третий» и притормозили. Приваты догнали тактиков быстро, а вот Сепко отстал. Он едва волочил ватные ноги и только-только миновал площадку между первым и вторым подвальными уровнями. Сайрус не собирался ждать этого тюфяка, но всё равно на миг замер. За правой стеной слышались отзвуки шагов и невнятные голоса. Видимо несколько воинов тоже успели спуститься на этот уровень, но в другом отсеке. К сожалению, на «минус третьем» этаже все помещения оказались раздельными.

- Не состыкуемся, - взгляном указав на стену, за которой слышались голоса, сказал Бруно. – Как в корабле по аварийной тревоге, каждый отсек будет выживать самостоятельно. На это конструкция башни и рассчитана.

- Будем надеяться, что не только на это, - сказал Сайрус озираясь. – А ещё и на гравиудар. Мы намного ниже зоны поражения? Какой здесь уровень от нивелирной метки, если в метрах?

- Метров двадцать, - Бруно пожал плечами. – Мало, но вариантов нет. Глубже

спускаться некуда. Если долбанут в режиме «улуру», нам кранты. Если будет «обратный гравиудар», один шанс из ста. Располагайтесь, командир, и наслаждайтесь самой короткой пенсиею в истории.

- Я... не... хочу, - по лестнице буквально стёк совсем расклеившийся Сепко.

Больше он ничего не сказал. Просто свернулся калачиком у последней ступеньки, как побитый пёс и беззвучно зарыдал. Приваты-охранники покосились на Сепко с осуждением и сели к стеночке подальше от лестницы. Им тоже стало не по себе, лица у парней сделались белее мела, губы плотно сжались, а глаза запали, но приваты держались из последних сил. Показать свой страх они не могли даже сейчас, перед лицом неминуемой гибели.

«Хотя, кто сказал, что она неминуема? – Подумалось Рему. – С момента наведения орудий на базу прошло почти пять минут. И ничего. Может, я напрасно опасался и наговаривал на Виту? Может, не такая уж она бездушная стерва? Поднапряглась ради братца в кризисный момент, и придумала что-то получше «превентивной бомбажки»? Это ведь не так уж трудно, придумать выход из довольно простой ситуации. Например, можно...»

Рем не закончил мысль. Стены и пол вдруг мелко задрожали, затем всех пятерых дактианских воинов резко подбросило вверх и сильно припечатало к потолку подземелья. От удара Сайрус отключился, но в последний миг у него в сознании всё-таки мелькнула яркая картинка и короткая подпись к ней.

На картинке в старинном стиле «комикс-нуар» нарисовались последствия обрушившегося на базу «обратного гравиудара». Украденная у сайтенов, но вывернутая наизнанку технология с загадочным названием «Улуру» позволяла поднять на воздух огромный пласт верхнего слоя земли вместе со всем, что на этом слое находилось, в данном случае – вместе с базой Эпсилон-13. Всё, что оказалось недостаточно приспособленным для таких взлётов, рассыпалось на фрагменты сразу. А то, что выдерживало первую фазу искусственного катаклизма, разбивалось вдребезги, когда падало обратно на грунт. После этого на месте базы Эпсилон-13 должна остьаться лишь груда камней, обломков и мертвых окровавленных ошметков модорганизма, а также сотен биоников и десятков дактианцев, вильдеров и мароманнов. Полнейший винегрет.

Вот как раз этот хаотичный салат и представился Сайрусу за миг до отключки. А текст под картинкой вырисовывался наоборот простой и даже скучный. «Вита, стерва, будь ты проклята!» Вспыхнувший ярче слов восклицательный знак, словно бейсбольная бита отбил Сайруса обратно в сторону пола и вколотил в темноту, но тактик успел ощутить кое-что ещё.

Он не упал на пол. Он провалился глубже. Во всяком случае, так ему показалось.

Доверять или нет самому себе, Хауэр мог поразмыслить на досуге, а вот насчет доверия командованию, ему потребовалось что-то решать очень скоро. Через считанные секунды после того, как «тор» исчез из вида, в небе над базой появились огромные тени. Одна, вытянутая, обтекаемая, принадлежала дактианскому «киту», а другую, слегка угловатую, похожую на пикирующую стальную птицу, отбрасывал снизившийся почти до стратосферы крейсер Ударной группы «Север». Зачем большие корабли рискнули войти в атмосферу Террановы, Хауэр не понимал. Но командор и не думал об этом. Его больше интересовало, сумеет ли крейсер наладить прямую связь со штурмовиками, раз уж подобрался настолько близко и сбросит ли застрявшим на грунте товарищам пару-тройку спасательных ботов для экстренной эвакуации. Взлетать на виду у десанта, вооруженного зенитным оружием, да ещё в прицеле орудий «кита» представлялось рискованной затеей, но вариант оставаться в блокаде, и опять же под пушками «кита» выглядел ничуть не лучше.

Какой из вариантов считает оптимальным штаб Ударной группы выяснилось очень

скоро – никакой. Крейсер действительно сумел установить прямую связь, против его аппаратуры все ухищрения дактианцев оказались бессильны, но ничего утешительного командир крейсера Максу не сказал. Рискнувший снизиться корабль оказался правым матлотов флагмана, крейсером «Беркут». Командовал кораблём капитан Айсман. С ним Хауэр не водил особой дружбы, но сейчас никаких доверительных бесед вести и не требовалось. Только короткие переговоры по существу.

- Айс, ты вытащишь нас? – Спросил Макс после обмена приветствиями.
- Не могу, Макс.
- Что мешает?
- Приказ генштаба. Я должен только установить прямую связь.
- Только? А в рамках оперативных полномочий?
- Если что, имею право зачистить местность вокруг вас. Это всё, что я могу для тебя сделать, Вепрь. Все ребята держат за тебя кулаки. Особенно переживают твои друзья-штурмовики. Позывные Туман и Гром пообещали выжечь весь сектор, а Морок сказал, что готов высадить подкрепление, как только получит отмашку, но генштаб пока молчит,
- Айсман замешкался. – Виноват, уже не молчит. Тебя требуют на прямую закрытую линию, Хауэр. Переключаю на генерала Шторка.

Нового абонента на другом конце прямой закрытой линии Хауэр почти не знал. Нет, Макс знал, кто это, но лично с ним никогда не общался в связи с отсутствием общих служебных интересов. У покойного Герцога были, а у Хауэра нет. Ведь генерал Шторк непосредственно командовал Рупертом и всей стратегической разведкой генштаба армии. Разговор с птицей настолько высокого полета, конечно, льстил самолюбию, только ситуация определенно не располагала к общению с шишками из генштаба. Но что тут поделать?

Шторк оказался на удивление живым и незаносчивым для генерала. В отличие от некоторых светлой памяти подчиненных, он явно не хворал звездной болезнью. Беседу начал с простецкого «как дела, сынок», выслушал краткий рапорт «о делах» внимательно, не перебивая, и продолжил разговор благожелательно, как добрый приятель, который желает помочь. Хауэр не верил в искренность генералов, но этот Шторк всё-таки чем-то зацепил командора, всё-таки ухитрился вызвать доверие.

- Мы готовы, господин генерал, вывезти всех спасенных и найденное оборудование, – сказал Макс, завершая свой рапорт. – Или обеспечим их эвакуацию, а сами выйдем по грунту, как прикажете. Только дайте команду прикрыть нас с воздуха или с орбиты. Эпсилон-13 ведь «информационная бомба».

- Всё верно, – Шторк на секунду задумался. – Вы отлично поработали, командор Хауэр. Немного поспешили с разоблачением Герцога, но в целом... хорошо.

- Разоблачение получилось само собой, – заметил Макс.
- Об этом ещё поговорим. Прошу держать данную информацию в строжайшем секрете. Что касается лаборатории... приказываю перевести генератор силового поля в режим самоуничтожения и выдвинуться на точку эвакуации. Эвакуируются только воины, робокриги и выжившие узники. Оборудование и тела погибших уничтожаются на месте. Точку эвакуации вы видите на схеме.

Макс увидел схематичный план местности и отметку на нем. Шторк предлагал уходить через посадочное поле на юг. В принципе маршрут выглядел удачным. «Черепаха» прикрывала штурмовиков от Сайруса и автоматических орудийных систем базы, а скалистые кряжи – от фланговых групп противника. За пределами базы отряд попадал в ущелье, это выглядело опасно, но по узкому проходу пролегало всего-то пятьсот метров пути. А дальше – точка.

Хауэр уже собрался подтвердить бодрым рапортом свою готовность следовать плану Шторка, как вдруг на него нахлынули странные смешанные чувства. Он внезапно понял, что «узнаёт» показанную Шторком местность. На самом деле он никогда не бывал в этом ущелье, но уже видел его! Видел в последнем «вещем» сне! Так совпало наверняка

случайно и принимать какое бы то ни было решение, опираясь на «предсказание из сна» казалось полнейшей глупостью, но Хауэр всё-таки замешкался. Похожим на увиденное в том странном сне казалось не только ущелье, но и поведение парящих в небе «железных птиц». Они не спешили прийти на выручку и вытащить штурмовиков из ловушки. Во сне всё закончилось волной огня. А чем закончится наяву, если до сих пор совпадений у «предсказания» и реальности оказалось восемь из десяти?

- Точку вижу, - всё-таки подтвердил Хауэр. – Приступаю к выполнению задания.

- Контрольное время плюс тридцать минут. Время пошло. Удачи, командор Хауэр.

Макс отключил связь, даже не сказав ничего напоследок Айсману. За этот факт тут же уцепился доктор Бозе. За этот факт, а ещё за кислое выражение лица у командора.

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

- Вроде того. Точка обозначена. Там, за южным рубежом, но...

- Но... - Борис взял паузу и вопросительно выгнул бровь.

Макс отключил связь, даже не сказав ничего напоследок Айсману. За этот факт тут же уцепился доктор Бозе. За этот факт, а ещё за кислое выражение лица у командора.

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

- Вроде того. Точка обозначена. Там, за южным рубежом, но...

- Но... - Борис взял паузу и вопросительно выгнул бровь.

Макс отключил связь, даже не сказав ничего напоследок Айсману. За этот факт тут же уцепился доктор Бозе. За этот факт, а ещё за кислое выражение лица у командора.

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

- Вроде того. Точка обозначена. Там, за южным рубежом, но...

Макс отключил связь, даже не сказав ничего напоследок Айсману. За этот факт тут же уцепился доктор Бозе. За этот факт, а ещё за кислое выражение лица у командора.

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

Макс отключил связь, даже не сказав ничего напоследок Айсману. За этот факт тут же уцепился доктор Бозе. За этот факт, а ещё за кислое выражение лица у командора.

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

Макс отключил связь, даже не сказав ничего напоследок Айсману. За этот факт тут же уцепился доктор Бозе. За этот факт, а ещё за кислое выражение лица у командора.

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

- Что за квашеная капуста у тебя на лице вместо наноузора? – Борис усмехнулся. –

Ты получил подтверждение эвакуации?

робокриги возвращаются за второй партией пострадавших. Надо уложиться в три рейса. «Семьсот десятый», переведешь силовую установку в режим самоликвидации. Таймер на плюс двадцать восемь минут. Всё ясно? Работаем!

- Это Шторк приказал уничтожить «мозгоклюев»? – Бозе окунул задумчивым взглядом лабораторию. – Тем более всё сходится. Подозреваю, что уничтожение лаборатории имеет и другой смысл – уничтожить заодно и секрет сгоревшего Герцога.

- Борис, не до секретов. Чтобы не остаться в этом кotle, надо уходить. Робокриги, готовы?

- Так точно, – откликнулся «двести пятый». – Вывожу первую группу.

- Рысью, «двести пятый»!

В первой группе к точке эвакуации выдвинулись почти все воины и большинство робокригов. Им удалось взять с собой только дюжину пострадавших, но шанс уложиться в три челночных рейса всё же имелся. Ботаник и два робокрига уже мастерили из капсул и лежаков нечто вроде связанных в цепочку саней, на которые теоретически умещались до четырех десятков пострадавших. К возвращению «тягловой силы» в виде робокригов первой группы, импровизированный караван предполагалось сформировать окончательно.

Хауэр махнул Борису «за мной» и вышел из «черепахи» следом за первой группой, но отошел недалеко – занял позицию и взял на прицел видимую часть главной башни. Доктор поступил так же. Если Сайрус или автоматические системы всё-таки решат обстрелять уходящую на юг колонну, этому следовало помешать.

- Некогда им стрелять, – оценив обстановку и через синтетика уловив соображения Хауэра, сказал Бозе. – От биомассы отмываются наверное. Если вовремя её не смыть, будешь липнуть ко всему подряд.

- Если так, ещё раз спасибо вильдерам.

- Ну вот, а ты Маритту шпняешь.

- Спасибо и до свидания. Она, кстати, ещё в «черепахе»?

- Не видел. Притаилась, похоже.

- На что-то ещё надеется? Она не видит, что мы уходим?

- А спроси её сам. Вон, «семьсот десятый» выпустил её из-под купола. И похоже, за неё собираются похлопотать Шершень с Момо, тоже вышли.

- Командор, силовая установка перепрограммирована, – доложил «семьсот десятый», приблизившись к Хауэру. – Разрешите помочь «двести пятому»?

- Помоги Ботанику.

- Ботаник выполнил задачу, вторая партия погружена в санный обоз.

- Командор, подтверждаю, – из «черепахи» выбежал Ботаник. – Предлагаю ускорить выполнение задачи. По моим расчетам, санный обоз могут утянуть четыре робокрига. Нас как раз четверо. Мы с «семьсот десятым» и двое в куполе.

- Предложение принимается...

Хауэр не закончил. Посадочное поле перед «черепахой» и окрестности вдруг накрыл оглушительный грохот. Все, кто находился на поле резко обернулись к югу.

Максу на миг почудилось, что он снова спит. Сходство огненной волны, взметнувшейся над южной окраиной базы, с пылающей стеной из кошмарного сна его потрясло. Но ещё более мощным ударом для Хауэра стало понимание, что теперь статистика совпадений ещё жестче. Девяносто девять из ста. В огненном вихре сгинул весь отряд за исключением командора, доктора и четырех робокригов.

А добило Макса понимание, что удар нанес... крейсер «Беркут»!

- Это... ошибка? – Прошептал Бозе. – Скажи, что это вышло случайно, *Максим*!

- Нет, – Хауэр стиснул зубы и поиграл желваками. – Нет. Это был прицельный, осознанный... предательский... удар. Больше никаких сомнений. Нас предали, доктор. И сделал это вовсе не Герцог, зря мы на него наговаривали! И даже не мистический хозяин «Стальной бабочки». Нас предала крыса, засевшая в генштабе. Смаглерская «Стальная бабочка» и вся история с Рупертом использовалась предателем для отвода глаз. Как ты и

говорил, мы теперь слишком много знаем, и поэтому от нас хотят избавиться.

- Получается, крыса это... генерал Шторк?

- Прямых улик против Шторка нет, но... это первая кандидатура.

- Да, да, - Бозе растерянно взглянул на зарево над полыхающим ущельем. – Не вписываются в новую теорию только случаи уничтожения вильдеров, робокригов и Герцога. Ведь такая технология нам неизвестна. Мы умеем только так...

Борис кивком указал на зарево.

- Командор! – Вдруг крикнул Ботаник (что показалось странным, ведь робокриги обычно обращались через синтетика и спокойным тоном вне зависимости от обстановки).

– Модификант базы чувствует наведение орудий!

- Неудивительно, - Хауэр тяжело вздохнул. – Следующий залп «Беркут» сделает по базе. Чего ещё можно было ожидать?

- Никак нет, командор! Орудия наводят «кит»! В нас целятся четыре модифицированных «Гоморры», по классификации дактианцев это тяжелые бортовые гравики.

- Час от часу не легче, - проронил Бозе. – Но снова подтверждает мою теорию глобального заговора.

- Борис, ты достал своими теориями! – Хауэр запрокинул голову. – Лучше скажи, что у тебя есть в памяти о поражающих факторах гравиудара?

- Если орудия действуют, как у сайтенов, по принципу «Улуру», то после удара здесь образуется большой и очень твердый монолит. Всё спрессуется в гранитную глыбу. Но дактианцы предпочитают наносить так называемые «обратные гравиудары». Всё вокруг будет выдрано с корнем и подброшено на высоту метров триста. Ну, а добьет нас сила притяжения.

- Ботаник, «семьсот десятый», принять людей на борт! Режим аварийной посадки! Трансформация в стальные шары! Бозе, тебя тоже касается, сворачивайся в ежа!

- Трансформация закончена, - отрапортовал Ботаник, когда прижал к себе Шершня, заставил его согнуться в позе эмбриона, а затем согнулся сам позади смаглера и окутал получившуюся композицию тонкой, но прочной и упругой шарообразной оболочкой из сотни крупных колоний наноботов.

- Женщина возражает, - доложил «семьсот десятый».

- За девичью честь опасается? Ну так ты пообещай не прижиматься слишком сильно.

- Требует спасти товарищей в западной башне.

- Ах, вот оно что. Разрешаю отключить!

«Семьсот десятого» создали робокригом, а не бытовым роботом, в которого заложены три закона робототехники, поэтому понял приказ он правильно и выполнил без колебаний. Да по большому счету действия робокрига не противоречили и главному закону боевых роботов: «робокриг не может причинить вред невооруженному человеку». Короткий удар в затылок только вырубил Маритту, а не убил, и сделал он это ради её спасения.

Когда Маритта обмякла, «семьсот десятый» трансформировался, как и Ботаник. В «натуральном виде» остались только Хауэр и Момо. Командор собрался позвать одного из робокригов, оставшихся в «черепахе», чтобы тот «укутал» и жука, но Момо будто бы уловил намерение командора и качнулся из стороны в сторону. Движение явно означало отказ от посторонней помощи.

- Как знаешь, кифер, - Хауэр кивнул. – Робокриги в лаборатории, закрепить пострадавших... если получится. Когда «черепаху» поднимет над грунтом, замкнуть защитный купол в сферу и трансформироваться в посадочные шары. Приказ ясен? После приземления, эвакуировать выживших... если таковые будут... за восточную гряду. Всем удачи!..

...С момента объявления боевой тревоги до удара прошли считанные минуты, но Хауэр вновь показалось, что время растянулось и в короткий отрезок времени, пока наводились орудия «кита», уложилась целая вечность. Впрочем, что «вечность» фальшивая, он понял быстро. Ведь Макс не успел за всё это время сделать хоть что-то полезное. Да и не мог он ничего сделать. Что? Отбежать подальше от будущей зоны поражения? В принципе – вариант, но зона предполагалась обширная, поэтому вряд ли Хауэр успел бы её покинуть. К тому же, с Максом и его бойцами остались люди неспособные быстро бегать. А некоторые так вообще в отключке. С «санным обозом» мароманы уйти не могли, а спастились сами, бросив беспомощных узников Эпсилона-13... не могли вообще. Оставалось готовиться к удару. Физически и морально.

Физически Макс подготовился быстро – сгруппировался и трансформировал свою нанооболочку по стандартному варианту для аварийной посадки. А чтобы подготовиться морально, командор решил отвлечься и вновь подумал о странностях сновидений. Но теперь не о том, что сны всё-таки могут быть вещими. Этот факт теперь для Макса стал очевиден (пусть командор и не понимал, как это происходит), а значит, раздумья о нем – трата времени. Теперь Хауэр подумал, что взлететь во сне обычно считается этаким приятным приключением. И даже если не удается мягко приземлиться, ничего страшного не происходит – сон просто меняет декорации, и вдруг оказывается что ты вовсе не летал, а шел или ехал на велосипеде, а потому падение не причинило никаких неприятностей. Подумаешь, запнулся и шлепнулся!

«Обратный гравиудар» имел сходство с полетами во сне только в одном: все и вся взлетали поначалу бесшумно и без помощи техники или каких-нибудь модифицированных птиц. Чуть позже вокруг начинала греметь оглушительная какофония: скрежетали выворачиваемые из земли корни и камни, шуршали, громыхали, трещали разваливающиеся постройки, и так далее, а затем начинал свистеть и даже реветь ветер. Потому, что на самом деле все эти процессы укладывались в долю секунды, и при такой скорости взлета ветер просто обязан реветь.

Кроме всего описанного выше, стремительный вертикальный взлет доставлял и другие неприятности. В первую очередь, такой рывок ломал всё, что ломалось и встряхивал всё, что можно встряхнуть. Человеческий организм, даже подготовленный и заключенный в противоперегрузочную капсулу, с трудом выдерживал такое испытание. Синтетики сошлись на приблизительном значении возникших перегрузок в двадцать «же». Вдвоем выше предельно допустимого.

После такого испытания падение с трехсотметровой высоты на каменные обломки следовало считать баловством. Наверное.

Так всё или нет Хауэр проверил очень скоро. Проверил и вынес вердикт – всё так, но от этого не легче. Единственное, что его утешило, он остался жив. Контузия от резкой встряски и падения получилась очень приличная, но синтетик и неутомимые наноботы мгновенно взялись за стабилизацию состояния и починку внутренних повреждений, поэтому после того, как рухнул на грунт и скатился в глубокую расщелину Хауэр почти сразу поднялся на ноги и осмотрелся.

Земля вокруг всё ещё ходила ходуном, по склонам расщелины скатывались валуны, а там и сям на землю падали обломки и ошметки гигантского модификанта базы Эпсилон-13, но клубилось на удивление мало пыли, поэтому хотя бы в целом Хауэр сумел оценить обстановку. Вид вокруг предстал удручающий. «Обратный гравиудар» действительно выдral с корнем, всё, что мог выдрать и перемолол всё поднятое на воздух, как мельница, в мелкий щебень. Исключение составили только аварийные коконы робокригов и воинов-мароманнов, да несколько особо прочных деталей базы. В частности – пятая лаборатория, она же «черепаха».

Внешне она осталась неповрежденной, вот только приземлилась «черепаха» неудачно. Не упала плашмя на какую-нибудь осыпь, а воткнулась ребром в щебенку и зарылась довольно глубоко. А сверху на неё свалился приличный обломок скалы. Этот

обломок сыграл роль большой каменной крышки, которая закупорила последний выход из панциря. Получалось, что выбраться из уцелевшей «черепахи» можно лишь с помощью подкопа, ведь разбить скалу-крышку представлялось намного более сложной задачей. Оставался вопрос, а есть ли кому выбираться? И успеют ли уцелевшие выбраться, ведь программу самоликвидации силовой установки никто не отменял.

Хауэр попытался установить связь с робокригами внутри «черепахи», но оба синтетика молчали. Зато откликнулись «семьсот десятый» и Ботаник. Макс не видел этих робокригов, но хотя бы улавливал их сигналы. Бойцы докладывали, что их подопечные живы и что находятся они в неком помещении, почти не пострадавшем от гравиудара.

- Где вы командор? – Вышел на связь и Бозе.
- Я в какой-то трещине, - ещё раз огляделся, ответил Макс.
- А Момо вы не видите?
- Нет. Ты сам-то где?
- В завале, - Бозе почему-то усмехнулся. – Даже шевельнуться не могу.
- Может, тебе трансформироваться из аварийного положения в нормальное?
- Здесь всё «дышишт!» Начну трансформировать оболочку и рухнет окончательно!

Выручай, *Максим*, пропадаю!

- Иду к тебе, - Хауэр сверился с планом местности.

В целом схема стала теперь бесполезна, местность изменилась до неузнаваемости, и синтетик на ходу рисовал новую, но Макс понимал, что важно лишь выдержать направление на маячок доктора.

- Вот уж примочка, так примочка, - сказал Бозе. – Какого демона сотворили эти дактианцы? Испугались, что мы вырвемся и разболтаем их секреты? Решили нанести упреждающий удар? Неужели они не поняли, что наши тоже не горят желанием *выносить сор из этой избы?*

- Не болтай, экономь воздух!
- Это я чтобы страх прогнать. Ты близко?
- В десяти шагах. Вижу тебя. Серьёзный завал, надо звать робокригов.
- Мы рядом, командор, но уровнем ниже, - сообщил Ботаник. – Уцелевшее помещение, в которое мы провалились, тянется до того места, где находится доктор. Попробуем пробиться снизу.

- Не попробуем, а пробьёмся, - строго сказал Хауэр. – Действуйте.
- Командор, нештатная ситуация, вдруг сообщил «семьсот десятый». – Перед нами кифер. Он блокирует подход к точке с которой мы могли бы выстрелить в свод помещения точно под тем местом, где застрял доктор.

- Момо мешает? – Удивился Хауэр. – Проявляет признаки агрессии?
- Не могу знать, командор. Он... танцует.
- Что делает? – Еще больше удивился Макс.
- Совершает ритмичные движения. В его перемещениях заметна система, но расшифровке она не поддается.
- «Семьсот десятый», дай картинку.

Синтетик командора принял объемное изображение и тоже попытался уловить смысл, заложенный в комплексе телодвижений Момо, но через пару секунд сдался. Понять, что хочет «сказать» кифер, компаньону Хауэра не удалось. Все эти киферские пляски с бубном понимал лишь Бозе.

- Момо говорит, что разрушение свода не поможет! – Доктор тоже получил изображение. – Он всё разведал и просканировал. Если робокриги обрушат свод, вся придавившая меня масса рухнет в подземелье и засыплет там всё и всех. Это что-то вроде эффекта зыбучих песков, когда плытун заполняет подземные пустоты.

- Как же быть?
- Придется, *Максим*, разгребать завал сверху.
- Мы придем на помощь, командор, когда кифер отыщет выход на поверхность, -

сказал Ботаник. – Он пообещал сделать это максимально быстро.

– Момо пообещал? – Спросил Бозе удивленно. – Ты что, Ботаник, понял его? Как ты умудрился? Когда?

– Так точно, понял. Мне удалось расшифровать систему общения кифера. Секунду назад.

– Мы сами тоже сканируем помещение, – добавил «семьсот десятый».

– Это всё прекрасно, только времени у нас в обрез, – Хауэр перевел винтовку в ударный режим. – Пока вы ищете выход, Бозе может задохнуться. В аварийном режиме он не может трансформировать оболочку в скафандр, а значит у него нет доступа к кислородному запасу.

– Недочет программы, – Бозе вздохнул. – Десять минут продержусь.

– Держись.

– Командор, не забудьте о таймере силовой установки, – напомнил «семьсот десятый». – Она выдержала гравиудар и по-прежнему работает. Через шестнадцать минут она взорвется. Если мы не найдем выход, вы можете не успеть.

– Я успею.

Хауэр начал методично, слой за слоем сбрасывать одиночными выстрелами камни и щебень с кургана, под которым оказался Бозе.

Работать приходилось осторожно, как археологу, и не только потому, что при неверном расчете траектории Макс мог подстрелить доктора. Осыпь получилась большая и подвижная. Ошибка в расчетах могла привести к тому, что вся масса щебня сдвинется вниз и над Бозе вырастет курган втрое больший, чем сейчас.

К пятой минуте Макс разбросал крупные обломки, подвижки которых могли вызвать обвал, и просканировал оставшиеся груды щебня. Они слегка сместились, но существенно работы не прибавилось. Бозе уже лежал в полуобмороке от нехватки кислорода, но ещё мог соображать и упорно пытался колдовать над недочетом в программе трансформации. Синтетик доктора работал на пределе возможностей, но пока у них обоих ничего не получалось. Нет, программу они исправили, но всё упиралось в реализацию нового алгоритма – трансформация аварийной капсулы в скафандр могла привести всё к тем же к подвижкам сыпучего груза, давившего на Бозе. По расчетам синтетика это могло привести к перегрузке в самом прямом смысле этого слова и отказу брони. Проще говоря, Бориса могло расплющить.

К десятой минуте, между камнями блеснула серебристая искра. Хауэр забросил винтовку за спину и перешел на «ручной режим». Руками разгребать завал получалось не так быстро, но за три минуты Макс всё-таки расчистил достаточный участок и рискнул соединить свою броню с оболочкой Бориса. Доктор к тому времени уже почти не подавал признаков жизни, и его синтетик-компаньон ничего не мог с этим поделать.

Сцепка наноботов получилась прочная, а кроме того часть энергии и несколько десятков колоний аварийной капсулы передались оболочке Хауэра для усиления и повышения мощности экзоскелета. Максу оставалось поднатужиться и буквально выдернуть Бозе из завала. Синтетики синхронизировали усилия и всё получилось более-менее удачно. Синтетик доктора отключил, наконец, аварийный режим, а синтетик Макса дал команду наноботам обеспечить максимальную тягу в минимальное время. Доктор вылетел из кургана, как рыба, пойманная на удочку, и завалился на Хауэра.

Наноботы вернулись по штатным местам и разорвали сцепку, но столкнуть с себя Бозе командору удалось не сразу. Доктор обмяк и сделался неподъемным. Хауэр всё-таки справился, уложил Бориса на спину и быстро осмотрел. Видимых повреждений он вроде бы не нашел. Синтетик доктора это подтвердил. Но в целом выглядел Бозе паршиво. Оболочка трансформировалась в легкий боевой костюм без шлема и Макс отлично видел лицо Бозе. Оно казалось синюшно-серым. А главное – доктор не дышал.

– Синтетик Бозе, подключиться к дыхательному центру! – Приказал Макс. – Обеспечить гипервентиляцию легких! Знаю, что не свойственная функция. Дыши за него,

это приказ! Сердце? Что с ним? Запустить! Никаких резервных копий! Я тебе устрою светлую память! Реанимировать компаньона-носителя!

- Командор, мы нашли выход, - сообщил «семьсот десятый». – Кифер идет к вам.

- Почему только кифер?

- Он приведет вас сюда. Мы изучили подземелье, командор. Это продолжение тоннеля, по которому мы попали в квадрат Эпсилон-13. В основном тоннель уцелел. Мы можем уйти по нему в любом направлении гораздо быстрее, чем по грунту.

- И скрытно, - вдруг выдохнул Бозе, - что немаловажно.

- Очнулся! – Хауэр шумно выдохнул с большим облегчением. – С возвращением!

Твой синтетик уже собрался отправить в сеть резервную копию.

- Не дождется!

- Как там?

- Там хорошо, там все свои, - Борис приподнялся и оперся на локоть. – Но процесс перехода в мир иной мне категорически не понравился! Долго я считался археологическим артефактом?

- Тринадцать минут.

- Рекорд. Спасибо тебе, *Максим*. Я перед тобой в долгу.

- Пожалуйста. Только никаких долгов между нами быть не может. Мы ведь друзья.

- Да, - Бозе сел. – И к друзьям ты относишься трепетно, даже если они этого не заслуживают. Спасибо ещё раз, командор. Голова кружится.

- Это от избытка кислорода. Синтетик «прокачал» тебя по полной программе. Зато вон, какой ты теперь розовый.

- Синтетик, прекрати за меня дышать, сам справлюсь!

- Тоже начал говорить с искусственным компаньоном? – Макс усмехнулся.

- Дурной пример заразителен.

- Давай, помогу встать.

- Я сам, - поднявшись на ноги Борис все-таки оперся о плечо товарища. – А вот и Момо, наш проводник по новой Терранове, пардон за неуклюжий каламбур! Уходим в подполье?

- Да, - Хауэр кивнул. – Во всех смыслах. И очень быстро. До взрыва силовой установки в «черепахе» одна минута. Погнали...

...Если верить старой схеме базы Эпсилон-13, вход, а вернее провал в тоннель с деревянными сводами образовался примерно на том участке местности, где прежде стояла главная башня. Момо первым протиснулся в косую щель между крупными каменными обломками и вполне понятно махнул хвостом «за мной». Хауэр последовал за жуком без колебаний, а вот Борис замешкался, что неудивительно. Вот только что он выбрался из одного завала и теперь ему предлагали добровольно залезть в новый. Преодолеть психологический барьер оказалось непросто.

Помог доктору Бозе, как ни странно, взрыв силовой установки. Прочный панцирь гигантской «черепахи» погасил взрывную волну, но земля всё-таки ощутимо дрогнула, да и громыхнуло вполне отчетливо. Однако никаких подвижек обломков не произошло. Это убедило Бориса в том, что завал не замурует его, как в прошлый раз, и доктор решился последовать за товарищами.

После исполнения достаточно сложного акробатического этюда под названием «просачивание по каменному лабиринту», троица всё же очутилась в тоннеле, но, как ни странно, мароманнов и жука никто не встретил. Робокриги находились неподалеку, но занимались другим делом. Они отслеживали передвижение ещё одной группы выживших. И отслеживали этот процесс через прицелы винтовок.

Макс жестом приказал Борису оставаться с жуком, а сам перевел винтовку в боевой режим и двинулся к позициям робокригов. Ботаник и «семьсот десятый» притаились неподалеку от ещё одной дыры в своде тоннеля. Под дырой валялось множество обломков,

поэтому пыльные робокриги почти слились с местностью. Хауэр включил маскировку и тоже превратился в живой камень. Темнота в тоннеле царила густая, но не абсолютная, гнилушки на деревянных стенах и сводах давали какой-никакой минимум света, и этих считанных люков вполне хватало, чтобы разглядеть цели. Ими стали пять дактианцев. Двое в униформе охранников и трое в армейской «живой броне».

- Есть идентификация, командор, - доложил в режиме связи между синтетиками «семьсот десятый». – Один из дактианцев – тактик Сайрус Рем. Уничтожить?

- Стойте! – Вдруг жарко шепнул кто-то прямо в ухо Максу. – Не стреляйте!

Хауэр даже вздрогнул от неожиданности. Вообще-то незаметно подкрасться к мароманну сзади не удавалось ещё ни одному противнику. Для такого финта врагу требовались выдающиеся способности либо статус абсолютно безопасного для воина субъекта, как ребенок или невооруженная женщина, хотя бы по мнению бдительного синтетика, раз уж сам боец-мароманн оказался шляпой.

Командор обернулся и понял, что его синтетик прав и неправ одновременно. Рядом с Максом сидела на корточках Маритта. С одной стороны, всё совпадало – женщина, но с другой – небезопасная даже без оружия. К тому же, небезопасно умная. Ведь она просчитала все варианты и чтобы подобраться к мароманнам незаметно, оставила затаившемуся дальше по коридору Шершню свой кинжал и складную секиру.

- Не лезь, - отмахнулся Хауэр.

- Я прошу, хватит на сегодня жертв!

- С каких это пор вильдеров смущают жертвы?

Маритта хотела что-то ответить, но Хауэр вскинул руку, приказывая ей помолчать. Макса отвлек рапорт Ботаника.

- Командор, улавливаю одновременное наведение орудийных систем крейсера и «кита».

- Друг на друга или опять на грунт?

- Так точно. На грунт. Системы крейсера фокусируются на том месте, где вы откапывали доктора.

- Позднее у них зажигание, - Хауэр усмехнулся. – Спасибо Айсману за проволочку. Борис, ты слышал?

- Думаешь, Айс намеренно затянул с контрольным залпом?

- Думаю, он прекрасно видел нашу суэту и дождался, когда мы уйдём в подвалы.

Не знаю, чего ему это стоило, какие он наплел небылицы генштабу... наверное, сослался на какие-нибудь неполадки... но знаю точно – фронтовое братство сильнее дурацких политических игр.

- Что ж «брать» Айсман не проявил волю, когда ему приказали стрелять в группу?

- Не всё в наших силах, - Хауэр вздохнул. – Кроме братства есть ещё и присяга.

Внимание всем, уходим подальше от зоны поражения. В темпе! Ботаник, веди!

- Прошу внимания, командор, оптимальный маршрут – на север.

- А на пути дактианцы? – Хауэр кивнул. – Значит идем через позиции противника...

Макс уже набрал воздуха, чтобы скомандовать «в атаку», но с боевого настроя его опять сбила Маритта. Она вдруг расправилась и в три прыжка, нарушая всякую маскировку, очутилась на линии огня в нескольких метрах от дактианцев.

Противник видел в темноте не хуже мароманнов (правда, не за счет синтетиков, а за счет генетически усовершенствованного зрения), поэтому сразу понял, кто вдруг возник в тоннеле, как выпрыгнувший из шкатулки чертик. Вообще-то, после устроенной Мариттой резни под стенами базы, дактианцы имели право расстрелять вильдершу без малейшего промедления. Но, похоже, Сайрус тоже обратил внимание, что Маритта не вооружена и повременил с приказом.

А секундой позже всем стало не до приказов. Своды тоннеля задрожали, южная часть деревянной «трубы» заскрежетала и начала проседать, а вскоре и вовсе рухнула.

Грохот, клубы пыли и рикошеты сыплющейся в тоннель щебенки временно охладили воинственный пыл всех, кто застряли в подземелье и подтолкнули выживших к простейшему решению. Все развернулись и вместе, словно обитатели горящего леса, рванули в северном направлении.

Остановились беглецы, когда даже без подсказки робокригов всем стало ясно, что зона поражения далеко позади и можно не опасаться, что очередной «контрольный» залп окончательно обрушит своды старинного транспортного коридора. К тому же, в месте привала тоннель разветвлялся. Магистральная ветка, как и прежде тянулась на север, а две боковые уходили на северо-запад и на восток.

Хауэр с робокригами, дождавшись Момо и Бозе, решительно двинулись дальше по главной ветке, но вскоре им пришлось остановиться. Тоннель неожиданно закончился. Согласно данным сканеров, в действительности он продолжался, но ближайшие сто пятьдесят метров плотно заполнили орфийские окаменевшие заросли. Пробиваться сквозь них означало растратить половину запаса энергии, который теперь уж точно негде будет пополнить. Хауэр приказал вернуться к перекрестку, где обнаружил по-прежнему отдыхающих после забега дактианцев и Маритту с Шершнем.

Ботаник и «семьсот десятый» не обращая внимания на бывших врагов просканировали боковые коридоры и пришли к единому мнению, что северо-западный свободен. Однако, именно у входа в этот тоннель расположилась группа Сайруса. На движение мароманнов в сторону тоннеля, враги отреагировали вполне однозначно – вскинули винтовки. Причем, три из пяти винтовок дактианцев оказались гравиками, вполне эффективным оружием даже против мароманнской брони.

Робокригов угроза не смутила, командора, в принципе тоже, но Бозе выдал на командирском канале связи пламенную речь и убедил Хауэра не устраивать дуэль. Свой вклад в «борьбу за мир» вновь внесла и Маритта. Она опять вклинилась между ощетинившимися бойцами и вскинула руки, будто бы собираясь растолкать дактианцев и мароманнов по разным углам ринга.

- Остыньте! Мы сейчас все в одной лодке! Сайрус! Хауэр!

- Хорошо... - Рем чуть опустил ствол.

- Не убить, так прикрыться, да, Сайрус? – Со злой усмешкой спросил Хауэр. – Ты только так женщин используешь?

- Хауэр, уймись, я же попросила! – Маритта обожгла Макса гневным взглядом.

- Ты вообще права голоса не имеешь, горячая красотка!

- Макс, в чём-то они правы, - негромко сказал Бозе, прячась за спиной у Хауэра. – Нас тут опять завалило, если ты не заметил. Только с Ботаником и «семьсот десятым» мы будем разгребать завалы до второго пришествия.

- Поэтому я и решил уйти по боковому тоннелю.

- Ты уверен, что он куда-то ведет? А если это тупик? И вторая вспомогательная ветка тоже окажется тупиком. Что тогда? Я не хочу опять задохнуться.

- Трансформируем оболочку в скафандры.

- И проживем на два часа дольше? Не вариант, *Максим!* Сейчас нам выгоднее договориться с дактианцами. Выбраться из завалов мы сможем только совместными усилиями.

- Договориться с врагом? Бозе, это предательство.

- Подумай ещё, без эмоций и штампов. Мы не предатели, мы просто находимся в безвыходной ситуации. А предатели это как раз те, кто поставил нас перед выбором – договориться с врагом или умереть. И, кстати сказать, не только мы попали в такую ситуацию. Сайрус тоже под раздачей. Подумай, ведь его не вывели с базы до удара. Это может означать одно – стратком дактианцев разменял Рема, как пешку. Ровно, как генштаб разменял нас. Пока не скажу, ради чего командование с обеих сторон пошло на такие жертвы, но сам факт невероятной синхронной подставы лично для меня очевиден! Ты видишь ход моих мыслей?

- Вижу, - нехотя признал Макс.

У Хауэра и без пояснений Бозе возникла мысль сродни недавней мысли Сайруса (хотя, конечно, Макс об этом не знал), что начальство везде одинаковое и стратегические соображения выше жизней бойцов, даже самых выдающихся. В каком направлении развить эту мысль, только что подсказал Бозе. И теперь у Хауэра тоже складывалось впечатление, что произошло нечто невероятное: на какой-то неведомой почве интересы генштаба и страткома сошлись, раз они синхронно решили уничтожить базу и с ней лучших, но теперь слишком осведомленных воинов. Но как могли сойтись интересы сторон, если одна старалась скрыть тайну «мозгоклюев», а другая – сыграть на ней? Макс этого не понимал. О чем и сообщил Борису через синтетика.

- Как сошлись интересы, не скажу, технология мне тоже неясна, - ответил Бозе. – Хотя, всё может оказаться проще, чем мы с тобой думаем. Например, наши и дактианцы, пытаются спрятать в одном огне каждый свою тайну. Одни – секрет Герцога, другие – лабораторий. Либо третий вариант: стратком и генштаб сами того не зная пляшут под дудку третьей стороны, которая сначала хотела завладеть тайной и потому действовала на стороне мароманнов, а затем решила её похоронить и подыграла дактианцам.

- Но при этом каким-то образом заставила мароманнов пожертвовать моим отрядом и мной лично? – Хауэр покачал головой. – Третий вариант хромает.

- На первый взгляд – да, хромает, но если подумать... можно прийти к выводу, что он самый реальный. Подумай сам...

- Не хочу вдаваться, устал от твоих теорий, - отмахнулся Макс. – Лучше просто скажи, кто эта «третья сторона»? Хозяин «Стальной бабочки»?

- Именно, - сказал Борис вслух. – Из тех, кто на данный момент известен – он первая кандидатура. Хотя, он тоже неизвестен по сути.

- Ты ведь заподозрил Шторка...

- Я по-прежнему держу его в уме, но... мне почему-то кажется, что это ложный след. Чутьё подсказывает, что генерал не основная фигура. В любом случае, Хауэр, вы с Сайрусом под раздачей и своим штабам больше не нужны. Это главное. Если позволишь, я попробую довести это мнение до нашего противника.

- Даю пять минут, - после недолгих размышлений сказал Макс через синтетика. – И ни секундой больше. Если он не отступит, мы уничтожим его группу и найдем выход сами. Уверен, нам это по плечу.

Доктор Бозе оказался красноречив и даже убедителен. Будь Сайрус нейтральным лицом, он запросто мог бы поверить доктору и принять все его доводы. Но тактик Рем не просто находился на другой стороне баррикад. Он в принципе родился другим человеком. Точнее, принципиально другой версией человека разумного и ему претило любое соглашение с мароманном, будь тот даже сто раз прав. Бозе по определению не мог предложить Сайрусу ничего доброго, сказать что-то разумное и переубедить в чем-то вечном. Во всяком случае, так считал тактик Рем.

Возможно, он заблуждался и упрямился понапрасну, ведь многое из сказанного Бозе оказалось будто бы калькой с мыслей самого Рема, а приведенные факты вполне стыковались с информацией Сайруса. Но пока что тактик воспринимал доводы мароманнов скептически. А к возможным предложениям о взаимодействии (Сайрус допускал и такое) он относился и вовсе негативно.

Однако Бозе вел разговор умело – с хитрецой, но без волиющего обмана, поэтому Сайрусу не удалось встать в позу и отправить доктора восвояси. Как-то не возникло повода. Рем вроде бы согласился лишь выслушать Бозе и настроился прервать беседу, если доктор начнет задавать вопросы или что-то предлагать, но хитрый мароманн построил разговор так, что никаких вопросов вроде бы не прозвучало, а Сайрус дал все ответы. Парадоксально? Да. Но факт.

Такая же история с предложениями. Бозе ничего не предложил, но Сайрус почти договорился с мароманнами, что бывшие враги выберутся из подземелья совместно. Рем очнулся только в самый последний момент, да и то после ощутимого тычка в бок. Это верный Бруно сообразил, что командир «плывёт» и вывел его из-под гипнотического влияния краснобая Бозе.

- Спасибо, доктор, - Сайрус, пытаясь сохранить лицо, «снисходительно» усмехнулся. – Всё, что вы рассказали интересно, только нам всё равно не по пути. Мы не будем с вами драться или мешать вам найти выход отсюда. Идите, куда угодно. Мы уйдём своим путем. Это единственный вариант, на который мы согласны.

- Что ж, это достойный компромисс, - Бозе дружелюбно взглянул на Сайруса. – Неидеальный, но всё-таки далекий от конфронтации. Вы грамотный и опытный офицер, тактик Рем. Надеюсь, вы не замуруете за собой тоннель?

- Мелькала такая мысль, - Сайрус смерил Бозе ироничным взглядом. – Но за мной могут потянуться гражданские лица. Как вижу, они разочаровались в вашей компании.

- Вы это видите? – Удивился Бозе. – В таком случае, вы лучший физиономист, чем я. Но бог с ними, с гражданскими. Договорим на свежем воздухе?

- Не надейтесь, Бозе, - Сайрус коротко кивнул Бруно, а тот как бы передал команду Рема младшему тактику Сепко и бойцам. – Даже если всё обстоит, как вы сказали, даже если мы сейчас «в одной дырявой лодке», никакого временного союза не будет. Мы не можем договориться в принципе, мы враги на генетическом уровне, у нас неприятие друг друга переросло в безусловный рефлекс, в инстинкт гнева – слышали о таком термине?

- Читал, - Бозе кивнул. – Не могу с вами согласиться, но уважаю ваше мнение, тактик Рем. А ещё какое-то чутьё подсказывает мне, что мы всё-таки договорим. Чуть позже. Честь имею!

- Всего наилучшего, - Сайрус кивнул и попятился вглубь тоннеля.

Бозе демонстративно развернулся к дактианцам спиной и вернулся к Максу.

- Противник отходит? – Хауэр хмыкнул. – Ты обратил его в бегство силой слова? Надеюсь, обошёлся без запрещенного оружия, вроде своего фамильного *мата*?

- Согласись, даже не понимая смысла этих слов, ты всё равно чувствуешь, какая в них кроется энергетика, – Бозе проигнорировал иронию командора. – Негативная, зато мощная! Но в данном случае обошлось малой кровью. Сайрус знает, где выход и не станет возражать, если мы пойдем за ним, только с запасом по времени, не дыша ему в затылок.

- С запасом времени на минирование?

- Это легко проконтролировать, - Бозе взглядом указал на Маритту, а затем, после небольшой паузы, на Шершня. – Улавливаешь, мысль?

- Пустить через полминуты Маритту, через минуту смаглера, а через полторы пойти самим?

- Да, получится этакая гонка с раздельным стартом. Мы выполним свою часть соглашения, а Сайрус не сможет нарушить свою. Не факт, конечно, что Рем постесняется Маритты или Шершня… но все-таки, думаю, он не станет нарушать обещание.

- Почему?

- Ты стал бы?

- Я – другой человек, - строго глядя на доктора сказал Хауэр. – Офицер, мароманн, мужчина, а не какой-то там бесполый тактик с Аррадакта. Для меня слово нерушимо.

- Ты удивишься, но для него всё сказанное тоже важно!

- Для дактианца? – Хауэр, казалось, искренне удивился. – Для существа, которое не знает, кем проснется завтра, мужиком или женщиной! И ты о нерушимости его слова говоришь?!

- Ты не понял, *Максим*. Для Сайруса важно, что скажут в виртуальности. Ведь на вас делают ставки, ты разве не знаешь? Вернее, ставки делаются на ваши рейтинги, которые зависят не только от ваших побед и поражений, но и от впечатления, которое вы производите на публику. Твоя твердость, бескомпромиссность и верность слову создают

отличную базу для популярности среди игроков, для высоких рейтингов. Сайрусу в этом смысле приходится тебя догонять. Так что, не станет он нарушать обещание... ему это невыгодно.

- Постой, - Хауэра осенило. – Ты думаешь, кто-то из нас сливает репортаж о происходящем в виртуальность?

- Нет, я так не думаю, но и не поручусь, что этого не происходит. И Сайрус тоже не может за это поручиться.

- Борис, если ты действительно так думаешь, по тебе плачет дурдом, - Макс покачал головой и показал доктору кулачище. – Вот такими слезами. С мой кулак.

- Почему не кресло в Академии наук?

- Или оно. Там через дорогу.

- Зря ты насмехаешься, *Максим*. Придет время, когда ты поймешь, что я был прав всегда! Ну, за исключением редчайших случаев, когда был вынужден принять и хоть как-то довести до удобоваримого состояния твою версию. Да что мы попусту гоняем электроны по нервам?! Через полторы минуты станет ясно, прав я или нет!

- И если ты не прав, мы останемся здесь навсегда, - Хауэр вздохнул. – Игрошки на тотализаторе просто щенки по сравнению с тобой, Борис. Такие ставки не снились даже самим отчаянным из них.

- Командор, - вмешался в разговор Ботаник. – Женщина пошла за дактианцами.

- Один – ноль, - проронил Бозе.

- Не задерживать, - приказал робокригу Хауэр. – Если пойдет смаглер, тоже отпустить.

- Виноват, командор, но за Мариттой двинулся кифер.

- Этого в твоем прогнозе не звучало, Борис, - Макс мельком взглянул на Бозе и проводил взглядом жука.

- Это лишь доказывает, что я прав, - упрямо заявил Бозе. – Что бы там ни говорил Сайрус, нам по пути.

- Ровно до выхода, - сказал Хауэр не менее уверенно. – На свежем воздухе наши пути разойдутся. Могу сделать ставку.

- Отвечаю и удваиваю, сколько бы ты ни поставил. Нам всё равно придется идти дальше вместе. Как бы вам с Сайрусом ни хотелось разбежаться. Таков неумолимый «рок событий».

- Забились...

Скорее всего, мароманы и без помощи Рема сумели бы найти выход. В этом Хауэр оказался прав и счет в его споре с Бозе сравнялся. Да, Сайрус изрядно сэкономил преследователям время, трижды свернув в неприметные ответвления, одно из которых выглядело совершенно непроходимым. Но ведь с мароманами оставался Момо, который чуял малейшие дуновения свежего ветерка, проникающего в подземелье с поверхности.

А вот дальше, на поверхности, Бозе снова повел в счете и сразу очков на десять. Причем, не только в споре с Хауэром, но и в заочном пари с тактиком Ремом. И «помогли» Борису вырваться вперед две сотни дактианских космодесантников.

Группа Сайруса вышла из подземелий в небольшой пещере в подножии поросшего молодым лесом холма на минуту раньше мароманнов, но уйти подальше не успела. К большому удивлению Рема буквально в сотне метров от пещеры отступников поджидала грамотно организованная засада. Если бы Сайрус не знал наверняка, что в его маленьком отряде нет предателей, он решил бы, что бывшие соратники – а теперь крупная группа противника, получили однозначный сигнал, что остатки команды Рема выйдут именно в этом месте. От кого? Это теперь не имело значения. В первую очередь Сайрусу пришлось озадачиться другой проблемой – как прорваться?

Стрельба началась нешуточная, били космодесантники из гравиков и трофейных

мароманских винтовок (на фронте такие подмены – обычная практика), и по большому счету никаких шансов у пятерки Рема не осталось. Отойти назад вглубь тоннеля они, в принципе могли, но это представлялось таким же дохлым вариантом, как и залечь. Да в прицеле двух сотен стволов все варианты выглядели дохлыми. Отойти, чтобы завалило, или залечь, чтобы подошли и добили, или же броситься врассыпную – никаких шансов в любом случае. Суeta скорпионов в бутылке, куда наливают ром, чтобы сделать бодрящую настойку.

Сайрус ненавидел такие ситуации. И не потому, что приходилось слишком быстро соображать, это он умел. Его бесило то, что приходится делать выбор из трех абсолютно паршивых вариантов: умереть пафосно, с достоинством, умереть в порыве ярости, то есть, с честью и умереть азартно. Рему хотелось победить, что автоматически означало выжить, но противник имел просто чудовищный перевес, поэтому желание Сайруса оставалось чем-то вроде облака в небе – видишь его, но потрогать не сможешь, как ни стараися подпрыгнуть повыше.

Что оставалось легендарному тактику Рему? Только выбрать вариант номер три – «азартный». А иначе, какая из Сайруса легенда? Почти все запоминающиеся личности славны именно своим эффектным уходом из жизни. Кто-то завоевывает полмира, кто-то жжет храмы, кто-то философски глотает яд, а кто-то останавливает с горсткой храбрецов целую армию, но все непременно умирают в расцвете сил. Из тех, кто заканчивает жизнь в постели немощным стариком в истории остаются единицы. Рем отлично понимал, что не тянет на личность исторического масштаба, а потому приготовился уйти молодым и как можно ярче.

Да, это звучало обидно и нелепо – погибнуть в бою со своими, но какой у него оставался выбор? Космодесантники отлично видели, кто перед ними. Это Сайрус понял, когда встретился взглядом с тактиком Фарно. Тот смотрел на бывшего соратника с сожалением, но при этом не забывал целиться из гравика. В этом эпизоде Рема спасла отменная реакция, он выстрелил первым, и дальше всё вовсе покатилось под горку.

Особенно интенсивным обстрел сделался, когда по следам группы Рема из пещеры выбрались Маритта, Момо и Шершень, а за ними показались мароманы. Десантники получили формальный повод к войне и принялись палить с удвоенной энергией. Теперь они с чистой совестью могли списать всех, кто попал под выстрелы на неизбежные потери от «дружественного огня». На войне ведь часто случается, когда из-за несогласованности разных подразделения бьют по своим. Понятно, что если видишь цель отчетливо, без использования приборов, никакие ссылки на сбитые прицелы или ошибки в программах ведения огня не работают. Но любые случаи можно подогнать под нужные параметры, дело известное.

В общем, по всем раскладам выходило, что дактианские космодесантники решили отложить объяснения на «потом». Мизерный отряд Сайруса погибал под якобы «дружественным огнем» заодно с мароманами и вильдерами.

Обоих приватов разорвало в клочья первым же залпом и это была по любым меркам легкая смерть. Бойцы не успели даже удивиться. Гораздо больше Рем посочувствовал младшему тактику Сепко. Этот наивный, но в принципе славный малый до самого последнего момента не верил в предательство своих и попытался с ними поговорить, вопреки приказу прятаться. Сепко поднял над головой винтовку и двинулся в полный рост прямиком на стрелков. Странно, что по нему попали не сразу. Возможно, десантники всё-таки хотели обойтись с младшим тактиком гуманно – отстрелить ему ноги, например. Через год Сепко мог бы снова топать на своих нижних конечностях по тюремному дворику, ведь даже такая объемная регенерация для дактианцев считалась делом довольно простым. Но заботливый Бруно проявил инициативу и оказал младшему тактику медвежью услугу. Он бросился к Сепко и попытался вытащить его из-под огня.

В результате пострадали оба. Бруно не успел зацепить растерянного товарища, и сам попадал под раздачу. В тот момент, когда удивленный Сепко разлетался в пыль,

Бруно потерял руку с плечевым суставом. К ошметкам, в которые превратился Сепко, присоединилось облако кровавых брызг, но покалеченный Бруно не выключился из ситуации. Он каким-то непостижимым образом сумел преодолеть болевой шок и быстро остановил кровотечение даже не накладывая повязки. Впрочем, Сайрус не видел в этом фокусе ничего странного, он отлично понимал, что произошло: Бруно заставил сжаться все зияющие магистральные сосуды перед местами обрыва и после этого кровь подтекала только из мелких капилляров. Живая броня Бруно тоже пребывала в легком шоке, её тряслось, местами она обвисла, но в целом симбионт держался так же мужественно, как и носитель, и даже помогал ему останавливать кровотечение.

Фактически в этот момент Сайрус остался в прицеле десанта один одинешенек, а значит, на этом всё могло закончиться, но с точки зрения Судьбы всё только начиналось.

Первым капризом Фортуны стало появление поблизости Маритты. Странная вильдерша выскочила пулей из пещеры и вдруг бросилась к раненому Бруно.

Второй неожиданностью стало появление двух робокригов. Мароманнские бойцы открыли беглый огонь и отвлекли на себя львиную долю внимания десантников. В результате Маритта сумела добраться до Бруно, подхватила его и дотащила до Сайруса.

Дальше они потащили Бруно вместе. А робокриги прикрыли их отход. Вышло это у них не слишком удачно, одного из роботов, Ботаника, частично – ниже пояса – разнесло в хлам. Но второй робокриг не бросил железного друга. «Семьсот десятый», как его называл пострадавший робот, погрузил всё, что осталось от товарища за спину и отошел следом за Сайрусом, Мариттой и Бруно обратно в пещеру.

Сайрус отлично понимал, что эти маневры только оттягивают неизбежное, в пещере укрыться они не могли, однако Судьба вдруг выкинула третий фортель.

Беглецов прикрыли Хауэр и Бозе, а Рема в сцепке носильщиков подменил Шершень, но фокус заключался не в этом. Неутомимый кифер вдруг подал своему переводчику, доктору Бозе какой-то знак и тот схватил Хауэра, а другой рукой почему-то и Сайруса, и буквально затащил обоих в узкую, едва заметную щель слева от входа в пещеру.

Ни на каких секретных картах эта щель не значилась, но, как оказалось, в этом и крылся секрет успеха. Если об этой тропе не знал даже диверсант Сайрус, что говорить о десантниках? Нет, они вскоре взяли след и двинулись за исчезнувшими вдруг беглецами, но к тому времени упущенная инициатива вернулась к группе преследуемых. Они оторвались от погони довольно прилично, а когда проводник Момо заставил всех войти в воду и двинуться вверх по руслу мелкой, но очень широкой речки, у Сайруса появилась робкая надежда на спасение, ведь утопленный след не брали армейские бионики. В запасе имелись, конечно, полицейские модификанты, которые легко шли по верховому следу, но их ещё следовало доставить в квадрат.

В общем, какое-то время Сайрус осторожно радовался спасению. Иссякла радость, когда речка стала не такой широкой, зато более полноводной, а её течение сделалось таким сильным, что пришлось выйти на берег. А ещё минутой позже впереди сквозь зелень начала просвечивать белесая водная стена. Окончательно разрушил иллюзию спасения грохот падающей воды. Именно грохот, а не журчание.

Ещё через три минуты бодрого марша по правому берегу реки беглецы остановились. Перед ними высилась двухметровая каменная стена, с вершины которой в речку падала вода.

Сайрус мысленно обозвал себя последними словами. Так наивно и доверчиво он не вел себя, наверное, с начальной школы. Питать такие иллюзии, не задумываясь даже, почему опытные бойцы-космодесантники вдруг позволили беглецам уйти в отрыв! Да вот почему! Они, в отличие от Сайруса, изучили все нюансы окружающей местности и точно знали, что далеко противник не уйдет.

«Ну и поделом, раз такой турица! – Подумалось Сайрусу. – Теперь остается только достойно встать к этой мокрой стенке. Что ж, с этим я точно справлюсь, не зарыдаю и на

колени не упаду. Не какая-нибудь Вита!»

Рем уже приготовился занять последнюю в жизни позицию, как вдруг выяснилось, что у Судьбы припасен ещё один сюрприз. И вовсе не такой плохой, как думал Сайрус. Кифер Момо в отличие от спутников не остановился на берегу, а двинулся прыжком к скалистой преграде, затем свернулся к водопаду, проскасал по нескольким валунам в створе водяной стены и... неожиданно прыгнул прыжком в водопад.

Сайрус замер, представив, как падающая с такой высоты вода превращает Момо в хрустящий хитиновыми осколками блин, но ничего подобного не произошло. Через секунду кифер выпрыгнул обратно, постоял на валуне секунды три, а затем прыгнул в водопад снова.

Рем присмотрелся и понял, в чем тут очередной фокус. В том месте, где кифер вошел в водную преграду, падающая вода была почему-то несильна, хотя буруны у подножия и пена выглядели такими же, как везде. Почему? Ответа Сайрус не находил. Впрочем, и никакого смысла в его поисках он не видел.

Сайрус растолкал опешивших спутников и первым из людей последовал за Момо.

Место, которого нет. Часто ли доводится попасть в такое странное, но при этом надежное местечко? От силы раз в жизни. И вот вам, пожалуйста, Момо предоставил такой шанс сразу всем, кто отважился войти за ним в водяную стену. Грозный водопад, который крошил камни в месте падения, никого не убил и даже не встряхнул хорошенко. В том месте, где прошел Момо, вода создавала лишь тонкую завесу. Это выглядело единственным «слабым местом» водопада.

Когда в просторном гроте по ту сторону водной завесы оказались все, Сайрус бросил за спину инженерную гранату и перед условным входом быстро вырос двухметровый раскидистый куст. Минутой позже орфийское растение окаменело и как бы заперло дверь в убежище. Даже если кто-то знал секрет водопада, войти в грот ему теперь не светило.

Хауэр отлично понимал ход мыслей Сайруса. Да, выстрел из гравика мог запросто «отпереть» эту дверь, но следовало знать, куда стрелять. А чтобы это узнать, следовало изучить данные разведки. А кто ходил в разведку? Бионики, без гравиков. Вот и вся цепочка.

Первую треть, нечто вроде прихожей грота покрывала неспокойная вода, но доходила она едва до колена, а дно устилали только мелкие камни, поэтому выбраться на сушу удалось без приключений вроде подвернутых ног или нового купания. Ближе к центру грота земля поднималась над водой на метр и ее тоже покрывала обточенная галька. Что там дальше, разглядеть без подсветки не удавалось, ведь света, который пробивался сквозь водную стену хватало только, чтобы осветить грот до середины. Но мароманы без труда просканировали всё убежище, выяснили какие в нем имеются щели, ниши и запасные выходы, а главное убедились, что беглецы – единственные обитатели укромного местечка.

- Три расщелины, - доложил сгонявший в разведку Бозе. – Две из них сквозные – наверх и вниз, в подземную реку.

Вообще-то этим следовало заняться «семьсот десятому», но доктор взял задачу на себя, чтобы не разрывать сцепку робокригов. «Семьсот десятый» подпитывал поврежденного Ботаника из своих энергозапасов и фактически не давал ему «погибнуть». Соваться во все щели грота этаким тандемом роботам представлялось делом затруднительным.

- А наверх это куда? – спросил командор.

- К зелени и птицам, - Бозе развел руками. – Там карабкаться надо почти вертикально двести сорок три метра. Я не полез. Но расслышал шум листвы и птичий гомон. И свежий воздух оттуда поступает.

- «Семьсот десятый», расположись ближе к этой расщелине, - приказал Хауэр. – Чини Ботаника и следи за расщелиной вполглаза. Задача ясна?

- Так точно.

- Молодец, - Хауэр осмотрел других беглецов.

Как мароманы, так и дактианцы снова понесли потери. С одной стороны, то, что дактианцев стало меньше, играло на руку командору, однако, если рассматривать беглецов, как сводный отряд, выходило как раз наоборот. А понимание, что горстка загнанных в грот людей, роботов и иже с ними это теперь одна компания, становилось всё отчетливее. Хотелось этого Максу или нет.

Командор обернулся к дактианцам. Сайрус сидел на корточках рядом с раненым бойцом по имени Бруно. Каким-то чудом боец оставался жив и даже контролировал из последних сил ситуацию, не допуская большой кровопотери.

- Я помогу, - не столько спрашивая разрешения, сколько просто предупреждая Хауэра сказал Бозе.

- Помоги, - Макс пожал плечами. – Если сумеешь разобраться.

- Принцип один, - доктор сдернул с разгрузки медицинский контейнер. – Все мы люди, все мы люди, если по большому счету.

Доктор присел рядом с Бруно, открыл походную аптечку и принялся колдовать над страшной раной дактианца.

Хауэр перевел взгляд на Маритту и Шершня. Они уселись на гальку почти у воды и устало свесили головы. Со стороны – утомленная ночной прогулкой парочка. Вильдерше оставалось только надеть романтичный венок на голову, а Шершню – обнять девушку и будет полное сходство.

Глубже всех в тень забрался Момо, но темнота не помешала командору разглядеть жука. Кифер опустился на брюхо, забавно расставил лапы и будто бы бессильно опустил на землю хвост с грозным жалом. Как сказали бы мароманские юмористы – откинул клешни. Что ж, ему тоже досталось. Хауэр не рискнул бы поклясться, но во время последней короткой стычки с десантом ему показалось, что Момо всё-таки принял на свою хитиновую броню по крайней мере один гравиудар. Вроде бы ничем особым это для жука не обернулось, но кто знает, что происходило у него внутри? Может быть, он получил нечто вроде контузии?

Хауэр завершил осмотр личного состава сводной группы, зафиксировав взгляд на робокригах. Ботаник тоже формально продолжал «живь», но его порвало надвое и теперь он не имел ног, а главное – центральной энергоемкости, которая у робокригов располагалась в нижней части корпуса. «Семьсот десятый» подключил его к своему аккумулятору и Ботаник временно превратился в говорящий и стреляющий рюкзак за спиной у товарища. Со стороны их сцепка выглядела, как двухголовый четырехрукий робокриг-мутант.

- Я должен поблагодарить твоих бойцов, командор, - неожиданно сказал Сайрус.

Хауэр слышал, что эти слова дались ему с трудом. Казалось, их произнес не сам тактик Рем, а его «честь офицера». Хауэр мельком взглянул на тактика и коротко кивнул. У него тоже не возникло особого желания разговаривать с Ремом, но слова бывшего врага он оценил и принял. Правда, передавать робокригам не стал, их «офицерские тонкости» не интересовали. А вот слова командора для них по-прежнему значили очень много.

Особенно, если командор Хауэр скажет что-нибудь особенное, не дежурное.

Макс шагнул к бойцам и положил руки на плечи обоим.

- Вы хорошо сражались, - Хауэр запнулся, но решил всё же отбросить формальности и больше не делать вид, что не в курсе некоторых «синтетических секретов». – Я знаю, что для робокригов важнее всего на свете индивидуальное признание и как его подтверждение – прозвище вместо номера. Ботаник заслужил своё прозвище давно, теперь пришла твоя очередь «семьсот десятый». По праву командира и просто вашего старшего боевого товарища, даю тебе прозвище...

- Цербер, - не отвлекаясь от осмотра раненого проронил вдруг Бозе. – В таком «двуухголовом» виде очень даже похож.

Хауэр покосился на доктора, секунду подумал и кивнул.

- Цербер. Но не потому, что какое-то время тебе, «семьсот десятый», придется оставаться условно «двуухголовым»...

- Цербер по разным версиям был и трехголовым, - вновь вставил Бозе, - а по Гесиоду даже пятидесятиголовым.

- Вот именно, - Макс кивнул. – Цербер это свирепый и неподкупный страж. И он непобедим для всех, кроме выдающихся героев, вроде Геракла. Это перекликается с твоей боевой специальностью, «семьсот десятый», ведь ты штатный боец прикрытия командира, тот же охранник. И ты тоже непобедим.

- Спасибо, командор, - робокриг коротко кивнул. – Служу Народной Диктатуре Маробода!

- Теперь уж скорее лично командору Хауэру, - с легкой усмешкой сказал Сайрус. – Простите, что вмешался в эту пафосную сцену.

Макс стиснул зубы, внутренне закипел и... сдержался. Правда, не без посторонней помощи. Сначала ему помог личный синтетик, а затем доктор Бозе.

Синтетик отвлек Хауэра, прокомментировав реакцию «семьсот десятого» на присвоение прозвища. Внешне робокриг не проявил эмоций, лишь коротко поблагодарил командора, но синтетик Хауэра заверил, что по человеческим меркам Цербер испытывает максимальный душевный подъем и высказывает запредельную благодарность командору и доктору. Заодно, кстати, штудирует в параллельном режиме античную мифологию и очень доволен прозвищем. Ведь оно суровое, брутальное и действительно очень по теме.

А доктор Бозе сделал то, от чего воздержался Хауэр, но гораздо лучше – ответил Сайрусу не на кулаках, а размазав его словами. Уж что-что, а вправлять мозги Борис умел не хуже, чем лечить тело.

- Вы хотите поговорить, тактик Рем? – Доктор трансформировал боевой шлем в привычный наноузор на лице и взглянул на Сайруса с осуждением. – Что ж, давайте поговорим! Вы убедились, что мы были правы? И теперь скажите, стоило ваше упрямство таких жертв? Вы не сумели спасти ни весь свой отряд, ни хотя бы его остатки. По вашей вине в нем осталось... полтора бойца. Просто «замечательный» результат!

- Вы обвиняете меня? – Сайрус смерил доктора возмущенным взглядом.

- Вас, вас, - Бозе не глядя на Рема пару раз кивнул, - кого же ещё? Выди мы все вместе, могли бы избежать новых жертв! Или вы хотите сказать, что виноват мистический сбой в системах наведения оружия десантников? Не пытайтесь затуманить мозги нам и себе, тактик. Космодесант лупил из ручных гравиков. Вот доказательство: типичная рана вашего подчиненного. В этом оружии нет никаких самостоятельных систем наведения, автоматика только корректирует прицел. Значит, целились в вас космодесантники намеренно. Заметьте, они могли бы пропустить вашу группу, ведь вы шли с приличным отрывом от нашего авангарда. В этом случае мы остались бы без живого щита в вашем лице. Против залпа сотни гравиков мы оказались бы бессильны, даже учитывая всю нашу нечеловеческую ловкость и скорость. Но ваши коллеги решили пожертвовать вами, как вы сами пожертвовали тем пилотом и летуном, пытаясь сбить нас на подлете к Эпсилону-13. Эффект бумеранга. Или, как говорили мои далекие предки: «не плюй в колодец – откликнется, как аукал».

- Я не понял, что там говорили ваши предки, - раздраженно заявил Сайрус, - этот язык мне незнаком.

- За любое действие всегда приходится расплачиваться. И зачастую той же монетой. Таковы скрытые законы бытия.

- Доктор, вы несете какую-то мистическую ахинею, - Сайрус поморщился.

На самом деле доктор по-своему передал недавнюю мысль самого Рема, но признаваться в этом Сайрус не спешил. Он вообще не собирался откровенничать с

врагами. Пусть, вероятно, теперь их и следовало называть «бывшими врагами».

- Может быть, - Бозе закончил обработку раны, вколол Бруно какое-то зелье и зафиксировал нанопластирь. – Восстановить органы я не смогу, нужны роботы-хирурги, а ещё лучше – ваши дактианские медтехнологии, но жить будет. Во всяком случае, гарантированно дотянет до момента, когда соберется с силами, чтобы заняться самопочинкой.

- Случай тяжелый, собственных резервов и навыков ему может не хватить, - заметил Хауэр.

- Бруно – опытный воин, - заявил Сайрус и недобро взглянул на Макса. – Через сутки он придет в себя, через неделю встанет в строй, а через полгода у него будет новая полноценная рука. А если найдем клинику или хотя бы дактианский корабль с нормальным лазаретом, процесс регенерации уложится в стандартный месяц.

- Чего процесс? – Тихо спросила Маритта у Шершня.

- Регенерации, - также шепотом ответил пилот. – Новая рука отрастет, как хвост у ящерицы.

- Серьёзно?

- Ты не знала, что дактианцы умеют восстанавливать свои тела?

- Нет, не знала. Чума! Всё умеют восстанавливать?

- Если не умирают от повреждения мгновенно и остаются в здравом уме, то всё. И не стареют поэтому тоже, омолаживают себя сами. Выбирают себе возраст и живут такими, пока не надоест.

- Везё-ёт, - протянула Маритта и мечтательно вздохнула.

- Ваш Бруно уже отращивал утерянные конечности? – Между тем продолжил Хауэр, неприязненно глядя на Сайруса.

- Пока только пальцы и стопу, но я уверен, он справится и с восстановлением полной конечности!

- На этом и остановимся, - Бозе встал и сделал шаг, чтобы очутиться между командором и тактиком. – Вам, командор, должно быть очевидно, что вы, как и тактик Сайрус Рем теперь тоже вне закона. Вернее, формально вас больше не существует. Наверняка вас обоих списали, уж извините за такое слово, в утиль. Нет, если вас это утешит, могу предположить, что сделали это с почестями и торжественными речами. Не исключено, что наши идеологи даже сочинили героическую легенду вроде битвы Ахиллеса и Гектора, только с летальным исходом для обоих. Сути дела это информационное прикрытие не меняет.

- Какое ж это «дело»? – Мрачно проронил Сайрус. – Лживая забава под названием «пропаганда», а не дело. Легенда и есть.

- Всё верно, тактик, но у нас такие методы в ходу. Любая информация работает на победу. Даже самые лживые сплетни и даже бессовестные переделки старинных легенд. А разве ваше Министерство информации не любит перевирать и выдавать за истину всё на свете, включая античные легенды?

- У нас любят сочинять новые легенды, - нехотя ответил Рем. – О героических первоходцах, которые открывают планеты и подгоняют их под себя, запросто выкапывая хоть стокилометровые тоннели, хоть котлованы для морей... или об отважных воинах, которые никогда не стреляют в своих. Слава Аппадакту!

- Ваш скрытый гнев понятен, - Борис вздохнул. – И думаю, близок всем присутствующим. В этой странной истории мы все несем серьезные издержки. Всех военных списали, Маритта обманута Шершнем и его работодателем, а сам Шершень завис в неопределенности – будет ему кирдык или нет.

- Что мне будет? – Встрепенулся Шершень. – И чего это я обманул Маритту? Это хозяин «Стальной бабочки» нас обоих обманул!

- Я так и сказал, - доктор кивнул. – Хотя, конечно, хуже всех вляпался Герцог. Ваш, кстати, Сайрус, прямой, так сказать, контрагент.

- Оберкомандор Руперт Герцог, начальник разведки Ударной группы «Север»? Мы как-то служили на одном участке фронта. По разные стороны.

- Это понятно, - Бозе усмехнулся. – Представляете, он сгорел в один миг и без остатка. И вот Шершень уверяет, что спалил его некий субъект, который летает на старой обугленной посудине, но при этом имеет очень приличные технические возможности, а ещё – держит на крючке кого-то в нашем генштабе. Последнее – моя личная версия.

- Очень интересно, - Сайрус скривился. – Старая обугленная посудина класса «тор»? Та, что беспрепятственно приземлилась на базе, а затем так же без проблем улетела?

- Совершенно верно. Странный случай, не правда ли? Некто спокойно садится и взлетает в эпицентре боевых действий, словно невидимка. Но при этом его все видят. Просто удивительный случай. Вы согласны?

- Допустим, - Сайрус по-прежнему не желал раскрываться. – И зачем вы всё это рассказываете?

- Раз уж мы теперь в одной лодке, хотелось бы получить от вас кое-какую информацию, - доктор обернулся к Максу. – Командор, вы не возражаете, если я задам тактику Рему несколько животрепещущих вопросов?

- Валяй, - Хауэр отмахнулся и сосредоточился на отчете о результатах диагностики систем Ботаника.

Командору не особенно хотелось разговаривать. Да вообще не хотелось, если честно. Слишком многое навалилось разом: и чудовищные потери, и предательство генштаба, да и самочувствие оставляло желать лучшего – наноботы трудились на пределе возможностей, но пока не устранили последствия сотрясения и внутренние кровоизлияния после гравиудара и жесткого приземления поблизости от «черепахи». Синтетик Хауэра заверял, что через полчаса состояние компаньона-носителя стабилизируется, однако на эти тридцать минут ему придется набраться терпения и по возможности пребывать в состоянии полнейшего покоя. Не двигаться, не говорить и по мере возможности даже не думать ни о чем. И Хауэр твердо решил последовать советам синтетика, хотя ментальное упражнение «вообще не думать» ему давалось гораздо труднее, чем например, думать одновременно о нескольких вещах.

- Понимаете, тактик, - Бозе постарался перейти на предельно доверительный тон. Казалось, он готов даже обнять Сайруса за плечи, как старого друга, или похлопать по спине. – Вроде бы все концы сошлись, но остались без объяснений несколько мелких деталей. Почему и как сгорел Герцог? Как и отчего вмиг сгорели несколько робокригов на борту «Стальной бабочки»? Представляете, титановые скелеты, а сгорели тоже в доли секунды и без остатка! И, главное, почему вдруг потребовалось подставлять Хауэра и вас, тактик?

- Не понял, доктор, - прервал его Рем. – Почему вы обобщаете? То, что стратком и генштаб одновременно отреклись от нас, вовсе не значит, что они об этом договорились.

- Заметьте, это как раз вы обобщили! Но я согласен с вашей версией, Сайрус! Складывается впечатление, что они действительно договорились! Чтобы подтвердить это или опровергнуть, нам надо понять, что происходит на самом деле? И какую роль во всем играет загадочный хозяин «Стальной бабочки». Улавливаете теперь, какие тут связи?

- Пока с трудом. У меня ведь нет компаньона-синтетика в голове.

- Не скромничайте, Сайрус. Судя по досье, вы очень умны. И, надеюсь, ваш незаурядный ум послужит на благо нашей смешанной компании. Повторюсь, мы все в одной лодке посреди бурного моря. Доплыть до берега теперь сможем либо все вместе, либо никто.

- Что вы хотите от меня услышать?

- Для начала ваши соображения. За что вас могли подставить? Я слышал, вы провалили последнюю операцию...

- Вы слышали? – Сайрус вытаращился на доктора. – У вас есть друзья в контрразведке Роера?

- А-а, то есть, это сделали всё-таки вы? – Бозе усмехнулся. – Та история с крысами на Роере была вашей затеей?

- Взяли на пушку, - Рем разочарованно выдохнул.

- Не такой уж ты умный, красавчик, - с усмешкой вставила Маритта.

- Я не знаю, за что меня подставили, - демонстративно игнорируя вильдершу, сказал Сайрус. – За провал операции я уже наказан ссылкой на Терранову и непрофильным назначением.

- Командор, вы слышали? – Борис обернулся к Хауэру. – Тактику тоже дали задание не по специальности. Знакомый почерк, не правда ли? Похоже, вас хотели свести нос к носу на этой планете. Именно вас, и именно здесь.

- Не вижу логики, - ответил Хауэр нехотя. – Зачем? Кто-то сделал у букмекеров крупную ставку на очный поединок?

- Хорошая версия, - Бозе одобрительно кивнул. – Многое объясняет. Сайрус, вы следите за ставками?

- Нет. Но я в курсе, что мы участники тотализатора. Думаете, всё действительно объясняется этим?

- Не думаю. На мой вкус это слишком просто. Столько суеты и затрат ради тотализатора? Не представляю, кто мог бы сделать ставку, покрывающую расходы и тем более, кто сумеет выплатить выигрыш, если расклад, например, три к одному... или один к трем – не суть. Должна быть какая-то иная причина. Может, вы догадываетесь, какая?

- Никаких предположений, - немного подумав, Сайрус мотнул головой.

На самом деле кое-какие мысли у него возникли. Например, что Вита просто решила избавиться от братца, как от претендента на богатое наследство. Давно вышедший на заслуженную пенсию отец стоял на пороге мира иного, а согласно его завещанию львиную долю получал тот, кто будет сыном на момент смерти отца. Формально старшим сыном считалась Вита, но фактически-то – Сайрус. Но в этой версии имелся один существенный изъян, Вита зарабатывала очень прилично, в год получала больше чем составляла вся эта «львиная доля». Брать грех на душу из-за жалких центов по её меркам, зачем? Нет, Витой двигала какая-то идея. Только некая захватывающая, а то и вовсе безумная сверхзадача могла заставить Виту пуститься во все тяжкие и приложить столько усилий для достижения цели. Это ведь не пол сменить, здесь всё гораздо сложнее, но сестра не убоялась трудностей. Значит, оно того стоило, опять же по меркам Виты. А мерки она признавала только высшей пробы, если можно так сказать.

- Что ж, - Бозе развел руками. – *На нет и суда нет*. Будем думать над этой загадкой. Соберем информацию обо всём, что может быть связано со странными событиями на Терранове и обо всех похожих случаях, осмыслим всем коллективом... а лучше попросим прогнать все данные через мощный аналитический хаб. Глядишь, и найдется ответ.

- Где ты возьмешь аналитический хаб? – С сомнением спросил Хауэр, окончательно нарушая данный своему синтетику обет молчания. – Центральный синтетик Маробода нам недоступен. Узел генштаба или Генеральный статистик тоже не дадут нам своих мощностей. О дактианцах с их инфопотоками я молчу, это вообще не вариант. Остается обратиться к смаглерам, но у них нет ничего подобного, только жалкие пародии.

- Есть, - уверенно возразил доктор. – И это действительно хаб, крупнейший узел, перекресток информационных систем! И он вдвое круче ЦСМ. Ведь в нем сходятся и успешно переплетаются инфопространство Маробода, инфопотоки Аррадакта, все «независимые» сети и даже сеть сайтенов. Возможно, у этого хаба есть связь и с фортанами. По крайней мере, он всегда в курсе ключевых событий в их мирах.

- О чём ты говоришь? – Хауэр поморщился. – Что опять за фантазии?

- На этот раз никаких фантазий, только факты. Я говорю об Эниуме. Уникальном планетном явлении в секторе Урма-17. И об одноименном информационном узле, хабе.

- Много слышал об этом Эниуме, - сказал Сайрус, - но ещё слышал, что в сектор Урма-17 почти нереально попасть.

- Это такая информационная маскировка, - ответил Борис. – Чтобы не лезли, кому не следует. Будь всё плохо, откуда на Эниуме взялся бы хаб? Ведь его построили поселенцы, аборигенов на Эниуме нет. Маршрут подлета, особенно с нашей стороны, конечно, сложный, но не для опытных пилотов и навигаторов. Допустим, таких, как Шершень... и Момо. Бродяга, ты бывал на Эниуме?

- Я? – Шершень пожал плечами. – Пару раз, пролетом на центральную Урму. Мне там не понравилось. Чуть мозги ни вывихнул от тамошних природных выкрутасов.

- Наши разведчики тоже бывали в тех краях, - заметил Хауэр. – И Герцог там бывал.

- Вот видите, - Борис щелкнул пальцами. – Герцог! Это явная ниточка! Теперь и вовсе нет сомнений, что нам туда!

- А я не слыхала об этом Эниуме, - проронила Маритта. – Что в нем уникального? Шершень, какие там выкрутасы?

- Даже рассказывать – тошнит, - Шершень поморщился. – Пусть доктор рассказывает. Попроси, тебе он не откажет.

- Думаю, это будет интересно всем, ведь достоверных сведений в официальном доступе мало, - Бозе покосился на Хауэра.

Командор кивнул, как всегда мысленно добавив «валяй (кстати, выражение из фамильного наследия Бориса), пока есть время на разговоры». Хауэру полегчало, но пока хотя бы минимально не стабилизируется состояние Бруно, а «семьсот десятый» и наноботы не подлатают критические повреждения Ботаника, двигаться с места Макс не собирался. Да и всем остальным требовалось элементарно отдохнуть.

Ведь хотя все имели кучу вспомогательных систем или умели как-то себя подстегивать, поэтому каждый считал себя неутомимым сверхчеловеком... ну, кроме жука, приставка «сверх» только оттягивала неизбежное. Простая человеческая усталость всё равно приходила. И прогнать её мог только такой же простой отдых. С жеванием питательных таблеток, дремотой и разговорами, если кому-то не лень ворочать языком.

Борис в этом смысле никогда не ленился, вот и пусть ворочает, Макс не возражал. К тому же, любая информация полезна. Этот принцип мароманы впитывали с молоком матери, задолго до момента торжественного вживления синтетика.

- Только по существу, - всё-таки добавил Хауэр вслух. – Не растекайся.

- Исключительно самую суть! – Заверил Бозе. – Эниум это уникальное, невероятное, и очень колоритное место в далеком секторе Урма-17, то есть, на орбите семнадцатой из тридцати двух звезд скопления Урма. Правильно называть это место не планетой и даже не планетоидом, а планетным явлением. Ведь Эниум, а на смаглерском жаргоне – Взорванная Луковица, это нечто вроде планеты без ядра и единой коры! То есть это не тело вращения близкое к шару, как подавляющее большинство планет, а его предтеча. Это вращающееся слоистое пылевое облако, отвердевшее в таком состоянии и даже заимевшее непонятным образом атмосферу, воду и зелень! Флора Эниума непохожа на земную внешне, но почти аналогична по свойствам. Это же относится к составу воды и воздуха. Правда, на Эниуме нет животных. Лишь бедная водная фауна и редкие насекомые в зеленых зонах.

Но вернемся к строению планетного явления! Слои Эниума неоднородны и в некоторых местах связаны переходами, но в основном это плоские, толщиной до десяти километров, «слои-острова», лежащие на разном расстоянии один над другим, в разной степени затеняя друг друга. Можете себе это представить?

- Нам преподносят модель Эниума, как прозрачный шар, на поверхности которого лежат кляксы, - сказал Сайрус. – А внутри у него ещё несколько прозрачных концентрических шаров, каждый всё меньше. И на каждом тоже твердые кляксы.

- Луковица и есть, - проронил Шершень, - только все слои рваные, кусками, и с большими промежутками между ними... в смысле – между слоями.

- Обе модели вполне годятся, - Бозе кивнул. – Хотя, лично я сказал бы проще... матрешика!

- Я знаю, что это! – Встрепенулась Маритта. – Слыхала от одного робота с ретровирусом. Он забавный такой был, старинными анекдотами всё время сыпал. Это кукла, внутри которой ещё одна такая же, но поменьше, а внутри неё третья и так далее.

- Браво, сударыня, – доктор пару раз хлопнул в ладоши. – Итак, продолжаем. Цикл вращения Эниума вокруг оси составляет около стандартной недели, но траектория очень сложная – разные слои могут двигаться по отдельности либо в сцепке с ближайшими. Причем, со скоростью отличной от дальних слоев (вглубь или кнаружи) и даже слегка не в ту сторону, хотя общее направление суточного вращения едино. В этой связи на слоях-островах могут отличаться гравитация, давление и некоторые другие физические свойства.

Но зато это взаимное движение генерирует единое магнитное поле Эниума. Ведь в толще слоев-континентов и островов, а также в многочисленных обломках, камнях и пылевых сгустках, что висят между слоями, полно металлов. И это магнитное поле прекрасно защищает Эниум от космической радиации. А ещё образованная магнитосфера раз в сутки устраивает жителям Эниума бесплатное световое шоу. Планетное явление попадает под особенность местного светила – пульсирующий поток излучения, так называемый «утренний поцелуй звезды» и в ионосфере вспыхивает сияние. Это и есть точка отсчета новых суток.

Кстати, в связи всё с тем же неравномерным вращением слоев, эти сутки делятся не на день-ночь, а на одиннадцать частей. В каждое «время суток» лучше всех освещаются определенные слои-острова и континенты, но есть два условно полярных, где по полгода день или ночь. Что касается годового цикла, он длится примерно пятьсот суток, и тут без сюрпризов, траектория вокруг звезды эллиптическая, стандартная.

А теперь немного истории! Эниум открыли смаглеры, как и львиную долю других мест, пригодных для обитания... – Бозе взглянул на Сайруса.

- Можете не коситься, – сказал тактик. – Версиям нашего Министерства информации насчет того, что практически все обитаемые миры были открыты дактианцами, а некоторые чуть ли ни созданы нашими предками, я не верю. Я ведь говорил уже.

- И это правильно, Сайрус. Так вот, обычно смаглеры высаживали вильдеров на открытых планетах, как на Терранове например, или основывали свои собственные колонии – самая известная в том секторе это Урма-Центр. Но в случае Эниума возникла сложность. Не все поселенцы смогли приспособиться к сложному ритму жизни на планете и к её уникальной физике.

- Говорю же, там мозги набекрень сразу, – вставил Шершень. – И это ещё на внешнем слое. А глубже вообще труба. Земля, что под тобой на юг плывет, а верхняя на юго-восток. А ещё выше слой – чисто к востоку смещается. И солнце местное, то отсюда светит, то оттуда, то вдруг – раз! – и ночь, а потом два рассвета за один час. Чокнуться можно от всех этих каруселей и выкрутасов.

- Вот поэтому заселили Эниум не вильдеры, а более устойчивые к «выкрутасам» беглецы из цивильных миров. Кстати, миграция происходила тоже с помощью смаглеров. В результате на Эниуме сформировалась независимая международная колония. В ней все работают совместно, не делая различий между расами.

- Да ладно, – Сайрус усмехнулся. – Неужели мароманы снизошли?
- По-моему, как раз дактианцы первые сноуби в галактике, – сказал Хауэр.
- И главным результатом этого совместного труда, – чуть повысил голос Бозе, чтобы подавить в зародыше возможный конфликт, – стал информационный хаб, в котором сходятся и совмещаются, несмотря на разные форматы, все инфопотоки, инфопространства и прочие виртуальности, составляющие в совокупности гиперсеть. Вот почему я уверен, если искать информацию, то непременно там. От Эниума у Галактики нет никаких секретов. Другое дело, что хаб обладает собственным интеллектом и на тысячи ходов вперед просчитывает последствия применения любой информации, а потому не факт, что он выдаст требуемое. Но рискнуть стоит. Добраться до Эниума

сложно, но, повторюсь, когда в команде есть кифер, это не проблема. Момо запросто проложит маршрут между всеми опасными точками. Как вам план? Командор, что скажете?

- Предложение хорошее. Но в данный момент мы можем перенестись на Эниум только в своем воображении. Чтобы попасть туда физически нам требуется корабль.

Командор, доктор и все остальные не сговариваясь уставились на Сайруса.

- Что? – Рем обвел всех вопросительным взглядом. – Почему вы на меня смотрите?

- Мы находимся на территории ваших соотечественников, тактик Рем, - пояснил Бозе.

- Скорее на территории её сородичей, - Сайрус кивком указал на Маритту.

- Не «её», а госпожи Секиры, - вильдерша с вызовом взглянула на заносчивого «красавчика». – Местные вильдеры не с Гамилькара корнями. Мы сумели договориться просто потому, что для них любые вильдеры типа свои, друзья и всё такое. А если кто-то хочет насолить дактианцам, так вообще почти родня. На том и сошлись.

- Вот и скажи, что хочешь ещё раз насолить дактианцам.

- И что дальше? Ну проведут они меня на космодром, ну перебью охрану, заберусь в корабль, а дальше? У вас же все корабли – мутанты вонючие, они вмиг раскусят, что я не ваша. Управлять им я не смогу. А там ведь, после захвата, надо будет быстро с управлением разобраться и полную скорость врубить.

- Маритта права, тактик Рем, - сказал Бозе. – Управлять кораблем сможете лишь вы.

- Тоже не на «полной скорости», - Сайрус качнул головой в сомнении. – Если нам придется прорываться сквозь орбитальную схватку... ничего не гарантирую.

- Хорошо, что вы согласились в принципе добыть корабль.

- Я не соглашался!

- Вы только что сказали «если нам придется прорываться».

- Любите вы ловить на слове, доктор!

- Что есть, то есть. Предлагаю компромиссный вариант. Вы добудете гражданское «независимое» судно, которым будет управлять Шершень.

- Не пойдет, - Сайрус отрицательно мотнул головой. – Захват военного корабля будет диверсией, а похищение гражданского судна – пиратством. Я не пират.

- Как же быть?

- Есть одна мысль, - после затяжной паузы, как бы нехотя сказал Рем. – Я знаю, где стоят трофеинные мароманские корабли. Их использует наша разведка. Они дополнены дактианскими орудийными системами, стандартной живой аппаратурой и модорганизмами-автопилотами, но в них сохранены бортовые синтетики и первоначальные, теперь это дублирующие, системы управления.

- Замечательно! Что вам потребуется, чтобы захватить такой корабль?

- Целый робот и пилот, - немного подумав, ответил Сайрус. – И три часа чистого времени. Ангар с трофеями расположен в другом секторе, но не так уж далеко отсюда, если выбраться из грота по расщелине, которая ведет наверх, в горный лес. Это будет непросто, но я справлюсь.

- Может быть, лучше разработать план, где поучаствуют все? – Спросил Хауэр. – Ну, кроме кифера.

- Это не штурм, командор, - Сайрус криво усмехнулся и смерил Хауэра снисходительным взглядом. – В диверсионной операции имеет значение не количество бойцов, а их качество.

- Слабо разбираюсь, как в штурмовых, так и в диверсионных операциях, - вновь вмешался Бозе, - но чувствую, что тактик Рем тут прав. Командор...

- Хорошо, - неожиданно легко уступил Хауэр. – «Семьсот десятый»... Цербер, подключи Ботаника к энергосистеме доктора. Пусть он побудет временно носильщиком. Шершень, подъем! Они к вашим услугам, тактик Рем.

- Больше не тактик, - отрезал Сайрус и вмиг сделался нарочито суровым и

деловитым. – Ждите все здесь. Цербер и Шершень, за мной и не отставать.

– Нет, ну нормально, да?! – Тихо возмутился Шершень, нехотя поднимаясь с пригретого местечка рядом с Мариттой. – Меня даже не спросили, как будто я тоже какой-то робот с железной задницей!

– У тебя нет выбора, смаглер, – проронил «семьсот десятый-Цербер». – Уж поверь моей железной заднице, она просчитала все варианты. Вперед, я подсажу и подстрахую тебя в расщелине...

...Хауэр проводил уникальную по составу тройку диверсантов задумчивым взглядом и обернулся к доктору.

– Как думаешь, кинет нас этот красавец? – Негромко спросил командор.

– Думаю, нет, – ответил Борис довольно уверенно. – «Семьсот десятый» не позволит. А ты как думаешь?

– Так же, – Макс кивнул. – Нет у него интереса нас кидать. Особенно тебя, док. Ведь договориться с Эниумом сможешь только ты. Я для этого «слишком мароманн» во всех смыслах слова, а Сайрус – дактианец, не технарь и потому вряд ли сумеет правильно сформулировать задачу. Он прекрасно это понимает, поэтому будет играть честно. По крайней мере, до того момента, когда мы получим ответ Эниума.

– Хорошо, что ты больше не цепляешься к Сайрусу, рассуждаешь о нем холодно, рационально, как о временном союзнике, а не о враге. Это правильно, *Максим*. Ты поднялся в моих глазах ещё на ступеньку.

– Поклонился бы тебе в пояс, мудрый учитель, за такую оценку, да лень шевелиться. Сайрус остаётся врагом, не обольщайся. Поэтому у нас нет и не может быть никакого союза. Просто сейчас нам выгодно вести огонь в одном направлении.

– Пусть так, – легко согласился Борис. – Время самый неподкупный из арбитров, оно и рассудит.

– Нас с тобой?

– Нет, *Максим*, вас.

– Мы ничего не делили, чтобы требовалось нас рассудить.

– Это ты так думаешь. Но есть некто, считающий иначе. Не знаю, почему он так считает, но ему отчаянно хотелось, чтобы мы все... а в первую очередь вы с Сайрусом... оказались на Терранове и встали перед выбором – объединиться или погибнуть. Понимаешь меня?

– Я давно уловил твою мысль насчёт хозяина «Стальной бабочки». Согласен, что в целом это его затея, но зачем ему всё это? И кто он, почему его слушается и наш генштаб, и дактианско стратегическое командование?

– Найдя ответ на первый вопрос – ответим и на второй. И наоборот. Вся надежда теперь на Эниум...

Сайрус не слышал разговора мароманнов, но если бы его спросили, о чем думают оставшиеся в гроте за водопадом бывшие враги, он описал бы ход их мыслей довольно точно. Рем в такой ситуации и сам думал бы ровно об этом: сомневался бы кинут его или не кинут и утешал бы себя тем, что ключ к разгадке главной тайны лежит в кармане у Бозе, а путь к дверце, которую открывает «ключ», сумеет проложить только Момо. И значит, до прибытия на Эниум можно ничего не опасаться.

Кроме того, Сайрус взял с собой робокрига. Фактически только чтобы успокоить мароманнов. Ведь на самом деле Цербер не особо требовался Рему. Задачей робота стал контроль над Шершнем, а не помочь Сайрусу. Ведь, в отличие от всех остальных Шершень оставался обычным смаглером, который попал в историю случайно, и мог запросто из неё выпутаться простейшим способом – сделав ноги. Да, в этом случае его мог настигнуть гнев мистического хозяина «Стальной бабочки». Это если Шершень до сих

пор оставался в живых по воле хозяина, который оставил капитана в компании беглецов, как законсервированного агента. Но если Шершня просто списали со счетов, его не держало больше ничто.

Ну, может быть, отчасти его держала Маритта, глядя на которую капитан просто млел, как прыщавый старшеклассник. Но смаглер вряд ли готов рисковать ради женщины собственной жизнью. Так что, на случай если Шершень вдруг пересилит страх и решит, что больше не нужен хозяину «Стальной бабочки», его следовало держать на поводке. И лучшего конвоира чем робокриг, да еще с заслуженным прозвищем Цербер, Сайрус не мог и придумать.

А что касается боевой задачи, Сайрус даже немного скучавил, когда сказал, что «это будет непросто, но я справлюсь». Расклад получался на самом деле простой. Обо всем, что произошло в секторе Эпсилон-13 пока что не мелькало никакой конкретной информации даже в секретных инфопотоках разведки. Там проводилась спецоперация – это все, что стратком выложил в сеть, чтобы ограничить движение гражданских лиц и машин в секторе и над ним. Когда конкретно стратком раскроет карты, хотя бы для военных за пределами сектора, Сайрус не знал, но по собственному опыту мог предположить, что не раньше, чем через три-четыре часа. И не факт, что в сводке будет упомянуто о героической гибели тактика второго уровня Рема в бою с диверсантами (что он перешел на их сторону Вита вряд ли заявит – ей невыгодно такое пятно на фамилии, да и не поверят в этакую чушь в войсках). Завтра или послезавтра, после согласования с «Министерством правды», возможно, об этом скажут, но сегодня Сайрус мог спокойно наслаждаться «пенсией» или статусом «человека-невидимки», можно называть как угодно.

Это означало, что когда Рем заявится в секретный ангар и потребует выдать ему трофеинный корабль для проведения спецоперации, ни у кого из охранников и ответственных лиц не возникнет и тени сомнения, что Сайрус действует легально, по приказу страткома. А что в инфопотоке нет на этот счет никаких указаний… операция ведь совершенно секретная, чему тут удивляться? Да и в первый раз, что ли?

Могли смутить служащих ангара только странные спутники Рема, но тут будто бы магическое заклинание вновь действовало слово «спецоперация». Ну и добавляла свои пять центов простая логика. Если разведчики и диверсанты летали на трофеиных кораблях, почему они не могли использовать в своих загадочных секретных целях трофеиных роботов и бойцов, замаскированных под «нейтралов». Или просто наемников. Именно на такую легенду Рем и собирался нажать, если у кого-то вдруг возникнут вопросы. Вряд ли они, конечно возникнут – Сам диверсант-тактик Рем пожаловал! Сам! – но Сайрус предпочитал страховаться по полной программе и заранее продумывать все возможные варианты.

В целом так все и получилось. Очутившись над громом, Сайрус вызвал в прямом инфопотоке своего личного летуна и через час благородный отпрыск фабрики-фермы «Мажерти» доставил бывшего тактика и его спутников в неприметный городок Рент, что затерялся в лесах на самой окраине соседнего с Эпсилоном сектора Дельта.

Приземлился летун прямиком на территории военного объекта. И на это событие не последовало какой-то нештатной реакции. Живая машина Рема, пусть и гражданская имела довольно приметную, запоминающуюся внешность, поэтому охрана сразу поняла, кто пожаловал в гости.

Несколько взволнованных бойцов тут же подбежали к летуну и предложили Сайрусу свои услуги. Рем вальяжно прогулялся перед машиной, будто бы разминаясь после долгого перелета, приказал определить своего летающего модификанта в лучшее стойло и неспешно направился к ангару. Робокриг и Шершень, как их и проинструктировал Сайрус, сделали вид, что тоже на службе (в понимании Шершня, «это в смысле – морду кирпичом») и бодро двинулись за Ремом.

Пилот, правда, пару раз покосился на ворота в ограждении объекта, но дернуться не посмел. Цербер, который не хуже Рема понимал, что Шершень слабое звено и может

бежать при любом удобном случае, предупредил капитана, ещё когда троица карабкалась по расщелине над гротом: «шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству, стреляю без предупреждения, даже если вокруг будет полно дактианцев». И Шершень поверил робокригу на слово.

В общем, до ангара диверсанты добрались без проблем. Корабль выбрали тоже. Собственно, выбирать и не пришлось. В просторном помещении, сплетенном из крон деревьев и вьющихся растений, стояли только два корабля. Один, большой и хорошо вооруженный, оказался неисправен, по нему лазали пауки-ремонтники, зато другой, класса «Центавр», пусть и меньших размеров, оказался в полном порядке.

Сайрус для вида поморщился и мечтательно потирался на неисправный корабль, затем вздохнул «ну, что тут поделаешь, берем, что есть» и жестом приказал спутникам подниматься на борт. Поднялись они неторопливо, зато очутившись внутри промчались по отсекам быстрее чем пули и заняли места в ходовой рубке – Шершень за пультом управления, или как он сам выражался «за штурвалом», а робокриг – в боевой консоли, откуда мог управлять всеми орудийными и ракетными системами корабля.

Сайрус тем временем коротко переговорил с хранителем ангара – в основном «за жизнь», раскланялся и тоже поднялся на борт. Хранитель дал отмашку и спутанные заросли в своде ангара начали расплетаться. Всего несколько минут ожидания, пока над кораблем образуется достаточный для старта просвет и... всем привет! Вот и вся диверсия.

Рем уселся в кресло капитана и расслабился. Как выяснилось – преждевременно. Когда до полного открытия створок оставалось еще около минуты, заблокированный прежде доступ Сайруса в магистральные инфопотоки вдруг на секунду «ожил». Рем не успел воспользоваться коротким включением в привычную информационную среду, но и сам по себе факт этого «всплеска» уже дал ему достаточно информации. Кто-то пытался проверить, жив ли еще отважный диверсант и где он прячется. И этим «кем-то» оказался знающий человек. Учитывая, что кроме космодесантников, которые заблокировали и обстреляли группу Рема, да экипажа «кита» уничтожившего Эпсилон-13, в курсе происходящего только стратком, искать Сайруса мог лишь кто-то из высшего начальства. Ведь у десанта работали только прямые боевые потоки, а на борту висящего в стратосфере «кита» у Сайруса вряд ли имелись знакомые. Разве что, над макушкой у Рема висел «кит» под командованием Тореза.

В общем, как ни хотелось бы Сайрусу маленького чуда, его не случилось. Поисками пропавшего братца явно занялась Вита. Интересно, для чего? Добить или попросить прощения и объясниться? Рему хотелось надеяться на второе, но почти незамедлительно он получил косвенное доказательство первого.

Створки ангара вдруг замерли, а затем резко начали обратную процедуру – принялись вновь сплетаться в плотную сеть. И охрана вокруг корабля вдруг засуетилась, но теперь не в радостном возбуждении, а тревожно. По всем раскладам, Вита нашла братца и поняла, что Сайрус намерен смыться. Будь он один, она, возможно, и отпустила бы его, но в компании с робокригом и каким-то неизвестным... а вдруг это один из подопытных-узников Эпсилона-13?

«Чтоб ты сдохла, тварь, – пожелал Сайрус сестрице, но почему-то без прежнего пыла, а как-то устало. – Всё-таки решила добить? Устанешь стараться!»

Рем нагло заблокировал связь, затем немного подумал, поднялся с кресла и направился к переходу в отсек, где хранились трофеи, захваченные вместе с кораблем.

- Шершень, Цербер, прорыв! – Приказал Сайрус, походя. – Нас раскрыли!

- Это хорошо, – заявил робокриг. – А то слишком гладко всё шло. Я уж подумал, ловушка.

- Этот ангар – ловушка? – Притупил Шершень. – Да «Центавр» взлетит и всей этой зелени даже не заметит.

Получилось, как и сказал Шершень. Церберу даже не пришлось стрелять. Корабль без малейших проблем разорвал хитросплетения зеленой крыши, поднялся над лесом, на

секунду завис, а затем, не врубая основные двигатели, только на антигравах, пулей умчался в сторону сектора Эпсилон.

На пятой минуте полета, когда корабль находился уже почти на границе сектора, Сайрус вернулся в рубку и снова занял капитанское кресло. Шершень покосился на бывшего тактика и сначала невольно замер, а затем обернулся и уставился на него в полнейшем изумлении. Сайрус Рем сидел в кресле, облаченный в униформу смаглера! То есть, в обычные гражданские шмотки. Это настолько резало глаз, что Шершень даже на миг зажмурился. Бесстрастный робокриг Цербер вряд ли изумился преображению бывшего тактика, но тоже не нашелся, что сказать.

- Не пьялься, - проронил Сайрус, не глядя на Шершня. – Живая броня на связи с инфопотоками, а я не хочу светиться.

- И что вы сделали? – Сумел выдавить Шершень.

- С杰г, как лягушачью кожу, - Рем усмехнулся. – Слышал такую сказку?

- Этот корабль тоже на связи...

- Я отключил всё лишнее. Связь он поддерживает, необходимую информацию получает и передаёт, но ничего лишнего о себе и экипаже не говорит. Теперь невозможно вычислить, кто находится у него на борту.

- Вы прирожденный контрабандист, Сайрус, - Шершень наконец пришел в себя и даже усмехнулся.

- Я диверсант, - холодно сказал Рем. – Впрочем, эти профессии в чем-то схожи. Вон там наш водопад, не проскочи.

- Иду на посадку, - Шершень направил корабль вниз.

- Фиксирую наведение орбитальных систем обороны, - вдруг заявил робокриг. – Предполагаю залп через полторы минуты.

- Всё-таки нас вычислили, - сказал Шершень. – Следовало сжечь лягушачью кожу чуть раньше. И корабль перепрограммировать сразу.

- Не было времени. У нас есть шансы прорваться? Осталась минута двадцать.

- Успеем, - заверил Шершень. – Как только сяду, тащите всех сюда, Сайрус. На погрузку сорок секунд. Уложитесь – вывезу. Гарантия смаглера.

- То есть, никакой гарантии, - усмехнулся Рем.

- Зря вы так, Сайрус. Не все смаглеры самозванцы и самоучки. Попадают в нашу компанию и настоящие профессионалы. Например, такие как вы, или командор Хауэр и доктор Бозе. Надо признать, очень ценные приобретения для нашего сообщества.

- Ещё с кифером меня сравни, - недовольно проронил Сайрус.

- Момо это отдельная тема, как и все киферы, - Шершень зафиксировал корабль на грунте. – Есть мягкая посадка! У вас сорок секунд на эвакуацию новых товарищей, смаглер Сайрус Рем. Время пошло!

Эпилог. Полет Шершня

Сменить за двое суток три корабля это довольно непростой, но полезный опыт. Именно такую формулу лекарства от стресса вывел Шершень. Другой на его месте просто напился бы и забыл о событиях последних сорока восьми часов, как о страшном сне, ведь в конце концов всё обошлось. Загадочный хозяин «Стальной бабочки» улетел в неизвестном направлении (хотелось бы верить, что навсегда), и не взорвал Шершня, как бедолагу Герцога. Но Шершень напиваться не умел – в смысле, на него спиртное почему-то не действовало, в этой связи обходился простейшим аутотренингом. Искал во всём плюсы и старался не застrevать в минусах. Обычно первым плюсом становилось короткое слово «жив» по горизонтали и восклицательный знак по вертикали. А дальше – по обстоятельствам.

В этот раз обстоятельства подкинули Шершню хороший боевой корабль мароманнов, да ещё доработанный дактианцами, и это сразу два жирных плюса. Их пытались перевесить два минуса – в довесок Шершень получил довольно сложный

экипаж и неопределенность ближайшего будущего, но капитан старался не унывать. В составе «довеска» имелась изюминка – Маритта, да ещё настоящий доктор, и полтора робота – ценные кадры на случай болезни или неполадок. Ну и корабельный кок никогда не бывает лишним.

Шершень давно подумывал нанять кифера, но считал это слишком дорогим удовольствием. Нет, сами киферы денег не брали, но напрямую их никто и не нанимал, только через contadorы, в которых работали специалисты, вроде доктора Бозе, умевшие контактировать с жуками. Вот эти спецы и брали бешеные деньги за посредничество. А тут всё получилось бесплатно – чем не плюс? Очень даже приличный плюс! Шершень в этом убедился почти сразу. Едва поднявшись на борт корабля, жук сразу проследовал на камбуз и первым делом смешал всем по вкуснейшему коктейлю.

Шершню почему-то подумалось, что кифер таким нехитрым образом – занявшись привычными делами, тоже снимал стресс.

Минусом, конечно, стала натянутость отношений между Хауэром и Ремом. Наряду с неопределенностью личного будущего Шершня этот момент создавал легкую напряженность в душе у капитана. Да и в корабельной атмосфере, казалось, висело что-то вроде воображаемой взрывоопасной смеси из электромагнитного поля мароманна и биоэнергии, производимой дактианцем. Оба пассажира едва не искрили, бросая взгляды друг на друга, но им хватало выдержки и здравомыслия не взрывать ситуацию. К тому же, как выяснил доктор Бозе ещё на грунте, точнее под ним, эти брошенные хозяевами псы войны теперь находились в одной лодке... или в чём там... в будке?

Короче говоря, плюсов накопилось явно больше. А если и не больше (Шершень ленился подбивать баланс) плюсы всё равно перевешивали, поскольку выглядели более жирными. По крайней мере, в смысле внутренних обстоятельств, лично касающихся Шершня и всего, что происходило в пределах корабля, стрелка воображаемых аптечных весов явно клонилась в положительную сторону.

Всё едва не смазали внешние обстоятельства. Очень уж много летало на орбите Террановы боевых кораблей и прочих помех, типа летящих во все стороны ракет и торпед, которые создавали довольно непростую для навигации обстановку. Даже профессиональный пилот Шершень выводил свою новую «Вики» (корабль принадлежал классу «Центавр», но капитан решил не изменять привычке) из двойного кольца на орбите втрое дольше, чем обычно выполнял такой маневр.

Впрочем, потраченное время не пропало даром. Шершень потел за штурвалом, а доработанный дактианцами синтетик корабля сходил с ума, сортируя отметки на сканерах – от каких «примочек» следует увернуться, от каких можно просто прикрыться щитом, а с какими следует договориться. И пока они маневрировали, да по очереди отвечали на запросы «свой-чужой» то так, то сяк, то этак (прикидываясь то дактианской «акулой», то мароманским рейдером среднего класса, то «независимым» торговым кораблем), кифер Момо каким-то непонятным образом подключился к навигатору. И проложил оптимальный маршрут в ту самую нейтральную зону вокруг уникального, немыслимого и крайне труднодоступного Эниума, о котором говорил Бозе.

Шершень этому не удивился, он знал, что жуки не только отличные повара, но и навигаторы от киферского бога. Но когда корабль вышел из-под обстрела, Шершень всё-таки нацепил маску «космического волка» и демонстративно проверил маршрут. Негромко, но авторитетно проронив, что мог бы уложиться в сутки, а не в двое, он всё-таки одобрительно кивнул и снисходительно хмыкнул.

Получилось красиво, но мизансцены никто не оценил. Публика, на которую работал капитан, не следила за происходящим в ходовой рубке. Экипаж и пассажиры оказались слишком заняты своими делами.

Мароманны сидели в офицерских креслах на капитанском мостике и Бозе как обычно размышлял вслух, то есть, фактически совещался с Хауэром. А их верные робокриги тем временем висели в специально лишенной искусственной гравитации

техническом отсеке. Там Цербер трудился над восстановлением Ботаника.

Сайрус обосновался в кают-компании поблизости от двери лазарета. Он тоже играл свой моноспектакль, но, в отличие от Шершня не ждал оваций. И наверное поэтому выглядел вполне органично в образе высшего существа на борту индейской пироги. Смотрел он задумчиво-мудро, и не по сторонам, а исключительно в космическую даль через фальшивый иллюминатор.

Рем вполне мог выбрать местечко поудобнее, но уселся именно здесь. И Шершень отлично понимал и полностью одобрял выбор Саруса. Просторная кают-компания обеспечивала место для маневра в случае чего, да и незаметно подобраться к Рему здесь будет невозможно. А ещё рядом находился лазарет в котором отлеживался Бруно. Пока что дела у него шли так себе, но лечили Бруно дактианские модорганизмы «асклепиусы» – аналоги мароманнских роботов-хирургов, да и сам младший тактик знал, что делать в подобных случаях. И это значило, что долго в медблоке воин не задержится. Вот Сайрус и ждал, когда Бруно пойдет на поправку.

«И когда это случится, он покинет пост у койки Бруно и начнет искать ещё союзников. Выбор небогат, лишь я да Маритта, но Сайруса ограниченный выбор лишь подстегнет. И его можно понять. Мароманнов на борту три с половиной... когда Цербер закончит, будет четыре, плюс кифер на их стороне, а дактианцев только два. Понятно, что все в одной лодке и так далее, но это не значит, что не должно быть условного баланса сил. Что ж, я не стану отказываться от разговора с Ремом, но... при условии, что он не будет настолько высокомерен, как раньше. И Маритта вряд ли откажется поговорить».

Шершень почувствовал в животе тепло от одной только мысли о Маритте. Он перевел взгляд на девушку и украдкой вздохнул. Ну нравилась она ему, что тут добавить?

Маритта занималась сортировкой найденного на борту оружия и тестировала огневые системы корабля, сидя в трех метрах от капитана.

- Богато с пушками, - почувствовав взгляд Шершня, сказала Маритта. – Два десятка комплектов для приватов и пять комплектов для тактиков. И ещё дюжина мароманнских штурмовых винтовок. У нас такие можно очень дорого продать – хотя бы пять штук толкнешь и год безбедной жизни тебе обеспечен.

- Я, конечно, негодяй, - капитан ухмыльнулся, - но продавать вильдерам такие пушки не стану даже я.

- А что такое? – Маритта вскинула на Шершня глазищи.

- Это всё равно, что продавать... - Шершень хотел сказать «гранаты обезьянам», но передумал, справедливо решив, что Маритта обидится, - ядерные реакторы крестьянам на Борее. Им достаточно ветряков, ну и зачем усложнять им жизнь? Да и надежнее там ветряки.

- Это верно, - Маритта сделал вид, что её устроили скрытые извинения за несостоявшееся оскорбление, - наши пулеметы надежнее. И вообще, берешь в руки, чувствуешь – вешь! А эти винтовки... весят, как игрушки, да и внешне... несерёзные какие-то. И как их заряжать – непонятно.

- Они заряжаются сами в силовом поле.

- Ну да, и где его брать, это поле? Не будешь ведь с винтовкой ещё и генератор покупать! Нет, однозначно, нам проще с пулеметами.

- Бортовые орудия проверила? – Замял тему Шершень.

- Вроде бы все в порядке. Так-то не поймёшь. Стрельнуть бы – другое дело, сразу всё стало бы понятно.

- У нас принято доверять синтетикам. Если корабль говорит, что всё нормально, так и есть. Проверять на практике необязательно.

- А у нас компьютерам никто не доверяет. У нас люди надежные, суровые, крепкие, а компы... не очень надежные. Могут зависнуть, когда не надо, а могут и сорвать. Не специально, из-за сбоя. Старые все слишком. Новых-то давно никто не делает, и от вас не дождешься.

- Нам тоже негде их взять. Мы давно все музеи под ноль выпотрошили и к вам перевезли.

- Шутишь опять?

- Поддерживаю разговор.

- Или зубы заговориваешь? – Маритта вдруг подъехала к Шершню прямо на кресле.

– Ты вот что, капитан, не вздумай намудрить. Понимаешь меня? Сменить курс, например, и махнуть к смаглерам. Момо тут же доложит Бозе, а тот Хауэр и Сайрусу. Вдвоем мы вряд ли одолеем этих бойцов. Плюс робокриги у них, а ещё Бруно, доктор, да и Момо... тот ещё жук во всех смыслах.

- С чего ты решила, что я могу намудрить?

- Знаю вас, смаглеров. Вам только покажи приманку, все дела сразу побоку, какое-нибудь жженое старьё на буксир и айда приключений искать. Скажешь, нет?

- Забудь уже эту историю, всё позади.

- Ничего не позади, Шершень. Ты что, думаешь, этот хозяин «Стальной бабочки» тебя отпустил? Хрен ты угадал. Поэтому лучше делай, что говорят эти трое – Хауэр, Сайрус и Бозе. Теперь ты только в их компании имеешь шанс выжить.

- Почему ты так решила? И тебе самой это всё зачем? Какого дьявола ты приклеилась к этим отщепенцам? Их того и гляди накроют перекрестным огнем. Тебе-то зачем под него попадать?

- На Терранове остался весь мой отряд, – Маритта сверкнула гневным взглядом. – И я хочу отомстить истинным виновникам его гибели.

- Ты хочешь покрошить в капусту Императора Красса и Диктатора Зоттана своей секирой?

- Нет. Эти двое меня не интересуют. Истинные виновники не они.

- А кто?

- Пока не знаю. Но Хауэр, Сайрус и Бозе это выяснят. Я в них верю. А что касается тебя, Шершень... твоя ситуация гораздо проще. Тебе ведь ничего выяснить не требуется, надо только выжить.

- Вот именно. И какой мне резон держаться этой троицы? Почему я в безопасности только с ними, с чего ты это взяла?

- С того, что твой заказчик не тронул тебя на Терранове и не трогает сейчас. Наверное, имеет на тебя ещё какие-то планы. Например, хочет «попросить», чтобы ты проследил за кем-то из этих троих.

- Мой «заказчик» сейчас наверное уже на другом краю галактики!

- Ты так думаешь? – Маритта усмехнулась. – Взгляни на обзорный экран.

Шершень обернулся к объемной проекции и замер...

...За бортом переливались жемчужные россыпи далеких туманностей, сияли газовые облака, а скопления относительно близких звезд медленно вытягивались и сливались в алмазные ниточки, поскольку «Вики-2» разгонялась для прыжка. И на фоне всего этого космического великолепия невдалеке по правому борту опять чернела клякса мнимого «дефекта пространства». Но теперь она не висела неподвижно, а двигалась параллельно курсу корабля Шершня, тоже разгоняясь для прыжка.

Читайте далее «Аррадакт. Книга вторая: Упреждающий удар».